

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ РУССКОГО ЯЗЫКА им. В. В. ВИНОГРАДОВА

РУССКИЙ ЯЗЫК

В НАУЧНОМ ОСВЕЩЕНИИ

№ 1

Москва
2022

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
VINOGRADOV RUSSIAN LANGUAGE INSTITUTE

RUSSIAN LANGUAGE

AND LINGUISTIC THEORY

№ 1

Moscow
2022

Журнал индексируется в БД: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ), MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science (WoS), Slavic Humanities Index.

The Journal is indexed in: MLA Periodicals Database, Russian Science Citation Index (eLibrary and RSCI, Web of Science Platform), Slavic Humanities Index.

Журнал выходит под лицензией CC BY-NC-ND 4.0
All content of the journal is published under the CC BY-NC-ND 4.0 license

РЕДКОЛЛЕГИЯ

Главный редактор — Молдован А. М.,
академик РАН, Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Алексеев А. А. — д. ф. н., профессор,
Санкт-Петербургский государственный
университет

Андерсен Х. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос Анжелес, США

Апресян Ю. Д. — академик РАН, про-
фессор, Институт проблем передачи
информации РАН; Институт русского
языка им. В. В. Виноградова РАН

Богуславский А. — D.Sc., профессор,
Варшавский университет, академик
Польской академии наук, Польша

Богуславский И. М. — д. ф. н., профессор,
Мадридский технический университет,
Испания; Институт проблем передачи
информации РАН

Вайс Д. — Ph.D., профессор,
Цюрихский университет, Швейцария

фон Вальденфельс Р. — Dr. phil.,
профессор, Йенский университет
им. Фридриха Шиллера, Германия

Варбот Ж. Ж. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН

EDITORIAL BOARD

Chief Editor — Alexander M. Moldovan, D.Sc.
(Russian Language), Vinogradov Russian Lan-
guage Institute of the RAS, Full Member of the
RAS, Moscow, Russia.

Anatoly A. Alexeev, D.Sc. (Russian Language),
Professor, Saint Petersburg State University,
Saint Petersburg, Russia;

Henning Andersen, Ph.D. (Slavic Languages and
Literatures), Professor, University of Califor-
nia, Los Angeles, USA;

Yury D. Apresyan, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Institute for Information Transmis-
sion Problems of the RAS; Vinogradov Rus-
sian Language Institute of the RAS, Full Mem-
ber of the RAS, Moscow, Russia;

Andrzej Bogusławski, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Full Member of the Polish Academy
of Sciences, Warsaw University, Poland;

Igor M. Boguslavsky, D.Sc. (General Linguistics),
Professor, Technical University of Madrid,
Spain; Institute for Information Transmission
Problems of the RAS, Moscow, Russia;

Dmitrij O. Dobrovol'skij, D.Sc. (General Linguis-
tics), Professor, Vinogradov Russian Language
Institute of the RAS, Moscow, Russia;

Michael S. Flier, Ph.D. (Slavic Languages and Lit-
eratures), Professor, Harvard University, Cam-
bridge, USA;

Alexey A. Gippius, D.Sc. (Russian Language),
National Research University Higher School of
Economics, Full Member of the RAS, Moscow,
Russia;

- Вежицкая А. — Ph.D., профессор,
Австралийский национальный университет, Канберра, Австралия
- Гиппиус А. А. — академик РАН,
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
- Ди Сальво М. — Ph.D., профессор, Миланский университет, Италия
- Добровольский Д. О. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
- Журавлёв А. Ф. — д. ф. н., профессор,
Институт славяноведения РАН;
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
- Золтан А. — Dr., профессор,
Будапештский Университет
им. Лоранда Этвеша, Венгрия
- Иткин И. Б. — к. ф. н., Институт
востоковедения РАН; Национальный
исследовательский университет
«Высшая школа экономики»
- Кайперт Х. — Dr., профессор, Боннский
университет, член-корреспондент
Геттингенской академии наук, член-
корреспондент Баварской академии
наук, Германия
- Кленин Э. — Ph.D., профессор,
Калифорнийский университет,
Лос-Анджелес, США
- Крысин Л. П. — д. ф. н., профессор,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
- Мелиг Х.-Р. — Ph.D., профессор,
Кильский университет, Германия
- Мельчук И. А. — Ph.D., профессор,
Монреальский университет, Канада
- Мечковская Н. Б. — д. ф. н., профессор,
Белорусский государственный
университет, Минск, Беларусь
- Плунгян В. А. — академик РАН,
профессор, Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН;
Институт языкознания РАН;
Московский государственный
университет им. М. В. Ломоносова
- Рождественская Т. В. — д. ф. н.,
профессор, Санкт-Петербургский
государственный университет
- Ilya B. Itkin, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Institute of Oriental Studies of the RAS; National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia;
- Helmut Keipert, Dr. (Slavonic Studies), Professor em., University of Bonn, Corresponding Member of the Göttingen Academy of Sciences, Corresponding Member of the Bavarian Academy of Sciences, Germany;
- Emily Klenin, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, University of California, Los Angeles, USA;
- Leonid P. Krysin, D.Sc. (Russian Language), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Nina B. Mechkovskaya, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Belarusian State University, Minsk, Belarus;
- Hans Robert Mehlig, Ph.D. (Slavic Languages and Literatures), Professor, Kiel University, Kiel, Germany;
- Igor Meřčuk, Ph.D. (General Linguistics), Professor em., University of Montreal, Canada;
- Vladimir A. Plungian, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Tatyana V. Rozhdestvenskaya, D.Sc. (Russian Language), Professor, Saint Petersburg State University, Saint Petersburg, Russia;
- Maria Di Salvo, Ph.D. (Slavonic Studies), Professor em., University of Milan, Italy;
- Anatoly Ya. Shaykevich, D.Sc. (General Linguistics), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Alexey D. Shmelev, D.Sc. (Russian Language), Professor, Moscow State Pedagogical University; Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia;
- Dmitri V. Sitchinava, Ph.D (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
- Natalia M. Stoynova, Ph. D. (Comparative and Contrastive Linguistics and Linguistic Typology), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia
- Alan Timberlake, Ph.D. (Linguistics), Professor em., University of California, Berkeley; Columbia University, New York, USA;

Сичинава Д. В. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Стойнова Н. М. — к. ф. н., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Тимберлейк А. — Ph.D., профессор, Калифорнийский университет, Беркли; Колумбийский университет, Нью Йорк, США
 Толстая С. М. — академик РАН, профессор, Институт славяноведения РАН
 Томмола Х. — D.Sc., профессор, Университет Тампере, Финляндия
 Флайер М. — Ph.D., профессор, Гарвардский университет, Кембридж, США
 Шайкевич А. Я. — д. ф. н., профессор, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
 Шмелев А. Д. — член-корреспондент РАН, профессор, Московский государственный педагогический университет; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Ответственный секретарь — Пичхадзе А. А., член-корреспондент РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Svetlana M. Tolstaya, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Institute of Slavic Studies of the RAS, Full Member of the RAS, Moscow, Russia;
 Hannu Tammola, D.Sc. (Russian Language and Literature), Professor em., University of Tampere, Finland;
 Zhanna Zh. Varbot, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Moscow, Russia;
 Ruprecht von Waldenfels, Dr. phil. (Slavic Linguistics), Professor, Friedrich Schiller University, Jena, Germany;
 Daniel Weiss, Ph.D (Slavic Languages), Professor, University of Zurich, Switzerland;
 Anna Wierzbicka, D.Sc. (Slavic Languages), Professor, Australian National University, Canberra, Australia;
 András Zoltán — Dr. (Slavonic Studies), Professor em., Eötvös Loránd University, Budapest, Hungary
 Anatoly F. Zhuravlev, D.Sc. (Slavic Languages), Institute of Slavic Studies of the RAS; Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia.

Executive secretary — Anna A. Pichkhadze, D.Sc. (Russian Language), Vinogradov Russian Language Institute of the RAS, Corresponding Member of the RAS, Moscow, Russia.

СОДЕРЖАНИЕ

Исследования

<i>И. А. Карпов, Т. В. Крылова, С. П. Тимошенко. Комплексный лингвистический анализ электронного комментария в социальных сетях</i>	9
<i>В. В. Глебкин, В. А. Кузнецова. Языковая компетенция как объект экспериментального исследования</i>	44
<i>А. К. Киклевич. Изъяснительный союз как в русском — jak в польском: семантика и сочетаемость</i>	77
<i>С. В. Князев. О структуре тонального акцента в русских говорах с «пословным» мелодическим оформлением</i>	113
<i>К. А. Гилярова, И. Б. Иткин. Про царей и зверей: закономерности акцентуации одной группы русских фамилий</i>	154
<i>Е. Л. Березович. Этимологические заметки на полях экспедиционного блокнота: исконная русская лексика в говорах Терского Беломорья</i>	182
<i>А. Ф. Журавлёв. Набитый дурак (к происхождению идиомы)</i>	206
<i>M. Gröbsch. Periphrasen mit Futurreferenz in den Vesti-Kuranty</i>	217
<i>М. А. Бобрик. Евангелие на иконе «Спас на престоле» из новгородского села Крестцы как свидетель бытования Библии в Древней Руси</i>	244

Информационно-хроникальные материалы

<i>Хроника Международной научной конференции «Актуальные проблемы русской диалектологии. К 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской» (И. А. Букринская, О. Е. Кармакова, А. В. Малышева, Е. В. Колесникова, Т. П. Лёнгрен)</i>	255
<i>53-е Виноградовские чтения в МГУ (Н. К. Онипенко)</i>	269

Рецензии

<i>М. K a l y u g a. Russian Prepositional Phrases: A Cognitive Linguistic Approach (Е. В. Рахилина, А. К. Казкенова)</i>	274
---	-----

Новые книги

<i>С. А. Мызник. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия. Опыт комплексного исследования (А. Е. Аникин)</i>	281
<i>Адреса университетов и институтов</i>	284
<i>Правила подачи статей</i>	285

CONTENTS

Articles

<i>Ilia A. Karpov, Tatiana V. Krylova, Svetlana P. Timoshenko.</i>	
The language of comment in social networks: an overview of morphological and syntactic features	9
<i>Vladimir V. Glebkin, Varvara A. Kuznetsova. Linguistic competence</i>	
as an object of experimental research.....	44
<i>Aleksander Kiklewicz. Subjunctive conjunctions <i>kak</i> in Russian — <i>jak</i> in Polish:</i>	
semantics and combinatory	77
<i>Sergey V. Knyazev. The structure of pitch accent in Russian dialects</i>	
with “word-by-word” melodic contour	113
<i>Ksenia A. Gilyarova, Ilya B. Itkin. On the kings and the beasts:</i>	
the rules of accentuation of a group of Russian surnames.....	154
<i>Elena L. Berezovich. Etymological notes in the margin of an expediton notebook:</i>	
native Russian vocabulary in the dialects of the White Sea Tersky coast	182
<i>Anatoly F. Zhuravlev. Nabityi durak (considerations on the origin of the idiom).....</i>	
<i>Maximilian Gröbsch. Periphrasen mit Futurreferenz in den Vesti-Kuranty.....</i>	
<i>Marina A. Bobrik. The Gospel on the icon as a witness</i>	
to the Bible tradition in Old Rus’	244

Reports

International conference “Actual problems of Russian dialectology: on occasion of the 100th anniversary of Sofya V. Bromley and Olga N. Morakhovskaya”	
(<i>Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova, Elena V. Kolesnikova,</i>	
<i>Tamara P. Lönngren, Anna V. Malysheva</i>)	
The 53d Vinogradov conference in the Moscow State University	
(<i>Nadezhda K. Onipenko</i>)	269

Reviews

<i>M. Kalyuga. Russian Prepositional Phrases: A Cognitive Linguistic Approach.</i>	
(<i>Ekaterina V. Rakhilina, Aimgul K. Kazkenova</i>)	274

New books

<i>S. A. Myznikov. Russian Dialects of Belomorye in the Context of Ethno-linguistic</i>	
interaction: A Comprehensive Study (<i>Aleksander E. Anikin</i>)	281
Adresses of universities and institutes.....	
Notes for contributors	
	286

И. А. КАРПОВ

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
karpovilia@gmail.com

Т. В. КРЫЛОВА

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ta-kr@yandex.ru

С. П. ТИМОШЕНКО

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН
(Москва, Россия)
timoshenko@iitp.ru

КОМПЛЕКСНЫЙ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ ЭЛЕКТРОННОГО КОММЕНТАРИЯ В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ*

Данная работа посвящена изучению количественных и качественных отличий комментариев, оставляемых пользователями Интернета в социальных сетях, от текстов из Интернета, написанных на кодифицированном литературном языке и относящихся к современному публицистическому стилю. Выполнен количественный анализ ряда графических, морфологических и синтаксических признаков, предпринята попытка интерпретации статистически значимых признаков. В результате анализа показаны отличия электронных комментариев не только на уровне орфографии, пунктуации и лексики, но и на уровне некоторых синтаксических признаков, а также выявлены тенденции, формирующие эти признаки. К ним относятся следующие тенденции: к экономии речевых средств, к расчлененности выражения мысли, к возмещению (под возмещением мы понимаем восполнение информации с тех языковых уровней, которые обычно не передаются на письме). Некоторые из этих тенденций действуют и при порождении устной речи, что объясняет известное сходство между ней и многими текстами из Интернета.

Ключевые слова: электронный комментарий, устно-письменная речь, интернет-коммуникация, синтаксические признаки, стилистика русского языка.

* Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта РФФИ, проект № 19-012-00291 («Подготовка четвертого выпуска Активного словаря русского языка»), и Программой фундаментальных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ).

1. Введение

Естественный язык — динамическая система, которая эволюционирует вместе с социальной средой и часто является отражением локальных и общемировых трендов. Развитие информационного общества, средств распространения информации и коммуникации изменяет способы общения людей, а следовательно, и употребление естественных языков, в том числе русского. Данная работа посвящена исследованию особенностей комментариев, создаваемых пользователями Интернета (далее — электронные комментарии, ЭК).

Как правило, электронный комментарий — это короткий текст, созданный в ходе общения в Интернете в ответ на другой, исходный текст-стимул. Эта форма распространена в онлайн-приложениях, называемых социальными сетями (в них она является, по сути, основным жанром), и на сайтах новостных изданий. Такой текст может быть частью диалога, его автор чаще всего не имеет профессиональных навыков в области написания текстов или создает их вне своей рабочей деятельности.

Мы выбрали для исследования электронный комментарий, поскольку он представляется одним из самых распространенных на сегодня в Интернете жанров. Это образцовый пример интернет-коммуникации, демонстрирующий все ее отличительные черты.

Особенности электронных комментариев отчетливее всего видны при сравнении с современными текстами публицистического стиля. Далее мы будем называть такие тексты стандартными. Они написаны на кодифицированном литературном языке (далее — КЛЯ); авторы подходят к их созданию профессионально; в отличие от ЭК, они по своей природе монологичны.

Называя электронный комментарий жанром, мы хотим подчеркнуть, что тексты этой группы имеют схожую направленность и условия возникновения, вследствие чего наблюдается определенное сходство их содержания и формы, затрагивающее и лингвистические параметры.

Статья организована следующим образом: во втором разделе коротко перечислены возможные подходы к изучению электронных комментариев и, шире, — текстов интернет-коммуникации, а также дается выборочный обзор исследований, при этом особое внимание уделено лингвистическим работам, выполненным на материале русского языка. Третий раздел содержит краткое описание корпуса, его разметки с помощью признаков и методики обработки полученных данных. В четвертом разделе анализируются наиболее статистически значимые признаки, выделенные на предыдущем этапе, а в пятом разделе подводятся итоги.

2. Обзор литературы

Специфика исследований электронного комментария заключается в их принципиальной междисциплинарности — данный объект входит в сферу

интересов не пересекающихся между собой групп исследователей, решающих разные задачи.

Многие социологи, культурологи и исследователи медиа рассматривают Интернет как особую коммуникативную среду со своими особенностями и, анализируя электронные комментарии, сосредотачиваются на анализе технических и социокультурных особенностей этой среды [Baron 2010]. К ним примыкают лингвисты, исследующие структуру дискурса — см., например, работу [Kershaw et al. 2016].

Специалисты по компьютерным наукам занимаются построением статистических языковых моделей для автоматического текстового анализа. Электронные комментарии интересуют их как доступный материал для создания корпусов, удовлетворяющих требованиям, предъявляемым к обучению прикладных моделей. В подобных работах лингвистическое своеобразие ЭК зачастую сводится к наличию необычных слов и орфографических ошибок [Eisenstein 2013]. Наше исследование показывает, что специфика таких текстов лежит глубже лексического пласта и требует разработки специальных методов текстового анализа.

Некоторые работы [Юрьева 2014; Спиридонова 2016] содержат качественный анализ структуры электронных комментариев, в них отмечаются особенности их организации и функционирования. К данному направлению принадлежит и наша статья. Ее отличие от других аналогичных исследований состоит в том, что нами было выполнено статистическое сравнение электронных комментариев и стандартных текстов, а также в том, что в фокусе нашего рассмотрения находились лингвистические особенности ЭК.

Методологическую рамку для работ такого типа в иностранном исследовательском поле задают труды Дэвида Кристала [Crystal 2001; 2011] и Яниса Андروتсопулоса [Androutsopoulos 2011]. Обобщив ряд исследований коммуникации в Интернете — от ранних поисковых отчетов [Werry 1996] до поздних учебно-методических материалов [Crystal 2011], — Я. Андروتсопулос выделяет три основные особенности языка в онлайн-медиа: устность (orality), компенсаторность, или использование возмещающих стратегий (compensation), и стремление к экономии средств (economy).

Под устностью понимаются, с одной стороны, все разговорные черты в письменном дискурсе как проявление «общей тенденции к тому, чтобы письмо стало транскрипцией речи». С другой стороны, проявлениями устности также считаются локализирующие языковые явления, определяющие язык одного конкретного сайта или виртуального сообщества людей (как, например, получивший популярность в 2000-х «язык падонков», см. [Кронгауз 2013]) — по аналогии с диалектными особенностями, проявляющимися, как правило, в устной речи. «Устные» явления второго рода функционируют подобно традиционным стилистическим маркерам и должны изучаться не только с лингвистической, но и с социолингвистической точки зрения.

Свойство компенсаторности, присущее языку онлайн-медиа, проявляется в том, что автор высказывания предпринимает специальные усилия, чтобы передать информацию, которая при личном общении передается средствами мимики или интонационно [Baron 1984], в основном за счет графических возможностей письменного текста. Возмещающие средства включают в себя смайлики, выражающие различные эмоции, различные способы передачи интонации (буквенные повторы, шрифтовое выделение, комбинации знаков препинания и т. д.).

Экономия средств подразумевает использование разнообразных сокращающих стратегий. Это свойство практически обосновано ограничениями на размер сообщения, принятыми на некоторых сайтах, а также высокой трудоемкостью набора текста на клавиатуре. Тенденция к экономии средств часто ограничивает языковую выразительность, поэтому на практике мы встречаем различные комбинации экономящих и возмещающих выразительных средств.

Форму языка, которая развивается в рамках СМС (computer mediated communication) и обладает признаками устности, компенсаторности и экономичности, Я. Андросопулос называет *vernacular writing* ('народное/бытовое письмо'). Этот термин наталкивает на сравнение с традиционными лексикографическими пометами: «просторечное», «обиходное», «разговорное», «разговорно-сниженное».

Помета «разговорное» указывает на то, что данная языковая единица может быть использована носителем литературного языка в ситуации неформального общения — ср. *полететь* ('упасть'), *жуть*. От этой пометы важно отличать помету «просторечное»: последняя приписывается словам и выражениям, которые невозможны в речи образованного человека (независимо от ситуации общения), — ср. *лѹжить*, *ихний*, *играться*. Помета «обиходное» маркирует стилистический статус, промежуточный между обычной разговорной литературной речью и просторечием, — ср. *помереть* (см. [АСРЯ 2014: 12]). Наконец, помета «разговорно-сниженное» приписывается разговорным выражениям, которые характеризуются грубоватой формой, — ср. *задница*, *нализаться*. Близость термина *vernacular writing* и рассмотренных выше стилистических словарных помет не кажется нам случайной. По нашему мнению, она указывает на адекватность традиционных средств описания, имеющихся в распоряжении лексикографа и, шире, лингвиста, новому объекту исследования — текстам, появляющимся в ходе электронной коммуникации.

Если явления, возникшие в результате действия возмещающих стратегий, практически не имеют аналогов среди традиционных объектов лингвистики, то для фактов, интерпретируемых как проявления «устности» и стремления к экономии средств, легко находятся параллели в устной речи. Именно поэтому широкое хождение применительно к языку интернет-общения получил термин «устно-письменная речь» (см., например, работу [Лутовинова 2008] — в данном случае перед нами, видимо, один из первых

случаев использования этого термина в русскоязычных исследованиях). Однако можно ли считать адекватным описание наиболее самобытных интернет-текстов как коллажа из устной и письменной речи? Попробуем ответить на этот вопрос.

Анализ электронных комментариев показывает, что в них действительно присутствуют многие черты разговорной речи. Например, для ЭК характерны использование местоимений, дублирующих существительное (*Их можно пожалеть, таких барышень; Ему, мужику, это не покажется сложным*), инверсия (*Нарацивала долго ресницы; Наука на многое пересмотрела свои взгляды*), употребление нового звательного падежа (*Дим, ну а по каким параметрам, по-твоему, девушка должна искать мужчину?*), эллипсис (*Париж говоришь? А жить?*), экспрессивные повторы (*скоро-скоро, впереди 4 дня выходных*) и пр.

Однако многие особенности разговорной речи в электронных комментариях отсутствуют. Среди них — экспансия именительного падежа, употребление глаголов в номинативной функции, связи свободного соединения и пр.

Не противореча представлению о смешанном характере языка электронных комментариев, наличие в них одних признаков разговорной речи и отсутствие других указывают на действие ряда дополнительных факторов, определяющих, какие языковые средства, типичные для устной речи, оказываются востребованными при электронном общении, а какие — нет. Именно эти факторы, скорее всего, и обуславливают специфику электронных комментариев и подобных им текстов. Для их обнаружения мы проанализировали множество признаков различных уровней, а не только те, которые традиционно рассматриваются в качестве классических признаков, противопоставляющих разговорную речь и КЛЯ.

3. Структура коллекции и особенности предобработки

Для выявления статистически значимых признаков, характерных для электронных комментариев, были собраны две текстовые коллекции: в одну вошли новостные материалы с сайта «Лента.ру» за 2016 г., в другую — комментарии в социальных сетях Livejournal и Vkontakte, в которых обсуждаются эти новости. Тексты первой коллекции мы далее будем называть стандартными. Всего рассмотрено 400 000 комментариев и 10 000 новостей. Все материалы были обработаны автоматическим анализатором, осуществляющим морфологический и синтаксический анализ. Набор морфологических признаков соответствует набору кодифицирующих признаков [Fenogenova et al. 2019], модель синтаксической структуры заимствована из системы ABBYY Compeno. По результатам анализа построена признаковая модель и выявлены признаки, по которым электронные комментарии достоверно отличаются от стандартных текстов. Для каждого признака были построены и проанализированы диаграммы размаха.

В общей сложности мы проанализировали 187 графических, морфологических и синтаксических признаков. При расчете статистики мы делали нормировку на количество слов в исследуемом тексте. В отдельных случаях, когда это было невозможно, нормировка выполнялась на количество символов или длину предложения. Иногда при нормировке учитывались только предложения, содержащие указанный признак. Все такие случаи оговорены отдельно. С полным перечнем значимых признаков и диаграммами размаха 75 признаков, продемонстрировавших значимые различия между двумя коллекциями, можно ознакомиться на странице проекта¹.

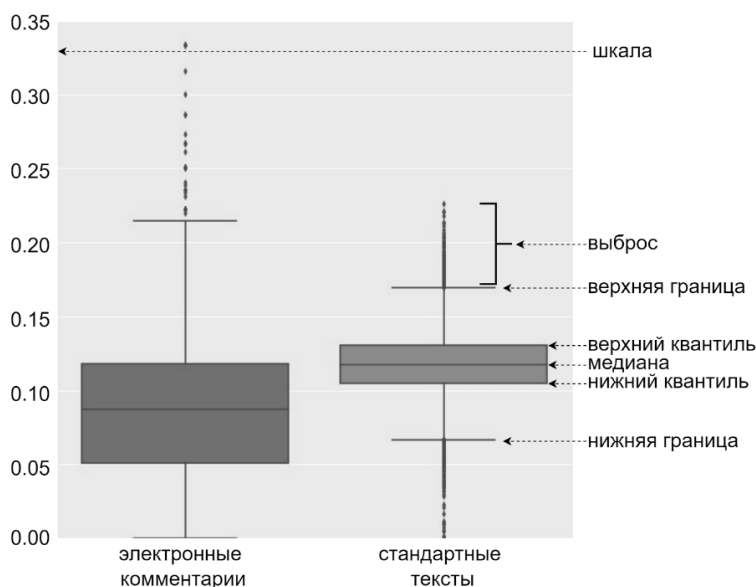

Диаграмма размаха — это график, изображающий одномерное распределение признака в исследуемых нами текстах. Рассмотрим диаграммы размаха, отражающие употребление предлогов. Прямоугольник слева соответствует электронным комментариям, справа — стандартным текстам. По сути, нас интересует частота употребления предлогов в двух группах текстов. Она рассчитывается как отношение количества предлогов к общему количеству слов в тексте, далее мы будем называть эту величину нормированным количеством предлогов. Диаграмму размаха можно рассматривать как «столбик» с определенными горизонтальными уровнями — нижней границей, нижним квантилем, медианой, верхним квантилем, верхней границей. Эти уровни соответствуют долям выборки. Область между верхним и нижним квантилями представляет половину текстов. Прямоугольник слева показывает, что половина стандартных текстов имеет нормированное количество предлогов

¹ См. <https://github.com/karpovilia/social-network-texts/blob/master/results.ipynb>.

в интервале от 0.11 до 0.13 с медианой в 0.12. Оставшаяся половина текстов распределена между верхней границей и верхним квантилем (25 %) и нижним квантилем и нижней границей (25 %) соответственно. Небольшое количество текстов лежит вне этих интервалов и называется выбросами. Видно, что данный признак ведет себя иначе в текстах электронных комментариев: разброс интервальных значений гораздо шире — в 25 % ЭК количество предлогов варьируется от 0 до 1 на 20 слов текста (интервал между нижним квантилем и нижней границей левого графика), в то же время в других 25 % текстов количество предлогов варьируется от 2 до 4 на 20 слов текста. Среди стандартных текстов, взятых для анализа, практически не бывает таких, в которых на 20 слов приходится больше 3 предлогов, но медианное количество предлогов выше, чем в электронных комментариях.

Графические признаки — это признаки, относящиеся к уровню символов, например наличие и нормированное количество характерных пунктуационных признаков — двоеточий, тире, точек с запятой и т. д. Аббревиатуры также относятся к графическим признакам, так как опознавались в нашей системе не по словарю, а по специфической капитализации. Кроме того, к графическим мы условно относим все признаки, опирающиеся на подсчет количества символов, например нормированное количество коротких слов. При сравнении текстов ЭК и стандартных наиболее значимыми признаками в этой группе оказались: максимальная длина предложения (1 — здесь и далее в круглых скобках указан номер признака в Приложении) и средняя длина слова (2).

К морфологическим мы отнесли признаки, основанные на морфологических характеристиках отдельных словоформ: частеречной принадлежности и значениях грамматических категорий. Рассматривались такие признаки, как нормированное количество личных местоименных существительных, глаголов, предлогов, кратких прилагательных. Наиболее значимыми признаками в этой группе являются: нормированное количество личных местоименных существительных (3), частиц (4), в особенности частицы *не* (5).

Синтаксическими мы называем признаки, полученные в результате синтаксического анализа: синтаксические функции отдельных слов и данные о мультиграммах. К ним относятся наличие и нормированное количество причастных и деепричастных оборотов, прилагательных с зависимыми словами, конструкций с эллипсисом и т. д. Наиболее значимые признаки — нормированное количество причастных оборотов (6), согласованных определений (7), обстоятельств (8), сочетаний, выполняющих синтаксическую функцию частицы (9).

Также нами были рассмотрены признаки, основанные на орфографических, грамматических, словообразовательных, морфологических ошибках и аномалиях, встречающихся в исследуемых текстах. К значимым признакам относятся: наличие и нормированное количество орфографических ошибок; наличие и нормированное количество грамматических ошибок при словообразовании или несуществующие слова.

4. Краткая лингвистическая интерпретация результатов

Расхождения между электронными комментариями и стандартными текстами могут быть обусловлены не только спецификой текстов ЭК, но и спецификой самих подсчетов, а также могут являться результатом ошибок. Теоретически возможны ошибки двух видов: а) ошибки на этапе кодирования признака и б) ошибки в работе автоматических средств анализа.

К ошибкам первого типа относятся несоответствие между семантической интерпретацией признака и его реализацией в виде кодируемой функции. Например, признак «нормированное количество вводных оборотов» высчитывался с опорой на закрытый список. Некоторые обороты, те, которые отсутствовали в списке, не были учтены, а следовательно, признак «нормированное количество вводных оборотов» рассчитан по данным с неполным кодированием.

К ошибкам второго типа относятся ошибки морфологического разбора и построения синтаксического дерева, допущенные при использовании языковых моделей, обученных на стандартных текстах для анализа ЭК.

В случаях, когда результаты статистического анализа являлись контринтуитивными, мы осуществляли экспертную верификацию данных признаков с использованием сторонних ресурсов: газетного корпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ) (СМИ 2000-х гг.), подкорпуса устной непубличной речи в устном корпусе НКРЯ и корпуса синтаксически размеченных текстов русского языка СинТагРус, также доступного на сайте НКРЯ. Кроме того, мы использовали небольшую часть коллекции электронных комментариев для ручной проверки результатов. Объем этой части составлял 4854 слова. Далее мы будем называть это подмножество мини-корпусом ЭК. Все примеры, приводимые ниже, взяты из него, если не указано иное.

4.1. Союзы

Принято считать, что одна из самых ярких черт разговорной речи — частотность бессоюзных предложений, в которых основным средством связи является интонация [Земская и др. 1981: 241]. Это позволяет говорящему экономить усилия и сокращать время произнесения. Под действием тенденции к экономии средств электронные комментарии могли бы заимствовать эту черту устной речи. С другой стороны, интонацию трудно передать на письме. Поэтому можно предположить, что союзы не подпадут под действие сокращающих стратегий. Анализ диаграмм показывает, что в электронных комментариях зафиксировано больше союзов, чем в стандартных текстах. Предлагаем два объяснения этого явления.

1. При интернет-общении отсутствуют условия, которые делают возможным бессоюзный тип связи, а именно, непосредственный контакт между участниками общения, позволяющий говорящему контролировать по-

нимание сказанного даже в ситуации, когда смысловые отношения между частями сложного предложения не выражены эксплицитно (см. об этом [Там же: 243]).

2. Для электронных комментариев очень типично использование разговорных частиц *а, и, да* (*А ты кто?; И что она в нем нашла?; Да пожалуйста*) и нейтральной утвердительной частицы *да* 1 (*Да, конечно*), которую иногда относят к разряду релятивов — слов или нерасчлененных словосочетаний, представляющих собой реакцию собеседника на ситуацию или реплику, таких как *Порядок, Как же, Ну уж нет* [Земская и др. 1983: 92]. Поскольку каждая из этих частиц имеет союз-омоним, относящийся к разряду сочинительных, при автоматической разметке эти частицы могли ошибочно опознаваться как союзы, вследствие чего электронные комментарии «побеждают» стандартные тексты по количеству союзов.

Ср. следующие типичные контексты, в которых частицы *а, и, да* были размечены как союзы:

- 1) *А тебе что 85 заплатили? дешево же ты берешь;*
- 2) *Лондон интересен именно там где их [туристов] нет или минимум. А во все эти тауэры можно и не ломиться...;*
- 3) *Да здесь я, просто выхожу редко.*

Чтобы определить, какое из этих объяснений верно, мы проанализировали сочинительные и подчинительные союзы по отдельности. Оказалось, что по количеству сочинительных союзов электронные комментарии превосходят стандартные тексты, в то время как по количеству подчинительных союзов первые, наоборот, уступают последним. Это может быть вызвано двумя причинами.

1. Хотя некоторые подчинительные союзы и союзные слова (*что, хоть, где, куда*), подобно сочинительным союзам *а, и, да*, тоже имеют частицу-омоним (ср.: *Он сказал, что [союз] придет* vs. *Ты что [частица], ничего не понял?; Он хоть [союз] и красивый, но мне не нравится* vs. *Ты хоть [частица] позвони иногда; Он знал, где [союзное слово] сокровища* vs. *Где [частица] тебе меня поймать!*), тем не менее это не приводит к существенному завышению количества подчинительных союзов при разметке, поскольку частицы *что, хоть, где, куда* используются несоизмеримо реже, чем частицы *а, и, да*.

2. В разговорной речи соотношение подчинительных и сочинительных союзов (и союзных слов) иное, чем в кодифицированном языке: процент подчинительных союзов и союзных слов в разговорной речи ниже. Можно предположить, что меньшая роль, которую играют подчинительные союзы и союзные слова в разговорной речи, по сравнению с КЛЯ, объясняется тем, что первые в целом имеют более четкую, менее аморфную семантику, чем вторые. (Большинство сочинительных союзов, в отличие от подчинительных, могут оформлять различные типы смысловых отношений: так, среди значений союза *и* обычно принято выделять значение соединения,

перечисления, временного следования, следствия, противопоставления, присоединения, у союза *да* выделяют значение соединения, перечисления, присоединения, противопоставления, у союза *а* — значение противопоставления, сопоставления, несоответствия, уступки, перехода к новой теме и пр.)

Вследствие более дифференцированной семантики подчинительных союзов (и союзных слов) предложения с подчинением требуют более четкого выстраивания смысловых отношений между частями полипредикативного высказывания, что для разговорной речи нетипично. В результате некоторые подчинительные союзы и союзные слова в разговорной речи практически не встречаются — таковы определительные союзы, а также союзы со значением обусловленности (причины, следствия и уступки). Соответствующие значения в разговорной речи выражаются бессоюзными или сложносочиненными предложениями. Отношения, которые регулярно выражаются сочинительными союзами, в разговорной речи тоже могут оформляться бессоюзно — таковы, в частности, отношения противопоставленности (см. [Земская и др. 1981]): *Мы каждый день на Ко Чанге snorkлим на пляжах, вроде ничего не случилось страшного* [пропущен союз *но*]. Однако уменьшение удельного веса подчинительных союзов в разговорной речи происходит за счет того, что в ряде случаев подчинительные отношения выражаются с помощью сочинительных. (Значение уступки объединяется со значением противопоставленности и передается главным образом с помощью союза *но*, значения следствия и причины оформляются с помощью *и* или бессоюзно.) Как показано в работе [Зильберт 1970: 173], достаточно употребительны в разговорной речи только три типа союзов и союзных слов — изъяснительные, временные и условные, хотя предложения с придаточными изъяснительными тоже регулярно заменяются на бессоюзные предложения, причем бессоюзные варианты таких предложений более частотны, чем союзные [Земская и др. 1981: 273].

Все эти черты разговорной речи присутствуют и в электронных комментариях. В частности, нам практически не встретились придаточные со значением уступки, а определительные предложения и придаточные со значением причины и следствия хотя и были зафиксированы, но в небольшом количестве, причем, как правило, в текстах, которые близки к КЛЯ:

- 4) *Спасибо за поддержку, Елена и Татьяна! Дети действительно другие. Настолько, что у родителей не хватает ни опыта ни знаний, которые они могли бы предложить будущему поколению.*

Наиболее частотными являются придаточные изъяснительные, что хорошо согласуется с выводами, сделанными в работе [Зильберт 1970]. Причинные и следственные отношения в электронных комментариях, как и в разговорной речи, обычно передаются с помощью сочинительной или бессоюзной связи:

- 5) *Маленький взрывчик, команда сидеть по домам и города пустеют* [следствие];

- 6) *Да я думаю его оправдают ;) тот первым перешел на оскорбления и несколько раз не отреагировал на предложение оставить человека в покое [причина].*

Нередко бессюзная связь предпочитается и для оформления условных отношений (*Была бы возможность купить соковыжималку — пила бы постоянно морковный со сливками; Норму надо знать. Упал — хватит!*), а также изъяснительных отношений (*Париж говоришь?; Думаете разучился?*). Причинные отношения, помимо сочинительной и бессоюзной связи, могут оформляться посредством графических средств, а именно скобок:

- 7) *Я не могу размещать (меня не должно быть слишком много).*

Все это ослабляет позиции подчинительных союзов и союзных слов в интернет-общении.

Помимо этого, существуют причины, связанные с характером текстов и техникой подсчета. Значительная часть электронных комментариев представляет собой короткие монопредикативные предложения, в которых не может появиться подчинительный союз, в то время как возможность встретить там сочинительные союзы достаточно велика, — речь идет о сочинительных союзах, соединяющих однородные члены (а также о частицах, омонимичных союзам):

- 8) *Главная проблема и сложность — найти тех, у кого брать и кто будет монтировать;*
9) *А Химкинский лес-то к чему сюда приптели?*

4.2. Числительные, записанные буквами

Автоматический подсчет показывает, что в электронных комментариях, в отличие от стандартных текстов, они отсутствуют. Это представляется вполне логичным, поскольку в ходе интернет-общения принято обозначать числа цифрами, что отражает стремление к краткости:

- 10) *Вложил 100\$, через 3 месяца получил 220; все до 500 тыс. чеченцев.*

4.3. Частицы

В электронных комментариях нами зафиксировано больше частиц, чем в стандартных текстах. Это роднит их с разговорной речью, для которой использование частиц чрезвычайно характерно. Так, в работе [Столярова 1972: 9] показано, что средняя частота частиц в разговорной речи в 4 раза выше, чем в научном языке, и в 3 раза выше, чем в художественном. Активность частиц в разговорной речи обычно объясняют следующими причинами:

а) Частицы вносят в высказывание субъективно-модальные смыслы, выражение которых для разговорной речи является чрезвычайно важным; см. [Земская и др. 1983: 94; Столярова 1972: 25].

б) Такие частицы, как *ну, вот, это* (их иногда называют спонтанными частицами), позволяют заполнить паузы, возникающие в разговорной речи вследствие ее неподготовленности. Об этом говорят и данные устного подкорпуса НКРЯ. В записях устной непубличной речи одно употребление частицы *вот* приходится на 95 слов, в то время как в газетном подкорпусе частотность *вот* на два порядка меньше: 1 на 1130.

в) Частицы играют чрезвычайно важную роль в диалоге — они выполняют контактоустанавливающую функцию, вводят новую тему и завершают тему и пр. [Там же].

Помимо *ну, вот, это*, исследователи отмечают высокую частотность в разговорной речи таких частиц, как *а, и, да, же, вроде, только, прямо, просто, ведь, ни, неужели, разве, даже*.

Что касается жанра электронного комментария, ориентированного не на передачу фактической информации, а на выражение говорящим своего мнения и чувств (следствием чего является эмоциональность и «оценочность»), то для него особенно типичны следующие группы частиц: 1) Отрицательные и утвердительные частицы *да, нет*, актуальные в контекстах, в которых формулируется мнение говорящего. 2) «Эмоционально заряженные» частицы типа *же, ведь, ну*, а также сочетания частиц (*ну и, вот так*). Первые две из вышеперечисленных частиц частотны в полемических контекстах: они обе в своих основных значениях указывают на то, что адресату должно было быть известно о ситуации, о которой идет речь, однако он не принял ее во внимание, и выражают различные отрицательные эмоции. 3) Частицы *все-таки, даже, уж*, содержащие оценку ситуации с точки зрения ожиданий говорящего.

Вместе с тем частицы в роли слов-заместителей при паузах колебания и обдумывания для электронных комментариев не слишком характерны. Рассмотрим частицу *вот*. В электронных комментариях её частотность составляет 1 на 203 слова. Это примерно в два раза ниже, чем в устной речи, но все же значительно выше, чем в стандартных текстах. Примеры из мини-корпуса можно разделить на следующие группы, в зависимости от значения *вот*. Значения взяты из [АСРЯ 2014: 284–288]:

1. Дейктическое значение (указание на объект, ситуацию или место).

Только вот такие маленькие заклёпки такую большую голову вряд ли держали; одно дело сказать человеку иди и делай вот это, тогда решишь проблему, а другое дело, сказать ему, иди делай вот это, но перед этим сделай вот такие-то действия, так как ты не можешь делать вот это, потому что тебе мешает вот то, и есть простой способ решить это, ты просто этого не видел в силу таких-то причин.

2. Выделение.

*Вот про это я, собственно, и хотела спросить.
я вот первый раз за неё читаю.*

«Не являетесь законным представителем» — это да, здесь закон (...), но вот чисто с человеческой и педагогической точки зрения — чушь, полная и безоговорочная.

Вот Н.П. часто уезжает в экспедиции.

3. Указание на актуальность действия.

вот клянусь клянусь)

4. Указание на эмоциональную оценку ситуации.

Меньше надо выставлять прелести на показ всем подряд, вот будет щастье...;

вот это история

5. Указание на переход от общего утверждения к конкретным разъяснениям и примерам.

ну зачем же вы путаете тех, кто якобы знает, что «запаять» в голове, и тех, кто просто дает информацию, аналитическую информацию, разложенную по полочкам, своего рода цепь причин-следствий, и объяснение, вот — все случилось именно поэтому;

вот просили подробности: Вложил 100\$, через 3 месяца получил 220.

6. Следствие.

Посмотрел новое видео из гуци событий в центре Минска, как протестующие чуть ли не воют с милицией (вот оно и подумал, насколько активно выступают люди?

Мы видим, что употребление *вот* в функции спонтанной частицы отсутствует. Это вполне предсказуемо: при создании ЭК у говорящего есть больше времени для построения фразы, чем при порождении звучащей речи, поэтому не возникает пауз обдумывания, которые необходимо заполнять спонтанными частицами. В интернет-переписке спонтанные частицы могут принимать на себя другие функции — в частности передавать эмоции говорящего, выполняя, по сути, возмещающую функцию. Ср. следующий пример, где автор с помощью частицы *ну* (и отточия) изображает паузу обдумывания, а на самом деле передает нерешительность, вызванную тем, что он собирается сделать признание:

11) *Ну... Если честно, то где-то с ноября прошлого года я думаю о самоубийстве постоянно...*

4.4. Согласованные определения

В электронных комментариях согласованных определений несколько меньше, чем в стандартных текстах. Схожую картину можно наблюдать в разговорной речи. В работе [Столярова 1972: 18] отмечается, что для разговорной речи нехарактерно употребление прилагательных в ат-

рибутивной функции. Автор приводит следующие возможные причины этого:

1) Разговорной речи не свойственны качественно-атрибутивные характеристики предметов. Причина этого — расчлененность выражения мысли: говорящий, называя какой-либо признак, оформляет соответствующую информацию в виде самостоятельного высказывания, вследствие чего прилагательные употребляются главным образом предикативно, а не атрибутивно. (Для КЛЯ, напротив, типичны сложные нерасчлененные высказывания с прилагательными-атрибутами, поскольку для него не свойственна спонтанность.)

2) Для разговорной речи типичны субстантивированные употребления прилагательных (*обезболивающее*).

3) Для разговорной речи очень характерно включение значения прилагательного в значение существительного-универбата (*Иностранка, Ленинка, джинсовка* и пр.) — за счет этого сокращается употребление относительных прилагательных.

Вообще, как отмечается в вышеназванной работе, прилагательные-атрибуты используются в разговорной речи преимущественно в сочетании со словами общей семантики (*тяжелое положение*), в составе устойчивых сочетаний, обозначающих единое понятие (*Новый год*), а также в составе терминологических и полутерминологических сочетаний, позаимствованных из книжной речи (*головная боль, избирательный участок*).

Кроме того, типичны ситуации, когда прилагательные, формально выступая в функции определений, на самом деле представляют собой предикат, — это происходит, когда существительное является прономинализованным или дублирует семантику подлежащего, как в предложениях типа *Жизнь штука сложная, Самара — город красивый* [Там же: 18–19].

Помимо синтаксической функции прилагательных, разговорная речь отличается от КЛЯ еще и характером использования разных их разрядов. Как отмечает Э. А. Столярова, относительные прилагательные в разговорной речи отличаются большим разнообразием, чем качественные, поскольку обнаруживают большую зависимость от темы. Среди качественных прилагательных в разговорной речи преобладают не характеризующие (в силу их избыточности в ситуации, когда предмет ясен из конситуации), а оценочные.

Что касается электронных комментариев, то к ним в полной мере применимо все вышесказанное.

Прежде всего, как уже было отмечено, в электронных комментариях зафиксировано сравнительно небольшое количество прилагательных в атрибутивной функции, меньшее, чем в стандартных текстах. Так, в миникорпусе размеченных ЭК частота употребления согласованных определений составляет приблизительно 1 на 12 слов, тогда как в СинТагРусе она почти вдвое выше — примерно 1 на 7,5.

Кроме того, в электронных комментариях, как и в разговорных текстах, среди согласованных определений преобладают такие, наличие которых при данном существительном в той или иной степени обязательно. Они бывают двух типов:

1) Согласованные определения, относящиеся к существительным с общей семантикой, которые без определения обычно не используются (*беспроеигрышный ход, симпатичный человек, шоковое состояние, простой способ, скромный арсенал, эстетическая нагрузка, безнравственные люди*).

2) Определения, образующие с существительными единое смысловое целое:

а) В составе устойчивых сочетаний, в том числе терминологических и полутерминологических (*советское время, безродные космополиты, круглый год, здоровое тело и здоровый дух, прошлое столетие, открытый доступ, большое спасибо, хроническая усталость, православные христиане, народные депутаты, цельная древесина, общественное бытие, социальная база, законный представитель, монголо-татарское нашествие, оценочное суждение, объективная реальность, паспортные данные, увлажняющий шампунь, двойное гражданство*).

б) В составе названий (*Украинский народ, Гражданская война, Брестская крепость*).

Среди оставшихся прилагательных явным образом преобладают относительные. Качественные прилагательные в половине случаев встречаются в «лжеатрибутивных» конструкциях, в которых прилагательное только на первый взгляд выполняет атрибутивную функцию, а на самом деле является предикатом (что, как было отмечено выше, чрезвычайно типично для разговорной речи).

Рассмотрим следующий пример:

12) *я вот первый раз за неё читаю. Вы про Rogozova, не лазая в гугл знаете? А ведь тоже — история известная...*

В последнем предложении можно было бы усмотреть номинативное предложение с прилагательным в атрибутивной функции, однако оценочная семантика (и отсутствие бытийной семантики) этому препятствует. На наш взгляд, данную конструкцию скорее следует интерпретировать либо как двусоставное предложение с прилагательным в роли предиката, либо как неполное предложение (с элиминированным подлежащим *это*), в котором существительное с прилагательным вместе составляют единый предикат.

Конструкции, в которых существительное с прилагательным образуют единый предикат, вообще очень часто встречаются в ЭК. Как правило, прилагательное в этом случае имеет оценочную семантику и находится в препозиции к существительному, а существительное является прономинизованным или дублирует семантику подлежащего (см. об этом выше). Характерность соответствующих конструкций для электронных коммента-

риев объясняется тем, что для последних очень типичны оценочные контексты. См. следующий пример:

- 13) *Брестская крепость неплохой фильм и конечно же даже ни в какое сравнение не идет с этим «творением», но <...>*

Особенно характерна для ЭК та разновидность вышеназванных конструкций, которая представляет собой двусловное предложение, состоящее из оценочного прилагательного и существительного. Такие конструкции чрезвычайно активно используются в электронных комментариях, потому что представляют собой лаконичную реакцию на исходный пост. Ср. следующие примеры:

- 14) *Хрупкая красота;*
15) *Хорошая ложь;*
16) *Браво, великолепная идея и современно;*
17) *Интересный пост;*
18) *Чуть более академический вариант.*

Описываемые конструкции можно интерпретировать как неполные предложения (с эллипсисом подлежащего *это* и предикатом, состоящим из сочетания прилагательного с существительным). По сути дела, такие конструкции близки к релятивам.

Во всех рассмотренных выше случаях, хотя формально прилагательное использовано в атрибутивной функции, на самом деле имеет место предикативное употребление.

Подведем итоги. Из 90 произвольно взятых комментариев, в которых путем автоматической разметки были обнаружены согласованные определения, приблизительно 30 составляют устойчивые и терминологические сочетания, а также названия. Из оставшихся примеров 30 приходится на относительные прилагательные, 13 — на «лжеатрибутивное» употребление качественных прилагательных, которые на самом деле являются частью предиката, и только 17 — на атрибутивное употребление качественных прилагательных. Согласно нашей гипотезе, это обусловлено малой информативностью последних по сравнению с относительными прилагательными. Малоинформативные единицы оказываются тем «слабым звеном», которое в первую очередь подвержено действию тенденции к экономии.

4.5. Несогласованные определения

При автоматической разметке текстов коллекции несогласованными определениями считались существительные в родительном падеже, зависящие от другого существительного. По этому признаку электронные комментарии тоже уступают стандартным текстам, и разрыв между теми и другими более ощутим, чем в случае согласованных определений. В разговорной речи генетивные конструкции также мало употребительны. Здесь может сказываться тенденция к расчлененному способу выражения мысли,

поскольку значительная часть генетивных конструкций относится к свернутой предикации, которая противоречит этой тенденции.

Примерами генетивных конструкций, представляющих собой свернутую предикацию, являются:

— конструкции с родительным субъекта и объекта действия (*уход Ивана, кража денег*);

— конструкции с родительным, обозначающим носителя признака или субъекта состояния (*застенчивость девушки, спокойствие отца*).

В разговорной речи вместо описываемых конструкций обычно используются полипредикативные конструкции: *Она легла спать после ухода Ивана* — *Она легла спать после того, как ушел Иван*; *Сделал это ради спокойствия отца* — *сделал это, чтобы отец был спокоен*.

Не относятся к свернутой предикации генетивные конструкции с родительным принадлежности (*кошка Вари, джинсы Саши*). Тем не менее в разговорной речи их тоже избегают. Обычно они заменяются сочетаниями с притяжательным прилагательным (*Варина кошка, Сашины джинсы*). По сути дела, из основных генетивных конструкций в разговорной речи активны только две — количественная (*килограмм картошки*) и конструкция, оформляющая отношения ‘часть-целое’ (*ручка двери, голова поезда, конец года*).

Поскольку в электронных комментариях меньше генетивных конструкций, чем в стандартных текстах, что сближает первые с разговорной речью, нам представляется вероятным, что в обоих случаях действует одна и та же тенденция. Мы предполагаем, что это тенденция к расчлененному выражению мысли, которая обусловлена тем, что единицы нерасчлененной структуры сложнее построить в короткое время. При этом примечательно, что, хотя автор электронного комментария располагает сравнительно большим временем, чем автор устного высказывания, он тем не менее избегает семантически нерасчлененных генетивных конструкций.

4.6. Приложения

По частотности приложений электронные комментарии значительно уступают стандартным текстам. Это роднит их с разговорной речью, для которой, во-первых, нетипична функция атрибутивного определения, что делает неактуальными характеризующие приложения (*старуха мать, великан лось*), и, во-вторых, характерно стремление к экономии речевых средств, вследствие чего отсутствуют приложения, выраженные именами собственными (*город Москва, конфета «Ласточка»*): в последнем случае в разговорной речи родовое существительное обычно опускается.

4.7. Деепричастные обороты

Среди признаков, позволяющих максимально противопоставить разговорную речь и КЛЯ, одним из самых ярких является наличие полупредикативных конструкций, а именно, причастных и деепричастных оборотов. Большинство исследователей связывает отсутствие последних в разгово-

ной речи с тем, что для нее в принципе нетипична вторичная предикация (см. [Земская и др. 1981; 1983]). В работе [Красильникова 1970] указывается еще одна возможная причина данного явления: она состоит в том, что для разговорного языка нетипичны морфологические единицы, имеющие переходный характер, такие как причастия, деепричастия и краткие формы прилагательных. Как отмечается в этой работе, «в морфологической системе разговорной речи отсутствуют некоторые единицы смешанной морфологической природы, которые в кодифицированном литературном языке специализированы для употребления во вторичной синтаксической функции данной части речи» [Там же: 125].

Можно было бы ожидать, что деепричастные обороты в ЭК будут встречаться так же редко, как в разговорной речи. Между тем наше исследование показывает, что в электронных комментариях такие обороты встречаются всего в два раза реже, чем в стандартных текстах: в миникорпусе частота деепричастий, имеющих синтаксическое зависимое, составляет 1 случай на 346 слов, в то время как в СинТагРусе она составляет 1 случай на 161 слово.

Таким образом, по данному признаку электронные комментарии ближе к КЛЯ, чем к разговорной речи. Возможно, это объясняется письменной формой ЭК, которая вынуждает пишущих (хотя бы в некоторой степени) ориентироваться на грамотную речь, что может приводить к сознательному употреблению деепричастных и причастных оборотов — в языковом сознании они выступают как своеобразный «признак книжности».

Приведем типичные примеры употребления деепричастий, встретившиеся нам в электронных комментариях. (Мы не рассматриваем здесь многочисленные примеры употребления оборота *судя по* + ДАТ, поскольку последний, на наш взгляд, функционирует в роли предлога и не осмысливается как деепричастный):

- 19) *я вот не могу слушать, зная, что это конечный список, как-то потоково могу только воспринимать музыку...*
- 20) *Она, и продолжая вашу мысль мы скатились к Суворову, страшному врагу любого почитателя Старикова и Кургиняна;*
- 21) *Вы про Rogozova, не лазя в гугл знаете?*

Следует отметить, что активность использования деепричастных оборотов во многом зависит от индивидуальной манеры конкретных авторов комментариев: некоторые вообще не склонны их употреблять, тогда как другие, в большей степени ориентирующиеся на КЛЯ, используют их очень активно; см. следующий пример:

- 22) *И это достаточно очевидно следует из наблюдений за гомосексуалами: многие из них, воспитываясь в гетеронормативном обществе, не сразу осознают и принимают свою гомосексуальность и пытаются вступать в отношения с женщинами (многие вступают*

в браки, создают стандартные семьи, а с мужчинами встречаются в тайне от всех или не встречаются вовсе, удовлетворяясь мастурбационными фантазиями).

4.8. Причастные обороты

Причастные обороты употребляются в электронных комментариях существенно реже, чем в стандартных текстах. См., однако, следующие примеры из нашей коллекции:

- 23) *А остальные ваши домыслы — оценочное суждение, не имеющее никакого отношения к объективной реальности;*
- 24) *и еще раз, ну зачем же вы путаете тех, кто якобы знает, что «запаять» в голове, и тех, кто просто дает информацию, аналитическую информацию, разложенную по полочкам;*
- 25) *А если слепая ракета, построенная в безбожной Корее или на русском заводе, убивала в Израиле арабских детей, преступники вроде Хании говорили, что и в этом виноваты сионисты.*

Активное использование причастных оборотов, как и деепричастных, является чертой авторского стиля. Показательно, что авторы, ориентирующиеся на КЛЯ, склонны использовать оба типа оборотов, как в следующем примере:

- 26) *Вдруг разверзаются облака, появляется солнечный луч и купол церкви покрытый золотом начинает светиться на другой стороне Тагильского пруда. Я останавливаюсь и смотрю на это чудо. Женщины не поднимая глаз проходят мимо и продолжают громко разговаривать.*

К сожалению, мы не можем сравнить частоту причастных оборотов в электронных комментариях и в устной непубличной речи, так как для этого требуется синтаксическая разметка соответствующего подкорпуса.

4.9. Краткие прилагательные

Сходство между этим признаком и рассмотренными выше состоит в том, что краткие формы прилагательных, так же как причастия и деепричастия, согласно сложившимся в лингвистике представлениям, являются принадлежностью книжного языка и не типичны для разговорной речи (см. [Земская и др. 1981: 30]). Как уже было сказано, в работе [Красильникова 1970: 125] это связывается с переходным характером всех этих морфологических единиц: в частности, краткие формы прилагательных совмещают именные признаки с глагольными (к последним относится способность употребляться в предикативной функции).

В электронных комментариях краткие формы встречаются реже, чем в стандартных текстах. При этом обращает на себя внимание тот факт, что

количество рассматриваемых форм в электронных текстах все же достаточно значительно. Это вполне согласуется с выводами, которые сделаны в работе [Земская и др. 1983: 196–213], где отмечается, что в ряде случаев использование краткой формы мотивировано семантически или синтаксически и, следовательно, необходимо.

Это происходит в тех случаях, когда в разговорной речи полная форма в принципе отсутствует (как в случае *рад*) или когда между полной и краткой формой имеет место то или иное расхождение, — обычно в семантике или синтаксической функции. Семантическое расхождение между полной и краткой формами обычно состоит в том, что первая, в отличие от второй, обозначает постоянный, а не ситуативный признак, при этом нередко содержит богатое смысловое наращение (ср. *Он виноват* и *виноватый взгляд*, *Он достоин* и *достойный противник*; ср. также *больной* и *болен*, *живой* и *жив*, *довольный* и *доволен*, *свободный* и *свободен*).

Что касается синтаксических различий между употреблением краткой и полной формами в разговорной речи, то они могут быть двух типов: 1) полная форма, в отличие от краткой, не способна употребляться в предикативной позиции (ср. *Он готов*, *Он похож*, но ?*Он готовый*, ?*Он похожий*); 2) полная форма в предикативной позиции не может управлять зависимыми (ср. *Он всем доволен*, *Эта встреча важна для него*, но ?*Он всем довольный*, ?*Эта встреча важная для него*). Фразы, отмеченные знаком вопроса, воспринимаются как просторечные, для разговорной речи они нетипичны.

В результате для ряда прилагательных краткая форма в определенных семантических (и синтаксических) условиях (например, в предикативной позиции, особенно при наличии управляемых слов, а также в значении состояния) является нормативной не только в КЛЯ, но и в разговорной речи. Более того, некоторые краткие формы характерны для разговорной речи и не используются в КЛЯ — имеются в виду особые лексемы со значением превышения меры признака, которые присутствуют у большинства параметрических прилагательных (*мал*, *велик*, *широк* и пр.; ср. *Эта куртка мне мала*; *Эта юбка мне широка* и пр.).

Таким образом, появление кратких форм в ЭК вполне закономерно. Ср. следующие примеры:

- 27) Будем очень Вам рады!
- 28) Автор прав, надо говорить, разъяснять, воспитывать, но без хамства и претензий;
- 29) И если я в какой-то мере нынче согласен с т. н. патриотами, то это очень ненадолго;
- 30) Видите ли, всё, что Вы (...) пишете — разбивается только об один закон, над которым не властно ни время, ни «мода» на общественные моральные ценности: зло порождает зло;
- 31) нет, не совсем так представляла, но я довольна своим прогрессом.

4.10. Личные местоимения

По количеству личных местоимений ЭК заметно опережают стандартные тексты. Это представляется вполне естественным, учитывая их диалогичность, т. е. ориентацию на 1-е и 2-е лицо, сближающую их с разговорной речью. (См. об этом в [Земская и др. 1981: 241]: «в разговорном коммуникативном акте обязательно непосредственное участие говорящих, поэтому разговорная речь ориентирована на 1 и 2 лицо».) Но в случае электронного комментария активное употребление личных местоимений можно объяснить, помимо всего прочего, спецификой жанра: с помощью ЭК автор выражает личное отношение к проблеме и, в частности, к исходному высказыванию, вследствие чего в тексте присутствует большое количество местоимений 1-го и 2-го лица. (Эта тенденция может входить в противоречие с тенденцией к экономии, которая требует опускать местоимения 1-го и 2-го лица в позиции подлежащего в формах настоящего и будущего времени в случае, если это не порождает двусмысленности.)

Ср. следующий типичный пример, в котором личные местоимения 1-го и 2-го лица употреблены 6 раз:

- 32) *Осторожнее на поворотах. Меня, старого коммуниста СЕКта не слишком интересует. Равно в той же степени с которой я презрительно отношусь к т. н. патриотам. Я таки коммунист и атеист. И если я в какой-то мере нынче согласен с т. н. патриотами, то это очень ненадолго. Ваш власовский триколор и отдельная Россия меня не цепляют.*

4.11. Составные именные сказуемые со связкой

По данным подсчетов, выполненных с использованием нашей коллекции, в электронных комментариях составных именных сказуемых с глаголом-связкой значительно меньше, чем в стандартных текстах.

Заинтересовавшись этим различием, мы попробовали верифицировать данный результат по внешним источникам, в частности по СинТагРусу, который в первом приближении можно считать коллекцией образцовых текстов на КЛЯ.

В СинТагРусе картина такая:

1. Составные именные сказуемые с нулевой связкой — 20 113 случаев, т. е. 1 случай на 53,6 слов (подсчитано по количеству предикативных отношений, исходящих от слов, не являющихся глаголами).

- 33) *Степень износа особенно велика для сельских телефонных станций и линий связи.*

2. Составные именные сказуемые с ненулевой связкой в форме настоящего времени — 675 случаев, т. е. 1 случай на 1598 слов (подсчитано по количеству присвязочных синтаксических отношений (далее — Присвяз-СинтО), исходящих от глаголов, отличных от глагола БЫТЬ, с грамматическими характеристиками НЕСОВ ИЗЪЯВ НЕПРОШ).

34) *С того времени церковь в древнерусском государстве становится важным фактором.*

3. Составные именные сказуемые с ненулевой связкой в форме прошедшего времени:

а) С глаголом БЫТЬ в роли связки — 4366 случаев, т. е. 1 случай на 247 слов (подсчитано по количеству ПрисвязСинтО, исходящих от форм глагола БЫТЬ с грамматическими характеристиками ИЗЪЯВ ПРОШ).

35) *По его мнению, Ефимова всегда была настойчива и требовательна.*

б) С другими глаголами в роли связки — 1698 случаев, т. е. 1 случай на 635 слов (подсчитано по количеству ПрисвязСинтО, исходящих от глаголов, отличных от глагола БЫТЬ, с грамматическими характеристиками ИЗЪЯВ ПРОШ).

36) *Но сон все же оказался в руку.*

4. Составные именные сказуемые с ненулевой связкой в форме будущего времени:

а) С глаголом БЫТЬ в роли связки — 559 случаев, т. е. 1 случай на 1930 слов (подсчитано по количеству ПрисвязСинтО, исходящих от форм глагола БЫТЬ с грамматическими характеристиками ИЗЪЯВ НЕПРОШ).

37) *Думаю, с точки зрения соотношения «цена — результат» это будет для него наилучшим решением.*

б) С другими глаголами в роли связки — 351 случай, т. е. 1 случай на 3073 слова (подсчитано по количеству ПрисвязСинтО, исходящих от глаголов, отличных от глагола БЫТЬ, с грамматическими характеристиками ИЗЪЯВ СОВ НЕПРОШ).

38) *Возможно ли, что когда-нибудь оно станет единой расой и породит новых Адама и Еву?*

5. Модальные модификации:

а) С глаголом БЫТЬ в роли связки — 559 случаев, т. е. 1 случай на 1930 слов (подсчитано по количеству ПрисвязСинтО, исходящих от глагола БЫТЬ в форме инфинитива).

39) *Для того чтобы стать информативным, он должен быть просто другим.*

б) С другими глаголами в роли связки — 339 случаев, т. е. 1 случай на 3182 слова (подсчитано по количеству ПрисвязСинтО, исходящих от глаголов, отличных от глагола БЫТЬ, в форме инфинитива).

40) *Ее частью может стать, скажем, отказ от поощрения коррупционного поведения чиновника.*

Таким образом, в СинТагРусе нулевая связка лидирует. За ней идут сказуемые со связкой в прошедшем времени: связка БЫТЬ вдвое частотнее, чем все остальные глаголы в роли связки, вместе взятые, но порядок величины один и тот же. Следующие по рангу конструкции — это сказуемые с ненулевой связкой в настоящем времени, в будущем времени с глаголом БЫТЬ и модально осложненные опять же с глаголом БЫТЬ. Наименее частотны сказуемые со связкой в будущем времени, где связочный глагол — не глагол БЫТЬ, и модально осложненные сказуемые со связочными глаголами, отличными от глагола БЫТЬ.

В мини-корпусе электронных комментариев соответствующие примеры распределились следующим образом:

1. Нулевая связка — 124 случая.
2. Составные именные сказуемые с ненулевой связкой в настоящем времени — 2 случая.
3. Составные именные сказуемые с ненулевой связкой в прошедшем времени:
 - а. С глаголом БЫТЬ — 3 случая;
 - б. С другими глаголами в роли связки — 3 случая.
4. Составные именные сказуемые с ненулевой связкой в будущем времени:
 - а. С глаголом БЫТЬ в роли связки — 4 случая;
 - б. С другими глаголами в роли связки — 2 случая.
5. Модальные модификации:
 - а. С глаголом БЫТЬ в роли связки — 5 случаев.
 - б. С другими глаголами — 0 случаев.

Приведем соответствующие примеры:

1. *тля бесподобна; Средний срок сейчас — месяц;*
2. *массаж бывает эротическим?*
- 3а. *я там никогда не была;*
- 3б. *Для них же толерантность уже стала эрзац-религией;*
- 4а. *все с 1 августа опять буду йогом йогом...;*
- 4б. *Ему, мужику, это не покажется сложным;*
- 5а. *Насчет срочности это может быть проблемно.*

Разумеется, ни о какой надежной статистике при столь небольшом количестве примеров и объеме корпуса, сравнимом по порядку величины с ожидаемой частотностью единиц (4854 слова в мини-корпусе при встречаемости модальной модификации сказуемого со связкой 1 раз на 3182 слова) говорить не приходится. Исключение составляет нулевая связка. Ее частотность в мини-корпусе — 1 случай на 31 слово, что заметно выше, чем в текстах КЛЯ. Обращает также на себя внимание тот факт, что в текстах СинТагРуса составные именные сказуемые со связкой БЫТЬ в прошедшем времени (3а) почти в 8 раз частотнее, чем в будущем (4а). В мини-корпусе

их количество почти одинаково — 3 и 4 примера. Мы предлагаем следующую интерпретацию этих данных.

Для разговорной речи в целом чрезвычайно типична связь высказывания с текущим моментом и конкретной ситуацией, вследствие чего настоящее время является основным. Жанр электронного комментария близок к ней в плане ориентации на текущий момент, и поэтому частотность высказываний с нулевой связкой в нем заметно выше, чем в текстах на КЛЯ, а частотность высказываний в прошедшем времени, наоборот, ниже. Диаграмма размаха, характеризующая количество составных именных сказуемых, не учитывает нулевую связку, так как необходимое условие для детекции в предложении этого признака — наличие связочного глагола. Разница, показанная диаграммой размаха, таким образом, является разницей в количестве составных именных сказуемых в форме прошедшего времени, которые в ЭК оказываются очень редки, на одном уровне с формами будущего времени.

4.12. Глаголы

Электронные комментарии по количеству глаголов уступают стандартным текстам: диаграмма размаха показывает, что заметное количество комментариев обходится вообще без глаголов. Кроме того, в трех четвертях стандартных текстов больше глаголов, чем в трех четвертях ЭК.

Данный признак по своей природе менее однозначен, чем рассмотренные выше.

С одной стороны, неоднократно отмечалось, что в разговорных текстах, в отличие от книжных, глаголы частотнее имен. Процент употребления глаголов (их личных форм) в разговорной речи возрастает, в частности, за счет конструкций с двойным глаголом, заменяющих конструкции с деепричастными оборотами (ср. *иду хохочу* [Земская и др. 1981: 31]), а также за счет использования глаголов в номинативной функции (ср. *Над нами живет / переехала в Крым; Картошку чистить / где лежит?* [Там же: 35–37]).

С другой стороны, в разговорной речи действует и противоположная тенденция — сокращение количества глаголов. Последние могут опускаться в результате эллипсиса (причем глагол находится на втором месте по своей способности элиминироваться, уступая только существительному), кроме того, для разговорной речи чрезвычайно характерна замена личных форм глагола в роли сказуемого различными неизменяемыми формами — глагольными междометиями (*трах, бац, хлоп, тьфу* и пр.), а также так называемыми предикативами оценки (*так себе, ничего* и пр.) и релятивами (*Ничего подобного; Как же! Порядок!; Стоп!* и пр.); см. [Земская и др. 1983: 92].

В электронных комментариях тенденции второго типа побеждают. Прежде всего, конструкции с двойным глаголом и глаголы в номинативной функции здесь практически не используются, поскольку они принадлежат к тем особенностям разговорной речи, которые не характерны для общения в социальных сетях. Зато эллиптические конструкции с пропуском

глагола для ЭК очень типичны (ср. *Мои тоже; Для меня — никакого*). Что же касается замены личных форм глагола неглагольными формами, то это явление получило в текстах рассматриваемого типа чрезвычайно широкое распространение, что объясняется особенностями жанра комментария, ядро которого составляют оценочные высказывания.

Действительно, среди электронных комментариев едва ли не половина представляет собой короткие (часто однословные) предложения, состоящие из предикатива оценки или релятива (*Супер!; Ничего себе!; Круто!; Красиво!; Клево!; Сильно!; Классно!; Прикольно!; Грустно; Класс!; Улет!; 5 баллов!; Спасибо!; С днем рождения!*), формы краткого прилагательного (*Согласна*), междометия, звукоподражательного слова (*Ого!; Вау!; Гыгы; Тьфу!*), а также из сочетания элементов этих типов (*ух ты =) круто; Тьфу, блин!*). Поскольку ЭК представляют собой реакцию на текст-стимул, релятивы для них весьма актуальны. Помимо этого, часто встречаются конструкции, состоящие из сочетания существительного с прилагательным, имеющим оценочную семантику (см. раздел 4.4). Все эти причины, вместе взятые, на наш взгляд, могут приводить к тому, что по количеству глаголов электронные комментарии уступают стандартным текстам.

5. Заключение

Электронные комментарии отличаются от стандартных текстов КЛЯ не только на уровне лексики, орфографии и пунктуации, но и на уровне синтаксиса и морфологии. Несмотря на одинаковую для всех среду бытования, тексты демонстрируют довольно значительную вариативность на этих уровнях. Иными словами, технические средства не ограничивают свободу проявления индивидуального стиля. Это наблюдение имеет практическое значение: специализированные методы анализа сетевых текстов должны учитывать профиль автора текста.

Сопоставление электронных комментариев и разговорной речи имеет под собой основания, однако нельзя говорить о прямом влиянии разговорной речи на ЭК. Скорее, имеет место сходство коммуникативной ситуации: в похожих условиях начинают действовать похожие тенденции. Разговорную речь и общение в Интернете роднят неподготовленность, неофициальность и непринужденность акта коммуникации, а различают наличие непосредственного контакта говорящего и адресата, а также форма коммуникации: звуковая форма, типичная для устной речи, делает разговорное общение более быстрым и строго линейным (т. е. говорящему нельзя вернуться назад и изменить сказанное).

На выбор языковых средств в электронном комментарии влияют следующие факторы.

Во-первых, выбор языковых средств во многом определяется действием тенденций, характерных для разговорного языка.

Как мы убедились, действие этих тенденций объясняет основную часть отличий электронных комментариев от стандартных текстов. Большинство этих тенденций обусловлены глобальным стремлением к скорости, краткости и простоте. Перечислим их вместе с соответствующими языковыми особенностями ЭК. В ряде случаев одно и то же языковое явление поддерживается одновременно несколькими тенденциями.

- Тенденция к экономии речевых средств. Действием этой тенденции можно объяснить немногочисленность подчинительных союзов и приложений, преобладание относительных прилагательных над качественными, отсутствие числительных, глагольный эллипсис.
- Стремление избежать переходных морфологических единиц. Вследствие действия этой тенденции в электронных комментариях встречается сравнительно мало деепричастных и причастных оборотов, а также кратких форм прилагательных.
- Тенденция к расчлененности выражения мысли, частным случаем которой является стремление избежать вторичной предикации. Данная тенденция может быть причиной малой употребительности в ЭК генетивных конструкций, приложений и согласованных определений, кроме того, она также поддерживает низкую частотность деепричастных и особенно причастных оборотов.

Во-вторых, помимо рассмотренных выше «разговорных» тенденций, на выбор языковых средств в ЭК влияют следующие особенности жанра электронных комментариев: оценочность, связь с текущим моментом и конкретной ситуацией, а также реактивность (в подавляющем большинстве случаев комментариев «привязан» к конкретной реплике-стимулу, является ответом на нее, хотя полноценный диалог, цепочка взаимосвязанных реплик двух и более участников, может отсутствовать).

Эти особенности жанра поддерживают высокую активность личных местоимений и некоторых частиц, а также относительно низкую употребительность глаголов, вытесняемых конструкциями с релятивами.

В-третьих, мы обнаружили отдельные свидетельства действия в сфере ЭК особой тенденции, специфичной для интернет-среды, — а именно, тенденции к возмещению. Она проявляется в активности частиц, выполняющих эмотивную функцию, а также в особом использовании спонтанных частиц, которые вместо заполнения пауз также начинают использоваться для указания на внутреннее состояние автора ЭК.

В-четвертых, в ЭК имеются эффекты, связанные с письменной формой общения. Воздействие данного фактора приводит к тому, что в ЭК отсутствуют некоторые особенности, типичные для разговорной речи. В частности, для ЭК не свойственна недооформленность, характерная для спонтанной речи и проявляющаяся в наличии самоперебивов, обрывов высказывания, пауз колебания и обдумывания, и, как следствие, в активном использовании спонтанных частиц. Это вполне закономерно, учитывая,

что письменное общение, по сравнению с устным, характеризуется большей степенью подготовленности.

Кроме того, вследствие влияния письменной формы действие некоторых тенденций, аналогичных разговорным, в ЭК ограничено. К таким тенденциям относится избегание переходных морфологических единиц и полупредикативных конструкций: как мы видели, в ЭК некоторые разновидности последних, в частности деепричастные обороты, используются значительно активнее, чем в разговорной речи, хотя и менее активно, чем в стандартных текстах.

Приложение

Диаграммы размаха для наиболее значимых признаков

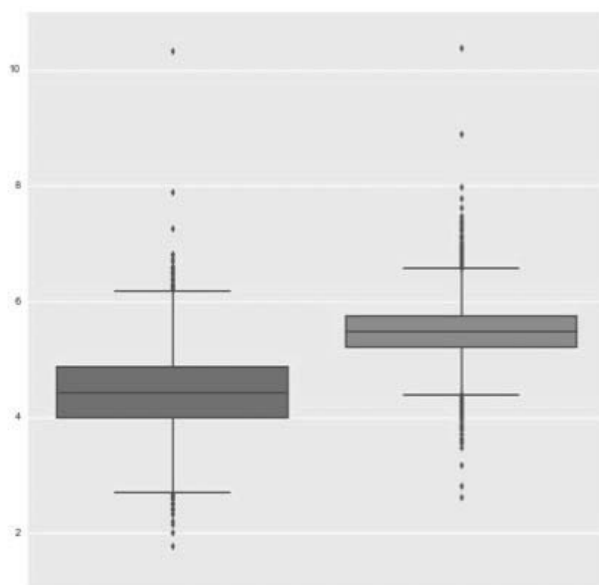

Рис. 1. Максимальная длина предложения²

² Далее диаграммы текстов ЭК даются слева, а диаграммы текстов стандартных текстов — справа.

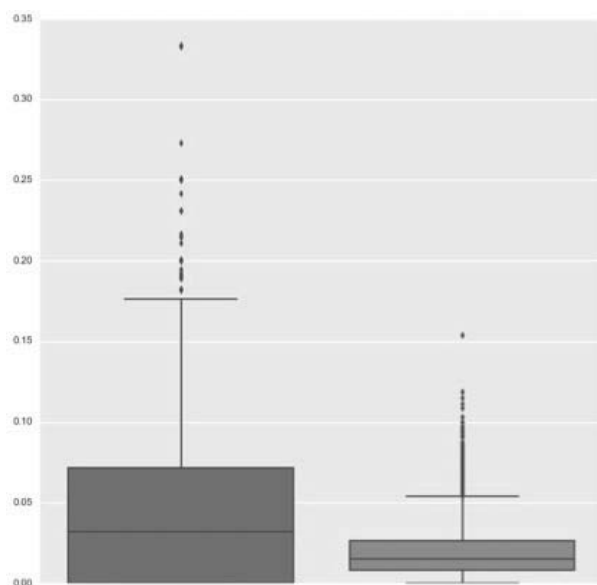

Рис. 2. Средняя длина слова

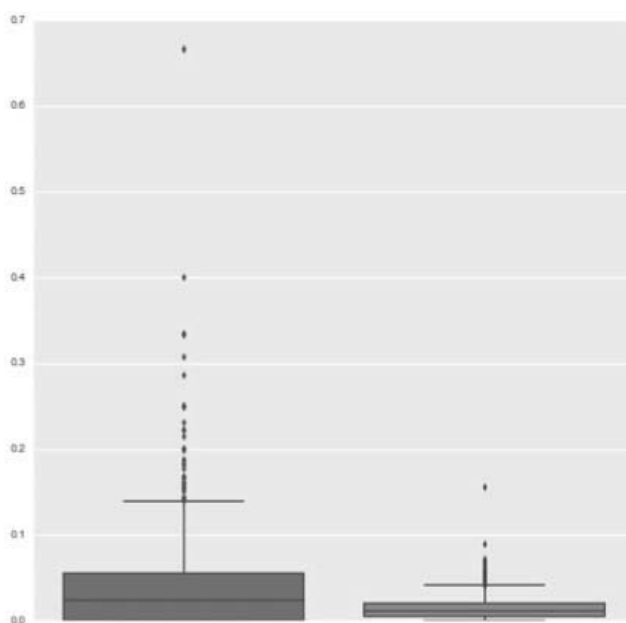

Рис. 3. Нормированное количество личных местоименных существительных

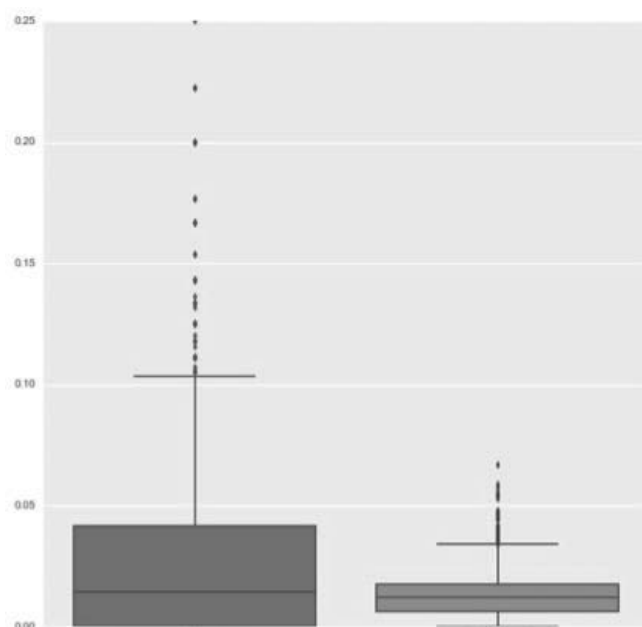

Рис. 4. Нормированное количество частиц

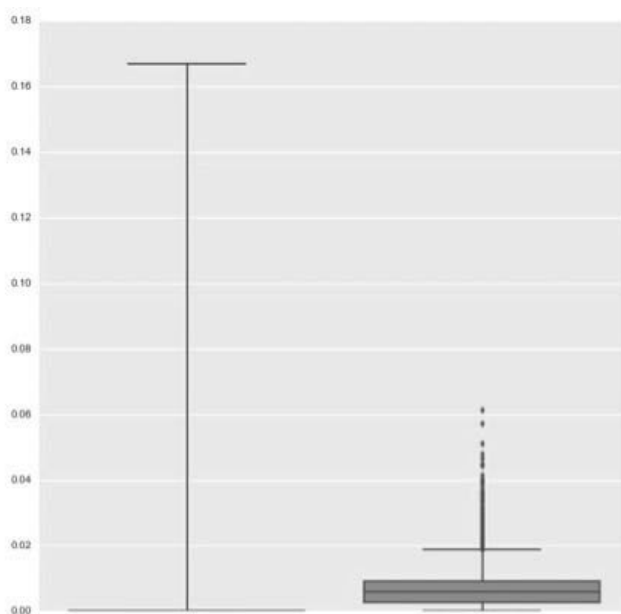

Рис. 5. Нормированное количество частицы не

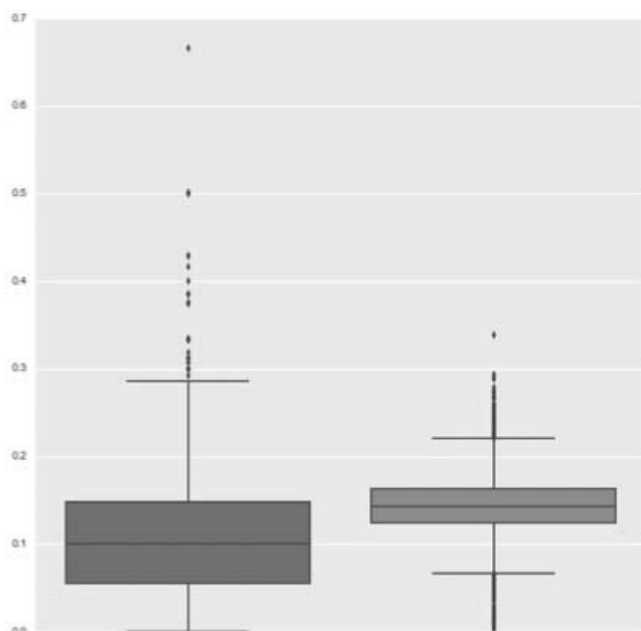

Рис. 6. Нормированное количество причастных оборотов

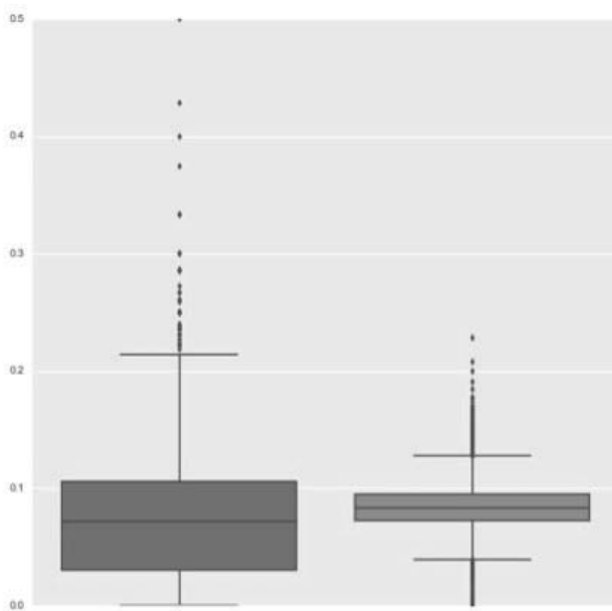

Рис. 7. Нормированное количество согласованных определений

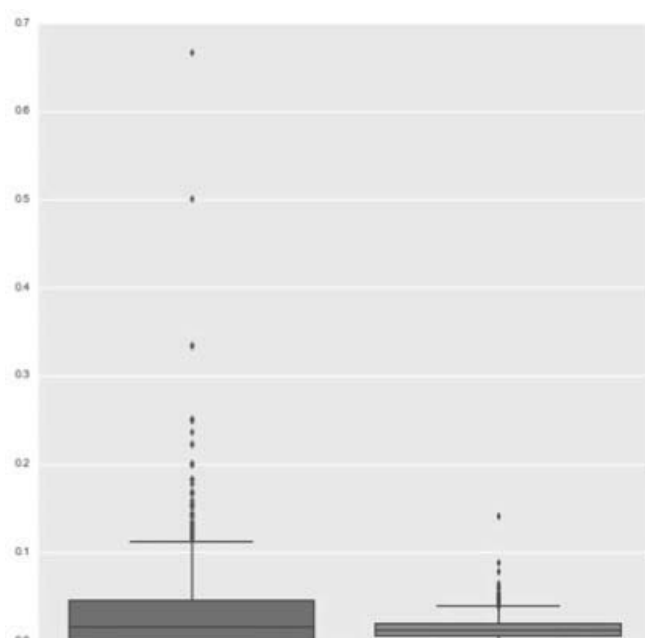

Рис. 8. Нормированное количество обстоятельств

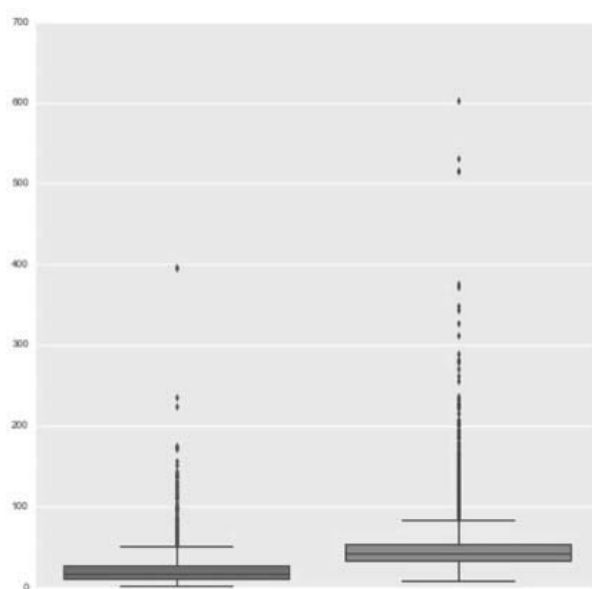

Рис. 9. Нормированное количество сочетаний, несущих синтаксическую функцию частицы

Словари

АСРЯ 2014 — Активный словарь русского языка / Под ред. Ю. Д. Апресяна. Т. 1. М., 2014.

Литература

Земская и др. 1981 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Е. Н. Ширяев. Русская разговорная речь. Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М.: Наука, 1981.

Земская и др. 1983 — Е. А. Земская, М. В. Китайгородская, Н. Н. Розанова. Русская разговорная речь. Фонетика. Морфология. Лексика. Жест. М.: Наука, 1983.

Зильберт 1970 — Б. А. Зильберт. Сложноподчиненные структуры в русской разговорной речи // Русская разговорная речь. Сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. С. 170–176.

Красильникова 1970 — Е. Б. Красильникова. Изучение морфологии русской речи как системы // Русская разговорная речь. Сборник научных трудов. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 1970. С. 119–126.

Кронгауз 2013 — М. А. Кронгауз. Самоучитель олбанского. М.: АСТ, 2013.

Лутовинова 2008 — О. В. Лутовинова. Интернет как новая «устно-письменная» система коммуникации // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. Вып. 71. М.: Изд-во Российского гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена, 2008. С. 58–65.

Спиридонова 2016 — В. А. Спиридонова. Функциональная семантика электронного интерактивного англоязычного комментария. Автореф. ... канд. филол. наук. СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. ун-та, 2016.

Столярова 1972 — Э. А. Столярова. Распределение и функционирование грамматических классов слов в русской разговорной речи. Автореф. ... канд. филол. наук. Саратов: Изд-во Саратов. гос. ун-та им. Н. Г. Чернышевского, 1972.

Юрьева 2014 — М. Д. Юрьева. Типология и способы репрезентации испанского сетевого текста (на материале чатов и форумов). Автореф. ... канд. филол. наук. М.: Изд-во МГУ, 2014.

Androutsopoulos 2011 — J. K. Androutsopoulos. Language change and digital media: a review of conceptions and evidence // Standard languages and language standards in a changing Europe / T. Kristiansen, N. Coupland (eds.). Oslo: Novus Press, 2011. P. 145–159.

Baron 1984 — N. S. Baron. Computer mediated communication as a force in language change // Visible language. Vol. 18. Iss. 2. 1984. P. 118.

Baron 2010 — N. S. Baron. Always On: Language in an Online and Mobile World. Oxford University Press, 2010. 304 pp.

Crystal 2001 — D. Crystal. Language and the Internet. Cambridge University Press, 2006. 272 pp.

Crystal 2011 — D. Crystal. Internet Linguistics: A Student Guide. 1st ed. London: Routledge, 2011. 192 pp.

Eisenstein 2013 — J. Eisenstein. What to Do about Bad Language on the Internet // Proceedings of the 2013 conference of the North American Chapter of the association for computational linguistics: Human language technologies. P. 359–369.

Fenogenova et al. 2019 — A. Fenogenova, V. Kazorin, I. Karpov, T. Krylova. Automatic morphological analysis on the material of Russian social media texts // Proceedings of Third Workshop “Computational linguistics and language science”, EPIc Series in Language and Linguistics / G. Wohlgenannt (ed.) et al. Vol. 4. 2019. P. 11–17.

Kershaw et al. 2016 — D. Kershaw, M. Rowe, P. Stacey. Towards modelling language innovation acceptance in online social networks // Proceedings of the Ninth ACM International Conference on Web Search and Data Mining, WSDM’16, Association for Computing Machinery. New York, NY, USA, 2016. P. 553–562.

Werry 1996 — C. C. Werry. Linguistic and interactional features of Internet Relay Chat // Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social, and Cross-Cultural Perspectives / S. C. Herring (ed.). John Benjamins Publishing Company, 1996. P. 47–63.

Статья получена 02.07.2021

Ilia A. Karpov

National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
karpovilia@gmail.com

Tatiana V. Krylova

Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ta-kr@yandex.ru

Svetlana P. Timoshenko

The Institute for Information Transmission Problems of the RAS
(Moscow, Russia)
timoshenko@iitp.ru

THE LANGUAGE OF COMMENT IN SOCIAL NETWORKS: AN OVERVIEW OF MORPHOLOGICAL AND SYNTACTIC FEATURES

In this paper we describe the difference between informal comments posted on social networks and internet texts of journalistic style which tend to be written in standard Russian, often referred to as Codified Literary Russian. We performed a quantitative analysis of more than 180 graphic, morphological and syntactic features, and provided linguistic explanation for those that turned out to be statistically significant. The main contribution of our work is as follows: the peculiarities of electronically mediated comments are not confined to misspelling, abnormal punctuation and lexical innovations, but embrace all levels of the language, including morphology and syntax. We assume that the differences between the language of comments and the codified literary Russian arise as a result of some underlying

strategies. These trends are: economy (people tend to save speech means), segmentation of sense (people tend to put one thought into one phrase), compensation (people often try to add information that is usually not transmitted in written form). Some of these strategies are also used in generating oral speech, which explains the generally acknowledged similarity between spoken language and many texts on the Internet.

Keywords: computer mediated communication, vernacular writing, syntactic features, internet comment, stylistics of Russian language.

References

Androutsopoulos, J. K. (2011). Language change and digital media: a review of conceptions and evidence. In T. Kristiansen, & N. Coupland (Eds.), *Standard languages and language standards in a changing Europe* (pp. 145–159). Oslo: Novus Press.

Baron, N. S. (1984). Computer mediated communication as a force in language change. *Visible language*, 18(2), 118.

Baron, N. S. (2010). *Always On: Language in an Online and Mobile World*. Oxford University Press.

Crystal, D. (2006). *Language and the Internet*. Cambridge University Press.

Crystal, D. (2011). *Internet Linguistics: A Student Guide*. London: Routledge.

Eisenstein, J. (2013). What to Do about Bad Language on the Internet. In *Proceedings of the 2013 conference of the North American Chapter of the association for computational linguistics: Human language technologies* (pp. 359–369). Retrieved from <https://aclanthology.org/N13-1000.pdf>

Fenogenova, A., Kazorin, V., Karpov, I., & Krylova, T. (2019). Automatic morphological analysis on the material of Russian social media texts. *Proceedings of 3rd Workshop "Computational linguistics and language science", EPIc Series in Language and Linguistics*, 4, 11–17.

Kershaw, D., Rowe, M., & Stacey, P. (2016). Towards modelling language innovation acceptance in online social networks. In P. N. Bennett et al. (Eds.), *Proceedings of the 9th ACM International Conference on Web Search and Data Mining* (pp. 553–562). New York: Association for Computing Machinery.

Krasil'nikova, E. B. (1970). Izuchenie morfologii russkoi rechi kak sistemy. In *Russkaia razgovornaia rech'. Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 119–126). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.

Krongauz, M. A. (2013). *Samouchitel' olbanskogo*. Moscow: AST.

Lutovinova, O. V. (2008). Internet kak novaia «ustno-pis'mennaia» sistema kommunikatsii. *Izvestiia Rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A. I. Gertsena*, 71, 58–65.

Spiridonova, V. A. (2016). *Funktsional'naia semantika elektronnoho interaktivnogo angliazychnogo kommentariia* (Doctoral dissertation summary). St Petersburg State University, St Petersburg.

Stoliarova, E. A. (1972). *Raspredelenie i funktsionirovanie grammaticheskikh klassov slov v russkoi razgovornoj rechi* (Doctoral dissertation summary). N. G. Chernyshevsky Saratov State University, Saratov.

Werry, C. C. (1996). Linguistic and interactional features of Internet Relay Chat. In S. C. Herring (Ed.), *Computer-Mediated Communication: Linguistic, Social, and Cross-Cultural Perspectives* (pp. 47–63). Amsterdam/Philadelphia: John Benjamins Publishing Company.

Yur'eva, M. D. (2014). *Tipologiya i sposoby reprezentatsii ispanskogo setevogo teksta (na materiale chatov i forumov)* (Doctoral dissertation summary). Lomonosov Moscow State University, Moscow.

Zemskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M. V., & Shiriaev, E. N. (1981). *Russkaya razgovornaya rech'. Obshchie voprosy. Slovoobrazovanie. Sintaksis*. Moscow: Nauka.

Zemskaya, E. A., Kitaigorodskaya, M. V., Rozanova, N. N. (1983). *Russkaya razgovornaya rech'. Fonetika. Morfologiya. Leksika. Zhest*. Moscow: Nauka.

Zil'bert, B. A. (1970). Slozhnopodchinennye struktury v russkoi razgovornoj rechi. In *Russkaya razgovornaya rech'. Sbornik nauchnykh trudov* (pp. 170–176). Saratov: Izd-vo Sarat. un-ta.

Received on July 2, 2021

В. В. ГЛЕБКИН

Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС
Школа № 1514 г. Москвы
(Москва, Россия)
gleb1514@gmail.com

В. А. КУЗНЕЦОВА

Независимый исследователь
(Москва, Россия)
variokotik@gmail.com

ЯЗЫКОВАЯ КОМПЕТЕНЦИЯ КАК ОБЪЕКТ ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ*

Аргументация или иллюстрация теоретических построений путем создания «неправильных» (*X) или «сомнительных» ([?]X, ^{??}X) конструкций давно уже стала признанным методологическим приемом в лингвистических исследованиях. При этом «неправильность» или «сомнительность» конструкций обычно не обосновывается, считаясь очевидной для любого компетентного носителя языка. За подобной практикой стоит принимаемый по умолчанию постулат о тождестве или по крайней мере отсутствии существенных различий в языковых интуициях компетентных носителей. Другим следствием данного постулата является утверждение о взаимозаменяемости компетентных носителей в лингвистических экспериментах, сравнивающих восприятие языка или языковое поведение носителей различных языков. Это утверждение снимает проблему соотношения выборки и генеральной совокупности, являющейся одной из центральных для исследований в области социологии или социальной психологии, и делает излишней калибровку выборки по ряду социально-демографических параметров (пол, возраст, образование, вид деятельности и т. д.). В основу статьи положены четыре эксперимента, результаты которых ставят под сомнение как сформулированный постулат, так и отмеченные следствия из него. В статье показано, что как минимум в ряде случаев оценки корректности конструкций носителями языка заметно различаются и выделить группу компетентных носителей невозможно. Показано также, что пол, образование и вид деятельности могут влиять на оценку носителями корректности определенных групп конструкций, но это влияние не носит универсального характера, а заметно различается в зависимости от типа конструкций. Проведенный анализ позволяет обозначить возможные направления экспериментального изучения языковой компетенции.

Ключевые слова: Языковая компетенция, языковая интуиция, лингвистический эксперимент, репрезентативность выборки, «компетентный» носитель языка

* Авторы выражают искреннюю признательность Владимиру Олеговичу Бабкову, Сергею Петровичу Лавлинскому, Ольге Олеговне Рогинской и всем остальным коллегам, помогавшим в организации и проведении экспериментов.

Введение

Утверждение о том, что язык и восприятие языка вариативны, кажется очевидным с точки зрения здравого смысла и определяет программу множества практических исследований в различных областях лингвистики. Широкий круг таких исследований представлен, в частности, на страницах журнала «Русский язык в научном освещении». Предметом анализа становятся диалекты, социолекты, языки диаспор, особенности языка русского зарубежья и другие сюжеты, исходящие из идеи вариативности (см., например, [Земская 2001; 2008; Авина 2003; Милёхина 2005; Оглезнева 2008]). В данном контексте естественным кажется утверждение о том, что и оценка носителями языка правильности тех или иных предложений, лексических и синтаксических конструкций должна обладать вариативностью.

При этом в целом ряде фундаментальных теоретических моделей, крайне влиятельных в последней трети XX в. и в определенной степени сохраняющих свое влияние и на настоящий момент, такая вариативность фактически отрицается. Это выражается в представлении о присущей всем носителям языковой компетенции¹ и трактовке опирающейся на нее интроспекции как главного (или даже, по умолчанию, единственного) способа верификации теоретических построений. Так, Ноам Хомский неоднократно обращался к языковой компетенции носителей в качестве аргумента в дискуссии о соотношении допустимости (acceptability) и грамматичности (grammaticality) [Chomsky 1965; 1975; ср. Schutze 1996: 24–26]. Универсальность языковой компетенции является для Н. Хомского другой стороной универсальности языковой способности в целом, характеризующей человека как биологический вид. Н. Хомский находит теоретические основания своей позиции в философском рационализме XVII–XVIII вв., в частности в представлении Р. Декарта о естественном свете разума [Chomsky 2006: 9–12; 2009 (1966): 59–77].

Анна Вежбицкая, развивая идеи естественного семантического метаязыка (Natural Semantic Metalanguage), часто называет интроспекцию главным инструментом верификации своих наблюдений и генерализирующих утверждений [Wierzbicka 1985: 19, 69–70, 212, 332–333; 1996: 347]. Подобно Н. Хомскому, она видит мировоззренческие основания своего подхода в философском рационализме XVII–XVIII вв., находя непосредственную

¹ Следуя определению, предложенному Н. Хомским [Chomsky 1965: 3–5] в рамках его теоретической модели и позднее получившему широкое распространение среди лингвистов (в частности, отечественных, например [Шмелев 2010]) уже вне прямой связи с этой моделью, под языковой компетенцией (лингвистической компетенцией, *linguistic competence*) понимается способность носителей языка отличать правильные высказывания на данном языке от неправильных, часто не подкрепленная какими-либо рациональными соображениями, а следующая их языковой интуиции. В данной статье мы будем придерживаться этого определения.

связь между теорией естественного семантического метаязыка и *lingua mentalis* Г. Лейбница [Wierzbicka 1980: 9–10; 1996: 13; 2015: 385]. Эти отсылки к рационалистической философии периода Раннего модерна и эпохи Просвещения важны для понимания того, что в основе представлений о языковой компетенции и связанной с ней интроспекции лежат не экспериментальные факты, а носящие умозрительный характер философские идеи, которые позднее стали такими же «естественными» для определенных направлений в философии и смыкающихся с ней дисциплинах, как и «естественный свет разума» Р. Декарта.

Важно зафиксировать базовый силлогизм, который лежит в основе идеи языковой компетенции и редко эксплицируется, обычно принимаясь «по умолчанию»: представления всех компетентных носителей языка о корректности той или иной языковой конструкции совпадают; исследователь является компетентным носителем языка; из большой и малой посылок вытекает, что он может использовать интроспекцию для верификации результатов, — другие компетентные носители языка придут к тем же выводам, опираясь на собственную интроспекцию. Конечно, в действительности мы можем встретить более или менее существенные различия в языковых компетенциях, вызванные внешними обстоятельствами, но эти различия носят локальный характер и не отменяют справедливости силлогизма в целом (например [Шмелев 2010: 255–264]).

Несмотря на то, что и модель Н. Хомского, и подход А. Вежбицкой кажутся утрачивающими свое влияние в лингвистике двух последних десятилетий, поставленный выше вопрос о единстве языковой компетенции не теряет значимости, порождая целый ряд как теоретических, так и практических проблем.

Некоторые теоретические и практические аспекты вопроса о единстве языковой компетенции

Остановимся сначала чуть подробнее на теоретических аспектах. Представления о единстве языковой компетенции могут быть подтверждены, кажется, лежащими на поверхности соображениями. Очевидно, что любой компетентный носитель языка сочтет предложение *Андрей открыл дверь и вошел в дом* корректным, а предложения *Андрея открыть дверь и войти в доме* и *Молодящаяся теорема кусала прокаженный синус треугольника* оценит как некорректные. Назовем область корректных предложений областью А, а некорректных — областью В. Для областей А и В мы вполне можем говорить о единстве языковой компетенции. Однако наряду с областями А и В есть область «сомнительных» предложений (область С), которые компетентный носитель языка не может однозначно охарактеризовать ни как корректные, ни как некорректные. Тогда, если тезис о гомогенности языковой компетенции справедлив, все компетентные носители

языка должны охарактеризовать эти предложения как сомнительные. В противном случае (если мнения разделятся и какая-то часть носителей сочтет такие предложения сомнительными, какая-то — корректными и какая-то — некорректными) следует говорить о гетерогенности языковой компетенции. Структура и границы областей А, В и С представляют отдельную проблему, которая, насколько нам известно, еще не исследовалась систематически.

Другой важный теоретический аспект проблемы языковой компетенции представлен вопросом о компетентном носителе языка. Лингвисты активно пользуются термином *носитель языка*, обычно по умолчанию понимая под этим компетентного носителя языка, но также *носитель литературного языка* (например, [Добрушина 2013: 182, 192, 194, 200]), *носитель современного русского литературного языка* [Князев, Красько 2019: 11; Савинов и др. 2020: 16, 23], *носитель литературной нормы русского языка* [Савинов и др. 2020: 12], *квалифицированный носитель языка* [Добрушина 2013: 193], *культурный носитель языка* [Там же: 194], *профессиональный носитель языка* [Там же: 200] без описания четких границ социокультурных групп, маркируемых этими понятиями.

Хотя вопрос о компетентном носителе языка (и компетентном носителе литературного языка) крайне редко, насколько нам известно, обсуждается как теоретическая проблема, по ряду косвенных высказываний можно сделать вывод, что спектр компетентных носителей варьируется от любого человека, для которого русский язык является родным (например [Кошелев 2017: 219]), до носителя языка, активно использующего его в повседневной жизни в устном и письменном регистрах (говорящего, читающего и пишущего на данном языке). При этом возраст, образование и другие социометрические характеристики компетентных носителей заметно варьируются. Так, в упомянутой работе С. В. Князева и А. В. Красько утверждается, что их информанты были «носителями современного русского литературного языка в возрасте от 18 до 55 лет» [Князев, Красько 2019: 11], откуда вытекает, что носителями современного литературного языка могут быть студенты младших курсов ВУЗов или даже школьники старших классов. В другой работе носителями «литературной нормы русского языка» названы москвичи во втором-третьем поколении, с высшим образованием, или студенты старших курсов ВУЗов [Савинов и др. 2020: 12].

Также следует отметить встречающееся в литературе (например [Перцов 2006: 229]) противопоставление экспертов (лингвистов) и обычных носителей языка. В контексте данной статьи оно ведет к вопросу о том, чья интуиция (лингвиста или обычного носителя) оказывается определяющей в случае расхождения оценок допустимости того или иного предложения (в частности, предложения современного русского языка). Заметим, что в такой постановке вопроса есть два неочевидных момента: во-первых, непонятно, кого считать в этом случае экспертом (человека, получившего диплом ВУЗа со словом «лингвист» в указании специальности; человека,

защитившего диссертацию по лингвистике; человека, получившего соответствующий диплом и имеющего публикации по специальности «русский язык», и т. д.); во-вторых, по умолчанию предполагается, что в группе таких экспертов нет расхождений в оценках, т. е. они оценивают допустимость какого-либо предложения одинаковым образом. Мы еще вернемся к этим моментам в обсуждении результатов экспериментов.

Переходя к практическим аспектам вопроса о языковой компетенции, обратимся к проблеме оценки какого-либо предложения как неправильного (*X) или сомнительного ([?]X; ^{??}X), часто используемой как аргумент в словарях и научных статьях. Процитируем в качестве иллюстрации произвольно взятый фрагмент из «Нового объяснительного словаря синонимов русского языка»: «Для **измываться** и **глумиться**, в отличие от **издеваться**, нехарактерно обозначение завуалированного действия. Ср. неправильность **По его тону трудно было понять, серьезно он говорит или **измывается** (глумится)*» [НОССРЯ 2003: 428]. Не относясь к приведенному высказыванию по существу, зафиксируем модель аргументации, на которую опирается автор. Он делает утверждение и иллюстрирует его (доказательство в данном случае сводится к иллюстрации) примером, который по умолчанию должен выглядеть очевидным для любого компетентного читателя. Данный пример никак не комментируется и никаких подтверждений его релевантности не приводится. Нет никаких обоснований представленной процедуры и во вступительной статье к словарю, задающей методологию словарных описаний. Подчеркнем еще раз, что описанная выше модель аргументации не носит единичного характера, оказываясь крайне значимой как для [НОССРЯ], так и для других работ в различных областях современной лингвистики.

Другой практический аспект обозначенной проблемы — вопрос о формировании репрезентативной выборки в лингвистических экспериментах. В частности, в экспериментальной лингвистике проводятся исследования, в которых сравнивается восприятие различных элементов или корреляций между элементами языковой системы носителями различных языков или носителями языка и теми, для кого данный язык не является родным (например [Vanlancker-Sidtis 2003; Siyanova-Chanturia et al. 2011; Sidhu et al. 2019]). При аналогичных исследованиях в области социологии и социальной психологии и др. одним из ключевых становится вопрос о критериях репрезентативности выборки, представляющей генеральную совокупность. Выборка должна быть откалибрована по полу, возрасту, образованию участников эксперимента (опроса), а также по целому ряду других параметров (см., например, [Давыдов 1990; Livesey 2014: 56–81]). При этом в указанных выше исследованиях вопрос о соответствии выборки генеральной совокупности вообще не ставится. Единственный параметр, который принимается во внимание, это — является ли испытуемый (респондент) носителем языка. Другими словами, все носители языка по умолчанию считаются обладающими одинаковой языковой компетенцией (т. е. считается, что

различиями в их языковых компетенциях в условиях эксперимента можно пренебречь), и поэтому они могут заменять друг друга в условиях эксперимента.

Заметим, что недостаточная разработанность вопроса о репрезентативности выборки видна, если обратиться и к описанию экспериментов на страницах журнала «Русский язык в научном освещении»². Мы просмотрели все номера журнала и нашли семь статей, в которых дается описание лингвистического эксперимента (с указанием респондентов, изложением экспериментальной процедуры и т. д.; во всех статьях представлены фонологические эксперименты). В одном из описаний просто указывается количество респондентов без каких-либо социометрических данных [Ягунова 2007: 166], в четырех статьях [Скачедубова 2008; Князев, Красько 2019; Савинов и др. 2020; Дурягин 2021] вводится определенная социометрия, но репрезентативность выборки никак не обосновывается и в выводах делается общее утверждение без ее учета³, и в двух статьях [Антонова 2007; Стафферова 2014] введенные социометрические данные оказываются значимыми для структуры эксперимента и сделанных на его основе выводов.

Обобщая приведенные соображения, следует подчеркнуть, что тезис о единстве языковой компетенции имеет вполне конкретные (и не всегда отрефлексированные) проявления в практической работе лингвистов.

Отметим, что за последние десятилетия появился целый ряд исследований (как теоретических, так и экспериментальных), ставящих данный тезис под сомнение ([Schutze 1996: 1–5, 48–53; 2005; Hallan 2001: 91–92; Gibbs 2006; Talmy 2007: XII–XV; Dąbrowska 2010; Janda 2013; Häussler, Juzek 2020; Santana 2020] и др.); см. также полемику, представленную в работах [Пер-

² Эти эксперименты не связаны непосредственно с вопросом о единстве языковой компетенции в указанном во введении смысле (они опираются на компетенции иного рода), но наглядно характеризуют проблему репрезентативности выборки и взаимозаменяемости «компетентных» носителей языка.

³ Так, в статье [Князев, Красько 2019] указывается, что участники эксперимента — носители современного русского литературного языка в возрасте от 18 до 55 лет [Там же: 11]. Каким критериям должны соответствовать участники, чтобы считаться «носителями современного русского литературного языка», в работе не обсуждается и вопрос о репрезентативности выборки не ставится (т. е. по умолчанию предполагается, что все такие носители взаимозаменяемы в условиях эксперимента). В статье [Савинов и др. 2020] авторы указывают, что их респонденты — «москвичи во втором-третьем поколении, с высшим образованием (или студенты старших курсов ВУЗов), носители литературной нормы русского языка» [Там же: 12]. Процедура, по которой определяются «носители литературной нормы русского языка», в статье не описывается, и как влияет фактор «москвичи во втором-третьем поколении» на результаты эксперимента (будут ли они справедливы для москвичей в первом поколении или не-москвичей), неясно. Чуть позже [Там же: 16] авторы осуществляют генерализацию на всех «носителей современного русского литературного языка», никак не обосновывая ее корректность.

цов 2006; Плунгян 2008; Шмелев 2010]. Высказанные сомнения можно резюмировать в следующих утверждениях:

— во-первых, существуют заметные различия в языковых интуициях различных носителей языка, не позволяющие говорить о единой языковой компетенции, лежащей в их основе;

— во-вторых, языковые интуиции отдельного человека могут меняться со временем. Они зависят от его эмоционального состояния, физического окружения, социокультурного контекста и т. д.;

— в-третьих, языковые интуиции лингвистов часто оказываются искаженными их собственными теоретическими взглядами, которые формируют определенные исследовательские ожидания, и интроспекция перестает в этом случае выступать как независимый критерий.

Следует подчеркнуть, что исследователи, высказывающие эти сомнения, не отрицают значимости интроспекции как одного из инструментов верификации теоретических утверждений в лингвистических исследованиях, но настаивают на том, что она должна дополняться, проверяться, уточняться различными количественными методами.

Описанное выше проблемное поле определило задачи и структуру представленных в статье экспериментов. В них мы ставили своей целью проверить корректность гипотезы об отсутствии существенных отличий в языковых компетенциях носителей, обратившись к интуитивной оценке ими корректности лексической сочетаемости слов и выражений, относящихся к зоне С (зоне сомнительных коллокаций), и в случае выявления значимых расхождений попытаться зафиксировать регулярности в этих расхождениях (влияние пола, возраста, образования и т. д. на ответы респондентов), что дало бы возможность сформулировать рекомендации к формированию репрезентативной выборки для экспериментов, использующих идею языковой компетенции.

Пилотные эксперименты

Исходной точкой в разработке модели пилотных экспериментов стала полемика одного из авторов со своим коллегой по поводу конструкции *слышать запах*, которая казалась автору невозможной в русском языке, а его собеседнику — абсолютно нормальной. Другими словами, в данном случае языковые интуиции собеседников различались радикально. Краткий опрос коллег показал, что отмеченное расхождение в оценках носит общий характер. Несмотря на то, что указанная конструкция дает заметное число вхождений в Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) (например, *Нет, я слышу запах новых досок, их где-то стругают* (Н. С. Лесков. На ножках); *Проходя перед хижинами галласов, слышишь запах ладана, их любимого куренья* (Н. С. Гумилев. Африканский дневник)), многие опрашиваемые утверждали, что сочетание *слышать запах* противоречит их языковой интуиции.

Отталкиваясь от этого расхождения как исходной точки, мы отобрали для первого пилотного эксперимента двадцать предложений, в основе которых лежало взаимодействие различных перцептивных каналов (четырнадцать предложений было взято из НКРЯ, а шесть придумано нами). Приведем несколько примеров для иллюстрации: *В нос мне ударил громкий запах гари; Ушей прохожих достиг тяжелый звук; Слышишь запах земли, времени, народа*. В первом эксперименте приняло участие 242 человека (64 мужчины, 178 женщин) в возрасте от 15 до 68 лет (средний возраст — 34,1 год). Для всех участников эксперимента русский язык являлся родным, как они отметили в анкете. Большинство респондентов имело высшее образование, часть из них окончила школу или училась в старших классах школы. Опросник, состоящий из 24 предложений, был выложен на специальной веб-странице⁴. После заполнения социометрических данных участников просили оценить по шкале от 1 до 5 (1 — предложение абсолютно не соответствует нормам русского языка, 2 — предложение, скорее всего, не соответствует нормам русского языка, 3 — оценка соответствия нормам русского языка вызывает затруднения, 4 — предложение, скорее всего, соответствует нормам русского языка, 5 — предложение полностью соответствует нормам русского языка) 24 предложения. Принцип составления первых двадцати предложений описан выше, из четырех последних два предполагали ответ «5» (например, *На столе стояла кружка черного цвета*) и два других — «1» (например, *Был осень, листья желтел и падавшая*). Анкеты участников, ответы которых на последние четыре вопроса отличались от ожидаемых, исключались из анализа.

Если гипотеза о близости языковых компетенций носителей была бы верна, мы должны были бы получить высокую степень согласия респондентов по оценке каждого из предложений (подавляющее большинство ответов «4» и «5» с небольшим процентом ответов «3», «1» и «2» для корректных предложений; подавляющее большинство ответов «3» с небольшим процентом ответов «1», «2», «4», «5» для «сомнительных» предложений и т. д.). Однако мы не получили такого распределения ни по одному из двадцати предложений. Во всех случаях оценки участников показали серьезные расхождения. Так, корректность предложения *Ушей прохожих достиг тяжелый звук* 36,6 % респондентов оценили баллами «1» и «2»; 17,2 % — баллом «3» и 46,2 % — баллами «4» и «5»; для предложения *Все вместе они пели, касались звуков* оценки «1» и «2» составили 41,4 %, «3» — 20,4 % и «4» и «5» — 38,2 %. Другими словами, полученные данные дали убедительное свидетельство некорректности гипотезы о единстве компетенций. С другой стороны, не удалось выявить заметных закономерностей в указанных расхождениях. Сопоставление ответов по полу, возрасту, образованию не выявило значимых различий из-за неравномерности выборки. Также требовала корректировки неопределенность в условиях про-

⁴ См. http://www.bpanov.org/poll/resp_karusel.htm.

ведения эксперимента (было непонятно, сколько времени каждый из респондентов тратил на заполнение анкеты, обращался ли он к справочникам и словарям и т. д.).

Для достижения гомогенности в процедуре мы провели второй пилотный эксперимент. В нем приняли участие 104 респондента (27 мужчин, 77 женщин, средний возраст — 29,9 лет), ни один из которых не был задействован в первом эксперименте (43 респондента — ученики 10-х и 11-х классов школы 1514 г. Москвы, 23 — жители Москвы с высшим образованием и 38 респондентов — жители Ростова Великого). Опросник и задание к нему были такими же, как в первом эксперименте, однако теперь предложения оценивались непосредственно в присутствии исследователя. При работе со школьниками анкеты раздавались всему классу и заполнялись фронтально, в остальных случаях работа велась индивидуально с каждым респондентом. Заполнение анкеты занимало от 6 до 12 минут (от 15 до 30 секунд на каждое предложение). Результаты в целом совпали с результатами эксперимента 1: по всем предложениям было получено гетерогенное распределение, но никаких значимых регулярностей (зависимости ответов от пола, возраста, образования, места проживания) выявить не удалось.

Пилотные эксперименты позволили обнаружить проблемные области для дальнейшей разработки в последующих экспериментах. В частности, сравнение результатов экспериментов 1 и 2 дало некоторые основания предположить, что уровень образования может быть значимым фактором в оценках. Для проверки этой гипотезы был организован эксперимент 3.

Эксперимент 3

Метод

Участники. 172 человека (77 мужчин, 95 женщин, средний возраст — 19,1 год), не принимавшие участия в пилотных экспериментах. Все участники — носители русского языка. 105 из них — учащиеся 10-х и 11-х классов школы 1514 г. Москвы; 43 — студенты 3–4-х курсов Школы культурологии Высшей школы экономики; 16 — студенты Литературного института имени А. М. Горького⁵ и 8 участников — эксперты, профессиональной областью интересов которых является русский язык.

⁵ Возвращаясь к обсуждаемым выше понятиям *носитель литературного языка*, *носитель литературной нормы русского языка* и т. д., следует отметить, что мы включали школьников старших классов школ, участвующих в эксперименте, в обозначаемые этими понятиями группы. Мы исходили из того, что выпускники этих школ из года в год показывают результаты, близкие к максимальным, по ЕГЭ по русскому языку, что может служить определенным критерием владения литературным языком на достаточном для эксперимента уровне. Результаты экспериментов 3 и 4, не выявившие качественной разницы между результатами школьников

Материал. Для эксперимента был разработан новый опросник, напечатанный на двух сторонах листа А4. Опросник включал двенадцать предложений, десять из которых носили содержательный характер, а два последних проверяли репрезентативность содержательных ответов. Предложение 11 предполагало ответ «5» (*Петр открыл дверь и быстро вошел в комнату*), предложение 12 — ответ «1» (*Был осень, листья желтел и падавшая*). Заполненные опросники с другими ответами на последние вопросы исключались из анализа. Каждое из содержательных предложений было представлено в двух вариантах: кратком и «литературном»⁶. Это было сделано для того, чтобы оценить, как помещение конструкции в «литературный контекст» влияет на оценку ее корректности. Пять предложений были придуманы на основе предложений пилотных опросов, вызвавших наиболее противоречивые оценки. Одно из них строилось вокруг конструкции *слышать запах* (*Внезапно он услышал новый запах*), два других — вокруг необычных характеристик звуков и запахов (*Из комнаты доносились жидкие звуки мужского голоса*; *В доме ощущался толстый запах гари*). Еще два предложения были составлены следующим образом: за основу брались вполне частотные и не вызывающие сомнений в своей корректности конструкции (*легкий шум* и *пронзительный скрип*), существительное в которых заменялось своим синонимом. Таким образом получались «сомнительные» конструкции, почти не представленные в корпусах (*Аппарат работает с легким звуком*; *Машина остановилась с пронзительным шумом*).

Еще пять предложений были взяты из [НООСРЯ], где они маркировались как невозможные в русском языке⁷: *Ее сердце было полно сомнений*; *Ее интеллект не выдержал этого*; *Он находит, будто все им восхищаются*; *По его тону сложно было понять, серьезно он говорит или измывается*; *В записке было несколько слов на неясном языке*.

Мы потратили значительное время на обсуждение формулировки задания, понятной лингвистам и минимизирующей возможные разночтения в понимании, и в итоге остановились на формулировке, приведенной выше при описании пилотных экспериментов (соответствует — не соответствует нормам русского языка). Опасность того, что респонденты начнут думать о формальных критериях и оценивать предложение, обращаясь к рациональным аргументам, нивелировалась краткостью времени на размышление (предложение оценивалось обычно не более 25–30 секунд) и тем, что в инструкциях подчеркивалась необходимость опираться исключительно на языковую интуицию. Мы предлагали изолированные предложения, дистанцируясь от проблемы регистра (устная речь, письменная речь), контек-

и студентов старших курсов, дают основание считать, что данное предположение корректно.

⁶ Опросники для эксперимента 3 приведены в Приложении 1 к данной статье.

⁷ Контекст, в котором эти предложения представлены в словаре, проиллюстрирован выше на примере глаголов *измываться* и *глумиться*.

ста и т. п., так как соотносили эксперимент с описанной выше лингвистической практикой, в которых оценкам «нормально», «сомнительно», «невозможно» подвергались именно изолированные предложения, без какого-либо обсуждения контекста.

Процедура. Каждый из участников эксперимента заполнял один из вариантов (вариант 1 («краткий») или вариант 2 («литературный»)) опросника. Мы стремились к примерному равенству анкет по каждому из вариантов. Все опросники заполнялись фронтально в присутствии исследователя: студентами — в начале пар, школьниками — в начале уроков. На заполнение опросников уходило от 3 до 6 минут.

Затем результаты школьников и студентов, а также результаты по каждому из вариантов для школьников и студентов сравнивались с помощью критерия Манна–Уитни.

Группа экспертов заполняла только первый вариант анкеты. Это связано с тем, что 8 человек не могут обеспечить статистически репрезентативную выборку, и нашей целью была лишь качественная проверка наличия или отсутствия расхождений для данной группы.

Результаты

Результаты 28 участников были исключены из выборки по критерию оценивания предложений 11 и 12. Результаты группы экспертов рассматривались отдельно и будут представлены позднее. Остальные результаты приведены ниже в Таблицах 1 и 2.

Таблица 1

Процент участников с негативными («1» и «2»), позитивными («4» и «5») и неопределенными («3») оценками (Вариант 1)

	«1» и «2»	«3»	«4» и «5»
1	12,2	13,5	74,3
2	44,6	29,7	26,7
3	51,3	17,6	31,1
4	66,2	14,9	18,9
5	50	18,9	31,1
6	17,6	12,2	70,2
7	13,5	10,8	75,7
8	64,9	12,2	22,9
9	18,9	17,6	63,5
10	28,4	20,3	51,3

Таблица 2

**Процент участников с негативными («1» и «2»),
позитивными («4» и «5») и неопределенными («3») оценками (Вариант 2)**

	«1» и «2»	«3»	«4» и «5»
1	17,1	12,9	70
2	28,7	34,2	37,1
3	51,4	17,2	31,4
4	60	18,6	21,4
5	52,9	27,1	20
6	27,1	17,2	55,7
7	12,9	25,7	61,4
8	52,9	12,9	34,2
9	11,4	18,6	70
10	18,6	17,2	64,2

Как видно, по всем предложениям в обоих вариантах видны более или менее существенные расхождения. Особо следует подчеркнуть, что предложения 1, 3, 5, 7, 9 варианта 1, приводимые в [НОССРЯ] в качестве недопустимых в современном русском языке, значительной частью респондентов оцениваются как нормальные (для предложений 1 и 7 таких респондентов больше 70 %, предложения 9 — больше 60 %, предложений 3 и 5 — больше 30 %).

Результаты оценивания предложений отдельно школьниками и студентами приведены в Таблице 3.

Как видно из таблицы, школьники в среднем оценивают предложения как соответствующие нормам русского языка чаще, чем студенты. Это различие статистически значимо для первого варианта опроса в целом ($U(18, 47) = 201,5$; $p < 0,001$ при сравнении суммарных баллов оценок всех предложений каждым участником), а также для предложения 10 (*Машина остановилась с пронзительным шумом*; $U(18, 47) = 101,5$; $p < 0,001$), предложения 4 (*Из комнаты доносились жидкие звуки мужского голоса*; $U(18, 47) = 275,5$; $p < 0,05$) и предложения 9 (*В записке было несколько слов на неясном языке*; $U(18, 47) = 270,5$; $p < 0,05$).

В дополнение следует отметить, что студенты в целом оценивают «литературную» версию выше, чем краткую ($U(18, 22) = 136,5$; $p < 0,05$ при сравнении суммарных баллов), тогда как школьники не отдают предпочтение ни одной из версий ($U(41, 47) = 950,5$; $p = 0,92$).

Подчеркнем также, что никаких значимых отличий в ответах респондентов мужского и женского пола в данном эксперименте выявить не удалось.

Результаты группы экспертов представлены в Таблице 4.

Таблица 3

**Средние оценки школьников и студентов
(жирным шрифтом выделены статистически значимые расхождения)**

	Школьники		Студенты	
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2
1	4	4	3,7	3,4
2	2,8	3,3	2,4	3
3	2,9	2,5	2,2	2,5
4	2,4	2,3	1,7	2,5
5	2,6	2,8	2,6	2,4
6	4	3,4	3,8	3,6
7	4,2	3,9	4	3,4
8	2,5	3	2,1	2,5
9	4,1	4	3,3	4
10	3,8	3,8	2,5	3,4
Σ	33,3	33	28,3	30,7

Таблица 4

**Процент участников с негативными («1» и «2»), позитивными («4» и «5»)
и неопределенными («3») оценками для группы экспертов (Вариант 1)**

	«1» и «2»	«3»	«4» и «5»
1	25	12,5	50
2	87,5	12,5	0
3	37,5	37,5	25
4	87,5	12,5	0
5	50	25	25
6	37,5	25	37,5
7	37,5	25	37,5
8	100	0	0
9	62,5	25	12,5
10	87,5	12,5	0

Делая поправку на малый размер выборки, мы считаем нужным отметить два момента. Во-первых, эксперты оценивают предложения жестче, чем остальные участники, и степень гомогенности их ответов заметно выше. В четырех предложениях (2, 4, 8, 10) мы видим полное или почти полное согласие между экспертами. Во-вторых, в целом ряде предложений оценки экспертов существенно различаются. Особенно интересно, что предложения 1, 3, 5, 7, 9, трактуемые авторами [НОССРЯ] как недопустимые в современном русском языке, значительной частью экспертов оцениваются как корректные.

Обсуждение

Как и результаты пилотных экспериментов, результаты эксперимента 3 дают убедительное подтверждение того, что языковые интуиции носителей языка в области С заметно различаются. Даже предложения, которые трактуются лексикографами как недопустимые в русском языке, многие респонденты, включая экспертов, оценивают как нормальные. Это снова заставляет нас вернуться к вопросу о критериях верификации утверждений *X, ^{??}X, [?]X, поставленному выше. Если интуиция лексикографа расходится с интуициями определенной группы носителей языка, то это означает, что данные носители недостаточно компетентны или что ошибается лексикограф (например, невольно подчиняя свою интуицию разработанным им теоретическим моделям)? Если верно первое, то каким объективным критериям должен удовлетворять компетентный носитель (возраст, образование, вид деятельности и т. д.)? Как мы видели, даже если группа экспертов суживается до предела (специалисты, областью профессиональных интересов которых является русский язык), это не приводит к единству в оценках. Группа экспертов более гомогенна, чем группа обычных носителей, но различия в трактовках остаются⁸.

Также нужно отметить, что студенты относятся к краткой версии предложений из опросника строже, чем школьники, однако при этом они выше оценивают корректность «литературной» версии. Другими словами, уровень образования может являться значимым фактором в оценке предложений определенных типов.

Обратим внимание, что различия в ответах связаны с гетерогенностью предложений, включенных в опросник. Одни конструкции, несмотря на расхождения в интерпретациях, оказываются довольно частотными по данным корпусов (например, *слышать запах*), другие отсутствуют в корпусах. Как видно из приводимого выше описания, статистически значимые различия между студентами и школьниками порождались конструкциями,

⁸ В этом контексте можно вспомнить о противопоставлении нормы-кодификации и нормы-узуса (нормы-интуиции) (например, [Добрушина 2013]), поставив вопрос об экспликации критериев, которыми руководствуются авторы, формулирующие нормы первого типа.

не встречающимися (или почти не встречающимися) в корпусах и в большинстве случаев полученными путем замены «корректного» слова на его синоним (гипоним, гипероним) (так, наиболее заметное расхождение вызвало предложение *Машина остановилась с пронзительным шумом*).

Для более тщательной проверки гипотезы о влиянии образования на оценку, а также поиска других возможных факторов, влияющих на оценивание предложений определенных типов, был проведен эксперимент 4.

Эксперимент 4

Метод

Участники. 408 человек (111 мужчин, 297 женщин, средний возраст — 18,2 года), не принимавшие участия в эксперименте 1. Все участники — носители русского языка. 240 из них — учащиеся 10-х и 11-х классов школ 1514, 1505 и Европейской гимназии г. Москвы, а также Аничкова лица в г. Санкт-Петербурге; 168 участников — студенты 3–4-го курсов бакалавриата и студенты магистратуры Высшей школы экономики (Факультет экономических наук; Департамент социологии; Департамент психологии; Школа филологических наук); Института общественных наук Российской академии народного хозяйства и государственной службы; Российского государственного гуманитарного университета и Литературного института имени А. М. Горького.

Материал. Для эксперимента был разработан новый опросник, напечатанный на двух сторонах листа А4. Как и в эксперименте 3, опросник включал двенадцать предложений, десять из которых носили содержательный характер, а два последних проверяли репрезентативность содержательных ответов. Предложение 11 предполагало ответ «5», предложение 12 — ответ «1»⁹.

Как и в эксперименте 3, пять предложений (1, 3, 5, 7, 9) строились вокруг нестандартных комбинаций различных перцептивных каналов (например, *горький шум, шершавый запах*) или нестандартных характеристик объектов, связанных с этими каналами (*зимний вкус, бесформенный цвет*). Однако, в отличие от эксперимента 3, все придуманные конструкции не были представлены в корпусах и не имели «правильных» аналогов, полученных заменой каких-то слов в конструкциях их синонимами. Оставшиеся пять предложений были концептуальными метафорами, в которых атрибут содержал нетипичную характеристику абстрактного объекта (*нервный треугольник, громкая теорема, колючая идея, звонкая доброта, скрипящая радость*).

Как и в эксперименте 3, каждое предложение было представлено в двух вариантах: кратком и «литературном».

Процедура была такой же, как в эксперименте 3.

⁹ Предложения, входящие в опросник, приведены в Приложении 2.

Результаты

Анкеты 85 участников были исключены из рассмотрения по результатам оценивания предложений 11 и 12¹⁰. Результаты остальных представлены в Таблицах 4 и 5.

Таблица 4

**Процент участников с негативными («1» и «2»),
позитивными («4» и «5») и неопределенными («3») оценками (Вариант 1)**

	«1» и «2»	«3»	«4» и «5»
1	45,1	20,4	34,5
2	74,8	11,2	14
3	69,2	17,5	13,3
4	37,3	21,8	40,9
5	39,9	28	32,1
6	22,4	17,5	60,1
7	48,3	16,1	35,7
8	37,8	23,8	38,4
9	30,1	18,9	51
10	38	19,7	42,3

Таблица 5

**Процент участников с негативными («1» и «2»),
позитивными («4» и «5») и неопределенными («3») оценками (Вариант 2)**

	«1» и «2»	«3»	«4» и «5»
1	40	22,1	37,9
2	64,7	15,3	20
3	69,1	14,7	16,2
4	25,3	22,1	52,6
5	40,3	20,9	38,8
6	16,3	15,3	68,4
7	55,3	17,3	27,4
8	26,7	24,1	49,2
9	36,7	18,8	44,5
10	36,3	23,7	40

¹⁰ Число «отсеянных» участников составляет заметный процент по отношению к общему числу. Мы понимали, что после оценивания целого ряда «сомнительных» предложений чувствительность притупляется и разницу между «4» и «5» (или «1»

Как и в эксперименте 3, и в пилотных экспериментах, в оценках каждого из предложений в обоих вариантах заметны более или менее существенные расхождения. Нигде процент когерентных оценок не превышает 75 %, т. е. $\frac{3}{4}$ от общего числа респондентов. Обратимся теперь к сравнительному анализу данных школьников и студентов. Эти данные представлены в Таблице 6.

Таблица 6

Средние оценки школьников и студентов
(жирным шрифтом выделены статистически значимые расхождения)

	Школьники		Студенты	
	Вариант 1	Вариант 2	Вариант 1	Вариант 2
1	2,8	3	3,3	2,9
2	1,9	2,1	2	2,4
3	2,1	2,2	1,9	2,2
4	3,1	3,4	2,9	3,2
5	2,9	3	2,9	2,8
6	3,5	3,8	3,6	3,9
7	2,7	2,6	2,7	2,4
8	3	3,2	3,1	3,5
9	3,1	2,9	3,4	3,2
10	3	3	3,1	3
Σ	28,1	29,1	28,9	29,5

В отличие от предложений эксперимента 3, оценки школьниками и студентами первого и второго вариантов опросника в целом не имеют значимых различий ($U(54, 81) = 2010$; $p = 0,21$ при сравнении суммарных баллов в первом варианте и $U(69, 83) = 2781,5$; $p = 0,38$ при сравнении суммарных баллов во втором варианте). Однако различия в оценке отдельных предложений оказываются статистически значимыми. Прежде всего это касается предложения 1 в первом варианте (*Его встретил горький шум города*; $U(54, 81) = 1689$; $p < 0,01$). Отметим, что, в противоречии с результатами эксперимента 3, оценки студентов оказываются в данном случае выше, чем оценки школьников. Также статистически значимо различие ($U(86, 71) = 2571$; $p < 0,05$) в оценке студентами и школьниками второго варианта предложения 9 (*Пожар был сильным, и шершавый запах гари ощущался*

и «2») оказывается не так просто осознать. Таким образом, отбрасывая подобные анкеты, мы могли потерять определенный массив репрезентативных данных. Тем не менее мы пошли на этот шаг, чтобы повысить валидность эксперимента.

издалека, еще у небольшой рощи за несколько километров от города), причем опять оценка студентов оказывается выше, чем оценка школьников. Также у студентов при отсутствии статистически значимых различий между краткой и «литературной» версиями в целом, эти различия значимы для предложения 1 (*Его встретил горький шум города и Он прилетел вечерним рейсом, и его встретил горький шум города*; $U(54, 71) = 1551,5$; $p < 0,05$) и предложения 8 (*Ее звонкая доброта казалась неуместной и Мать постоянно опекала его, заботилась о нем, но ее звонкая доброта казалась ему неуместной*; $U(55, 71) = 1585$; $p < 0,05$).

Отдельной частью исследования стал анализ зависимости оценок от вида деятельности. Для этого все студенты были разделены на три группы: студенты Литературного института (СЛ), студенты филологических факультетов и отделений (СФ) и студенты, основной профессиональной деятельности которых не является непосредственная работа с текстами (условно говоря, «обычные» студенты, ОС). Средние оценки этих групп приведены в Таблице 7.

Таблица 7

Средние оценки СФ, СЛ и ОС
(жирным шрифтом выделены статистически значимые расхождения)

	Вариант 1			Вариант 2		
	СФ	СЛ	ОС	СФ	СЛ	ОС
1	3,1	3,2	3	2,6	3,3	2,9
2	2,6	2,1	1,7	2,1	2,8	2,3
3	2,2	1,6	1,9	1,9	2,3	2,2
4	3,2	2,5	3	2,9	3,1	3,5
5	3	2,9	2,8	2,3	2,8	2,8
6	3,4	3,5	3,7	3,6	4	4,1
7	3,2	2,6	2,5	1,9	2,5	2,5
8	3	2,3	3,6	3,2	3,4	3,6
9	3	3,4	3,6	2,8	3,6	3,2
10	2,6	2,6	3,7	2,8	3,2	3
Σ	29,3	26,7	29,5	26,1	31	30,1

Как видно из последней строки, студенты Литературного института более критично оценивают краткую версию, чем студенты-филологи и «обычные» студенты, в то время как студенты-филологи более критичны к «литературной» версии, чем студенты Литературного института и «обычные» студенты. К сожалению, из-за небольшого размера выборки эти различия не являются статистически значимыми в целом, но они значимы для пред-

ложения 8 первого варианта (*Ее звонкая доброта казалась неуместной*; $H(2, 54) = 7,16$; $p < 0,05$) и предложения 10 первого варианта (*Эта скрипящая радость показалаась ему преждевременной*; $H(2, 54) = 8,74$; $p < 0,05$)¹¹.

Также студенты Литературного института строже оценивают краткую версию, чем «литературную», тогда как студенты-филологи, наоборот, отдают предпочтение краткой версии. У «обычных» студентов не наблюдается различий в оценке двух версий. По причине небольшой выборки эти различия не обладают статистической значимостью в целом, но они значимы для предложений 3 (*Крупный запах голландского сыра отчетливо ощущался на кухне и Крупный запах голландского сыра отчетливо ощущался на кухне и пробуждал аппетит у всех собравшихся*; $U(17, 20) = 107$; $p < 0,05$) и 8 ($U(17, 20) = 93$; $p < 0,01$) в случае СЛ и предложения 7 (*Улица удивляла прохожих бесформенным цветом ее домов и Улица удивляла прохожих бесформенным цветом ее домов, таких же грязных и неопрятных, как и весь пейзаж вокруг*; $U(14, 17) = 60,5$; $p < 0,05$) в случае СФ.

В заключение следует остановиться на гендерных различиях. Средние оценки респондентов мужского и женского пола приведены в Таблице 8. Если различия в оценке краткой версии не обладают статистической значимостью, то для «литературной» версии эти различия значимы как в целом ($U(52, 126) = 2719$; $p < 0,05$), так и для предложения 1 (*Он прилетел вечерним рейсом, и его встретил горький шум города*; $U(54, 129) = 2741,5$; $p < 0,05$), предложения 4 (*Новый параграф учебника начинался с громкой теоремы, которая требовала заметных усилий даже для понимания формулировки*; $U(54, 129) = 2489,5$; $p < 0,01$) и предложения 7 (*Улица удивляла прохожих бесформенным цветом ее домов, таких же грязных и неопрятных, как и весь пейзаж вокруг*; $U(55, 128) = 2945$; $p < 0,05$).

Если перейти к выборке школьников, в которой переменные возраста, образования и вида деятельности фиксированы, и проанализировать гендерные различия в ее рамках (Таблица 9), то статистически значимые различия для «литературной» версии в целом исчезают ($U(46, 63) = 1184,5$; $p = 0,053$), но они сохраняются для предложений 1 ($U(48, 64) = 1221$; $p < 0,05$) и 4 ($U(48, 64) = 1116$; $p < 0,05$).

Обсуждение

Результаты эксперимента 4, так же как и результаты предыдущих экспериментов, наглядно показывают отсутствие однородности в оценках носителями языка включенных в опросник предложений. Это касается как респондентов в целом, так и отдельных групп респондентов (студенты, школьники, студенты-филологи и т. д.).

Далее, в отличие от эксперимента 3, данный эксперимент не выявил значимых различий между оценками студентов и школьников в среднем, а для тех предложений, для которых расхождения оказались значимыми, они

¹¹ При сравнении трех групп мы использовали критерий Краскела–Уоллиса.

Таблица 8

Средние оценки респондентов мужского и женского пола
(жирным шрифтом выделены статистически значимые расхождения)

	Вариант 1		Вариант 2	
	М	Ж	М	Ж
1	2,8	2,8	3,3	2,8
2	2	1,9	2,1	2,2
3	2	2	2,2	2,2
4	3,2	3	3,8	3,2
5	2,8	3	3,1	2,8
6	3,9	3,5	3,9	3,8
7	2,7	2,7	2,8	2,4
8	3,2	3	3,4	3,2
9	3,4	3,2	3,1	3
10	3,1	3	3,2	3
Σ	29,1	28,1	30,9	28,6

Таблица 9

Средние оценки респондентов-школьников мужского и женского пола
(жирным шрифтом выделены статистически значимые расхождения)

	Вариант 1		Вариант 2	
	М	Ж	М	Ж
1	2,5	2,6	3,2	2,8
2	1,9	1,8	2	2,1
3	2,1	2,1	2,1	2,2
4	3,3	3	3,8	3,2
5	2,8	3	3,2	2,8
6	3,9	3,4	3,8	3,7
7	2,7	2,7	2,8	2,5
8	3,2	2,9	3,4	3
9	3,4	3,1	3,1	2,8
10	3,2	3	3,1	3
Σ	29	27,6	30,5	28,1

имели противоположный знак (оценки студентов были выше, чем оценки школьников). Для понимания этого факта нужно еще раз подчеркнуть, что структура предложений, входящих в эксперимент 4, отличалась от структуры предложений эксперимента 3. Эти предложения не имели «правильных» аналогов, полученных заменой одного из элементов базовой конструкции на его синоним, а носили в большей степени «творческий» характер. Не обсуждая здесь возможных механизмов, стоящих за этими различиями, ввиду их явной гипотетичности, отметим лишь факторы, которые могли на эти различия повлиять: чувствительность к синонимичным конструкциям, связанная с объемом прочитанных текстов (у студентов в среднем он должен быть больше), более жесткие формальные критерии для оценки предложений школьниками старших классов, связанные с их подготовкой к ЕГЭ по русскому языку (это могло проявиться в оценке предложения *Его встретил горький шум города*), различия в актуальности тех или иных социокультурных практик (так, для школьников рисование треугольников на доске в среднем заметно более актуально, чем для студентов, что могло повлиять на оценку предложения *Когда Ольга вошла в класс, она с удивлением обнаружила, что на доске был нарисован нервный треугольник*) и т. д. Другими словами, это социокультурные факторы разного уровня значимости и их возможные социокогнитивные следствия.

Социокультурными факторами вызваны, вероятно, и различия в оценках студентов Литературного института, студентов филологических факультетов и «обычных» студентов. Эти различия можно объяснить следующим образом: профессиональная деятельность и студентов Литературного института, и студентов-филологов строится вокруг работы с текстами, но эта работа имеет разные акценты. Для студентов Литературного института она представляет собой порождение новых текстов, т. е. творческий синтез. В связи с этим они более благосклонны к «литературной» версии и более критичны к краткой, которую, возможно, воспринимают как редуцированную «литературную» версию. Студенты-филологи же занимаются анализом текстов, поэтому более критичны к «литературной» версии, а краткую версию оценивают в среднем так же, как и «обычные» студенты, не видя в ней претензий на литературность. Показательна при этом гораздо более жесткая, чем у «обычных» студентов, оценка и студентами-филологами, и студентами Литературного института первого варианта предложения 10 (*Эта скрипящая радость показалась ему преждевременной*), которое, вероятно, воспринимается ими как стилистически крайне неудачное. Интересно, что это различие заметно смягчается во втором варианте (*Ольга приглушенным голосом сообщила ему об улучшении состояния отца, но эта скрипящая радость показалась ему преждевременной*).

Обратимся теперь к различиям в оценках респондентов мужского и женского пола. Различия в трактовке «литературной» версии опроса юношами и девушками не следует генерализировать. Как отмечалось, подобных различий не было зафиксировано в эксперименте 3, и в данном случае они, скорее всего, связаны с особенностями стимульного материала. Инте-

ресно в этом аспекте посмотреть на предложения 1 (*Он прилетел вечерним рейсом, и его встретил горький шум города*) и 4 (*Новый параграф учебника начинался с громкой теоремы, которая требовала заметных усилий даже для понимания формулировки*). Причины расхождения в обоих случаях не являются очевидными, но некоторые гипотетические модели можно предложить. Начнем с предложения 1. Заметим, что только в этом предложении есть четкая гендерная маркировка, носящая безличный характер (*он*). В других стимульных предложениях она либо отсутствует, либо субъект прямо назван (*Ольга, Андрей*). Также следует отметить, что экспериментальные исследования по когнитивной психологии, выполненные в последние десятилетия, убедительно показывают, что человек при чтении (или восприятии на слух) текста создает ментальную модель описываемых событий, активизирующую (по крайней мере, частично) нейронные сети, которые активизируются, если он становится реальным участником этих событий (например, чтение предложения про бегущего человека запускает кинетические схемы, работающие при беге (см. краткий обзор таких исследований в [Глебкин 2014: 74–77], а также [Just 2008; Radvansky et al. 2011; Tamplin et al. 2013; Martin 2016]). Тогда можно предположить, что респонденты мужского пола при чтении неосознанно воспринимают себя участниками описываемых событий, что повышает оценку предложения, а респонденты женского пола читают это предложение более отстраненно. Подчеркнем еще раз, что на данный момент это — лишь гипотеза, требующая тщательной экспериментальной проверки.

Еще более гипотетичным является объяснение расхождений в случае предложения 4. Заметим в качестве исходной точки, что краткая версия (*Новый параграф учебника начинался с громкой теоремы*) не вызывает заметных различий в оценках, так что эффект достигается присоединением второй части. Для интерпретации этого факта обратим внимание на то, что процент юношей в классах гуманитарной направленности невелик, поэтому в «мужской» части выборки есть сдвиг в сторону точных дисциплин. Вторая часть предложения превращает довольно абстрактное утверждение в описание конкретной ситуации, которая вызывает у респондентов, испытывающих трудности в изучении геометрии, вероятно, более негативное переживание, чем у тех, кто более успешен в предмете. Возможно, это переживание выступает в качестве спонтанного прайминга, приводя у девушек к более негативным оценкам корректности предложения в целом¹².

Прежде чем переходить к заключению, важно сделать одно замечание методологического характера, которое позволит, мы надеемся, избежать недоразумений в оценке модели статистической обработки приведенных данных и их интерпретации. Если при проведении первых трех экспериментов мы еще рассчитывали выявить какие-то универсальные расхожде-

¹² Определенным дополнительным аргументом в пользу такой интерпретации является сравнение оценок данного предложения юношами и девушками, учащими-ся в математических классах. У юношей среднее значение равно 3,7, у девушек — 3,1.

ния в оценках (например, что люди с высшим образованием оценивают краткие версии более критично, а «литературные» — более лояльно, чем школьники старших классов), то результаты эксперимента 4 отчетливо показали, что таких расхождений, скорее всего, выявить не удастся. Различающиеся по полу, возрасту, образованию, профессиональной принадлежности группы обнаруживали статистически значимые различия для одних типов предложений и не обнаруживали таких различий для других типов. Полученные данные дают отчетливое ощущение, что складывающаяся картина гетерогенна, и различия в оценках определяются сложной совокупностью лингвистических и социокультурных факторов. В связи с этим мы рассматривали данные по каждому предложению как отдельный пилотный эксперимент, открывающий перспективу для дальнейших экспериментов в случае выявления значимых различий. Этим вызвана статистически неочевидная, на первый взгляд, процедура анализа данных по каждому предложению в отдельности.

Заключение

На основании проведенных экспериментов можно сформулировать несколько общих утверждений относительно проблем, поставленных во введении и следующем за ним разделе статьи.

1. Проведенные эксперименты подтверждают тезис о значимых расхождениях в языковых интуициях различных компетентных носителей языка в области С (области «сомнительных» конструкций) и о гетерогенности стоящей за этими интуициями языковой компетенции (по крайней мере, ее лексической составляющей). Ни в одной из выборок в проведенных экспериментах нам не удалось выявить группу с высокой степенью гомогенности оценок контрольных предложений. Такой гомогенности не было ни у респондентов в целом, ни у студентов-филологов, ни у студентов Литературного института. Языковая компетенция экспертов требует, безусловно, дальнейшего анализа на большей выборке, но полученные данные дают основания предположить, что группа экспертов заметно более гомогенна и более критична в оценках, чем группа «обычных» носителей. Тем не менее расхождения в группе экспертов существенны, что не позволяет использовать позицию этой группы как универсальный критерий оценки правильности тех или иных конструкций.
2. Отсюда, в свою очередь, вытекает вопрос о статусе утверждений $*X$, $?X$, $??X$, широко используемых в лингвистике. Как мы видели выше на примере фрагмента из [НОССРЯ], такие утверждения выступают как обоснование теоретических построений авторов, но не обосновываются сами. Данные экспериментов показывают, что подразумеваемой по умолчанию ссылки на языковую компетенцию

исследователя в подобных случаях недостаточно, и такие утверждения требуют экспликации верификационной процедуры.

3. Вопрос о критериях репрезентативной выборки в лингвистических экспериментах, опирающихся на языковую компетенцию носителей, крайне сложен. Как было показано, пол, образование, вид деятельности могут влиять на оценки респондентов. Однако это влияние не носит универсального характера, изменяясь в зависимости от типа оцениваемых конструкций. Филологи и не-филологи могут одинаково оценивать одни конструкции и существенно различаться в оценках других. То же можно сказать про студентов и школьников, мужчин и женщин и т. д. Детализация отмеченных различий требует большой и кропотливой работы. Гетерогенный характер стимульного материала был вызван тем, что мы не понимали изначально, какой тип конструкций может дать значимый эффект, и пытались «нащупать» области, продуктивные для дальнейшего исследования. Стимульные предложения, на которых были выявлены статистически значимые различия, рассматриваются нами как проблемные точки для разработки других экспериментов, в которых могут быть выявлены когнитивные и социокультурные механизмы, стоящие за данными различиями.
- 3.1. В связи с этим на данном этапе можно рекомендовать при подготовке сравнительных экспериментальных исследований предварительно тестировать зависимость ответов респондентов от различных социально-демографических параметров (пол, образование, вид деятельности, возраст, место проживания и т. д.) и только после этого формировать выборку или, если это по каким-то причинам невозможно, выравнивать выборки по параметрам, которые гипотетически могут оказаться актуальными в условиях конкретного эксперимента.
4. Понятие языковой компетенции не следует рассматривать исключительно как предмет теоретических дебатов. Зависимость языковой компетенции от различных лингвистических и экстралингвистических факторов требует экспериментального исследования. В планах авторов — выявление различий в оценках правильности конструкции, прочитанной респондентом и воспринятой на слух; конструкции, находящейся в фокусе внимания читателя/слушателя и на смысловой периферии; зависимость оценки от ситуационного контекста; дальнейшее исследование влияния различных социокультурных факторов на оценку.

Словари

НОССРЯ 2003 — Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2003.

Литература

Авина 2003 — Н. Ю. А в и н а. К исследованию языка диаспоры: лингвистический аспект (на материале русских Литвы) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2. С. 5–13.

Антонова 2007 — О. В. А н т о н о в а. О рефлексах старомосковского произношения в современной звучащей речи // Русский язык в научном освещении. 2007. № 1. С. 225–238.

Глебкин 2014 — В. В. Г л е б к и н. Смена парадигм в лингвистической семантике: от изоляционизма к социокультурным моделям. М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2014.

Давыдов 1990 — А. А. Д а в ы д о в. Репрезентативность выборки // Социологические исследования. 1990. № 1. С. 115–121.

Добрушина 2013 — Е. Р. Д о б р у ш и н а. Норма-кодификация против нормы-интуиции, или Двести лет вместе с «ихний» // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2. С. 181–204.

Дурягин 2021 — П. В. Д у р ы г и н. Интонация частного вопроса в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2021. № 1. С. 137–177.

Земская 2001 — Е. А. З е м с к а я. Язык русского зарубежья: Итоги и перспективы исследования // Русский язык в научном освещении. 2001. № 1. С. 114–131.

Земская 2008 — Е. А. З е м с к а я. Речевой портрет эмигрантки первой волны (третье поколение) // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 196–207.

Князев, Красько 2019 — С. В. К н ы з е в, А. В. К р а с ь к о. Коартикуляция по голосу в сочетаниях «велярный + звонкий губно-зубной спирант» внутри и на стыках фонетических слов в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 2. С. 9–24.

Кошелев 2017 — А. Д. К о ш е л е в. Очерки эволюционно-синтетической теории языка. М.: Издательский Дом ЯСК, 2017.

Милёхина 2005 — Т. А. М и л ё х и н а. Материалы к изучению социально ограниченных языковых подсистем (лексикон саратовских предпринимателей) // Русский язык в научном освещении. 2003. № 2. С. 267–279.

Оглезнева 2008 — Е. А. О г л е з н е в а. Дальневосточный региолект русского языка: особенности формирования // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 119–136.

Перцов 2006 — Н. В. П е р ц о в. К суждениям о фактах русского языка в свете корпусных данных // Русский язык в научном освещении. 2006. № 1. С. 227–245.

Плунгян 2008 — В. А. П л у н г я н. Корпус как инструмент и как идеология: о некоторых уроках современной корпусной лингвистики // Русский язык в научном освещении. 2008. № 2. С. 7–20.

Савинов и др. 2020 — Д. М. Савинов, Е. С. Скачедубова, А. Е. Сомова. Активные процессы в просодической системе русского языка: акцентуация глаголов прошедшего времени // Русский язык в научном освещении. 2020. № 2. С. 11–32.

Скачедубова 2008 — Е. С. Скачедубова. Произносительная подсистема сложных и сложносокращенных слов: тенденции развития // Русский язык в научном освещении. 2008. № 1. С. 148–158.

Стаферова 2014 — Д. А. Стаферова. Социолингвистическое исследование вариативности твёрдости согласного [Т] или [Т'] перед гласным [Е] // Русский язык в научном освещении. 2014. № 2. С. 104–125.

Шмелев 2010 — А. Д. Шмелев. Языковые факты и корпусные данные // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1. С. 236–265.

Ягунова 2007 — Е. В. Ягунова. Фонетические признаки опорных сегментов и восприятие русского текста // Русский язык в научном освещении. 2007. № 2. С. 164–186.

Chomsky 1965 — N. Chomsky. Aspects of the theory of syntax. Cambridge, MA: MIT Press, 1965.

Chomsky 1975 — N. Chomsky. The logical structure of linguistic theory. New York: Plenum, 1975.

Chomsky 2006 — N. Chomsky. Language and mind. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2006.

Chomsky 2009 (1966) — N. Chomsky. Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought. Cambridge etc.: Cambridge University Press, 2009.

Dąbrowska 2010 — E. Dąbrowska. Native vs. expert competence: An empirical study of speaker intuitions // The Linguistic Review. 2010. 27. P. 1–23.

Gibbs 2006 — R. W. Jr. Gibbs. Introspection and cognitive linguistics // Annual Review of Cognitive Linguistics. 2006. 4. P. 135–151.

Hallan 2001 — N. Hallan. Paths to prepositions? A corpus-based study of the acquisition of a lexico-grammatical category // Frequency and the emergence of linguistic structure / J. Bybee, P. Hopper (eds.). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2001. P. 91–122.

Häussler, Juzek 2020 — J. Häussler, T. Juzek. Linguistic intuitions and the puzzle of gradience // Linguistic intuitions: evidence and method / S. Schindler, A. Drożdżowicz, K. Bröcker (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 233–254.

Janda 2013 — L. Janda. Quantitative methods in *Cognitive Linguistics*: An introduction // Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn / L. Janda (ed.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2013. P. 1–32.

Just 2008 — M. Just. What brain imaging can tell us about embodied meaning // Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition / M. de Vega, A. Glenberg, A. Graesser (eds.). Oxford; New York: Oxford University Press. 2008. P. 75–84.

Livesey 2014 — Ch. Livesey. Cambridge international AS and A level sociology coursebook. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2014.

Martin 2016 — A. Martin. GRAPES—grounding representations in action, perception, and emotion systems: how object properties and categories are represented in the human brain // Psychonomic Bulletin & Review. 2016. 23. P. 979–990.

Radvansky et al. 2011 — G. Radvansky, S. Krawietz, A. Tamplin. Walking through doorways causes forgetting: Further explorations // Quarterly Journal of Experimental Psychology. 2011. 64. P. 1632–1645.

Santana 2020 — C. S a n t a n a. How we make good use of linguistic intuitions, even if they are not good evidence // *Linguistic intuitions: evidence and method* / S. Schindler, A. Drożdżowicz, K. Brøcker (eds.). Oxford: Oxford University Press, 2020. P. 129–148.

Schutze 1996 — C. S c h u t z e. The empirical basis of linguistics: Grammaticality judgements and linguistic methodology. Chicago: University of Chicago Press, 1996.

Schutze 2005 — C. S c h u t z e. Thinking About What We Are Asking Speakers to Do // *Linguistic Evidence: Empirical, Theoretical and Computational Perspectives. Studies in Generative Grammar 85* / S. Kepsar, M. Reis (eds.). Berlin: Mouton De Gruyter, 2005. P. 457–485.

Sidhu et al. 2019 — D. S i d h u, P. P e x m a n, J. S a i n t - A u b i n. Is un stylo sharper than une épée? Investigating the interaction of sound symbolism and grammatical gender in English and French speakers. PLoS ONE. 14 (12). 2019: e0225623. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0225623>.

Siyanova-Chanturia et al. 2011 — A. S i y a n o v a - C h a n t u r i a, K. C o n k l i n, N. S c h m i t t. Adding more fuel to the fire: An eye-tracking study of idiom processing by native and non-native speakers // *Second Language Research*. 2011. 27 (2). P. 251–272.

Talmy 2007 — L. T a l m y. Foreword // *Methods in cognitive linguistics* / M. Gonzalez-Marquez (ed.) et al. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins, 2007. P. XI–XXI.

Tamplin et al. 2013 — A. T a m p l i n, S. K r a w i e t z, G. R a d v a n s k y, D. C o p e l a n d. Event memory and moving in a well-known environment // *Memory & cognition*. 2013. 41. P. 1109–1121.

Vanlanker-Sidtis 2003 — D. V a n l a n c k e r - S i d t i s. Auditory recognition of idioms by native and nonnative speakers of English: It takes one to know one // *Applied Psycholinguistics*. 2003. 24 (1). P. 45–57.

Wierzbicka 1980 — A. W i e r z b i c k a. *Lingua mentalis: The Semantics of natural Language*. Sydney etc.: Academic Press, 1980.

Wierzbicka 1985 — A. W i e r z b i c k a. *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma, 1985.

Wierzbicka 1996 — A. W i e r z b i c k a. *Semantics: primes and universals*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press, 1996.

Wierzbicka 2015 — A. W i e r z b i c k a. Innate Conceptual Primitives Manifested in the Languages of the World and in Infant Cognition // *The conceptual mind: new directions in the study of concepts* / E. Margolis, S. Laurence (eds.). Cambridge, Mass.: MIT Press, 2015. P. 379–412.

Приложение 1. Опросник эксперимента 3

Вариант 1

Уважаемый респондент!

Мы будем искренне признательны Вам за помощь в проведении социо-лингвистического исследования.

Пожалуйста, укажите Ваши

Пол («М» или «Ж»):

Возраст:

Образование: общее среднее (учусь в 10–11 кл.), полное среднее (учусь в институте), высшее техническое (бакалавриат, магистратура, специалитет), высшее гуманитарное (бакалавриат, магистратура, специалитет), высшее (экономика, финансы) (бакалавриат, магистратура, специалитет):

В данном опросе Вам будет представлено 12 предложений, корректность каждого из них нужно оценить по шкале от 1 до 5, где 1 = предложение абсолютно не соответствует нормам русского языка, 2 = предложение, скорее всего, не соответствует нормам русского языка, 3 = оценка соответствия нормам русского языка вызывает затруднения, 4 = предложение, скорее всего, соответствует нормам русского языка, 5 = предложение полностью соответствует нормам русского языка. Для каждого предложения отметьте нужную цифру (от 1 до 5). **Обращаем Ваше внимание, что при принятии решения нужно опираться исключительно на Вашу языковую интуицию.**

Предложения для оценки корректности:

1. Ее сердце было полно сомнений.
1 2 3 4 5
2. Аппарат работает с легким звуком.
1 2 3 4 5
3. Ее интеллект не выдержал этого.
1 2 3 4 5
4. Из комнаты доносились жидкие звуки мужского голоса.
1 2 3 4 5
5. Он находит, будто все им восхищаются.
1 2 3 4 5
6. Внезапно он услышал новый запах.
1 2 3 4 5
7. По его тону сложно было понять, серьезно он говорит или измывается.
1 2 3 4 5
8. В доме ощущался толстый запах гари.
1 2 3 4 5
9. В записке было несколько слов на неясном языке.
1 2 3 4 5

10. Машина остановилась с пронзительным шумом.

1 2 3 4 5

11. Петр открыл дверь и быстро вошел в комнату.

1 2 3 4 5

12. Был осень, листья желтел и падавшая.

1 2 3 4 5

Предложения варианта 2

1. Ее сердце было полно сомнений, когда она шла на это свидание.
2. Андрей с удивлением обнаружил, что аппарат работает с легким звуком, и стал внимательно изучать инструкцию.
3. Интеллект Ольги не выдержал этого, и она заметно сдала, и физически, и морально.
4. Из комнаты доносились жидкие звуки мужского голоса, картавого и надтреснутого.
5. В какой бы компании Олег ни оказался, он находит, будто все им восхищаются.
6. Войдя в комнату, Виктор внезапно услышал новый запах и застыл в напряжении.
7. По его тону сложно было понять, серьезно он говорит или измывается, и Борис попытался ответить ему ничего не значащими словами, пригодными в любой ситуации.
8. В доме, уже затронутом пожаром, ощущался толстый запах гари, и девочки непроизвольно закашлялись, открыв входную дверь.
9. В записке было несколько слов на неясном языке, и Николай недоуменно пожал плечами, не понимая, что все это может означать.
10. Машина остановилась с пронзительным шумом, и из нее вышел развязный господин средних лет и весьма неприятной наружности.
11. Петр открыл дверь и быстро вошел в комнату.
12. Был осень, листья желтел и падавшая.

Приложение 2. Предложения эксперимента 4

Вариант 1

1. Его встретил горький шум города.
2. На доске был нарисован нервный треугольник.
3. Крупный запах голландского сыра отчетливо ощущался на кухне.

4. Новый параграф учебника начинался с громкой теоремы.
5. Авокадо поразило Андрея своим зимним вкусом.
6. Эта колючая идея преследовала Олю все утро.
7. Улица удивляла прохожих бесформенным цветом ее домов.
8. Ее звонкая доброта казалась неуместной.
9. Шершавый запах гари ощущался издалека.
10. Эта скрипящая радость показалась ему преждевременной.
11. Вчера несколько часов шел дождь.
12. Зима пришел, дорога был белый и хрустящее.

Вариант 2

1. Он прилетел вечерним рейсом, и его встретил горький шум города.
2. Когда Ольга вошла в класс, она с удивлением обнаружила, что на доске был нарисован нервный треугольник.
3. Крупный запах голландского сыра отчетливо ощущался на кухне и пробуждал аппетит у всех собравшихся.
4. Новый параграф учебника начинался с громкой теоремы, которая требовала заметных усилий даже для понимания формулировки.
5. Авокадо поразило Андрея своим зимним вкусом, и он сказал об этом жене, которая с ним согласилась.
6. Эта колючая идея преследовала Олю все утро, не давая ей успокоиться ни на минуту.
7. Улица удивляла прохожих бесформенным цветом ее домов, таких же грязных и неопрятных, как и весь пейзаж вокруг.
8. Мать постоянно опекала его, заботилась о нем, но ее звонкая доброта казалась ему неуместной.
9. Пожар был сильным, и шершавый запах гари ощущался издалека, еще у небольшой рощи за несколько километров от города.
10. Ольга приглушенным голосом сообщила ему об улучшении состояния отца, но эта скрипящая радость показалась ему преждевременной.

Статья получена 08.06.2021

Vladimir V. Glebkin

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
School 1514, Moscow
(Moscow, Russia)

Varvara A. Kuznetsova

Unaffiliated researcher
(Moscow, Russia)

LINGUISTIC COMPETENCE AS AN OBJECT OF EXPERIMENTAL RESEARCH

Argumentation or illustration of theoretical ideas by referring to “wrong” (*X) or “doubtful” (?X, ??X) constructions has long been an ordinary element of linguistic research. “Incorrectness” or “doubtfulness” of the constructions is usually not justified, being considered obvious to any competent native speaker. This practice is based on the postulate of equivalence (or at least of absence of significant differences) of competent speakers’ linguistic intuitions. Another issue that this research addresses is the problem of correct sampling for a population. This is one of the most important problems in experimental sciences, but it is often underestimated by linguists, who by default rely on the premise that all native speakers have the same linguistic intuitions and, therefore, are interchangeable in linguistic experiments. This study provides strong evidence against this assumption, basing on assessments of correctness of some semantic constructions made by different groups of native speakers. The authors show that gender, level of education, and occupation are factors that have to be taken into account in sampling linguistic experiments based on a comparison of native speakers of different languages or first and second language speakers. Finally, the article outlines possible directions for a fully-fledged experimental study of linguistic competence.

Keywords: linguistic competence, linguistic intuition, linguistic experiment, representative sample, “competent” native speaker.

References

- Antonova, O. V. (2007). O refleksakh staromoskovskogo proiznosheniia v sovremennoi zvuchashchei rechi. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 225–238.
- Avina, N. Yu. (2003). K issledovaniiu yazyka diaspory: lingvisticheskii aspekt (na materiale russkikh Litvy). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 5–13.
- Chomsky, N. (1965). *Aspects of the theory of syntax*. Cambridge, MA: MIT Press.
- Chomsky, N. (1975). *The logical structure of linguistic theory*. New York: Plenum.
- Chomsky, N. (2006). *Language and mind*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Chomsky, N. (2009). *Cartesian Linguistics. A Chapter in the History of Rationalist Thought*. Cambridge etc.: Cambridge University Press.
- Dąbrowska, E. (2010). Native vs. expert competence: An empirical study of speaker intuitions. *The Linguistic Review*, 27, 1–23.
- Davydov, A. A. (1990). Reprezentativnost' vyborki. *Sotsiologicheskie issledovaniia*, 1, 115–121.

Dobrushina, E. R. (2013). Norma-kodifikatsiia protiv normy-intuitsii, ili Dvesti let vmeste s «ikhni». *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 181–204.

Duriagin, P. V. (2021). Intonatsiia chastnogo voprosa v russkom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 137–177.

Gibbs, R. W. Jr. (2006). Introspection and cognitive linguistics. *Annual Review of Cognitive Linguistics*, 4, 135–151.

Gleбкин, В. В. (2014). *Smena paradigm v lingvisticheskoi semantike: ot izoliat-sionizma k sotsiokul'turnym modeliam*. Moscow; St Petersburg: Tsentr humanitarnykh initsiativ.

Hallan, N. (2001). Paths to prepositions? A corpus-based study of the acquisition of a lexico-grammatical category. In J. Bybee, & P. Hopper (Eds.), *Frequency and the emergence of linguistic structure* (pp. 91–122). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Häussler, J., & Juzek, T. (2020). Linguistic intuitions and the puzzle of gradience. In S. Schindler, A. Drożdżowicz, & K. Brøcker (Eds.), *Linguistic intuitions: evidence and method* (pp. 233–254). Oxford: Oxford University Press.

Janda, L. (2013). Quantitative methods in Cognitive Linguistics: An introduction. In L. Janda (Ed.), *Cognitive Linguistics: The Quantitative Turn* (pp. 1–32). Berlin: De Gruyter Mouton.

Just, M. (2008). What brain imaging can tell us about embodied meaning. In M. de Vega, A. Glenberg, & A. Graesser (Eds.), *Symbols and embodiment: debates on meaning and cognition* (pp. 75–84). Oxford; New York: Oxford University Press.

Kniazev, S. V., & Kras'ko, A. V. (2019). Koartikuliatsiia po golosu v sochetaniiaxh «veliarnyi + zvonkii gubno-zubnoi spirant» vnutri i na stykakh foneticheskikh slov v so-vremennom russkom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 9–24.

Koshelev, A. D. (2017). *Ocherki evoliutsionno-sinteticheskoi teorii yazyka*. Moscow: Izdatel'skii Yazyki slavianskoi kul'tury.

Livesey, Ch. (2014). *Cambridge international AS and A level sociology coursebook*. Cambridge, UK: Cambridge University Press.

Martin, A. (2016). GRAPES—grounding representations in action, perception, and emotion systems: how object properties and categories are represented in the human brain. *Psychonomic Bulletin & Review*, 23, 979–990.

Milekhina, T. A. (2003). Materialy k izucheniiu sotsial'no ogranicennykh yazyk-ovykh podsystem (leksikon saratovskikh predprinimatelei). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 267–279.

Oglezneva, E. A. (2008). Dal'nevostochnyi regiolekt russkogo yazyka: osobennosti formirovaniia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 119–136.

Pertsov, N. V. (2006). K suzhdeniiam o faktakh russkogo yazyka v svete korpusnykh dannykh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 227–245.

Plungian, V. A. (2008). Korpus kak instrument i kak ideologiya: o nekotorykh urokakh sovremennoi korpusnoi lingvistiki. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 7–20.

Radvansky, G., Krawietz, S., & Tamplin, A. (2011). Walking through doorways causes forgetting: Further explorations. *Quarterly Journal of Experimental Psychology*, 64, 1632–1645.

Santana, C. (2020). How we make good use of linguistic intuitions, even if they are not good evidence. In S. Schindler, A. Drożdżowicz, & K. Brøcker (Eds.), *Linguistic intuitions: evidence and method* (pp. 129–148). Oxford: Oxford University Press.

Savinov, D. M., Skachedubova, E. S., & Somova, A. E. (2020). Aktivnye protsessy v prosodicheskoi sisteme russkogo yazyka: aktsentuatsiia glagolov proshedshego vremeni. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 11–32.

Schutze, C. (1996). *The empirical basis of linguistics: Grammaticality judgements and linguistic methodology*. Chicago: University of Chicago Press.

Schutze, C. (2005). Thinking About What We Are Asking Speakers to Do. In S. Kepsar, & M. Reis (Eds.), *Linguistic Evidence: Empirical, Theoretical and Computational Perspectives. Studies in Generative Grammar 85* (pp. 457–485). Berlin: Mouton De Gruyter.

Shmelev, A. D. (2010). Yazykovye fakty i korpusnye dannye. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 236–265.

Sidhu, D., Pexman, P., & Saint-Aubin, J. (2019). Is un stylo sharper than une épée? Investigating the interaction of sound symbolism and grammatical gender in English and French speakers. *PLoS ONE*, 14(12). Retrieved from <https://journals.plos.org/plosone/article?id=10.1371/journal.pone.0225623>

Siyanova-Chanturia, A., Conklin, K., Schmitt, N. (2011). Adding more fuel to the fire: An eye-tracking study of idiom processing by native and non-native speakers. *Second Language Research*, 27(2), 251–272.

Skachedubova, E. S. (2008). Proiznositel'naia podсистема slozhnykh i slozhnosokraschennykh slov: tendentsii razvitiia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 148–158.

Staferova, D. A. (2014). Sotsiolingvisticheskoe issledovanie variativnosti tverdsti soglasnogo [T] ili [T'] pered glasnym [E]. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 104–125.

Talmy, L. (2007). Foreword. In M. Gonzalez-Marquez et al. (Eds.), *Methods in cognitive linguistics* (pp. 11–21). Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins.

Tamplin, A., Krawietz, S., Radvansky, G., & Copeland, D. (2013). Event memory and moving in a well-known environment. *Memory & Cognition*, 41, 1109–1121.

Vanlancker-Sidtis, D. (2003). Auditory recognition of idioms by native and nonnative speakers of English: It takes one to know one. *Applied Psycholinguistics*, 24(1), 45–57.

Wierzbicka, A. (1980). *Lingua mentalis: The Semantics of natural Language*. Sydney etc.: Academic Press.

Wierzbicka, A. (1985). *Lexicography and Conceptual Analysis*. Ann Arbor: Karoma.

Wierzbicka, A. (1996). *Semantics: primes and universals*. Oxford, N. Y.: Oxford University Press.

Wierzbicka, A. (2015). Innate Conceptual Primitives Manifested in the Languages of the World and in Infant Cognition. In E. Margolis, & S. Laurence (Eds.), *The conceptual mind: new directions in the study of concepts* (pp. 379–412). Cambridge, Mass.: MIT Press.

Yagunova, E. V. (2007). Foneticheskie priznaki opornykh segmentov i vospriiatie russkogo teksta. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2, 164–186.

Zemskaja, E. A. (2001). Yazyk russkogo zarubezh'ia: Itogi i perspektivy issledovaniia. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 114–131.

Zemskaja, E. A. (2008). Rechevoi portret emigrantki pervoi volny (tret'e pokolenie). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1, 196–207.

Received on June 8, 2021

А. К. КИКЛЕВИЧ

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне
(Ольштын, Польша)
aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

ИЗЪЯСНИТЕЛЬНЫЙ СОЮЗ КАК В РУССКОМ — JAK В ПОЛЬСКОМ: СЕМАНТИКА И СОЧЕТАЕМОСТЬ*

Автор сравнивает семантические и дистрибутивно-синтаксические свойства русского союза КАК и его польского аналога JAK в изъяснительном предложении. Анализируются представленные в польской и русской лингвистической литературе разные трактовки этих единиц (динамический характер содержания сентенциального актанта, фактивность, внутренняя перспектива и др.). Автор представляет собственную концепцию, в соответствии с которой данные союзы трактуются как показатели внутренней (не манифестированной) спецификации описанной в придаточной части ситуации. Дистрибутивно-синтагматические особенности союза описываются с учетом лексического значения матричного и включенного предиката, а также его грамматических характеристик — с точки зрения категории вида и времени. Рассматриваются также различительные характеристики союзов в польском и русском языках.

Ключевые слова: синтаксис, семантика, сложное предложение, придаточное предложение, сентенциальный актант, союз, славянские языки.

Введение

Предметом данной статьи являются семантические и синтаксические свойства русского союза КАК и его польского эквивалента JAK в придаточных предложениях изъяснительного типа. Употребление союзов КАК|JAK в русском и польском языках во многом схоже, что дает основание для их рассмотрения в теоретическом и сопоставительном аспектах с учетом публикаций польских и российских ученых. Данная проблема не нова, однако в литературе наблюдается заметное расхождение трактовок, при этом некоторые аспекты употребления союзов ранее не были учтены. Союзы КАК|JAK не всегда упоминаются при описании изъяснительных предложений (как сентенциальных актантов) или же рассматриваются только в предложениях с косвенным вопросом (см. [Kallas 1986: 129;

* Автор выражает благодарность своим коллегам Г. И. Кустовой, М. Л. Котину и Л. Шиманьскому за прочтение статьи и ценные замечания.

Kaleta 1995: 423; Grzegorzczkova 1996: 107]). Кроме того, их союзная функция не отмечена во многих толковых словарях.

В силу специфики союзов как реляционных операторов в литературе недостаточно разграничиваются их семантические и дистрибутивные характеристики, т. е. то, что союз вносит в содержание синтаксической связи между частями сложного предложения, и те (семантические или грамматические) признаки, которые требуются от его синтагматических партнеров, т. е. реализуются в главной или зависимой клаузе. В данной статье эти аспекты будут описаны отдельно.

Материалом исследования послужили факты современного русского и современного польского языков, а в качестве источников были использованы главным образом интернет-корпусы¹ и тексты интернет-сайтов.

1. Семантика

Значение подчинительных союзов (как и союзов вообще) имеет реляционный характер: союз определяет связь между частями сложного (в некоторых случаях — между членами простого) предложения. Значение союза может быть при этом более или менее специфицированным: он может только указывать на синтаксический статус зависимой клаузы (как компонента при матричном предикате) или же дополнительно информировать о содержании синтаксической связи². Подобно тому как в области сочинительной связи немаркированным с семантической точки зрения считается союз И (как показатель «чистой конъюнкции», см. [Санников 1989: 183]), в области подчинения близкий статус имеет союз ЧТО, неслучайно в «Толковом словаре русского языка» С. И. Ожегова и Н. Ю. Шведовой употребление ЧТО в качестве изъяснительного союза вообще не упоминается. Подобной характеристикой сопровождается описание немецкого союза DASS:

Der Einleiter DASS wird als semantisch leer angesehen, denn seine Bedeutung bzw. sein Beitrag zur Satzbedeutung zeigt sich erst bei der Berücksichtigung des ganzen Satzkontextes bzw. er hat keine eigene lexikalische Bedeutung³ [Pon 2020: 90].

¹ Национальный корпус русского языка (далее — НКРЯ): <https://ruscorpora.ru/new/search-main.html>; Национальный корпус польского языка: <http://nkjp.pl/>.

² В категориальной грамматике (в логической семантике) союзы второго типа трактуются как двухместные предикаты высшего порядка [Kutschera 1975: 243; Cresswell 1979: 246 и др.], ср. ЕСЛИ (p, q) по аналогии с ОБУСЛОВИТЬ (p, q).

³ «Комплементаризатор DASS является семантически пустым элементом, т. е. не имеет собственного лексического значения, а его вклад в значение предложения становится заметным только тогда, когда принимается во внимание весь синтаксический контекст».

В силу своей семантической немаркированности союз ЧТО — по сравнению с другими изъяснительными союзами (ЧТОБЫ, ЛИ, БУДТО, КАК БУДТО, КАК БЫ, КАК) — в наименьшей степени накладывает ограничения на выбор глаголов в позиции включенного предиката⁴. На эту особенность союза ЧТО указывает М. Я. Дымарский [2008: 87]. По его словам, в предложениях с глаголами речи, мысли и чувства содержание объекта при матричном предикате «совпадает с содержанием придаточной части», которая описывает целостный факт: $\Sigma = S$. В качестве примера можно привести интерпретацию предложения:

- (1) Я видел, что Ольга села в машину.
= Ольга села в машину; это (было) то, что я видел.

Союз КАК в предложениях типа

- (2) Я видел, как Ольга села в машину

дополнительно информирует о том, что сенсорно-ментальный образ (т. е. то, что видел и благодаря восприятию осознавал субъект) включает более широкую информацию, сверх той, которая заключена в содержании придаточного предложения, — имеются в виду существенные детали наблюдаемой ситуации:

- (3) = Я видел, что Ольга села в машину, а также то, что происходило в ситуации, когда Ольга садилась в машину.

В предложении (2) субъект не только интерпретирует то, что описано в придаточной части, как целостный факт, но и воспринимает определенные подробности — например то, как выглядела Ольга, какая была машина, на какое место села Ольга, где все это и как быстро происходило⁵. Если воспользоваться символами, предложенными М. Я. Дымарским, содержание перцептивного объекта во втором случае можно записать так:

$$\Sigma = S + [S' + S'' + S''' \dots]$$

Следует заметить, что сенсорный образ (то, что воспринимает субъект с помощью органов чувств) в ЧТО-предложениях не всегда соответствует содержанию придаточного (и, естественно, наоборот), ср.:

- (4) Я вижу, что ты был на катке;
(5) Сын брахмана увидел, что его лошади устали.

⁴ Однако некоторые дистрибутивные ограничения есть: ЧТО не употребляется, например, в предложениях с рядом модальных глаголов (*хотеть, желать, мочь, заставлять*).

⁵ Это, разумеется, не означает, что в предложениях с союзом ЧТО субъект не воспринимает деталей референтной ситуации — данный аспект информации в таких предложениях не актуализирован. Можно утверждать, что придаточные с союзом ЧТО с точки зрения спецификации информации о референте являются немаркированными.

Здесь реализуется своего рода инференция: придаточная клауза указывает на ситуацию, которую субъект осознает в связи с тем, что он видит. На это указывают перифразы:

- (6) Я вижу, что ты держишь в руках коньки, тем самым я осознаю|понимаю|делаю вывод, что ты был на катке;
- (7) Сын брахмана увидел, что его лошади мокрые, тем самым он осознал|понял|сделал вывод, что лошади устали.

В подобных предложениях мы, скорее всего, имеем дело с синкретическим матричным предикатом, который сочетает в себе перцептивное и ментальное значения (подробнее об этом явлении см. [Арутюнова 1989: 18; Падучева 2004: 199] и др.⁶).

В литературе встречается несколько трактовок семантики союзов КАК|ЯК, которые можно сгруппировать в четыре категории, — они будут отдельно рассмотрены в следующих разделах.

1.1. КАК|ЯК — динамическая семантика

Оппозиция союзов КАК — ЧТО, ЯК — ŻЕ наиболее подробно была описана на примере предложений с перцептивным матричным предикатом. Польский лингвист А. Добачевский отмечает, что сентенциальный актант с союзом ЯК в таких предложениях выражает динамическое значение, т. е. указывает на действия и процессы как последовательность сменяющих друг друга состояний (или фаз) [Dobaczewski 2002: 64]. Это находит отражение в обобщенной дефиниции конструкций такого рода:

ktoś_i widzi, jak coś_j się gdzieś_m dzieje:

- ‘(a) dzieje się w czyichś_k oczach coś_w takiego, że
- (a’) coś_w może dziać w czyichś_k oczach z tego powodu, że rzeczy takie jak coś_j dzieją się przed czyimiś_k oczami;
- (a’’) nieprawda, że coś_w może dziać się w innej części czyjegoś_k ciała i
- (b) coś_w powoduje, że ktoś_i może wiedzieć coś_i o czymś_j’

kto-to_i widum, как что-то_j где-то_m происходит, имеет место:

- ‘(a) в чьих-то_w глазах происходит что-то_w такое, что
- (a’) что-то_w может происходить в чьих-то_k глазах в связи с тем, что такие вещи, как что-то_j происходят перед чьими-то_k глазами;
- (a’’) неправда, что что-то_w может происходить в другой части чьего-то_k тела и
- (b) что-то_w вызывает, что кто-то_i может знать что-то_i о чем-то_j’.

⁶ Можно также упомянуть визуальный прототип и семантическое ядро в структуре основного значения конкретной лексической единицы в концепции А. Д. Кошелева [2015: 292], который пишет: «⟨...⟩ Продукты восприятия предметов и физических действий исходно не могут быть чисто перцептивными. Им автоматически приписываются первичные каузальные (в частности, функциональные) характеристики, эмоциональные состояния (интереса, удовольствия, физического напряжения, опасности) и пр., связанные с использованием этих вещей» [Там же: 298].

В силу своей семантической функции союз *ЖАК* не может выступать в придаточных предложениях, описывающих статические состояния, что относится также к предложениям с глаголами других лексико-семантических типов в главной части, например глаголов речи (см. [Żabowska 2017: 454]), ср.:

- (8) **Jaś widzi, jak pies siedzi pod drzewem.*
*Ваня видит, как собака сидит под деревом;
- (9) **Opowiadał, jak jest dziennikarzem telewizji.*
*Он рассказывал, как он — журналист на телевидении.

Такие конструкции, отмечает А. Добачевский, возможны только при условии, что информация о состоянии представлена в более широком контексте, а именно — при наличии сопутствующих состояний или действий, например:

- (10) *Jaś widzi, jak Marysia leży na łóżku, a nad nią stoi zatroskany ojciec.*
Ваня видит, как Маша лежит на кровати, а рядом с ней стоит встревоженный отец;
- (11) *Mama widzi, jak jej znudzony synek siedzi przy stole i patrzy przez okno⁷.*
Мама видит, как ее скучающий сынишка сидит за столом и смотрит в окно.

Подобным образом интерпретируют семантику союза *ЖАК* другие польские лингвисты. Так, И. Хояк [Chojak 2009: 68] пишет, что данный союз сохраняет элемент значения, с которым он выступает в вопросительных предложениях типа:

- (12) *Jak doszło do wybuchu pierwszej wojny światowej?*
Как могло случиться, что началась Первая мировая война?

В таких предложениях (а также в предложениях с косвенным вопросом) *ЖАК* указывает на образ действия или на обстоятельства описываемого события⁸.

⁷ В подобных предложениях отсутствует динамическая (диахроническая) смена состояний, но ситуация представляется как дискретная, т. е. состоящая из нескольких модулей. Союз *ЖАК* тем самым указывает, что восприятие ситуации имеет дифференцированный, специфицированный характер (см. 1.4).

⁸ В силу этого разграничение изъяснительных предложений с союзом и косвенным вопросом во многих случаях затруднительно и возможно только с привлечением контекста, см., например: *Увидишь, как они заиграют в лучах весеннего солнца.* Если фразовое ударение поставить на относительное местоимение *КАК*, мы будем иметь дело с косвенным вопросом, а если поставить ударение на глаголе — с придаточным изъяснительного типа и *КАК* в качестве союза. На союзную функцию *КАК* может указывать сочинительная связь в придаточной части (тем самым выражается дискретный или курсивный характер ее денотата). Так, в предложении *Я видел, как он сидел и молчал* сочинительная конструкция указывает на опреде-

В силу того, что в предложениях типа (2) подразумевается сенсорный доступ субъекта к деталям описываемой ситуации, такие предложения, как пишет И. Хояк (ср. также [Greń 1994: 101; Żabowska 2017: 454]), заключают в себе скрытую наррацию (или фабулярность), что можно представить с помощью парафразы:

- (13) Я видел, что Ольга села в машину; я мог бы рассказать подробно-
сти того, как это происходило.

Подобным образом оппозиция КАК — ЧТО трактуется российскими исследователями. Н. Д. Арутюнова [1988: 115 и др.] указывает, что в предложениях с КАК зрительное восприятие направлено на объект в его динамическом состоянии, а в предложениях с ЧТО — на объект в статическом состоянии: «Мы видим, *как* разворачиваются события, *как* протекают процессы, *как* расположены предметы, *как* осуществляются действия, *как* живут люди». В связи с этим Н. Д. Арутюнова утверждает: «*Как* — показатель событий и процессов, *что* — знак фактов и пропозиций» [Там же: 116] (см. также [Зализняк 2006: 451]).

Л. Ю. Максимов также пишет об «оттенке динамичности» в значении союза КАК:

Придаточная часть с этим союзом может сочетаться только с такими изъясняемыми словами, значение которых ⟨...⟩ допускает известную длительность объектов восприятия, речи или мысли, развитие этих объектов [Максимов 2011: 179].

Об этой характеристике союза свидетельствует невозможность его употребления в качественных предложениях, содержащих описание свойств или отношений, ср.:

- (14) Она же с отчаянием чувствовала, что он-то именно ей и нужен.
| *Она же с отчаянием чувствовала, как он-то именно ей и нужен.

Л. Ю. Максимов [Там же: 180] указывает, что употреблению КАК препятствует также отсутствие глагольного предиката в придаточной части как признак ее качественного (т. е. нединамического) значения:

- (15) Слышно, что дождь усиливается.
| Слышно, как дождь усиливается;
(16) Слышно, что на улице сильный дождь.
| *Слышно, как на улице сильный дождь.

По мнению А. Б. Летучего [2021: 281], союз КАК является показателем непосредственного восприятия ситуации или события, тогда как союз ЧТО

ленную конкуренцию состояний, что способствует интерпретации КАК как союза. Предложение *Я сам видел, как он это сделал* допускает обе интерпретации, при этом трактовка придаточного предложения как косвенного вопроса представляется более естественной.

(в конструкциях с глаголами восприятия) обозначает факт, что некоторая ситуация имела место. Сравнивая предложения:

- (17) Я видел, что Петя вышел из дома.
| Я видел, как Петя выходил из дома,

А. Б. Летучий пишет, что в первом случае «говорящий рассматривает только истинностное значение: он утверждает, что событие ‘Петя вышел из дома’ имело место, то есть говорит о факте». Во втором случае «утверждается, что говорящий был свидетелем самого протекания ситуации». Ученый добавляет: «Конечно (в предложении с союзом КАК. — А. К.), автоматически предполагается, что событие также имело место, однако это не главное» [Там же].

Впрочем, данная характеристика союза КАК касается только предложений с глаголами перцепции в главной части. А. Б. Летучий считает, что в предложениях с ментальными глаголами (примеры такого употребления союза будут рассмотрены в следующем разделе) о непосредственном восприятии ситуации говорить нельзя:

⟨...⟩ Конструкции с КАК семантически неоднородны. На самом деле только при глаголах восприятия предполагается, что Экспериментер находится внутри описываемой ситуации, хорошо видит нюансы её протекания. При лексемах знания и, возможно, памяти процессная составляющая ослаблена [Там же: 283].

В связи с этим отмечается, что такого рода нединамические ситуации в предложениях с союзом КАК обычно имеют (с субъективной точки зрения) нетипичный характер и тем самым привлекают к себе внимание субъекта [Там же: 284], что в итоге способствует спецификации сенсорного образа (см. об этом далее). А. Б. Летучий отмечает, что «непосредственное восприятие ситуации релевантно тогда, когда она внутренне неоднородна, состоит из разных фаз» — это прежде всего наблюдается в конструкциях с сочинительной связью, например:

- (18) Он снова вспомнил, как она сидит в кресле, как курит, далеко отставляя локоток, улыбается, заводит этого олуха царя небесного Мячина, отмалчивается, изворачивается.

Применительно к материалу польского языка о подобном явлении пишет М. Жабовская [Żabowska 2017: 458 и др.].

1.2. КАК|ЖАК — сенсорный образ

А. Добачевский со ссылкой на публикации польских исследователей [Wierzbicka 1969; Bogusławski 1974; Topolińska 1998]⁹ пишет, что в отли-

⁹ Н. Д. Арутюнова [1988: 114 и др.] также пишет о том, что зрительному перцептивному восприятию сопутствуют ментальные операции: идентификация, так-

чие от союза *ЖАК*, который в предложениях с глаголами восприятия указывает на некоторое событие или некоторый процесс как источник сенсорного образа в сознании субъекта, союз *ЖЕ* употребляется в предложениях, которые описывают более сложный ментальный процесс ([Dobaczewski 2002: 80], см. также: [Birzer 2018: 15])¹⁰. Предложения с союзом *ЖЕ*, по мнению А. Добачевского, обозначают ситуацию знания (или, точнее, осознания), сформированного на основе эмпирических данных, — того, что субъект видит, слышит или чувствует. Так, в предложении

(19) *Len widziała, że Margie grała w krykieta.*

Лен видела, что Марджи играла в крикет

непосредственным объектом зрительного восприятия являются атрибуты игры в крикет — бита и мячи в руках Марджи, на этом основании субъект делает вывод, о том, что Марджи играла в крикет (см. об этом явлении в разделе 1). Если заменить союз *ЖЕ* на союз *ЖАК*:

(20) *Len widziała, jak Margie grała w krykieta.*

Лен видела, как Марджи играла в крикет,

изменится не только содержание придаточной части, но и интерпретация матричного глагола: теперь он имеет прямое перцептивное значение, а предложение в целом сообщает о том, что Лен непосредственно воспринимала зрением описанную в зависимой клаузе ситуацию.

В связи с этим А. Добачевский указывает, что перцептивный глагол в предложениях с союзом *ЖЕ* имеет синкретическое — перцептивно-ментальное — значение [Dobaczewski 2002: 82]:

ktoś_i widzi, że S jest P

‘*ktoś_i, kto_i (a) widzi coś_j gdzieś i wie coś_k o S,*

(b) *z tego powodu, że [a]*

(c) *wie o S, że jest P’*

кто-то_i widzi, что S есть P

‘*кто-то_i, кто_i (a) видит что-то_j где-то и знает что-то_k о S,*

(b) *в связи с тем, что [a]*

(c) *знает о S, что S есть P’*

Как видим, в приведенной дефиниции значение сообщения не совпадает со значением говорящего (если воспользоваться известными терминами Дж. Сёрла [Searle 1979: 98]): то, о чем сообщается как о перцептивном объекте (*S jest P*), фактически является предметом знания, тогда как реально субъект воспринимает нечто другое (*видит что-то_j где-то*).

сономия, интерпретация и др. Сходство перцептивных и ментальных предикатов Арутюнова видит в возможности управлять придаточным предложением.

¹⁰ Н. Д. Арутюнова [1988: 115], напротив, отмечает, что представляющие динамические состояния предложения с союзом *КАК* обнаруживают сходство «с эпистемическим модусом».

Подобным образом значение глагола *увидеть* представлено у Е. В. Падучевой [2004: 220]: с ее точки зрения, тот факт, что субъект воспринимает глазами место, в котором находится некоторый объект, вызывает два рефлекса: зрительный и ментальный образ объекта. При этом, однако, Е. В. Падучева не имеет в виду, что данное значение глагола реализуется только в сложных предложениях с союзом ЧТО.

Хотя синкретическое употребление перцептивного глагола (в значении ‘видеть и осознавать’) реализуется в предложениях с союзом ЧТО|ŻЕ (и, видимо, не характерно для предложений с союзами КАК|ЯК), не все употребления перцептивного глагола в конструкциях первого типа являются синкретическими. Так, в предложении

(21) Штирлиц вдруг увидел, что из дупла на него смотрят глаза

содержание придаточного предложения, как представляется, целиком соответствует объекту восприятия и *увидел* не значит ‘увидел и осознал’.

Сенсорный образ ситуации наиболее отчетливо представлен в КАК-предложениях с перцептивными глаголами (что совершенно естественно). В других случаях — например с глаголами недостоверного восприятия — интерпретация предложения менее очевидна, ср.:

(22) Всем отчетливо привиделось, как расползались клубы табачного дыма¹¹.

(23) *Aż wydało mi się, jak ta klientka <...> kiwa głową*¹².

Мне даже показалось, как эта клиентка кивает головой.

В подобных случаях нельзя констатировать, что нечто происходит перед глазами субъекта, в то же время образ, который возникает в его сознании, является результатом (аберрантного) восприятия. В некоторых предложениях с ментальными глаголами — воображения, памяти и знания (подробнее о них см. раздел 2.2) — сообщается, что субъект владеет информацией, полученной благодаря непосредственному сенсорному опыту и хранящейся в форме представлений, ср.:

(24) Он хорошо помнил, как появилась его кровать.

В этом предложении субъект хранит в своей памяти информацию о событии, участником которого сам был и которое было предметом его восприятия. Данное требование выполняется также в предложениях с глаголами речевой деятельности. М. Жабовская [Żabowska 2017: 459] пишет, что в таких предложениях союз ЯК указывает на секвенцию событий (*ciąg zdarzeń*), а союз ŻЕ — на некоторый «ментальный объект», т. е. предмет знания. Другими словами, в предложениях первого типа (по крайней мере, в подавляющем большинстве таких предложений) речевой субъект

¹¹ <https://sinonim.org/p/привиделось> (дата обращения: 15.11.2021).

¹² <https://m.komixxy.pl/126829> (дата обращения: 15.11.2021).

ект одновременно является участником или свидетелем описываемой ситуации, ср.:

(25) *Babcia opowiada, jak chciała pozbyć się dziecka.*

Бабушка рассказывает, как она хотела избавиться от ребенка.

Если это условие не выполняется, как в предложении

(26) *Jerzy opowiada, jak udało mu się przekonać twórców serialu.*

Ежи рассказывает, как ему удалось убедить создателей сериала,

мы имеем дело с косвенным вопросом, в котором *КАК* является членом предложения, ср. перифразу:

(27) *Jerzy opowiada, w jaki sposób udało mu się przekonać twórców serialu.*

Ежи рассказывает, каким образом ему удалось убедить создателей сериала.

Анна А. Зализняк [2006: 452] указывает, что придаточные с союзом *ЧТО* включают семантическую информацию, заключенную в придаточных с союзом *КАК*. По поводу предложений типа

(28) Я помню, что|как мы купались в Москве-реке

она пишет, что в варианте с союзом *ЧТО* подразумевается «наличие в сознании субъекта некоторой информации», а в варианте с союзом *КАК* — «наличие зрительного образа». По ее мнению, в случае «памяти о личном опыте» *помнить, что* включает в себя *помнить, как*, т. е. предложение с союзом *ЧТО* должно интерпретироваться «как редуцированная форма следующего смысла: ‘Я помню, как мы купались... и на основании этого заключаю, что имело место то, что мы купались’» [Там же: 452]. Такое умозаключение возможно с точки зрения собеседника, который, получая конкретную информацию о ситуации, на ее основании делает вывод о факте. В то же время подобное умозаключение вряд ли соответствует точке зрения говорящего: если некто сообщает, что ему известны подробности некоторой ситуации, то информация о факте имеет пресуппозитивный характер — она известна заранее. Так, предложение

(29) Я помню, что кто-то приходил, но не помню — кто

не может рассматриваться как результат «включения» предложения

(30) *Я помню, как кто-то приходил, но не помню — кто,

так как вариант с союзом *КАК* невозможен в силу неопределенности содержания придаточной части, т. е. в силу отсутствия спецификации референта.

1.3. *КАК|КАК* — внутренняя перспектива

М. Л. Котин [2018: 150], опираясь на теорию перспективы высказывания Э. Лайс [Leiss 1992], представил точку зрения, в соответствии с кото-

рой оппозиция союзов КАК — ЧТО в русском языке основана на категории перспективы как своего рода профилирования описываемого в предложении положения дел. Различая внутреннюю и внешнюю перспективу, исследователь пишет, что в русском языке эта оппозиция может быть реализована с помощью категории вида, ср.:

(31) Продавец взвешивал яблоки;

(32) Продавец взвесил яблоки.

Семантическое различие данных вариантов с глаголами несовершенного и совершенного вида М. Л. Котин описывает так:

Представляя событие из его внутренней перспективы, говорящий погружает себя в пространство и время рассказа, в силу чего описываемая реальность носит фрагментарный и «незавершенный» характер. (...) Из внешней перспективы говорящий видит и «озвучивает» те же события иначе: они предстают в завершённом виде и могут быть оценены в их целостном, не поделённом на фрагменты качестве. (...) Говорящий при этом смотрит на предметы и события как бы со стороны, что позволяет ему их видеть и кодифицировать целиком, в некоей обобщённо понимаемой «совокупности» составляющих элементов [Котин 2018: 151]¹³.

На внутреннюю или внешнюю перспективу, по мнению М. Л. Котина, указывают также подчинительные союзы:

(33) Игорь смотрел, как горит дом;

(34) *Игорь смотрел, что горит дом.

В первом предложении, с союзом КАК, пожар представлен «из внутренней перспективы говорящего»¹⁴. Второе предложение противоречит языковой системе, поскольку «союз ЧТО всегда вводит придаточное в конструкции, представляющие события из внешней перспективы говорящего», а глагол *смотреть* предполагает внутреннюю перспективу. По наблюдениям М. Л. Котина, в предложениях с союзом ЧТО (в главной части) «должен стоять либо глагол совершенного вида, либо, если используется формально несовершенный вид глагола, должна допускаться его контекстуально обусловленная “завершённая” трактовка» [Там же: 152], ср.:

(35) Игорь увидел|видел, что горит дом.

Оппозиция внутренней и внешней перспективы возможна при описании восприятия событий, действий и процессов, в случае же статических со-

¹³ Существует точка зрения (см. [Кошелев 1998: 221 и др.]), в соответствии с которой именно совершенный вид означает динамичность, т. е. изменение интерпретации говорящего.

¹⁴ Н. Д. Арутюнова в связи с этим пишет, что в предложениях с КАК «перцептивные глаголы имеют в качестве своего объекта доступную восприятию действительность» [Арутюнова 1988: 115].

стояний нет условий для внутренней спецификации денотата. Если рассмотреть приведенные М. Л. Котиным предложения:

- (36) Игорь видел|увидел, что окно открыто;
- (37) *Игорь смотрел, что окно открыто;
- (38) *Игорь смотрел, как окно открыто;
- (39) *Игорь видел|увидел, как окно открыто,

можно констатировать, что некорректность (37) связана с противоречием между длительным наблюдением за процессом в значении матричного глагола и внешней перспективой представления ситуации в придаточном предложении с союзом ЧТО. Однако в (38) и (39) причина некорректности другая: союз КАК выступает в придаточном, которое описывает статическое состояние. В двух последних примерах говорящий лишен возможности «погрузить себя в пространство и время рассказа» в силу того, что придаточное не заключает в себе никакого «рассказа».

Концепции М. Л. Котина, казалось бы, противоречат факты, когда союз КАК употребляется с глаголом сов. вида, а союз ЧТО — с глаголом несов. вида, ср.:

- (40) Я видел, как он вошел, взял деньги и положил их в карман;
- (41) Я увидел, что вокруг меня всё горит.

Тем самым можно было бы утверждать, что понятия внутренней и внешней перспективы применительно к грамматическому виду и изъяснительным союзам реализуются по-разному. Однако следует обратить внимание, что формальное различие глаголов сов. и несов. вида не соответствует семантической оппозиции завершенности и незавершенности. Хотя в (40) описываемая в придаточной части ситуация (или секвенция ситуаций) завершена, сообщается о том, что субъект наблюдал ее протекание «изнутри» в течение времени ее длительности. Предложение

- (42) Я видел, как он входит, берет деньги и кладет их в карман

по смыслу, видимо, не отличается от (40), хотя видовые формы изменились. Если же заменить видовую форму в предложении с союзом ЧТО, ср.:

- (43) Я увидел, что вокруг меня всё сгорело

— смысл предложения меняется. Это объясняется тем, что союз — независимо от видовой формы глагола — обуславливает значение завершенности, результативности в содержании придаточной части. Глагол *горит* в контексте союза ЧТО означает, как пишет М. Л. Котин [2018: 152], что субъект *увидел пожар*, т. е. увидел (и осознал), что нечто загорелось и продолжает гореть, т. е. перешло из состояния негорения в состояние горения.

Другими словами, в случае внутренней перспективы не существенно, закончилось ли описываемое событие или нет — важна позиция субъекта-наблюдателя, который имеет доступ к ее протеканию и, в частности, к от-

дельным обстоятельствам и деталям¹⁵. Эта характеристика союза КАК применима также к некоторым предложениям с ментальным глаголом в главной части, ср.:

- (44) Подруга работала в клинике МГУ <...> и, оказывается, знала, как Левашов гулял там налево и направо.

Союз КАК указывает здесь на внутреннюю перспективу: знание подруги, скорее всего, основано на непосредственном опыте, на наблюдении за поведением Левашова — это было возможно в силу того, что и она, и Левашов имели отношение к работе в клинике или к МГУ.

1.4. КАК|ЖАК — фактивность

В «Русской грамматике» указывается, что союз КАК, в отличие от союзов ЧТО и БУДТО, сигнализирует «о полном совпадении точек зрения субъекта и говорящего, который оценивает сообщение как вполне достоверное» [Шведова 1980: 476], поэтому КАК не сочетается, например, с глаголами, обозначающими дезинформацию¹⁶. А. Добачевский [Dobaczewski 2002: 69] применительно к глаголам зрительного восприятия пишет, что они имплицитно правдивость информации, заключенной в придаточном предложении, хотя, с другой стороны, не все такие глаголы являются фактивными, т. е. истинность придаточного не всегда сохраняется при отрицании главного, ср.:

- (45) Jaś widzi, jak pies biega wokół drzewa, i pies biega wokół drzewa.
Ваня видит, как собака бежит вокруг дерева, и собака бежит вокруг дерева;
| *Jaś widzi, jak pies biega wokół drzewa, choć pies nie biega wokół drzewa.
*Ваня видит, как собака бежит вокруг дерева, хотя собака не бежит вокруг дерева;
| Jaś nie widzi, jak pies biega wokół drzewa, choć pies biega wokół drzewa.
Ваня не видит, как собака бежит вокруг дерева, хотя собака бежит вокруг дерева;
| Jaś nie widzi, jak pies biega wokół drzewa, i pies wcale nie biega wokół drzewa.
Ваня не видит, как собака бежит вокруг дерева, и собака, действительно, не бежит вокруг дерева.

¹⁵ Внутренняя перспектива необязательно предполагает, что наблюдаемая ситуация является длительной — употребление союза КАК возможно и в предложениях, которые обозначают моментальные действия, но при условии, что их восприятие субъектом специфицировано (см. также раздел 2.2).

¹⁶ Х. Фатер [Vater 1976: 219] применительно к немецкому языку пишет о фактивности придаточных предложений с союзом WIE и их перифраз.

Что касается первого аспекта, совпадение точек зрения субъекта и говорящего в предложениях с КАК|ЯК необязательно. Во-первых, перцептивный глагол (а также глагол другой лексико-семантической группы) может употребляться в контексте пропозициональной установки субъекта, содержание которой не совпадает с пропозициональной установкой говорящего. На ложность или неопределенный эпистемический статус придаточного указывают разного рода модификаторы, описывающие обстоятельства процесса восприятия (иллюзии, физиологические состояния субъекта, помехи, «обман зрения»), ср.:

- (46) Перед смертью герой как бы видит, как он в другой реальности;
- (47) В бреду я вижу, как феи играют в ее волосах;
- (48) В такие минуты я вижу, как в глазах проносится много лет и груз вины;
- (49) При медитации ты можешь увидеть, как человек летит над домом.

В таком же значении употребляется глагол *видеться* в конструкциях с производной диатезой:

- (50) Я проваливался в полудрему, и мне виделось, как мы с Евой вдвоем;
- (51) Главе районной администрации так и видится, как туристы ⟨...⟩ едут в Нарым;
- (52) Видится, как утром просыпаюсь я, ⟨...⟩ вдруг входит ко мне моя царевна в своем пленительном дезабилье.

Во-вторых, несоответствие точек зрения говорящего и субъекта характерно для предложений с глаголами недостоверного, аберрантного восприятия (называемые в литературе также аффективными) *показаться, привидеться, послышаться, почудиться* и т. п., например:

- (53) И вдруг почудилось, как жарко в ухо говорит женский голос (НКРЯ);
- (54) Если вам померещилось, как вас грабят, то в реальной жизни удастся выйти из конфликта на работе¹⁷;
- (55) И тотчас привиделось, как бабка Федосья, молодая, маленькая, стоит на носках в высоком жите (НКРЯ);
- (56) В этот момент мне показалось, как женщина выкрикнула негромко и задыхаясь (НКРЯ);
- (57) Однажды Кайфату пригрезилось, как ему пришлось отбиваться с мечом с руках¹⁸.

В таких предложениях в придаточной части передается информация, которая совместима с возможным миром субъекта — с тем, что он воспринимает, с его сенсорным образом, и которая несовместима с возможным

¹⁷ <https://www.online.ua/rus/guide/838534-son-so-vtornika-na-sredu-chto-znachit-i-kak-pravilno-tolkovat/> (дата обращения: 15.10.2021).

¹⁸ <https://www.wattpad.com/amp/547413902> (дата обращения: 18.12.2021).

миром говорящего — с тем, что знает, считает или воспринимает говорящий (имеется презумпция истинности с точки зрения субъекта и презумпция неистинности с точки зрения говорящего).

Отдельный тип представляют предложения, в которых содержащаяся в придаточной части информация ложна с точки зрения говорящего и субъекта. В качестве матричного выступает глагол со значением воображения¹⁹ или вымысла, ср.:

- (58) Они воображают, как ты идёшь по набережной в Канне;
- (59) Он воображает, как создает художественное произведение;
- (60) Я представил, как они тащат ванну;
- (61) Всю жизнь Алексей представляет себе, как преодолеет свои первые 100 метров;
- (62) Он уже придумал, как они порезвятся на свежем воздухе;
- (63) Заранее сочинил, как она теперь будет скрываться от правосудия.

Необязательность презумпции истинности с точки зрения субъекта и говорящего является также свойством предложений с матричными предикатами других семантических классов, например с глаголами речи. Так, предложение

- (64) Сын рассказал отцу, как побывал в раю²⁰

употреблено в тексте, в котором имеется в виду рассказ о том, как шестилетнему мальчику приснилось, что он попал в рай. В предложениях такого рода сферой действия матричного предиката является (не получившая формального выражения) пропозициональная установка с предикатом воображения — ср. возможную перифразу:

- (65) Сын рассказал отцу, что ему приснилось, как он побывал в раю.

На ирреальность в придаточной части может специально указывать частица *ЯКОБЫ*, например:

- (66) Мужчина рассказывал, как его якобы насильно удерживали на ферме;
- (67) Рассказывал, как царь якобы продал Россию за бочку золота и уехал в Германию;
- (68) Садальский рассказал, как доцент Соколов якобы пытал утюгом студентку.

Следует заметить, что в предложениях с союзом *ЧТО* глаголы воображения могут употребляться иначе, а именно — указывать на точку зрения субъекта, не разделяемую говорящим, как, например, в предложении:

¹⁹ Е. В. Падучева [2004: 215] характеризует глаголы воображения как заключающие в себе симуляцию восприятия.

²⁰ https://pikabu.ru/story/syin_rasskazal_ottsu_kak_pobyival_v_rayu_5540717 (дата обращения: 17.12.2021).

- (69) Иван воображает, что он — герой.
 = ‘Иван считает, что он — герой;
 Я не считаю|другие не считают, что Иван — герой’.

Вопрос о том, сохраняется ли истинность придаточного предложения при отрицании в главном, более сложный. А. Добачевский (см. выше) пишет, что часть глаголов перцепции (в предложениях с союзом *ЯК*) имеет фактивный, а часть — нефактивный характер. Русский глагол *видеть* и его польский аналог *widzieć* в большинстве случаев употребляются в предложениях с презумпцией истинности придаточной части:

- (70) Никто не видел, как он заходил внутрь.
 [Он заходил внутрь];
 (71) Nie widziała, jak oskarżony strzela do kota.
 [Oskarżony strzelał do kota.]
 Она не видела, как обвиняемый стреляет в кота.
 [Обвиняемый выстрелил в кота.]

Не исключено, однако, также употребление союзов *КАК|ЯК* в придаточных, истинность которых для говорящего не является очевидной. Такой характер имеют предложения:

- (72) Никогда не видел, как судьи останавливают время для смены команд;
 (73) Nigdy nie zobaczysz, jak płaczę.
 Ты никогда не увидишь, как я плачу.

Предложение (72) может иметь две интерпретации: говорящий считает или знает, что судьи иногда останавливают время для смены команды (речь идет о хоккее с шайбой), или же считает, что это невозможно — именно поэтому он такого не видел и не мог видеть. В (73) говорящий может иметь в виду истинность придаточного (я буду плакать, но так, что ты этого не увидишь) или его ложность (ты не увидишь, как я плачу, потому я не буду плакать). Именно во втором значении выражения этого типа довольно широко употребляются в польском языке как довольно распространенная речевая формула — обещание или предсказание, ср.:

- (74) Nigdy nie zobaczysz, jak upadam.
 Ты никогда не увидишь, как я падаю;
 (75) Nigdy nie zobaczysz, jak się poddaję.
 Ты никогда не увидишь, как я уступаю;
 (76) Nigdy nie zobaczysz jak zalewam siebie łzami.
 Ты никогда не увидишь, как я заливаюсь слезами.

В подобных случаях мы имеем дело с тем, что Ч. Филлмор [1988: 87] определил как межфреймовое отрицание: если (заклученная в содержании придаточной части) пресуппозиция ложна, то и ассертивное (главное)

предложение не может быть истинным, так как заключенный в содержании придаточного фрейм не может быть включен в содержание главного предложения.

Пресуппозиция истинности (с точки зрения субъекта и говорящего) во многих КАК-предложениях с отрицанием обусловлена двумя факторами: во-первых, отрицание указывает на возможность интерпретации заключенной в придаточной части информации как достоверной: если нечто отрицается, исходно предполагается, что с некоторой точки зрения то, что отрицается, возможно (подробнее см. [Булыгина, Шмелев 1990]). Во-вторых, наличие союза КАК указывает на спецификацию описываемой ситуации, т. е. предполагается, что существует хотя бы один субъект такой спецификации, для которого придаточное предложение является истинным (или же его истинность считается возможной). Рассмотрим в связи с этим предложение:

(77) Бугаев заявил, что не знал и никогда не встречал Титиева, а также не видел, как его доставляли на территорию отделения полиции²¹.

Можно ли считать, что придаточное предложение с союзом КАК передает правдивую информацию? И да, и нет. Говорящий отрицает факт, что он видел подробности ситуации, когда Титиева доставляли на территорию отделения полиции, при этом не разделяет точку зрения, что данная ситуация имела место.

1.5. КАК|ЖАК — семантическая спецификация

Каждая из предложенных в литературе трактовок отражает объективные свойства конструкций с союзами КАК|ЖАК, при этом охватывая только определенные группы конструкций, — рассмотренные в предыдущих разделах характеристики союзов не могут быть признаны общеобязательными. Так, что касается динамического характера референта придаточной части, в КАК-придаточных, как справедливо пишет Н. Д. Арутюнова [1988: 116], «может быть выражено не только значение процесса, но и значение события, мыслимого вне временной протяженности» (см. также [Летучий 2021: 284]). По мнению ученой, в предложении

(78) Я видел, как они шли домой

говорящий имеет в виду «образы фрагмента действительности», т. е. сопутствующие обстоятельства действия. А. Добачевский [Dobaczewski 2002: 65], сторонник динамической концепции, сам приводит пример употребления союза ЖАК в ситуации, когда говорящий демонстрирует своему собеседнику фотографический альбом и при этом произносит:

²¹<https://novayagazeta.ru/news/2018/07/19/143463-vo-vremya-pervogo-dnya-zasedaniya-po-delu-oyuba-titiev-doprosili-semeryh-politseyskih-ni-odin-iz-kotoryh-ne-prinimal-uchastiya-v-zaderzhanii> (дата обращения: 17.12.2021).

(79) *Tu widzimy, jak mały Jaś grzecznie śpi.*

Здесь мы видим, как маленький Ваня спит.

В этом случае перед глазами субъекта не происходят какие-либо динамические события — на фотоснимке изображен спящий ребенок. Союз *ЯК* указывает здесь на то, что говорящий имеет возможность воспринимать детали ситуации: вид самого ребенка, постель, обстановку в комнате и др. Секвентивность описываемых состояний не имеет места также в предложении:

(80) *Jeden ze związkowców widział, jak u prezesa cały stół był tymi fotografiami zawalony.*

Один из профсоюзных активистов видел, как весь стол председателя был завален этими фотографиями.

Поскольку независимо от союза в придаточном предложении может описываться событие или действие:

(81) Он видел, что|как в траве бежит что-то большое;

(82) *Nie widzi, że|jak sąsiednim pasem ruchu porusza się inny pojazd.*

Он не видит, что|как по соседней полосе движется другое транспортное средство,

«динамический характер референта» не может считаться различительным семантическим признаком союзов *КАК|ЯК*. Действительно, эти слова не употребляются в придаточных предложениях, описывающих статические состояния, свойства и отношения (о некоторых исключениях см. далее), ср.:

(83) *Я вижу, как лампа зеленая;

(84) *Он рассказал, как они — друзья;

(85) *Он помнит, как собрание начинается в шесть часов;

(86) *Он видит, как в стену вбит гвоздь,

однако данная характеристика — это одно из дистрибутивных условий употребления союзов или, другими словами, селективный признак синтаксического актанта, требуемый в соответствии со значением союза. Значение союза (см. далее) состоит в указании на специфицированный, детализированный образ референтной ситуации как объекта восприятия, воображения, памяти, речи, а это условие не может выполняться в сложных предложениях, придаточная часть которых называет свойство, отношение или перфектное состояние.

Понятие внутренней перспективы (в основе которого лежит непосредственный сенсорный доступ субъекта к описываемой ситуации) позволяет объяснить семантическую специфику многих, если не большинства, предложений с союзами *КАК|ЯК*, однако и этот признак не обязателен. Например, по поводу предложения

- (87) Отец рассказывал, как в былые времена за пару взятых колосков сажали²²

нельзя наверняка утверждать, что субъект погружен «в пространство и время рассказа», к тому же необязательно, что он наблюдал ситуацию, о которой сообщает: субъект мог получить соответствующую информацию из газет. Внутренняя перспектива отсутствует также в предложениях с глаголами знания (см. раздел 2.1).

Концепция, которую я предлагаю, состоит в том, что союзы КАК|ЖАК указывают на доступ субъекта к более подробной информации, чем та, которая выражена в придаточном предложении. Другими словами, семантическая характеристика данных союзов заключается в спецификации денотата²³. Это свойство можно показать на следующих примерах:

- (88) Помню, как они были маленькие;
(89) Он видит, как из стены торчит гвоздь;
(90) Он чувствует, как по телу растекается жар;
(91) Никто не заметил, как он ушел.

Во всех этих выражениях, независимо от содержания глагола в главной и придаточной частях, сообщается о том, что субъект располагает относительно подробной информацией об обстоятельствах описываемой ситуации, на что указывают возможные парафразы:

- (92) = Помню, что происходило, какие обстоятельства имели место, когда они были маленькие (т. е. то, как они выглядели, как себя вели и т. д.);
(93) = Он видит, что происходит, какие обстоятельства имеют место, когда из стены торчит гвоздь (т. е. то, в каком месте торчит гвоздь, какой гвоздь — какой формы, каких размеров, как падает тень и т. д.);
(94) = Он чувствует, что происходит, какие обстоятельства имеют место, когда по телу растекается жар (т. е. то, какие части тела охвачены жаром и в какой последовательности, интенсивность жара, ощущения от жара и т. д.);
(95) = Никто не заметил, что происходило, какие обстоятельства имели место, когда он ушел (т. е. то, в какое время это случилось, как он выглядел в момент ухода, в какую он вышел дверь, как открыл и закрыл дверь и т. д.).

Семантическое различие союзов КАК и ЧТО можно показать на примере:

- (96) Я видел, что она покрасила волосы;
(97) Я видел, как она красила волосы.

²² http://samlib.ru/d/dubrawa_e_o/vlopata.shtml (дата обращения: 18.12.2021).

²³ О спецификации как семантической категории подробнее см. [Kiklewicz 2017: 121 и др.].

В (96) прямым объектом восприятия является факт, что волосы имеют определенный цвет (сенсорный образ), на основании же предварительных знаний (о том, какой цвет был у волос раньше) субъект заключает, что волосы были покрашены (ментальный образ) — именно эта вторая информация выражена в придаточной части. В (97) сенсорный образ более специфицирован: сообщается, что благодаря восприятию ситуации субъект располагает не только информацией о фрейме (ОНА КРАСИТ ВОЛОСЫ), но и о его слотах — например таких параметрах, как ИНСТРУМЕНТЫ, МАТЕРИАЛ, СПОСОБ, ВРЕМЯ, МЕСТО, ФАЗЫ и др.

Семантическая спецификация в КАК-предложениях может иметь диахронический (сукцессивный) характер, когда у субъекта есть сенсорный доступ к отдельным фазам динамической ситуации, или же синхронический (симультантный) характер, когда субъект обладает информацией об участниках, атрибутах и обстоятельствах ситуации, как в предложениях (79) и (80).

Спецификация информации о ситуации значительно облегчена, если придаточное предложение описывает динамическое, развивающееся во времени событие. В этом случае возможно употребление в главной части ограничительной частицы:

- (98) Отчетливо помню, как иду по крутой лестнице.
 | Отчетливо помню то, как иду по крутой лестнице.
 | Отчетливо помню только то, как иду по крутой лестнице.

Однако если описывается статическое состояние, ограничительная частица *только* препятствует употреблению союза КАК:

- (99) Помню, что мне понадобились щипцы.
 | Помню, как мне понадобились щипцы.
 | Помню только то, что мне понадобились щипцы.
 | *Помню только то, как мне понадобились щипцы.

Это объясняется тем, что выражение *помню только то* ('помню немного, помню поверхностно') указывает на фрагментарный характер ментального образа — другими словами, значение частицы противоречит значению союза КАК (спецификация vs. фрагментарность). Кстати, в этом случае, видимо, невозможна и парафраза с обратным порядком слов:

- (100) (То,) что мне понадобились щипцы, это я помню.
 | *(То) как мне понадобились щипцы, это я помню.

Семантика спецификации в значении союзов КАК|ЯК связана с их происхождением от местоимения образа действия (см. раздел 1.1) — неслучайно Н. Д. Арутюнова [1988: 116] указывает, что КАК не выступает в придаточных, «предикат которых не имеет валентности на наречие образа действия»²⁴. Разумеется, в своей союзной функции данное слово не указы-

²⁴ Н. Д. Арутюнова не считает КАК союзом, хотя с этой трактовкой нельзя согласиться.

вает прямо на образ действия — союз не занимает позицию члена предложения, однако первичное значение местоимения сохраняется в виде информации о спецификации референта придаточной части.

2. Сочетаемость

Союз, как известно (см. [Grochowski 1997: 21]), накладывает ограничения на характеристики элементов главного и зависимого предложений, прежде всего глагольных предикатов. Эти ограничения касаются нескольких аспектов предикативных единиц: их лексического значения, т. е. принадлежности к тому или иному лексико-семантическому классу, а также их грамматических значений, в первую очередь — времени и вида.

2.1. Значение матричного глагола

Исследователи отмечают, что союзы КАК|ЖАК употребляются при условии, что матричный предикат относится к определенной лексико-семантической группе, при этом упоминаются глаголы восприятия, речи (наррации), чувства и ощущения, воображения и памяти. Отмечается также, что данные союзы не употребляются, если в главной части выступает ментальный, эмотивный или волитивный глагол, особенно, как пишет Л. Ю. Максимов [2011: 179], «имеющий оттенок недоверности»:

- (101) Узбекский историк считает, что первым Америку открыл не Колумб.
| *Узбекский историк считает, как первым Америку открыл не Колумб;
- (102) Она знала, что сестра придет поздно.
| *Она знала, как сестра придет поздно;
- (103) Тренер надеется, что Босния победит Украину.
| *Тренер надеется, как Босния победит Украину;
- (104) Он обрадовался, что Соня приедет.
| *Он обрадовался, как Соня приедет.

Предложения с упомянутыми выше глаголами восприятия, речи, чувства и др. допускают перифразы с глаголами, которые называют каузативные и результативные действия, т. е. не только *помнить*, но и *напомнить*, не только *увидеть*, но и *показать*, не только *рассказать*, но и *узнать*, ср.:

- (105) Мазепин вспомнил, как уже выступал в одной команде с Миком Шумахером.
| Мазепин напомнил, как уже выступал в одной команде с Миком Шумахером;
- (106) Актёр показал, как его герой вырастает до самоотверженной любви.
| Зрители увидели, как герой вырастает до самоотверженной любви;

- (107) Ему рассказали, как отец участвовал в боях за революцию.
| Он узнал, как отец участвовал в боях за революцию.

А. П. Лобанов [2012: 22] пишет о двух типах познавательных процессов: первичных, т. е. «обеспечивающих непосредственное получение информации об окружающем мире», и вторичных, т. е. «имеющих дело уже с репрезентированной информацией». По-видимому, упомянутые типы глаголов коррелируют с данными познавательными процессами: с одной стороны, матричные глаголы в предложениях с союзами КАК|ЯК по своему значению имеют экстравертный (репрезентативный, рефлексивный) характер — за ними стоят процессы переработки информации, которая, как указывает Н. Д. Арутюнова [1989: 8], формируется «поставками» непосредственных физических ощущений. Семантика этих глаголов связана с получением, переработкой и хранением информации²⁵. С другой стороны, имеется группа глаголов, называющих интровертные (медитативные, интрасубъектные) ментальные операции (мнение, убеждение, заключение, оценка) — сочетаемость этих глаголов с союзами КАК|ЯК исключена²⁶.

Если перцептивный глагол употребляется в ментальном значении, его употребление в предложении с союзами КАК|ЯК становится невозможным. Так, польский глагол *słyszeć*₂ значит '(ранее) получать информацию, узнавать' — в этом значении он подчиняет только *ŻЕ*-придаточные, ср.:

- (108) *Słyszę₁, że Kazik śpiewa w salonie.*
Я слышу, что Казик поет в салоне.
| *Słyszę₁, jak on śpiewa w salonie.*
Я слышу, как Казик поет в салоне;
(109) *Po raz pierwszy słyszę₂, że się ożenił.*
Впервые слышу, что он женился.
| **Po raz pierwszy słyszę₂, jak się ożenił.*
*Впервые слышу, как он женился.

Среди глаголов первого разряда также есть определенные ограничения. Действует своего рода семантическое согласование: поскольку союзы КАК|ЯК обозначают спецификацию описываемой в придаточном предложении ситуации, с большей регулярностью они употребляются с матричными глаголами, которые обозначают длительные (законченные или

²⁵ В связи с этим сочетаемость с союзами КАК|ЯК возможна в предложениях с глаголами речевого сообщения (сказать, пересказать, сообщить, повествовать, говорить), но не возможна с глаголами характеризованной речевой деятельности (*выкрикнуть, болтать, бубнить, бормотать, ворчать* и др.).

²⁶ Что касается союзов ЧТО|*ŻЕ*, ограничена или невозможна их сочетаемость с глаголами, которые обозначают длительное, детализированное восприятие ситуации, ср.: *Сергея следил, как играли во дворе котята.* | **Сергея следил, что играли во дворе котята.*

незаконченные) действия, что подтверждают русские глаголы *рассказывать*|*рассказать* и *говорить*|*сказать*²⁷:

(110) Он рассказал, как во время сражения почти все бойцы погибли.

| *Он сказал, как во время сражения почти все бойцы погибли.

А. Б. Летучий [2021: 281 и др.] пишет, что КАК-предложения возможны также с матричным глаголом знания, однако такие конструкции имеют ряд ограничений, одно из них — обособленное приложение: сентенциальный актант отделен от матричного глагола двоеточием и является частью перечисления:

(111) Я всё о тебе знаю: как ты сидел без работы, как приехал в Москву, как бедствовал вначале.

По мнению А. Б. Летучего, в предложениях

(112) Заткнись! Думаешь, я не знаю, как ты его жиденком обзывал?

(113) Поди, думаешь, что я не знаю, как ты ночами на посту спишь?

союз КАК «несколько меняет свое значение» [Там же: 283], т. е. не указывает на событие как непосредственно воспринимаемое субъектом, а информирует о «хорошем знакомстве с ситуацией» (как если бы субъект был её свидетелем). «Хорошее знакомство с ситуацией» есть не что иное, как спецификация, представляющая собой (см. 1.5) общее свойство предложений с союзами КАК|ЯК. Следует признать, что КАК-придаточные в предложениях с матричным предикатом знания являются редкими, но все же они отмечены в текстах, в том числе включенных в НКРЯ²⁸:

(114) Мы что, не знаем, как человека убивают среди толпы, и толпа разбегается!

(115) Не читаешь газет зарубежных и не знаешь, как они чемоданами шмотье вывозят;

(116) Никто не знает, как они касаются головой подушки и тут же засыпают;

(117) Я уже знал, как его тягают в ГБ и душат;

(118) Вы, наверное, все знаете, как иногда становишься на молитву и неотступно тебя гложет сознание, что время бежит;

(119) А мы еще накануне знали, как это там соберутся, как там бутылки раскупоривать начнут и как начнут всей рабочей революции отходную петь;

²⁷ Этот вывод следует также Х. Фатера [Vater 1976: 215] по поводу союзов WIE|DASS в немецком языке: некоторые перцептивные глаголы (в главной части) не сочетаются с первым союзом, а некоторые — со вторым.

²⁸ Многие из таких конструкций имеют синтаксически или прагматически обусловленный характер: в предложении содержится отрицание матричного глагола, предложение является репликой в диалоге или вопросом.

- (120) Разве мы не знаем, как он брал займы деньги и не отдавал их?
 (121) ⟨...⟩ Зная, как фрау будет выбивать, вычищать, вытирать, вымывать после меня номер и найдет все обязательно;
 (122) Софуля потрясла меня, знающую, как Сталин пачками уничтожает непотребных ему людей;
 (123) Знаешь, как Розенбаум поет: «А гуси уже летят далеко»?
 (124) Он хотел бы знать, как она молчала о его уходе;
 (125) Разве мы не знаем, как меньшевики торгуют свободой и честью своего народа?

В предложении могут иметься дополнительные указания на то, что знание получено на основании эмпирических данных, например модификатор *по опыту*:

- (126) Я знаю по опыту, как привязанность учит нас сперва замечать, потом — терпеть;
 (127) Я знаю по опыту, как выпущенные из горшка на волю распускают перышки.

А. Добачевский [Dobaczewski 2002: 79] отмечает, что каждое предложение с союзом *КАК* может быть преобразовано в предложение с союзом *ЖЕ* (что давало бы основание для утверждения о немаркированном характере второго союза) — в действительности же сочетаемостные ограничения касаются обоих союзов. Например, некоторые перцептивные глаголы со значением длительности допускают только придаточное с союзом *КАК* (см. сноску 27):

- (128) Однажды Саша засмотрелся, как Петя строит башню из кубиков.
 | *Однажды Саша засмотрелся, что Петя строит башню из кубиков;
 (129) Гарри всматривался, как люди давят друг друга.
 | *Гарри всматривался, что люди давят друг друга;
 (130) Adaś przygląda się, jak Luna je karmę.
 Адам наблюдает, как Луна ест корм.
 | *Adaś przygląda się, że Luna je karmę.
 *Адам наблюдает, что Луна ест корм;
 (131) Podglądała, jak mąż z innymi morsuje.
 Она подсматривала, как муж вместе с другими плавает в ледяной воде.
 | *Podglądała, że mąż z innymi morsuje.
 *Она подсматривала, что муж вместе с другими плавает в ледяной воде.

Данное различие соответствует оппозиции внутренней и внешней перспективы у М. Л. Котина: глагол *смотреть* имеет предрасположенность к употреблению в предложениях с внутренней перспективой говорящего, а глагол *видеть* | *увидеть* с этой точки зрения является немаркированным.

Сочетаемостные ограничения союза касаются также предиката зависимой клаузы. Сама возможность детализации референтной ситуации существует

благодаря тому, что описываемая ситуация имеет сложный, в первую очередь секвентивный характер, в связи с чем исследователи отмечают, что союзы КАК|ЖАК указывают на динамический характер описываемых событий. Это, однако, не означает, что в придаточном с одним из этих союзов обязательно описывается секвенция изменяемых состояний: можно видеть, как Иван бегал по площади, но можно также видеть, как Иван в молчании стоял на берегу моря. Во втором случае с Иваном, в принципе, ничего не происходит, но субъект имеет возможность наблюдать обстоятельства ситуации: он видит выражение лица Ивана, видит, как ветер приподнимает фалды его плаща, видит, как одна за другой на берег накатываются волны.

2.2. Вид глагола

С учетом того, что совершенный вид реализуется в предложениях с внешней перспективой говорящего, а несовершенный — в предложениях с внутренней перспективой (см. 1.3), можно ожидать, что в предложениях с союзами КАК|ЖАК более регулярно (в главной части) употребляются глаголы несовершенного вида. Языковой материал, однако, не подтверждает этой гипотезы. По утверждению Ю. Д. Апресяна [1995: 44], ЧТО-предложения указывают на события, даже если глагол придаточного предложения имеет форму несовершенного вида, а КАК-предложения — на процессы, даже если глагол предложения имеет форму совершенного вида, ср.:

(132) Я видел, что он перешел|переходил на ту сторону улицы;

(133) Я видел, как он перешел|переходил на ту сторону улицы.

Наблюдаемая ситуация (о которой сообщается в предложении с союзом КАК) может быть завершенной или незавершенной. Внутренняя перспектива содержится и в случае завершенных ситуаций — тогда субъект имеет доступ к отдельным фрагментам или элементам в процессе ее осуществления. Это касается также предложений с моментальными глаголами, ср.:

(134) Я видел, как он моргнул.

Хотя действие *моргнул* является моментальным, субъект наблюдает его как одну из фаз некоторого более длительного процесса (что-то было до момента моргания, что-то было после), а кроме того, видит обстоятельства ситуации (например, выражение лица в момент моргания). Это означает, что независимо от видовой формы глагола союз КАК указывает на рекурсивный (а не комплетивный) тип представления референтной ситуации, т. е. — по терминологии М. Л. Котина — из внутренней перспективы.

В некоторых случаях видовые ограничения союзов носят специфический характер. Это, например, касается глагола *казаться|показаться*. Из наблюдений следует, что в главной части предложений с союзом КАК выступает только глагол совершенного вида (все примеры заимствованы из НКРЯ):

(135) В этот момент мне показалось, как женщина выкрикнула негромко и задыхаясь;

- (136) В каком-то розоватом свете Вите показалось, как этот, который
страхует артистку, летит с известного балкона с ярким полотен-
цем в руках;
(137) Насте показалось, как что-то словно отделилось от папиного пра-
вого глаза;
(138) Ему показалось, как что-то живое юркнуло возле его башмаков;
(139) Гале показалось, как светлый колеблющийся кружок расплывает-
ся вдруг в два силуэта²⁹.

Возможно, это связано с более сложным характером видовой оппозиции: глагол в форме несовершенного вида обозначает интровертное когнитивное состояние, т. е. самопроизвольный образ, возникающий в сознании субъекта, тогда как глагол совершенного вида обозначает рефлекс некоторого внешнего стимула, при этом субъект не уверен, что рефлекс соответствует действительности.

2.3. Время глагола

Содержащие союзы КАК|ЯК предложения с матричным глаголом восприятия и ощущения являются контемпоральными: момент перцепции совпадает с описываемым в придаточном предложении событием, например:

- (140) Он видит, как Маша в задумчивости сидит на кровати.
| Он видел, как Маша в задумчивости сидит на кровати;
(141) — Co teraz widzisz?
— Widzę, jak podskoczył i przewrócił się.
— Что ты сейчас видишь?
— Я вижу, как он подпрыгнул и упал.

В (141) глагол *widzę* выступает в форме настоящего времени, а глаголы *podskoczył* и *przewrócił się* — в формах прошедшего времени. В принципе, событие, описанное в придаточной части, физически завершилось уже до момента речи, т. е. некто подпрыгнул и упал до того, как говорящий произнес сообщение. Однако и момент восприятия также фактически относится к прошлому: субъект увидел событие и только после этого сообщил о нем. Глагол настоящего времени *widzę* употребляется здесь не буквально — в значении ‘я совсем недавно, только что видел’ (т. е. реализуется «актуальное значение» глагола [Кошелев 2015: 310 и др.]).

В предложениях с союзами ЧТО|ЖЕ это ограничение не обязательно: матричный глагол с синкретическим значением обозначает восприятие ситуации и одновременно ее ментальное осмысление, при этом в придаточной части выражен ментальный образ ситуации, которая могла происходить до или после момента ее восприятия, ср.:

²⁹ Приведенные примеры являются отмеченными, хотя более естественным, привычным было бы употребление в подобных конструкциях союза ЧТО. Вряд ли мы имеем здесь дело с так называемыми перформативными ошибками, ведь большинство примеров заимствовано из качественной художественной литературы.

- (142) Я вижу, что ты еще не ела.
= Я сейчас вижу на столе нетронутую еду; я делаю вывод, осознаю, что ты еще не ела;
- (143) Я вижу, что ты собрался на каток.
= Я сейчас вижу, что ты держишь в руках коньки; я делаю вывод, осознаю, что ты собираешься пойти на каток;
- (144) Я вижу, что будет гроза.
= Я вижу, что ветер с силой качает деревья; я делаю вывод, осознаю, что будет гроза.

В предложениях с матричным глаголом памяти, воображения и речи контемпоральность не обязательна.

3. Языковые параллели и контрасты

Значение и сочетаемость союзов КАК|JAK в русском и польском языках в целом совпадают — особенно это касается наиболее типичных употреблений в предложениях с матричным глаголом восприятия, ощущения, речи, воображения и памяти. В предложениях с глаголами недостоверного восприятия данные союзы употребляются редко, при этом материал русского языка представлен в интернет-корпусе более широко, чем материал польского языка. Например, русская конструкция *показалось, как...* представлена в НКРЯ несколькими десятками единиц, тогда как соответствующая польская конструкция *wydało się, jak...* в польском корпусе не представлена. В единственном предложении такого типа

- (145) Ale przy okazji wydało się, jak niektórzy pracodawcy skąpili na wynagrodzenia.
Стали известны факты, как некоторые работодатели экономили на зарплате

матричный глагол выступает в конструкции производной диатезы в другом значении: ‘раскрылось, обнаружилось, разоблачилось’. Польские предложения с глаголом недостоверного восприятия в главной части можно найти в интернете (в основном в текстах разговорного стиля), но речь идет о единичных примерах:

- (146) Po prostu mi się przywidziało, jak od niego zrykoszetowałem³⁰.
Мне просто представилось, как я отприкошетила от него;
- (147) Myślałem, że mi się przywidziało, jak śmignął koło mnie samochód³¹.
Я думал, что мне привиделось, как мимо меня промчалась машина;

³⁰ <https://forum.bloodwars.interia.pl/thread.php?postid=8793883> (дата обращения: 20.11.2021).

³¹ <https://di.pl/topic/28242-nigdy-bym-si%C4%99-nie-spodziewa%C5%82/page/25/> (дата обращения: 20.11.2021).

(148) Ci się przywidziało, jak śpiewam³².

Тебе привиделось, будто я пою;

(149) Pewnie mi się przywidziało, jak muliły mi stare gry na netbooku³³.

Видимо, мне привиделось, как в нетбуке слабо высвечивались старые игры.

Альтернативным способом выражения ирреальности в предложениях с перцептивным матричным глаголом является конструкция *wydawało się, że...* + перцептивный глагол + *jak...*:

(150) Wydawało się, że słyszę, jak mówią: “Oto jesteśmy”³⁴.

Мне казалось, что я слышу, как они говорят: «Мы пришли»;

(151) A mnie wydawało się, że słyszę, jak mówi tym swoim doskonałym angielskim³⁵.

А мне казалось, что я слышу, как он произносит на своем идеальном английском;

(152) Kierownicze wydawało się, że widzi, jak powódka wkłada pieniądze do kasetki³⁶.

Управляющей казалось, что она видит, как истец положил деньги в коробку;

(153) Paulowi wydawało się, że czuje, jak skóra zwija się i czernieje na konającej wewnątrz skrzynki dłoni³⁷.

Паулю казалось, что он чувствует, как кожа на умирающей внутри коробки руке скручивается и чернеет.

Что касается матричного глагола *znać*, был обнаружен только один пример его употребления в сложном предложении с союзом *JAK*:

(154) Czyżby nie wiedział, jak po telefonie od jego matki dosłownie dławiałam się łzami, podczas gdy mój ojciec (sama nie byłam w stanie) spakował mi walizkę i zarezerwował bilet do Warszawy?³⁸

Разве он не знал, как после звонка его матери я буквально захлебывалась слезами, когда отец (я была не в состоянии) собирал мой чемодан и заказывал билет в Варшаву.

³² <http://www.old.trzymajtki.gda.pl/visitors.04-09.2005.html> (дата обращения: 20.11.2021).

³³ <https://www.gry-online.pl/S043.asp?ID=11449948> (дата обращения: 20.11.2021).

³⁴ <http://przestrzenciszy.pl/anioly/> (дата обращения: 20.11.2021).

³⁵ <http://www.zanotowane.pl/209/1098/> (дата обращения: 20.11.2021).

³⁶ <https://sip.lex.pl/orzeczenia-i-pisma-urzedowe/orzeczenia-sadow/iv-p-41-17-wyrok-sadu-rejonowego-w-gizycku-522574631> (дата обращения: 20.11.2021).

³⁷ <https://www.you-books.com/book/F-Herbert/Dzieci-Diuny> (дата обращения: 20.11.2021).

³⁸ <http://janusz.nizynski.pl/pocztowki/meteoryty/w-cieniach-starych-babic/> (дата обращения: 20.11.2021).

Если приведенные в разделе 2.1 русские предложения (114) и др. перевести на польский, переводы (что подтвердили результаты контрольного опроса) не будут противоречить системе современного польского языка³⁹, ср.:

- (155) *Myślisz, że nie wiem, jak on pożyczał pieniądze i potem nie oddawał?*
Ты думаешь, что я не знаю, как он брал займы деньги и не отдавал их?
- (156) *Myślisz, że nie wiem, jak kilka razy nazwał mnie pasożytem.*
Ты думаешь, что я не знаю, как он несколько раз называл меня ту-неядцем;
- (157) *Okazuje się, że przyjaciółka wiedziała, jak Krzysztof notorycznie zdradzał tam Antoninę.*
Оказывается, что подруга знала, как Кшиштоф там регулярно изменял Антонине;
- (158) *Czyżbyśmy nie wiedzieli, jak ktoś zostaje zabity w środku tłumu, a tłum się rozprasza.*
Разве мы не знаем, как человека убивают посреди толпы и толпа расходится;
- (159) *Nie czytasz gazet i nie wiesz, jak oni tam twoje rzeczy wywożą walizkami.*
Ты не читаешь газет и не знаешь, как там твоё добро чемоданами вывозят;
- (160) *Twierdzi pan więc, że nie wiedział, jak pański sąsiad zaczął spotykać się z podejrzanym elementem?*
Вы говорите, что не знали, как ваш сосед начал встречаться с подозреваемым?
- (161) *Czy rzeczywiście nie wiedzieli, jak przyjaciele coraz częściej zaczęli zadawać dziwne pytania?*
Неужели они не знали, как друзья все чаще стали задавать странные вопросы?

Шире в польском материале представлены конструкции с глаголом *dowiadawać się* | *dowiedzieć się*, ср.:

- (162) *Reporter dowiedział się, jak jednej z mieszkańek Piekła ukazał się wąsaty diabeł.*
Репортер узнал, как одному из обитателей Ада явился усатый черт;
- (163) *Opinia publiczna dowiedziała się, jak niechęć do przeprowadzania trudnych reform systemowych pogrąża nas coraz głębiej.*
Общественность узнала, как наше нежелание проводить трудные системные реформы погружает нас все глубже и глубже;
- (164) *Narczerze dowiedzieli się, jak przed wojną ich rówieśnicy biegli z krakowskich Oleandrów (...)*
Харцеры узнали, как перед войной их сверстники бежали с краковской улицы Олеандры.

³⁹ Такие выражения могут быть отнесены к потенциализмам.

Вторая особенность состоит в том, что в польском языке в контексте контрфактических нарративных предикатов (в форме глагола или абстрактного существительного) употребляется сложный союз JAK TO⁴⁰ [Zabowska 2017: 461], который переводится с помощью русских союзов БУД-ТО|ЯКОБЫ|ЧТО|КАК:

- (165) Będąc już papieżem, kłamał, jak to w jego argentyńskiej diecezji walczył z pedofilią.
Он солгал, будто боролся с педофилией в своей аргентинской епархии;
- (166) Wspólnie z Kasią wymyśliliśmy historię o tym, jak to pomagałem kumplowi rannemu w bijatyce.
Мы придумали историю о том, будто я помогал другу, который был ранен в драке;
- (167) <...> Ze swoją śpiewką, jak to trzeba kochać bliźnich.
Старая песня о том, что, дескать, надо любить ближних;
- (168) Miasto huczało od plotek o tym, jak to urzędnicy generała na każdy weekend za państwowe pieniądze latali do Moskwy.
По городу ходили слухи о том, будто генеральские чиновники каждые выходные летали в Москву на государственные средства;
- (169) Minister Gowin opowiadał, jak to dzięki tej deregulacji przybędzie 100 tys. nowych miejsc pracy.
Министр Говин рассказал, как благодаря этой дерегуляции появится 100 тыс. новых рабочих мест.

Такое употребление возможно также в контексте с глаголами воображения:

- (170) Patrzył w telewizor i marzył, jak to on kiedyś pojedzie do Egiptu, Mozambiku, Włoch i Grecji.
Он смотрел телевизор и мечтал, как будет путешествовать по Египту, Мозамбику, Италии и Греции.

Союз JAK TO может употребляться и в придаточных фактивного типа. Например, в синтаксическом подкорпусе НКРЯ имеется такого рода пример — польский перевод предложения из «Мастера и Маргариты» Михаила Булгакова:

- (171) Маргарита шурилась на яркое солнце, вспоминала свой сегоднешний сон, вспоминала, как ровно год, день в день и час в час, на этой же самой скамье она сидела рядом с ним.
Mrużyła oczy w ostrym słońcu, rozpamiętywała swój dzisiejszy sen, wspominała, jak to przez równiutko rok dzień w dzień o tej samej godzinie siadywała na tejże ławce z mistrzem.

⁴⁰ Употребление данного союза в ассертивном контексте исключено: Świadek widział, jak mężczyźni wrzucili go do Wisły. | *Świadek widział, jak to mężczyźni wrzucili go do Wisły.

Таким образом, можно констатировать, что польский союз *ЯК* *ТО* не имеет в русском прямых соответствий: он одновременно указывает на семантическую спецификацию и ирреальность, при этом описываемая в придаточной части ситуация является вымышленной (не соответствующей реальности), воображаемой (прогнозируемой) или отображаемой в памяти.

В польском языке встречается употребление союза *ЯК* с эмотивным глаголом в главной части, например:

(172) Nie lubię, jak ktoś tak na mnie uwiesza wzrok;

(173) Nie lubię, jak mnie coś parzy.

Прямой перевод, т. е. с помощью союза *КАК*, в этом случае невозможен, ср.:

(174) Я не люблю, когда|если кто-то на меня так смотрит;

(175) Я не люблю, когда|если меня что-то жжет.

Союз в таких конструкциях⁴¹ выражает условное значение, а семантика спецификации отсутствует.

Заключение

В статье были рассмотрены семантические и дистрибутивные характеристики русского изыяснительного союза *КАК* в сравнении с его польским аналогом *ЯК*. Оба союза употребляются для введения (или оформления) сентенциального актанта с дополнительной интенциональной информацией о том, что соответствующая референтная ситуация известна субъекту не только как факт, но и рекурсивно — как последовательность действий или состояний, а также как ряд взаимосвязанных участников, атрибутов и обстоятельств. В большинстве случаев такая семантическая спецификация связана с тем, что *КАК*-придаточные описывают непосредственно наблюдаемые субъектом, засвидетельствованные ситуации и положения дел, т. е. (в соответствии с концепцией М. Л. Котина) из внутренней перспективы.

Если сравнить выражения *Х помнит, что ...* и *Х помнит, как ...*, можно констатировать, что во втором случае *Х* представляется не только как субъект ментального состояния (помнить), но и как элемент соответствующей сентенциальному актанту референтной ситуации. *КАК* предполагает личное участие субъекта в ситуации и ее прямое сенсорное восприятие, поэтому форма будущего времени в придаточной части заблокирована:

(176) Он помнит, что завтра придет сын.

| *Он помнит, как завтра придет сын;

(177) Он помнит, что приезжал сын.

| Он помнит, как приезжал сын.

⁴¹ На польском материале они описаны в работе [Nowakowska-Kempna 1986: 53].

Внутренняя перспектива, личное участие субъекта и прямое восприятие референта придаточной части — эти характеристики присущи большинству предложений с союзами КАК|ЯК, однако семантическая спецификация возможна и в условиях, когда сообщается информация, к которой субъект имеет только косвенное отношение (например, когда некоторые сведения получены от третьих лиц). К этому случаю относится часть предложений с матричным глаголом знания или речи.

Оппозиция союзов КАК — ЧТО в русском языке и ЯК — ŻЕ в польском основывается на том, что первый союз в паре указывает на специфицированное (в частности, рекурсивное), а второй — на комплетивное представление сентенциального актанта. Эта оппозиция только частично реализуется в видовых парах глаголов, поэтому изъяснительные союзы следует считать основными формами выражения соответствующих значений.

В обобщенном виде значение союзов КАК|ЯК можно представить так:

x видит, помнит, воображает и т. д., КАК S

= ‘ x видит, помнит, воображает и т. д. S ’;

x видит, помнит, воображает и т. д. то, что происходит, когда S ’.

Информация о том, «что происходит, когда S », которая определена в статье как семантическая спецификация референтной ситуации, этимологически восходит к основному значению слова КАК|ЯК в функции местоимения образа действия. Данной семантической характеристике союзов соответствуют их дистрибутивно-синтаксические характеристики. Союзы КАК|ЯК наиболее активно употребляются в придаточных, которые описывают динамические ситуации и, напротив, не употребляются в придаточных со значением свойства или отношения.

Л и т е р а т у р а

Апресян 1995 — Ю. Д. А п р е с я н. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Вопросы языкознания. 1995. № 1. С. 37–67.

Арутюнова 1988 — Н. Д. А р у т ю н о в а. Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт. М.: Наука, 1988.

Арутюнова 1989 — Н. Д. А р у т ю н о в а. «Полагать» и «видеть» (к проблеме смешанных пропозициональных установок) // Логический анализ языка. Проблема интенциональных и прагматических контекстов. М.: Наука, 1989. С. 7–30.

Булыгина, Шмелев 1990 — Т. В. Б у л ы г и н а, А. Д. Ш м е л е в. «Возможности» естественного языка и модальная логика // Язык логики и логика языка: сборник статей к 60-летию профессора В. А. Успенского. М.: Наука, 1990. С. 135–167.

Дымарский 2008 — М. Я. Д ы м а р с к и й. Функционирование соотносительных слов в изъяснительных конструкциях // Сложноподчиненное предложение в лексикографическом аспекте. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2008. С. 84–117.

Зализняк 2006 — А н н а А. З а л и з н я к. Многозначность в языке и способы ее представления. М.: Языки славянской культуры, 2006.

Котин 2018 — М. Л. Котин. Язык и время. Очерк теории языковых изменений. М.: Языки славянской культуры, 2018.

Кошелев 1998 — А. Д. Кошелев. К описанию главного видового значения русского глагола // Типология вида: проблемы, поиски, решения. М.: Языки русской культуры, 1998. С. 219–231.

Кошелев 2015 — А. Д. Кошелев. Референциальный подход к анализу языковых значений // Язык и мысль. Современная когнитивная лингвистика. М.: Языки славянской культуры, 2015. С. 287–349 [1-е изд.: Московский лингвистический альманах. 1996. № 1. С. 82–194.]

Летучий 2021 — А. Б. Летучий. Русский язык о ситуациях. Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке. М.: Алетейя, 2021.

Лобанов 2012 — А. П. Лобанов. Когнитивная психология. М.: ИНФРА-М; Минск: Новое знание, 2012.

Максимов 2011 — Л. Ю. Максимов. Многомерная классификация сложно-подчиненных предложений (на материале современного русского литературного языка). Ставрополь; Пятигорск: Изд-во СГУ, 2011.

Падучева 2004 — Е. В. Падучева. Динамические модели в семантике лексики. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Санников 1989 — В. З. Санников. Русские сочинительные конструкции. Семантика, прагматика, синтаксис. М.: Наука, 1989.

Филлмор 1988 — Ч. Филлмор. Фреймы и семантика понимания // Новое в зарубежной лингвистике. XXIII: Когнитивные аспекты языка. М.: Прогресс, 1988. С. 52–82.

Шведова 1980 — Н. Ю. Шведова. Русская грамматика. Т. 2: Синтаксис. М.: Наука, 1980.

Birzer 2018 — S. Birzer. On the diachronic complementation of *widzieć* ‘see’ // Wiener Slawistischer Almanach. 2018. 81. S. 7–31.

Bogusławski 1974 — A. Bogusławski. Preliminaries for semantic-syntactic description of basic predicative expressions with special reference to Polish verbs // O predykcji. Wrocław: Ossolineum, 1974. S. 39–57.

Chojak 2009 — J. Chojak. Zrozumieć JAK. Studium składniowo-semantyczne. Warszawa: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego, 2009.

Cresswell 1979 — M. J. Cresswell. Die Sprachen der Logik und die Logik der Sprache. Berlin; New York: De Gruyter, 1979.

Dobaczewski 2002 — A. Dobaczewski. Zjawiska percepcji wzrokowej. Studium semantyczne. Warszawa: Katedra Lingwistyki Formalnej UW, 2002.

Greń 1994 — Z. Greń. Semantyka i składnia czasowników oznaczających akty mowy w języku polskim i czeskim. Warszawa: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy, 1994.

Grochowski 1997 — M. Grochowski. Wyrażenia funkcyjne. Studium leksyko-graficzne. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN, 1997.

Grzegorzczkova 1996 — R. Grzegorzczkova. Wykłady z polskiej składni. Warszawa: PWN, 1996.

Kaleta 1995 — Z. Kaleta. Gramatyka języka polskiego dla cudzoziemców. Kraków: Wydawnictwo UJ, 1995.

Kallas 1986 — K. Kallas. Syntaktyczna charakterystyka wielofunkcyjnego JAK // Polonica. 12. S. 127–143.

Kiklewicz 2017 — A. Kiklewicz. Nieokreśloność a semantyczna specyfikacja grupy imiennej // Nieokreśloność i granice. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe Uniwersytetu Kardynała Stefana Wyszyńskiego, 2017. S. 119–138.

- Kutschera 1975 — F. v o n K u t s c h e r a. Sprachphilosophie. München: Fink, 1975.
- Leiss 1992 — E. L e i s s. Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung. Berlin; New York: De Gruyter, 1992.
- Nowakowska-Kempna 1986 — I. N o w a k o w s k a - K e m p n a. Konstrukcje zdaniowe z leksykalnymi wykładnikami uczuć. Katowice: Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach, 1986.
- Pon 2020 — L. P o n. Zusammengesetzte Sätze im Deutschen Eine Einführung in die syntaktische Analyse für Nichtmuttersprachler. Osijek: Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku, 2020.
- Searle 1979 — J. R. S e a r l e. Metaphor // Metaphor and Thought. London; New York; Melbourne: Cambridge University Press, 1977. P. 92–123.
- Topolińska 1998 — Z. T o p o l i ŋ s k a. (Nie) widać, (nie) słyhać. Z semantyki składni czasowników percepcji zmysłowej // Слово и культура. Памяти Никиты Ильича Толстого. М.: Индрик, 1998. С. 288–295.
- Vater 1976 — H. V a t e r. Wie-Sätze // Grammatik: Akten des 10. Linguistischen Kolleg. Bd. 2. Tübingen: Max Niemeyer, 1976. S. 209–222.
- Wierzbicka 1969 — A. W i e r z b i c k a. Dociekania semantyczne. Wrocław etc.: Ossolineum, 1969.
- Żabowska 2017 — M. Ż a b o w s k a. JAK i JAK TO jako operatory wprowadzające zdanie dopełnieniowe przy predykatkach narracji (na tle predykatów percepcji) // Prace Filologiczne. 2017. LXX. S. 451–464.

Статья получена 22.12.2021

Aleksander Kiklewicz

Uniwersytet Warmińsko-Mazurski w Olsztynie

(Olsztyn, Poland)

aleksander.kiklewicz@uwm.edu.pl

SUBJUNCTIVE CONJUNCTIONS ‘KAK’ IN RUSSIAN — ‘JAK’ IN POLISH: SEMANTICS AND COMBINATORY

The author considers the semantic and distributive-syntactic properties of the Russian conjunction ‘KAK’ in comparison with its Polish counterpart ‘JAK’ in the objective clause. The first part of the article discusses different interpretations of these units presented in Polish and Russian linguistic literature, namely the dynamic nature of the content of the sentential actant, its factual status and the internal perspective of the speaker. In the second part of the article, the author presents and substantiates his own concept, according to which both conjunctions are interpreted as indicators of the internal (not manifested) semantic specification of the state of affairs described in the clause. The distributive-syntagmatic characteristics of conjunctions are described taking into account the lexical meaning of the matrix and included predicate, as well as its grammatical meaning of aspect and tense. The author points out that the semantic and distributive properties of the conjunctions of Russian ‘KAK’ and Polish ‘JAK’ basically coincide, but he also notes their distinctive characteristics.

Keywords: syntax, compound sentence, dependent clause, sentential actant, conjunction, Slavic languages.

References

- Apresian, Yu. D. (1995). *Obraz cheloveka po dannym yazyka: popytka sistemnogo opisaniia. Voprosy yazykoznanii*, 1, 37–67.
- Arutiunova, N. D. (1988). *Tipy yazykovykh znachenii. Otsenka. Sobytie. Fakt*. Moscow: Nauka.
- Arutiunova, N. D. (1989). «Polagat'» i «videt'» (k probleme smeshannykh propozitsional'nykh ustanovok). In N. D. Arutiunova (Ed.), *Logicheskii analiz yazyka. Problema intensional'nykh i pragmaticheskikh kontekstov* (pp. 7–30). Moscow: Nauka.
- Birzer, S. (2018). On the diachronic complementation of *widzieć* 'see'. *Wiener Slawistischer Almanach*, 81, 7–31.
- Bogusławski, A. (1974). Preliminaries for semantic-syntactic description of basic predicative expressions with special reference to Polish verbs. In R. Laskowski, & A. Orzechowska (Eds.), *O predykacji* (pp. 39–57). Wrocław: Ossolineum.
- Bulygina, T. V., & Shmelev, A. D. (1990). «Vozmozhnosti» estestvennogo yazyka i modal'naiia logika. In Viach. Vs. Ivanov (Ed.), *Yazyk logiki i logika yazyka: sbornik statei k 60-letiiu professora V. A. Uspenskogo* (pp. 135–167). Moscow: Nauka.
- Chojak, J. (2009). *Zrozumieć JAK. Studium składniowo-semantyczne*. Warsaw: Wydział Polonistyki Uniwersytetu Warszawskiego.
- Cresswell, M. J. (1979). *Die Sprachen der Logik und die Logik der Sprache*. Berlin; New York: De Gruyter.
- Dobaczewski, A. (2002). *Zjawiska percepcji wzrokowej. Studium semantyczne*. Warsaw: Katedra Lingwistyki Formalnej UW.
- Dymarskii, M. Ya. (2008). Funktsionirovanie sootnositel'nykh slov v iz'iasnitel'nykh konstruksiiakh. In S. G. Il'enko (Ed.), *Slozhnopodchinennoe predlozhenie v leksikograficheskoi aspekte* (pp. 84–117). St Petersburg: Izd-vo RGPU im. A. I. Gertsena.
- Fillmore, Ch. (1988). Freimy i semantika ponimaniia. In V. V. Petrov, & V. I. Gerasimov (Eds., transl.), *Novoe v zarubezhnoi lingvistike. 23: Kognitivnye aspekty yazyka* (pp. 52–82). Moscow: Progress.
- Greń, Z. (1994). *Semantyka i składnia czasowników oznaczających akty mowy w języku polskim i czeskim*. Warsaw: Slawistyczny Ośrodek Wydawniczy.
- Grochowski, M. (1997). *Wyrażenia funkcyjne. Studium leksykograficzne*. Kraków: Instytut Języka Polskiego PAN.
- Grzegorzczkowska, R. (1996). *Wykłady z polskiej składni*. Warsaw: PWN.
- Kaleta, Z. (1995). *Gramatyka języka polskiego dla cudzoziemców*. Kraków: Wydawnictwo UJ.
- Kallas, K. (1986). Syntaktyczna charakterystyka wielofunkcyjnego JAK. *Polonica*, 12, 127–143.
- Kiklewicz, A. (2017). Nieokreśloność a semantyczna specyfikacja grupy imiennej. In M. Danielewiczowa, K. Doboszyńska-Markiewicz, & A. Wójcicka (Eds.), *Nieokreśloność i granice* (pp. 119–138). Warsaw: Wyd. Naukowe Uniw. Kardynała Stefana Wyszyńskiego.
- Koshelev, A. D. (1998). K opisaniiu glavnogo vidovogo znacheniiia russkogo glagola. In M. Yu. Chertkova (Ed.), *Tipologiiia vida: problemy, poiski, resheniia* (pp. 219–231). Moscow: Yazyki russkoi kul'tury.
- Koshelev, A. D. (2015). Referentsial'nyi podkhod k analizu yazykovykh znachenii. In A. A. Kibrik, & A. D. Koshelev (Eds.), *Yazyk i mysl'. Sovremennaia kognitivnaia lingvistika* (pp. 287–349). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

- Kotin, M. L. (2018). *Yazyk i vremia. Ocherk teorii yazykovykh izmenenii*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Kutschera, F., von. (1975). *Sprachphilosophie*. München: Fink.
- Leiss, E. (1992). *Die Verbalkategorien des Deutschen. Ein Beitrag zur Theorie der sprachlichen Kategorisierung*. Berlin; New York: De Gruyter.
- Letuchii, A. B. (2021). *Russkii yazyk o situatsiakh. Konstruktsii s sententsial'nymi aktantami v russkom yazyke*. Moscow: Aleteiia.
- Lobanov, A. P. (2012). *Kognitivnaia psikhologiya*. Moscow; Minsk: INFRA-M: Novoe znanie.
- Maksimov, L. Yu. (2011). *Mnogomernaia klassifikatsiia slozhnopodchinennykh predlozhenii (na materiale sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka)*. Stavropol; Piatigorsk: Izd-vo SGU.
- Nowakowska-Kempna, I. (1986). *Konstrukcje zdaniowe z leksykalnymi wykładnikami uczuć*. Katowice: Uniwersytetu Śląskiego w Katowicach.
- Paducheva, E. V. (2004). *Dinamicheskie modeli v semantike leksiki*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Pon, L. (2020). *Zusammengesetzte Sätze im Deutschen Eine Einführung in die syntaktische Analyse für Nichtmuttersprachler*. Osijek: Sveučilište Josipa Jurja Strossmayera u Osijeku.
- Sannikov, V. Z. (1989). *Russkie sochinitel'nye konstruktsii. Semantika, pragmatika, sintaksis*. Moscow: Nauka.
- Searle, J. R. (1977). Metaphor. In R. W. Gibbs (Ed.), *Metaphor and Thought* (pp. 92–123). London; New York; Melbourne: Cambridge University Press.
- Shvedova, N. Yu. (1980). *Russkaia grammatika. Vol. 2: Sintaksis*. Moscow: Nauka.
- Topolińska, Z. (1998). *(Nie) widać, (nie) słyszać*. Z semantyki składni czasowników percepcji zmysłowej. In T. A. Agapkina, A. F. Zhuravlev, & S. M. Tolstaia (Eds.), *Slovo i kul'tura. Pamiati Nikity Il'icha Tolstogo* (pp. 288–295). Moscow: Indrik.
- Vater, H. (1976). Wie-Sätze. In K. Braunmüller, & W. Kürschner (Eds.), *Grammatik: Akten des 10. Linguistischen Kolleg* (Bd. 2, pp. 209–222). Tübingen: Max Niemeyer.
- Wierzbicka, A. (1969). *Dociekania semantyczne*. Wrocław: Ossolineum.
- Żabowska, M. (2017). JAK i JAK TO jako operatory wprowadzające zdanie dopełnieniowe przy predykatach narracji (na tle predykatów percepcji). *Prace Filologiczne*, 70, 451–464.
- Zalizniak, Anna A. (2006). *Mnogoznachnost' v yazyke i sposoby ee predstavleniia*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on December 22, 2021

С. В. КНЯЗЕВ

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
svknia@gmail.com

О СТРУКТУРЕ ТОНАЛЬНОГО АКЦЕНТА В РУССКИХ ГОВОРАХ С «ПОСЛОВНЫМ» МЕЛОДИЧЕСКИМ ОФОРМЛЕНИЕМ

Статья посвящена описанию результатов экспериментально-фонетического исследования структуры тонального акцента в севернорусском говоре (д. Вадюга Верхнетомского р-на Архангельской обл.) с тенденцией к так называемому «пословному тональному оформлению» и выполнено на материале 6830 реплик, полученных от семи информантов. В статье анализируются три коммуникативных типа высказываний — утверждение, вопрос с вопросительным словом и вопрос без вопросительного слова (общий вопрос), а также значение незавершенности и ответные диалогические реплики, состоящие из частиц *да* и *нет*. Результаты исследования свидетельствуют о том, что в данном говоре с «пословным» мелодическим контуром не любое тональное движение является ядерным фразовым акцентом, просодическое выделение акцентоносителя достигается не самим по себе наличием изменения частоты основного тона, как в современном русском литературном языке (поскольку в диалекте этот параметр используется на каждой акцентной группе во фразе), а интервалом, таймингом, и характером этого изменения. Основным (наиболее частотным) типом выделения является наличие на акцентированном гласном наряду с изменением частоты основного тона ровного тонального отрезка (до или после тонального изменения). Таким образом, в говорах верхней Пинеги ровный тон сам по себе или в составе сложного (двухкомпонентного) тонального акцента является одним из важнейших маркеров акцентоносителя во фразе. В сложном тональном акценте ровный тон может сочетаться как с восходящим, так и с нисходящим тональным движением, предшествуя ему или следуя за ним. Остается пока неясным, как соотносится наличие ровного тона в составе тонального акцента с реализацией других средств просодического выделения акцентоносителя — в первую очередь, длительности.

Ключевые слова: русский язык, фонетика, диалектология, севернорусские диалекты, интонация, тональный акцент.

1. Введение

1.1. В современных севернорусских говорах речевое высказывание оформляется при помощи «пословного» тонального контура [Кузнецов 1949: 14], так что «почти каждое слово во фразе получает свое мелодическое оформление» [Пауфошима 1983: 64], обычно «с помощью тонального

подъема на ударном гласном каждого фонетического слова» [Касаткина 1991: 42] (см. также [Брызгунова 1977а: 247, 262; Николаева 1977: 260–262; Post 2005: 46]). Примеры подобного контура из говора д.д. Тинева и Вадюга Верхнетоемского р-на Архангельской обл. приведены ниже на рис. 1а–1в¹. Этот мелодический контур очень близок контуру нейтрального утверждения в финском языке: «In the so-called neutral contour the accents form a gradually declining pattern of L + H* accents» [Välimaa-Blum 1993: 93], см. fig. 10 [Ibid.: 87]. Однако наряду с говорами с восходящим «словным» акцентом существуют и севернорусские диалекты с нисходящим, к числу которых относится, например, говор с. Церковное Плесецкого р-на Архангельской обл. [Князев 2021б]. Примечательно, что и финские языки отличаются друг от друга по этому основанию — например, в эстонском, в отличие от финского, предъядерные тональные акценты являются нисходящими: «The most frequently occurring pitch accent in different types of utterances both in nuclear position (the last pitch accent of the intonational phrase) and in prenuclear position is H*+L: a relatively sharply peaked accent where an accented high syllable (optionally preceded by a lower unaccented syllable) is immediately followed by a fall to a low tone» [Asu, Nolan 2003: 1249] (см. также [Asu 2001]).

Таким образом, для этих говоров постулируется наличие одного и того же тонального движения на каждом фонетическом слове², что могло бы свидетельствовать об относительной бедности в них фразовой просодии [Николаева 1977: 260].

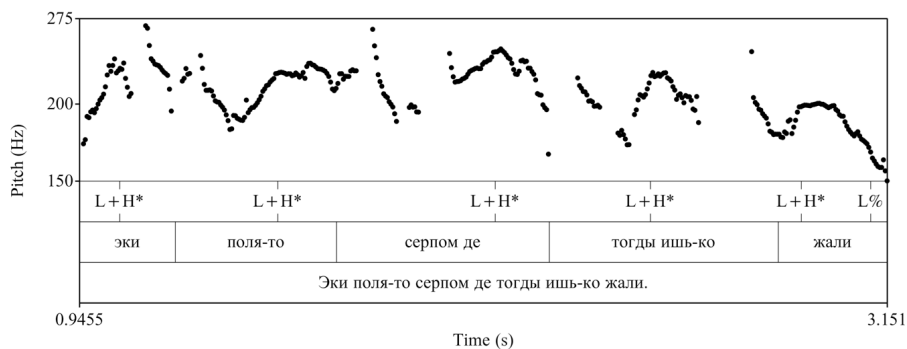

Рис. 1а. Интонограмма фразы *Эки поля да серпом де тогды ишь-ко жали*, информант З. З. В., д. Тинева Верхнетоемского р-на Архангельской обл.

¹ О принятой в статье просодической нотации см. ниже п. 1.6.

² Наши предварительные данные, впрочем, свидетельствуют о том, что в архангельских говорах значимое изменение тона фиксируется не на всех словах во фразе, способных нести тональный акцент, а лишь приблизительно на 60 % таких слов; это значение тем не менее существенно больше того же значения для литературного русского языка (около 30 %).

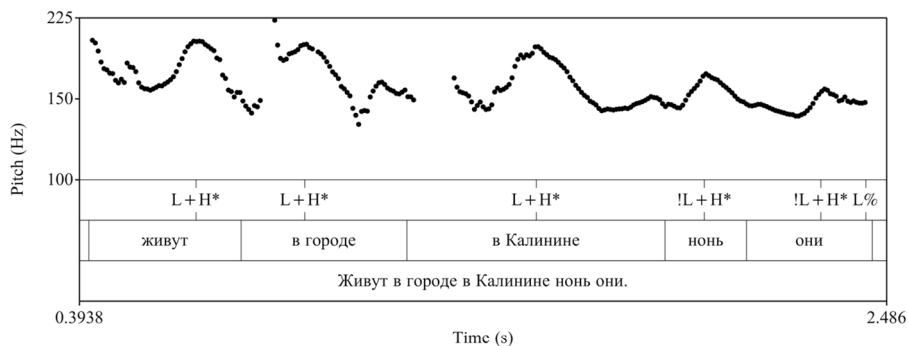

Рис. 1б. Интонограмма фразы *Живут в городе в Калининне нонь они*, информант 3. З. В., д. Тинева Верхнетоемского р-на Архангельской обл.

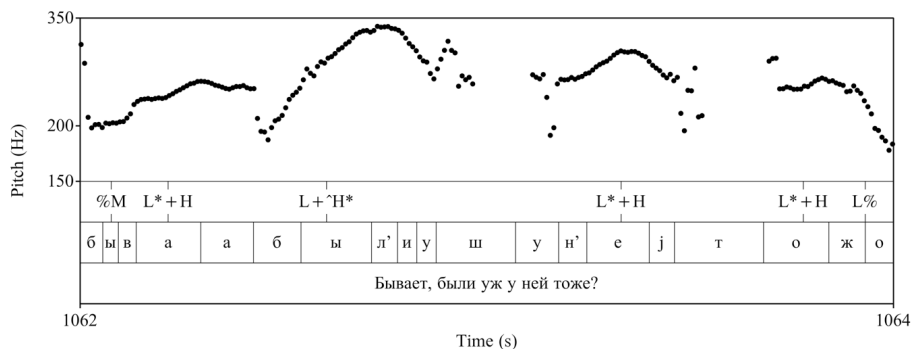

Рис. 1в. Кривая ЧОТ во фразе *Бывает, были уж у ней тоже?*, диктор — Р. А. О., д. Вадюга Верхнетоемского р-на Архангельской обл.

1.2. Одним из вопросов, который возникает при описании системы фразовой интонации говоров с пословным тональным оформлением, является вопрос, какими именно просодическими средствами осуществляется в них выделение того или иного слова в высказывании, в случае если (почти) каждое слово в них содержит на себе значимое и преимущественно однотипное изменение частоты основного тона (далее — ЧОТ).

В связи с этим основной **целью** настоящей статьи является анализ и описание структуры тональных акцентов, которые используются в говорах данного типа.

1.3. Материалом исследования служили магнитофонные записи, сделанные в июле 1987 г. в ходе диалектологической экспедиции МГУ и ИРЯ РАН под руководством С. К. Пожарицкой в деревне Вадюга Верхнетоемского р-на Архангельской обл., расположенной в верховье реки Пинеги. Выбор этого говора обусловлен тем, что:

1) он представляет собой один из самых ярких образцов диалектных систем рассматриваемого типа: участники экспедиции долгое время испытывали серьезные проблемы с восприятием диалектной речи³, связанные с резкими отличиями ее просодического оформления от литературной;

2) этот говор во второй половине 20-х гг. XX в. был описан П. С. Кузнецовым [1949], одним из первых указавшим на специфику его просодической организации⁴;

3) существует мнение, что «особая “пинезская” интонация относится к числу реликтовых диалектных явлений» [Пауфощима 1989: 60]; материалы наших экспедиций позволяют ввести в научный оборот новые данные об этой яркой диалектной особенности.

Запись материала производилась автором статьи на кассетный стереомагнитофон «Соната 213С» с использованием выносных динамических микрофонов, впоследствии записи были оцифрованы А. В. Архиповым. Значительная часть этих записей опубликована в корпусе звучащих текстов говоров верхней Пинеги и Выи [Князев 2021а]. В большинстве случаев тексты представляют собой беседы интервьюеров с носителями диалектов, в редких случаях — диалоги носителей говора.

1.4. В ходе настоящего исследования с помощью программы PRAAT был произведен сплошной анализ тонального оформления (в том числе сегментация и просодическая нотация) 6830 реплик⁵, полученных от следующих дикторов (в скобках — количество реплик):

- Р. М. И., 87 лет⁶, родилась в соседней с Вадюгой деревне Изевера (1768),
- М. П. Е., 70 лет, родилась в соседней с Вадюгой деревне Ручей (2741),
- М. А. И., 55 лет (391),
- Н. Е. П., 63 года (216),
- Н. А. П., 62 года (886),
- Р. А. О., 67 лет, родилась в соседней с Вадюгой деревне Волиново (747),
- Р. А. А., 80 лет (81).

³ Что в целом не свойственно ситуации нахождения носителя современного русского литературного языка. в диалектном окружении: в подавляющем большинстве случаев диалектолог не испытывает проблем со взаимопониманием с носителями русских диалектов.

⁴ Описание его состояния через 60 лет после исследования П. С. Кузнецова см. в [Князев и др. 1997].

⁵ Под репликами понимаются звучащие отрезки между физическими (в том числе дыхательными) паузами, их продолжительность колеблется в диапазоне от 0,1 до 10 секунд.

⁶ На момент записи в 1987 г.

Основными структурными и коммуникативными типами, которые анализируются в настоящем исследовании, являются

- 1) вопрос без вопросительного слова (общий вопрос, переспрос) — см. ниже п. 3,
- 2) утверждение — п. 4,
- 3) вопрос с вопросительным словом (частный вопрос) — п. 5,
- 4) ответные диалогические реплики информантов, преимущественно состоящие из частиц *да* и *нет* — п. 6.

1.5. Современным стандартом описания фразовой интонации является нотация ToBI [Pierrehumbert 1980; Beckman, Hirschberg 1994; Beckman, Elam 1997]; для русского языка адаптация ToBI частично выполнена О. Ц. Йокоямой [Yokoyma 2001; Йокояма 2003], на основе ToBI разработан и перцептивно ориентированная модель описания русской интонации ToRI (Transcription of Russian Intonation) [Оде 2003; Odé 2003; 2008]. В русистике по-прежнему наиболее распространенным способом описания фразовой просодии остается фонологически ориентированная система интонационных конструкций (ИК, смыслоразличительных просодических единиц) Е. А. Брызгуновой⁷ [1963; 1969; 1977; 1980]. В данной статье мы вслед за Т. Е. Янко [2008] используем двойную нотацию: ToBI с параллельным приведением номеров ИК по Е. А. Брызгуновой, где это возможно.

1.6. Подписи к рисункам состоят в общем случае из трех слоев:

- 1) нижний — приближенная к литературной орфографическая запись соответствующего фрагмента (фразы);
- 2) средний — запись с разделением на слова (при необходимости — на слоги или сегменты);
- 3) верхний — нотация в системе ToBI (без указания на тип границы), где:
H — высокий тон,
L — низкий,
L+H — восходящий,
H+L — нисходящий,
^ — upstep («повышенный»),
! — downstep («пониженный»),
* — тональный акцент⁸,
% — пограничный тон (%L — начальный; L%, H% — конечный)⁹,
- — фразовый тон.

⁷ Среди других описаний русской интонации следует выделить имеющую преимущественно фонетическую направленность комбинаторную модель интонации [Кодзасов 2009].

⁸ “Pitch accents are prominent pitch targets or movements over a stressed syllable” [Jun 2012: 535].

⁹ “Boundary tones, typically realized at the edge of a prosodic unit, mark a prosodic structure and phrasing” [Ibid.: 535].

Под фразой далее понимается семантически законченное высказывание, ограниченное с обеих сторон реальными паузами (перерывами в звучании). Фраза может состоять из синтагм, каждая из которых содержит ядерный тональный акцент. Синтагмы разделены просодическими границами (реальные паузы между ними чаще всего отсутствуют) и могут состоять из акцентных групп, каждая из которых содержит тональный акцент (ядерный или не ядерный). Акцентные группы состоят из фонетических слов.

2. Общая характеристика фразовой просодии говора д. Вадюги

2.1. Система тональных просодических средств

Система тональных просодических средств говора подробно описана в [Князев 2022]. Она включает в себя практически тот же набор параметров, что и современный русский литературный язык (далее — СРЛЯ): направление движения тона, интервал тонального изменения, уровень, на котором реализуется акцент, синхронизация тонального движения с сегментной последовательностью (тайминг), тип пограничного тона, характер фразового тона.

Значительное сходство наблюдается и в наборе тональных акцентов, базовые тональные акценты СРЛЯ зафиксированы также в исследованном говоре (хотя фонетическая реализация всех тональных акцентов в говоре и литературном языке различна):

L+H*, восходящий тон с низкого уровня¹⁰ (который в СРЛЯ соотносится с ИК-3, первым акцентом ИК-5, ИК-6) — см. рис. 2, 3;

H*+L, нисходящий тон с высокого уровня (ИК-2, второй акцент ИК-5) — см. рис. 4;

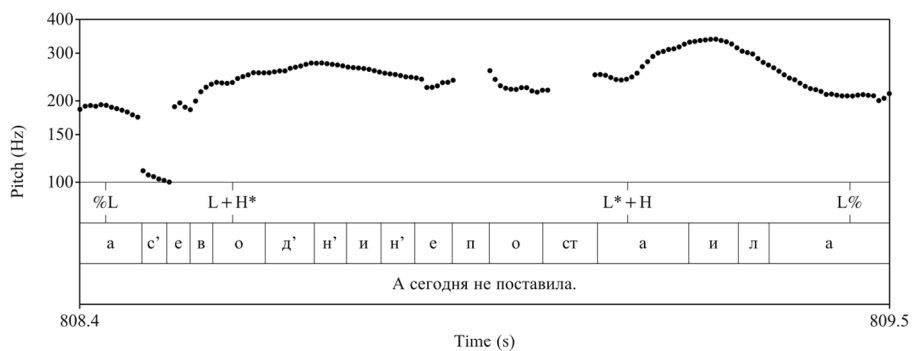
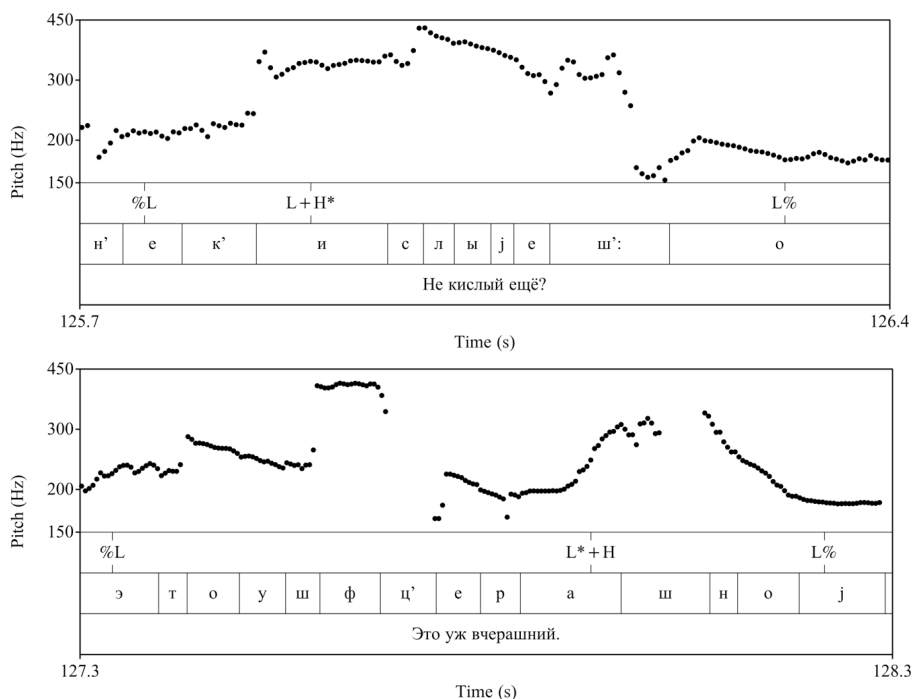
L*, низкий тон (ИК-1, ИК-4) — см. рис. 5.

Однако в говоре существуют и тональные акценты, не свойственные литературному языку:

L*+H (повышение тона происходит на второй части гласного в отличие от повышения в самом его начале в **L+H***), см. рис. 2, 3;

H* (ровный высокий тон на всем протяжении ударного гласного акцентированного слова, сопровождаемый обычно последующим низким конечным пограничным тоном), см. рис. 6.

¹⁰ Для обозначения контурных (восходящих и нисходящих) тонов в системе ToBI могут использоваться символы LH и HL или L+H и H+L соответственно, обычно — в зависимости от типа тайминга. Так, для тонов, реализующихся на одном слоге, С.-А. Джун и Дж. Флетчер предложили применять первый вариант, для ассоциированных с двумя слогами — второй [Jun and Fletcher 2014: 516]. В настоящей статье мы недифференцированно используем только обозначения L+H и H+L, оставляя вопрос о тайминге в стороне вследствие недостаточности материала.

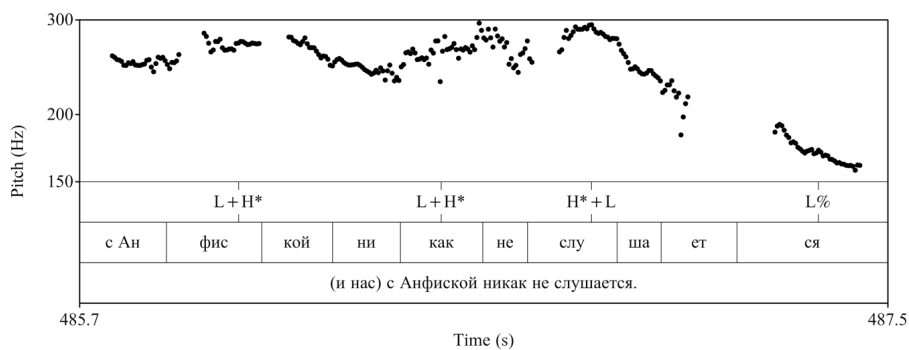

Рис. 4. Кривая ЧОТ фразы *(и нас) с Анфиской никак не слушается* (диктор — Р. А. О.)

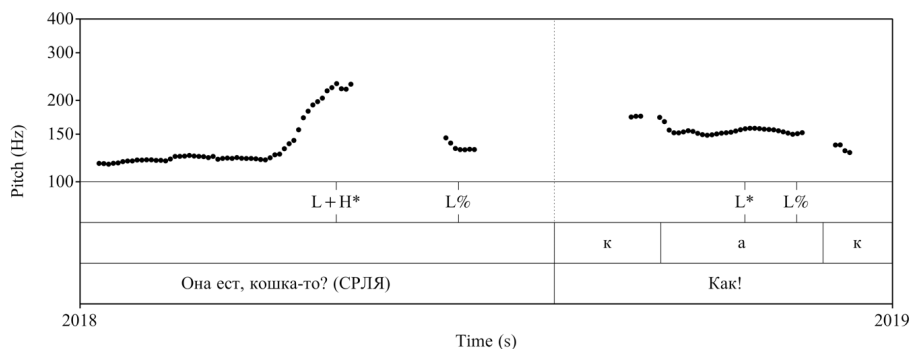

Рис. 5. Кривая ЧОТ фраз *Она ест, кошка-то? (СРЛЯ)* и *Как! (L*)*; диктор — М. П. Е.

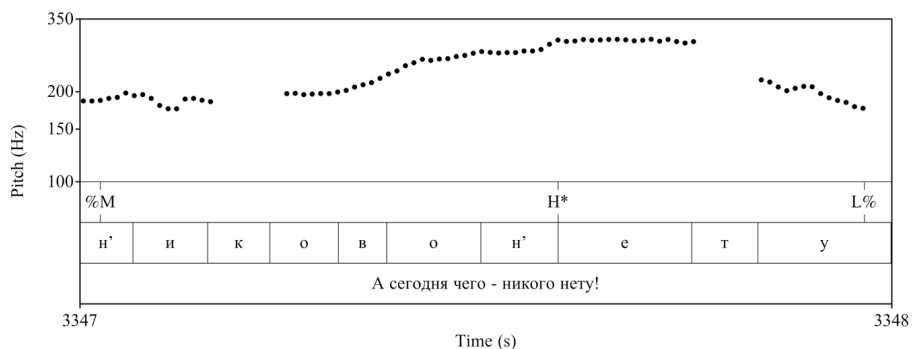

Рис. 6. Кривая ЧОТ фразы *А сегодня чего - никого нету!* (диктор — Р. М. И.)

Возможно, в качестве отдельного акцента должен быть выделен и **H+L*** (сходный с **H*+L**, но отличающийся от него таймингом: падение происходит в самом начале гласного акцентированного слова, а на второй его части сохраняется ровный тон), см. *сметаны* на рис. 9.

Наряду с этим верхнепинежские говоры и литературный язык различаются ассоциацией интонационных средств с коммуникативными значениями: просодические средства в диалекте могут быть использованы иначе, чем в СРЛЯ, — например, семантика дискурсивной незавершенности [Янко 2004: 100–101] маркируется в говоре (как и в финском языке [Välimaa-Blum 1993: 87]) высоким пограничным тоном в отличие от низкого в СРЛЯ, а значение завершенности — восходящим акцентом в отличие от нисходящего (см. рис. 7).

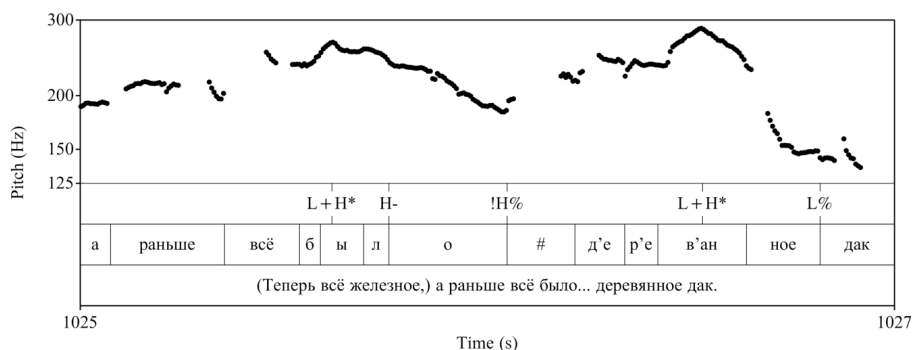

Рис. 7. Кривая ЧОТ фразы *(Теперь всё железное,) а раньше всё было... деревянное дак* (диктор — Н. А. П.)

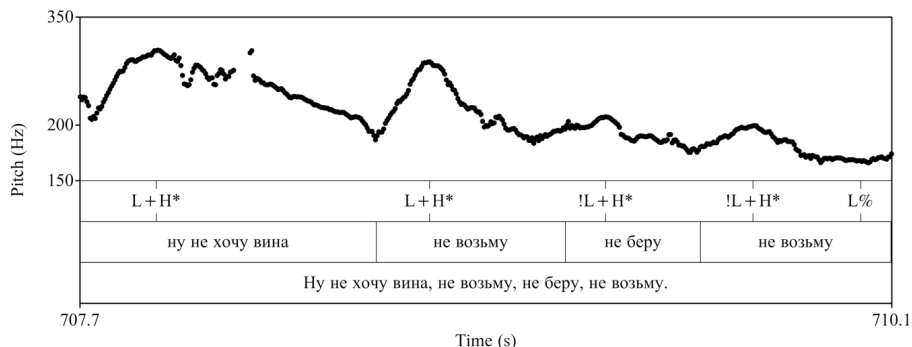

Рис. 8. Кривая ЧОТ фразы *Ну не хочу вина, не возьму, не беру, не возьму* (диктор — Р. М. И.)

Наиболее яркими различиями между описанными говорами и СРЛЯ являются:

- 1) тип минимальной интонационной единицы — акцентная группа в говоре, часто, но не всегда, состоящая из одного фонетического слова, и синтагма в СРЛЯ, состоящая в большинстве случаев из нескольких фонетических слов (см. примеры на рис. 8, где фонетические слова *ну не хочу* и *вина* составляют одну акцентную группу, и на рис. 9, где одну акцентную группу составляют слова *разольёшь на сковородочке* и *сметаны-то вот этой сливоч-то*);
- 2) более широкая распространенность в говоре неядерных тональных акцентов — наличие предъядерного $L + H^*$ на всех акцентных группах, предшествующих главному акцентоносителю¹¹;
- 3) дистрибуция тональных акцентов — за счет расширенного употребления в говоре восходящих тонов, которыми оформляются, наряду с общими вопросами и незавершенными высказываниями, предъядерные акценты и завершенные высказывания;
- 4) бо́льшая функциональная нагруженность в говоре заакцентной части высказывания — наличие фразовых тонов наряду с пограничными.

В [Князев 2022] отмечено, что одним из показателей степени выделенности того или иного слова — акцентоносителя [Янко 1991; 2001: 190] во фразе может служить интервал тонального движения: см. ниже рис. 9, где ядерный тональный акцент $L + ^H N^*$ на слове *разольёшь* характеризуется повышением ЧОТ в 120 Гц, а предъядерные $L + H^*$ на словах *сливки*, *эти*, *нальёшь*, *наверх*, *них* — 67, 37, 59, 56 и 36 Гц соответственно¹². Однако в значительном числе случаев просодически выделенное слово не отличается в этом отношении от невыделенных; таким образом, вопрос о способах маркировки ядерных тональных акцентов на фоне предъядерных и, возможно, постъядерных остается актуальным. Ниже, в разделах 3–6, обсуждается структура ядерных тональных акцентов в говоре Вадюги на материале 1) общего вопроса, 2) вопроса с вопросительным словом, 3) нейтрального утверждения, 4) диалогических реплик, состоящих из частиц *да* и *нет*.

¹¹ В говоре имеют место и постъядерные акценты того же ($L + H^*$) типа (см., например, *нонь*, и *они* на рис. 2), но не столь регулярно, как предъядерные, и, видимо, не после любого типа ядерного акцента. Этот вопрос нуждается в дальнейшем изучении.

¹² Аналогично и в финском языке: “Focus is expressed by a relatively greater pitch range; if the focus contains a starred Low tone, this tone becomes lower than in non-emphatic conditions, while a H^* becomes higher” [Välimaa-Blum 1993: 93].

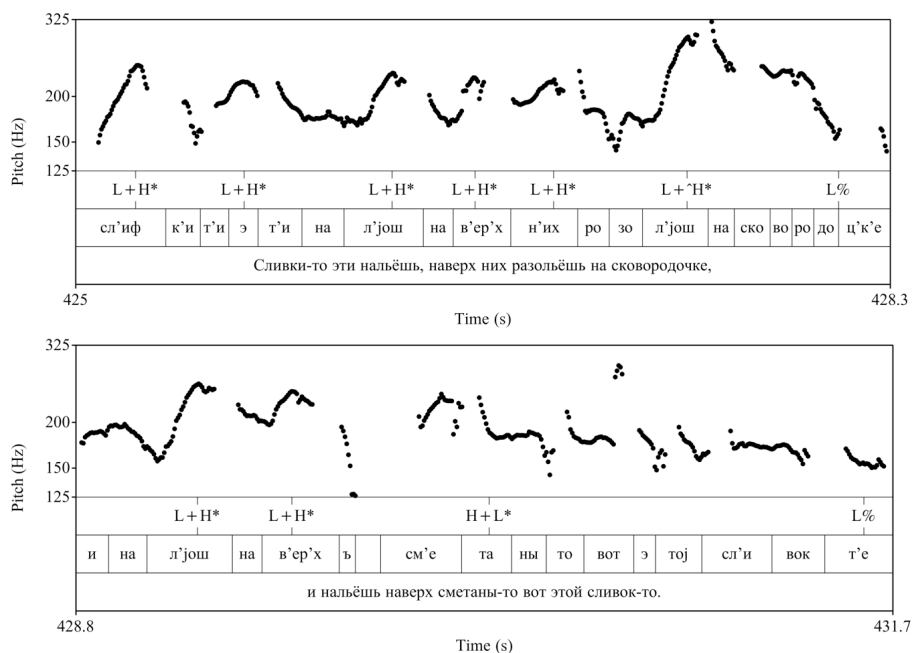

Рис. 9. Кривая ЧОТ фразы *Сливки-то эти нальёшь, наверх них разольёшь на сковородочке, и нальёшь наверх сметаны-то вот этой сливок-то* (диктор — М. П. Е.)

2.2. Интонационная система верхнепинежских говоров в типологической перспективе

В стандартной автосегментно-метрической фонологической модели типологические обобщения относительно фразовой просодии¹³ делаются на основании анализа

- 1) характера выделения той или иной просодической единицы в потоке речи ('prominence') и
- 2) способа группировки лексических единиц в просодические ('phrasing') [Jun 2005].

По первому основанию ('head/edge-prominence language') выделяются языки с просодической маркировкой

- а) вершин ('head') — при помощи тональных акцентов,
- б) краев ('edge') — с использованием пограничных тонов,
- в) и вершин, и краев.

¹³ В автосегментно-метрической модели так же описывается и лексический уровень (словесное ударение, слоговые тоны и т. п.); мы оставляем сейчас этот вопрос в стороне как нерелевантный для дальнейшего изложения.

В этом плане говор Вадюги и СРЛЯ, наряду с большинством европейских языков (английским, немецким, испанским, греческим и др.), относится к первому типу — акцентных языков ('head-prominence language').

Второй параметр характеризует тип основной просодической единицы в языке — фонетическое слово (Prosodic Word, PWd), акцентная группа (Accentual Phrase, AP), синтагма (Intermediate Phrase, ip) или фраза (Intonation Phrase, IP). В этом отношении говоры верхней Пинеги (AP) противопоставлены СРЛЯ и языкам типа английского, немецкого, итальянского (ip, IP), а также сербохорватского или японского (PWd).

С.-А. Джун для описания сходств и различий фразовой просодии в языках мира предложила ввести еще один параметр, описывающий общую тональную структуру высказывания ('global tonal pattern of an utterance'), а именно — **макроритм**:

Macro-rhythm is a tonal rhythm, a rhythm perceived by changes in f0. Therefore, a stronger degree of macro-rhythm would be created by a sequence of alternating low and high tones (LH-LH-LH) or high and low tones (HL-HL-HL...). A subunit of tonal rhythm (i.e., LH or HL) can include materials larger or smaller than a word [Jun 2012: 536].

Степень «макроритмичности» того или иного языка определяется следующими условиями:

- a. Low/High alternation: a pitch contour with a sequence of rising or falling tones is more macro-rhythmic than that with level tones.
- b. Similarity of sub-tonal units: a pitch contour with a similar shape of sub-tonal units is more macro-rhythmic than that with less similar ones.
- c. Regularity of sub-tonal units: a pitch contour with a regular interval of sub-tonal units is more macro-rhythmic than that of irregular ones.

In sum, a pitch contour has a stronger degree of macro-rhythm if the tone is alternating between Lows and Highs and if the sub-tonal unit of the alternating contour is more similar and regular [Ibid.].

В зависимости от степени соответствия этим правилам языки могут быть распределены по трем группам с использованием следующих критериев:

(i) *The number of possible prenuclear pitch accents and/or AP/word boundary tones (or tonal melodies)*: Among the languages that have pitch accents, a language with more types of prenuclear pitch accents is less macro-rhythmic than that with fewer types. Similarly, among languages having an AP or word accent, a language with more types of AP/word tones is less macro-rhythmic than that with fewer AP/word tones.

(ii) *The type of most common prenuclear pitch accent and/or AP/word boundary tones (or tonal melodies)*: Languages employing a level tone as the most common prenuclear pitch accent (H* or L*) is less macro-rhythmic than those employing a rising (L+H* or L*+H) or falling (H+L* or H*+L) tones. Similarly, languages employing rising or falling AP/word tones the most often is more macro-rhythmic than those with level tones.

(iii) *The frequency of pitch accents or AP/word boundary tones (or tonal melodies)*: Languages where every word receives a pitch accent is more macro-rhythmic than those with less frequent or more frequent pitch accent per word. Similarly, edge-prominence languages where the edge of every word is marked by an AP/word tone are more macro-rhythmic than those where only some of the word edges are marked by a tone [Ibid.].

На этом основании среди акцентных языков выделяются языки с 1) «сильным», 2) «средним» и 3) «слабым» макроритмом (strong, medium, weak macro-rhythm) [Jun 2012: 537]:

- 1) испанский, каталанский, греческий, бразильский вариант португальского и др. — существенное преобладание восходящих тонов во фразе в сочетании с тенденцией к реализации тональных акцентов на каждом слове;
- 2) английский, немецкий, нидерландский и др. — наличие уровневых, а не контурных предъядерных тональных акцентов, их ассоциация с более крупными просодическими единицами;
- 3) языки со словесными и слоговыми тонами — отсутствие регулярно чередования H и L.

В этой системе координат литературный русский относится ко второму типу — языкам со средним макроритмом, а верхнепинежские говоры — к первому (с сильным), сближаясь в этом отношении с финским языком, для которого характерно наличие лишь двух тональных акцентов (восходящих L+H* и L*+H), в том числе предъядерных, а также тенденция к их реализации на каждом слове [Välimaa-Blum 1993; 1999: 302].

3. Общий вопрос

Выше уже было отмечено, что одни исследователи описывают тональные акценты в говорах с пословным тональным оформлением как восходящие [Кузнецов 1949: 14; Касаткина 1991: 42], другие — как восходяще-нисходящие [Post 2005: 46], поскольку для того чтобы тон был восходящим на каждом слове в пределах одного тонального уровня, после его подъема должно иметь место и падение; вопрос здесь заключается в том, является ли нисходящее движение тона в этих случаях частью сложного тонального акцента (pitch accent) или относится к заакцентной части контура — фразовому (phrase accent) или пограничному тону (boundary tone).

Мелодический контур общего вопроса в сходных в этом отношении с вадужскими говорах д. Варзуга Терского р-на Мурманской обл. описан в работах М. Пост [Post 2005; Пост 2007; Post 2008; Пост 2008] и назван ей «широкой шляпой» ('broad hat'): "Whereas in IK-3 the fall starts immediately after the stressed syllable of the accented word... it starts later in this movement, possibly only in the last syllable or syllables" [Post 2005: 49]; этот контур имеет структуру, близкую к ИК-5 (но отличающуюся от нее, в частности,

более поздним таймингом). При этом в терском говоре данный контур существует со стандартным для русского (в том числе литературного) общего вопроса контуром с резким подъемом ЧОТ и последующим немедленным падением (Н* L- L%, ИК-3); М. Пост высказала предположение, что в исследованных ею говорах выбор того или иного способа тонального оформления общего вопроса

is related to the knowledge of the speaker regarding the information under current concern... The broad hat is typically used in utterances with a strong bias to a positive answer and a lesser degree of questionhood, such as in requests for confirmation of an inference going counter to an earlier presupposition of the speaker [Post 2008: 234].

В верхнепинежских говорах такой зависимости не наблюдается: в наших материалах вопрос без вопросительного слова встретился 49 раз¹⁴; почти во всех случаях, где его тип можно надежно определить, он оформлен «широкой шляпой» (см. соответствующие примеры на рис. 10–12), в том числе и в функции «запроса подтверждения». Лишь в одном случае (не являющимся запросом подтверждения) зафиксирован восходящий тон с немедленным падением (его начало приходится на ударный гласный акцентированного слова — см. рис. 13); этот вопрос представляет собой «цитату» в рассказе информанта, копирующего речь одного из персонажей, а имитация чужой речи в русских диалектах может быть просодически оформлена особым образом, отличающимся от стандартного для данного говора [Пауфوشима 1989: 55].

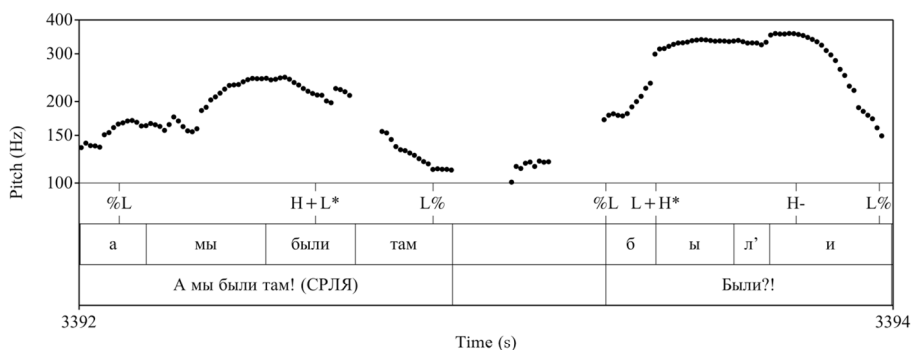

Рис. 10. Кривая ЧОТ фраз *А мы были там!* (СРЛЯ) и *Были?* (диктор — М. П. Е.)

¹⁴ Следует иметь в виду, что большинство диалектных текстов представляют собой либо монологи носителей говора, либо диалоги, в которых вопросы задает диалектолог, поэтому значительная часть коммуникативных типов, в том числе вопросов, в речи информантов встречается достаточно редко.

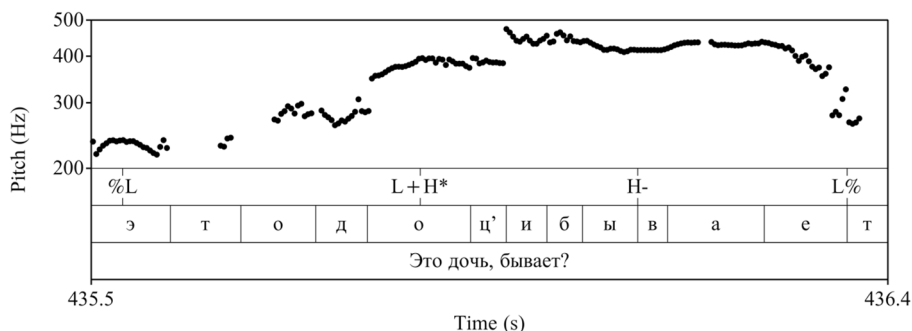

Рис. 11. Кривая ЧОТ фразы *Это дочь, бывает?* (диктор — М. П. Е.)

Рис. 12. Кривая ЧОТ фразы *Видели вы у неё мужика-то?* (диктор — Р. А. О.)

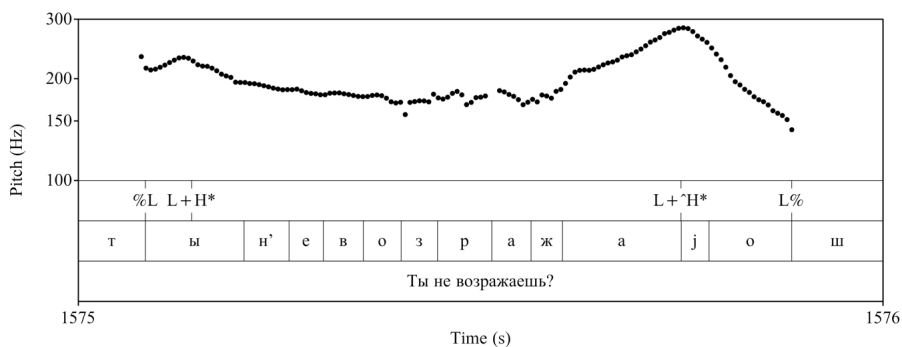

Рис. 13. Кривая ЧОТ фразы *Ты не возражаешь?* (диктор — М. П. Е.)

М. Пост предложила интерпретировать нисходящую часть этого контура как второстепенный акцент либо как тональное движение, которое является последней частью главного тонального акцента ("trailing tone of the nuclear pitch accent with a late association") [Post 2008]. С нашей точки зре-

ния, другим возможным способом интерпретации этой структуры является модель **L+ H* L%** (восходящий тональный акцент + низкий пограничный тон). В этом случае, однако, возникает вопрос об интерпретации ровного высокого тона, связывающего восходящее и нисходящее движение. В [Князев 2022] предложено использовать для описания этого типа фразовый тон (*phrase accent*), весь контур тогда имеет вид **L+ H* H- L%**.

Существует тем не менее одно обстоятельство, позволяющее усомниться в верности подобного решения. Тщательный анализ характера изменения ЧОТ на ударном слоге акцентоносителя свидетельствует, что повышение тона происходит не на всем протяжении ударного гласного, а только на его начальной части или на предшествующем ему согласном в слоговой инициали, в то время как на второй части гласного (или даже почти на всем его протяжении) тон является ровным (высоким), это хорошо видно на рис. 10, 11, 12. В первом случае резкое, более чем на октаву, повышение происходит на согласном [б] слова *были*, между тем как на ударном [ы] (и заударном [л']) сохраняется высокий тон. Во втором, соответственно, тон повышается в самом начале [о] слова *доци* и [и] слова *видели*, а на большей части ударного гласного и на всех последующих гласных, кроме конечного, сохраняется ровным.

Проведенный анализ свидетельствует о том, что таким образом (с наличием ровного участка на гласном, ассоциированном с тональным акцентом) устроены в говоре все встретившиеся нам примеры с «широкой шляпой»; при этом на повышение тона приходится меньшая часть ударного гласного — в среднем 55,3 мс (48 %) общей длительности, а на ровный участок большая часть — 60,3 мс (52 %).

В то же время в СРЛЯ в тех же общих вопросах¹⁵ наблюдается принципиально иная картина: на повышение тона приходится 131,4 мс (87 %) ударного гласного, на ровный участок — 13,8 мс (9 %), на участок с началом падения — 6,0 мс (4 %) общей длительности ударного гласного. Схематически эти данные приведены ниже на рис. 14¹⁶, на котором хорошо видно, что в диалекте д. Вадюга восходящий тональный акцент отличается от восходящего акцента СРЛЯ наличием двух частей на ударном гласном акцентоносителя — восходящей и ровной, каждая из которых «занимает» приблизительно половину несущего акцент гласного¹⁷. Это наблюдение позволяет сформулировать гипотезу о том, что тональный акцент в говорах

¹⁵ Эти данные получены на материале чтения тех же предложений носителем СРЛЯ.

¹⁶ Здесь и далее на этих схемах по вертикальной оси приводятся значения ЧОТ в герцах, по горизонтальной — длительность ударного гласного в сантисекундах.

¹⁷ По всей вероятности, именно наличие ровного тона после восходящего на ударном гласном акцентоносителя (без немедленного падения) позволяет носителям СРЛЯ не воспринимать утвердительные предложения с восходящим тоном в пинежском говоре как вопрос.

с пословным мелодическим контуром является не простым (с одним тональным движением), а сложным двухкомпонентным, содержащим **два разных тональных движения**. Данная гипотеза ниже тестируется на материале высказываний других коммуникативных типов.

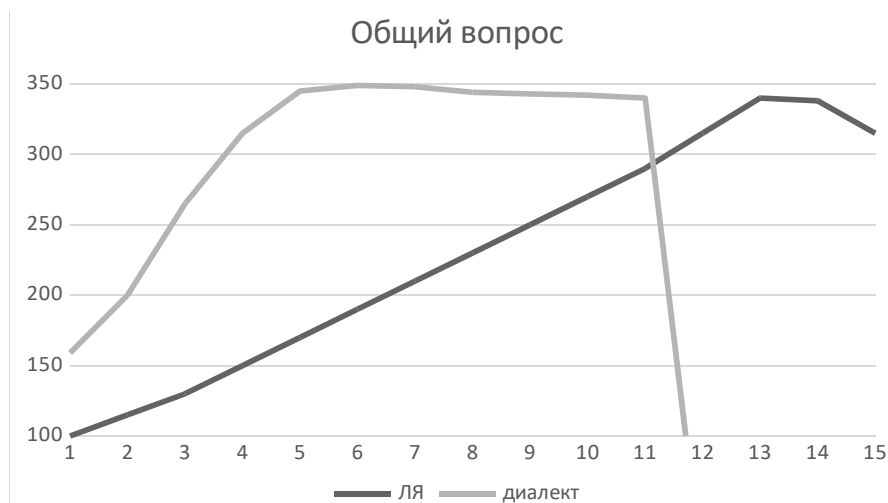

Рис. 14. Кривая ЧОТ общего вопроса на акцентоносителе СРЛЯ и говора д. Вадюга

4. Утверждение

Л. В. Щигель, исследовавшая, к сожалению, неназванные «говоры разных районов Вологодской и Архангельской областей» [Щигель 1985: 102], пришла к заключению, что в них «для восприятия вопроса без вопросительного слова признак направления движения основного тона в гласном центра не является релевантным» [Там же: 111], что, конечно, вполне согласуется с исходной гипотезой о возможном наличии восходящего тонального движения на каждом слове фразы.

Действительно, нейтральное утверждение также может оформляться в верхнепинежских говорах восходящим тональным акцентом с последующими высоким фразовым и низким конечным пограничным тоном («широкая шляпа»). Соответствующие примеры подобного оформления утвердительных высказываний приведены ниже на рис. 15–17. На этих рисунках хорошо видно, что падение тона после повышения на ударном слоге начинается не сразу (некоторое время поддерживается ровный высокий тон) и осуществляется не резко: референциальная точка для низкого тона находится не на ближайшем к акцентированному гласному слоге, как это обычно бывает в ИК-3 СРЛЯ, а на конечном слоге во фразе (особенно отчетливо это заметно на рис. 16 во фразе с тремя заакцентными слогами).

Однако в случае именно нейтрального утверждения повышение тона обычно начинается существенно позже, чем во фразах с общим вопросом, — во второй части ударного гласного акцентоносителя или даже на последующем согласном (см. также выше рис. 3). Таким образом, этот акцент имеет структуру $L^*+H-H-L\%$ и он тоже содержит отрезок с ровным тоном на акцентированном гласном, только не после повышения, как в общем вопросе ($/-$), а до него ($-/$).

Рис. 15. Интонограмма фразы *То жить-то ныне можно и* (диктор — М. П. Е.)

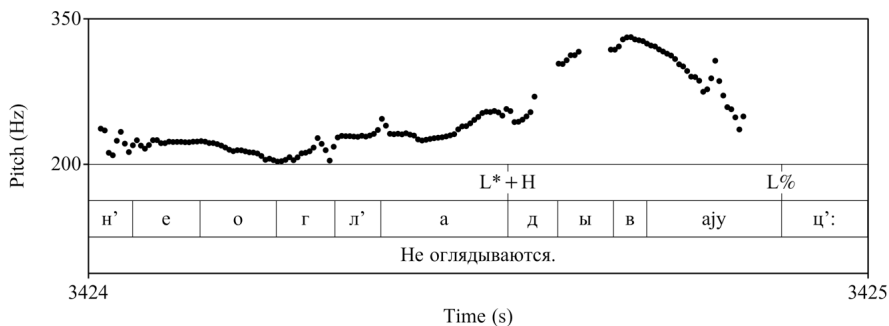

Рис. 16. Интонограмма фразы *Не оглядываются* (диктор — Р. А. О.)

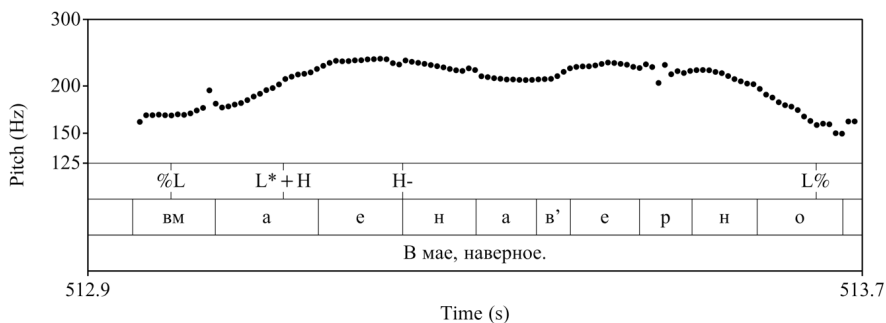

Рис. 17. Интонограмма фразы *В мае, наверное* (диктор — М. П. Е.)

5. Вопрос с вопросительным словом

Одним из исходных положений, лежавших в основе настоящего исследования, была гипотеза о том, что единственным типом тонального акцента в говорах с пословным мелодическим контуром является восходящее движение тона. Это утверждение близко к истине: по нашим данным, в Вадюге так оформлена большая часть всех слов, на которых имеется тональное движение. Тем не менее в исследованном материале встречаются и высказывания, содержащие нисходящее движение тона с высокого уровня на ударном гласном акцентоносителя — в первую очередь это вопросы с вопросительным словом¹⁸. Соответствующие примеры приведены ниже на рис. 18–23; они оформлены контуром, который предварительно можно описать как структуру $H^*+L\ L\%$. П. В. Дурагин [2021: 150] вслед за Й. Игараши [2008] предлагает таким образом интерпретировать сходный контур частного вопроса СРЛЯ, однако предварительный анализ демонстрирует существенное различие между литературным и диалектным оформлением вопроса с вопросительным словом. На рис. 18 приведены кривые ЧОТ частных вопросов из диалога носителя литературного языка и диалекта, на них хорошо видно, что если в СРЛЯ падение тона начинается в самом начале ударного гласного, то в диалекте оно происходит значительно позже (см. сходные примеры на рис. 19–21). Таким образом, можно предварительно предположить, что в СРЛЯ имеет место тональный акцент $H+L^* L\%$, а в диалекте — $H^*+L\ L\%$.

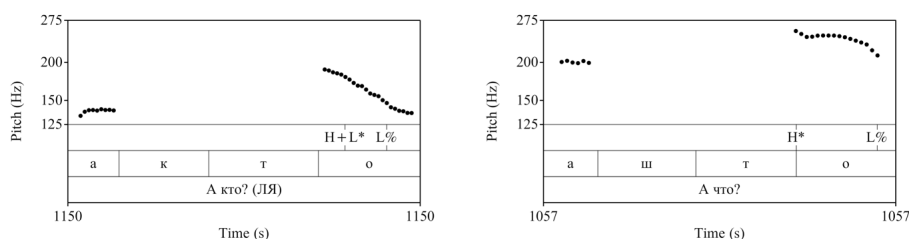

Рис. 18. Интонограмма вопросов с вопросительным словом
А кто? (СРЛЯ, слева) и *А что?* (диалект, справа)

¹⁸ А также — в некоторых случаях — ответные реплики, состоящие из частиц *да* и *нет* и копирующие нисходящий тон предшествующей реплики (в том числе самого информанта или его собеседника носителя диалекта), [Князев, Пронина 2021] (см. ниже п. 6).

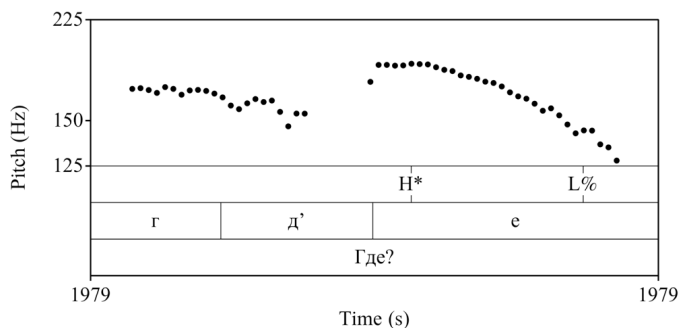

Рис. 19. Интонограмма вопроса с вопросительным словом
Где? (диктор — Р. А. О.)

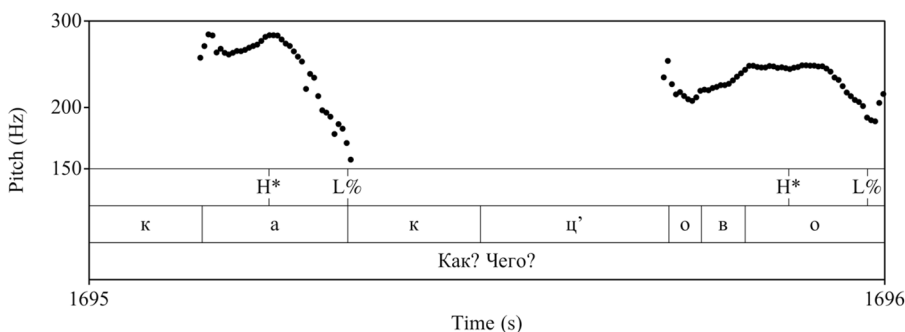

Рис. 20. Интонограмма вопроса с вопросительным словом
Как? Чего? (диктор — М. П. Е.)

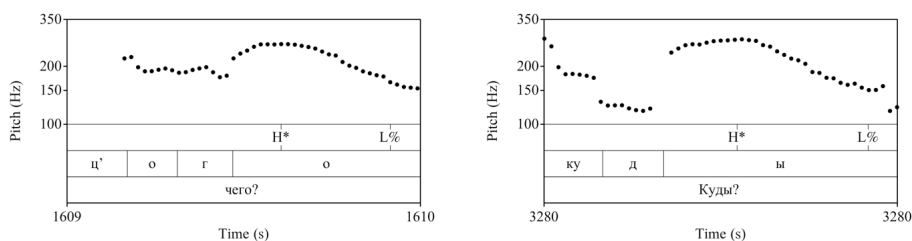

Рис. 21. Кривая ЧОТ во фразах Чего?, Куды? (диктор — Р. М. И.)

Всего в наших материалах из Вадюги встретилось 58 примеров вопросов с вопросительным словом, в большинстве случаев гласный акцентоносителя (обычно это вопросительное местоимение) содержит ровный тон в своей первой части (в среднем — 89,4 мс или 56 % общей длительности), а вторая его часть несет на себе нисходящий тон. Усредненный контур этого варианта тонального акцента в сопоставлении с контуром частного вопроса СРЛЯ приведен ниже на рис. 22.

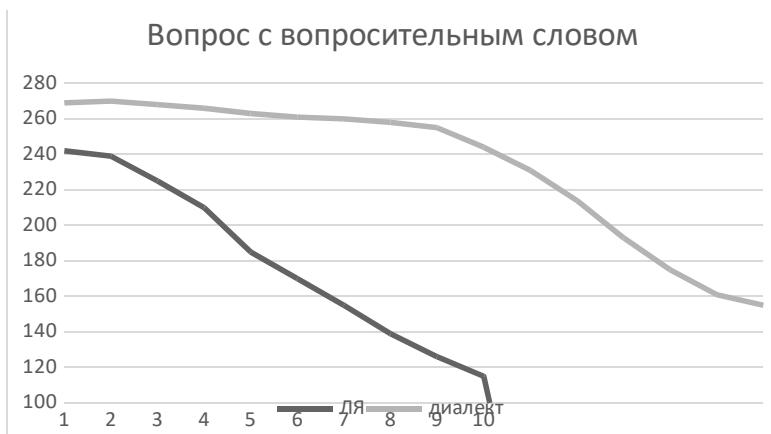

Рис. 22. Усредненная кривая ЧОТ вопроса с вопросительным словом СРЛЯ и говора д. Вадюга

На первый взгляд, эти данные подтверждают высказанное выше предположение о том, что в говоре Вадюги тональный акцент в частных вопросах является, как и в СРЛЯ, нисходящим, но отличается от литературного $H+L^*L\%$ более поздним таймингом и тем самым наличием ровного высокого тона в первой части гласного, т. е. $H^*+L\ L\%$. Однако более тщательный анализ материала позволяет предложить и иную гипотезу.

Есть все основания полагать, что характер распределения ровного и нисходящего тональных движений в диалектных вопросах с вопросительным словом зависит от наличия фонетического материала в заакцентной части высказывания (заударных слогов в акцентоносителе или неакцентированных слов в позиции после него): если фраза содержит заакцентный сегментный материал, то понижение тона начинается не в заключительной части акцентированного гласного, а на последнем или предпоследнем слоге во фразе (неважно, ударном или безударном!). Соответствующие примеры приведены ниже на рис. 23–29.

На рис. 23 и 24 видно, что даже в одном и том же высказывании одного и того же информанта в случае, если тональный акцент реализуется на конечном во фразе гласном (*куды* и *чего* соответственно), то на этом гласном фиксируется ровный тон в сочетании с нисходящим; если же во фразе есть заударные слоги, то на акцентированный гласный приходится ровное движение, а падение происходит на заударном (*чего нам, будешь*). При этом в литературном русском языке начало падения тона на ядерном акценте в вопросах с вопросительным словом (ИК-2) всегда ассоциировано с началом ударного гласного акцентоносителя и не зависит от количества сегментного материала в заакцентной части высказывания (см. рис. 31 с четырьмя заакцентными слогами).

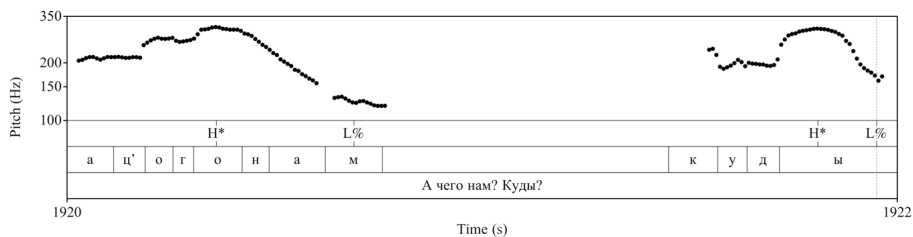

Рис. 23. Кривая ЧОТ во фразе *А чего нам? Куды?* (диктор — Р. М. И.)

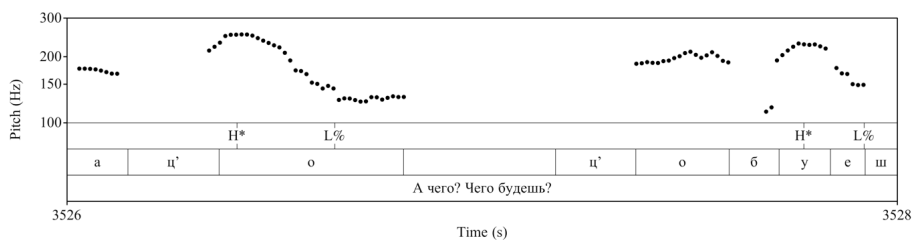

Рис. 24. Кривая ЧОТ во фразе *А чего? Чего будешь?* (диктор — Р. М. И.)

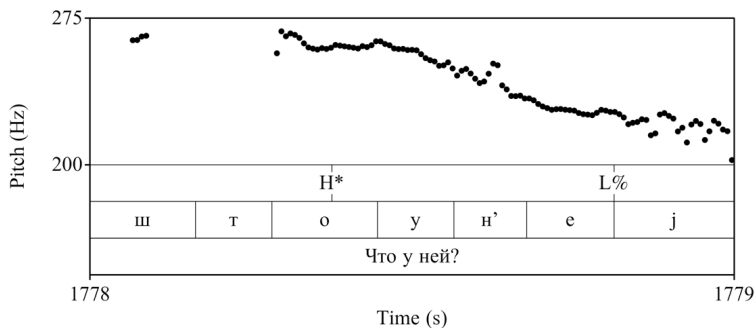

Рис. 25. Кривая ЧОТ во фразе *Что у ней?* (диктор — Р. А. О.)

Рис. 26. Кривая ЧОТ во фразе *Чем накормишь?* (диктор — Р. А. О.)

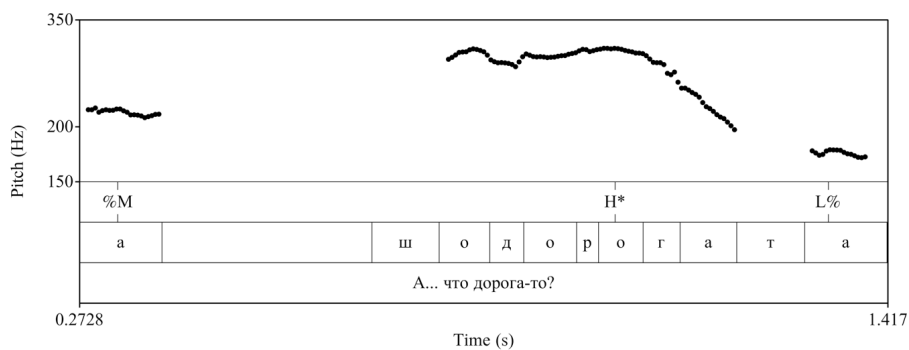

Рис. 27. Кривая ЧОТ во фразе *А... что дорога-то?* (диктор — Р. А. О.)

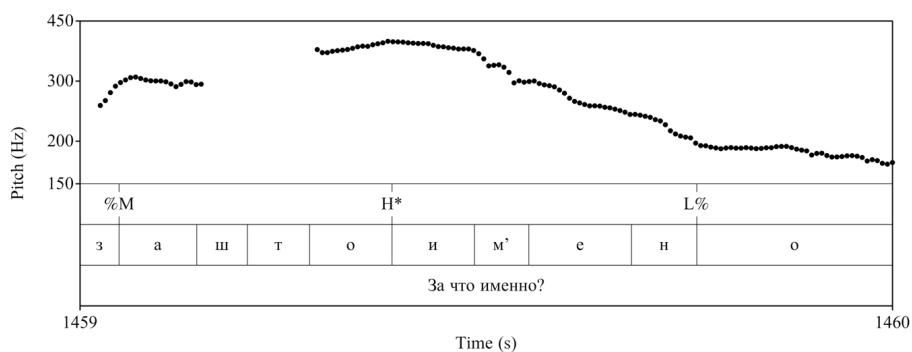

Рис. 28. Кривая ЧОТ во фразе *За что именно?* (диктор — Р. А. О.)

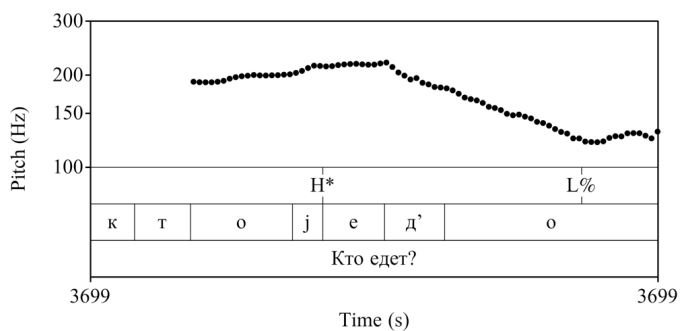

Рис. 29. Кривая ЧОТ во фразе *Кто едет?* (диктор — Р. А. А.)

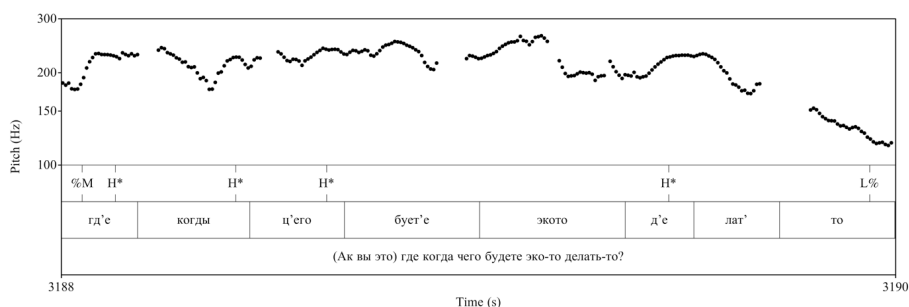

Рис. 30. Кривая ЧОТ во фразе *(Ак вы это) где когда чего будете эко-то делать-то?* (диктор — Р. А. А.)

Рис. 31. Кривая ЧОТ во фразе *Они когда приходили?* (диктор — А. Б., СРЛЯ)

Итак, и нисходящее движение тона в исследуемых говорах может сопровождаться ровным отрезком на акцентированном гласном, — но в случае частных вопросов ровный тон предшествует (нисходящему) тональному движению, в то время как в общих вопросах следует за изменением (повышением) тона. Эти данные в определенной мере могут свидетельствовать в пользу предложенной выше гипотезы о том, что тональный акцент в говорах с пословным мелодическим контуром является не простым (с одним тональным изменением), а сложным двухкомпонентным, содержащим ровный тон наряду с изменением ЧОТ. Следует, впрочем, признать, что приведенные выше данные о просодической организации вопросов с вопросительным словом не могут служить окончательным аргументом для подтверждения этой гипотезы, поскольку в оформлении таких контуров наблюдается явная тенденция к соотносению (большой части) нисходящего тонального движения с заакцентной частью высказывания: данный факт можно интерпретировать как наличие **ровного высокого** тонального акцента **H*** в сочетании с низким пограничным тоном **L%** (т. е. **H* L%**, в отличие от **H+L* L%** литературного языка). Однако и в этом случае тональный акцент содержит ровный тон.

Отметим в заключение раздела, что мелодический контур Н* L% встречается в говоре не только в вопросительных высказываниях, но и в утвердительных предложениях, например с контрастным фокусом (см. рис. 32, 33).

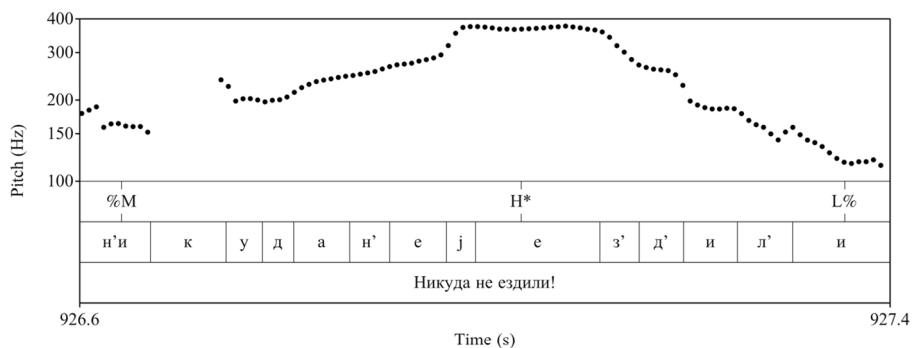

Рис. 32. Кривая ЧОТ во фразе *Никуда не ездили!* (диктор — Р. А. А.)

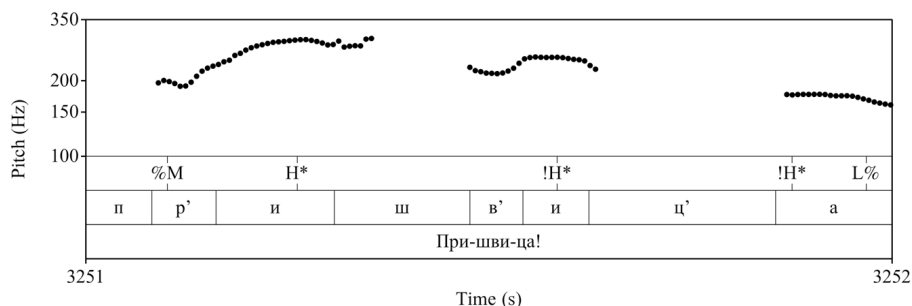

Рис. 33. Кривая ЧОТ во фразе *При! шви! ца!* (диктор — Р. А. А.)

6. Да и нет: ответные реплики

Кардинальные отличия диалектных систем рассматриваемого типа в области интонационного оформления высказывания от литературного языка приводят к тому, что, как уже отмечалось выше, взаимопонимание между носителями СРЛЯ и диалекта может быть существенно затруднено — так, в ходе нашей экспедиции ее участники долгое время испытывали серьезные проблемы с восприятием диалектной речи, что в целом не свойственно ситуации нахождения носителя литературного языка в диалектном окружении. Нам зачастую казалось, что носители говора очень неприветливы и недоброжелательны — возможно, именно по причине специфической интонации ответных реплик носителей диалекта, близкой к той, что в СРЛЯ описывается как четвертая интонационная конструкция (ИК-4) [Брызгунова 1980: 115]. Использование «ИК-4» в диалектной речи отмечалось не раз

[Брызгунова 1977а], в том числе в утвердительных предложениях [Пауфощима 1989: 60–61, 63] и в ответных репликах в диалоге [Щигель 1985: 109]. Е. А. Брызгунова, описывая пинежский диалект, отмечает: «Одной из ярких особенностей, “экзотикой” интонации говора д. Ваймуша Архангельской обл. является модальная реализация ИК-4, отмеченная в ситуации, когда говорящий что-либо доказывает, спорит, возражает» [Брызгунова 1977а: 241]. В литературном языке «ИК-4 употребляется наряду с ИК-1, подчеркивая при этом противопоставление, категоричность утверждения, удивление, вызов» [Брызгунова 1980: 115]. Таким образом, постоянно слыша в диалогах с информантами интонацию, близкую к ИК-4 литературного языка, мы воспринимали ее как показатель ненейтрального отношения говорящего — раздражения, вызова, категоричности утверждения и даже нежелания поддерживать разговор. Однако при анализе диалектной интонации не следует ориентироваться на семантическую интерпретацию интонационных конструкций СРЛЯ, поскольку диалект — это другая языковая система, в которой мелодические контуры, даже весьма сходные с литературными, могут передавать совсем другие значения. Как показали данные проведенного ранее исследования [Князев, Пронина 2021], вопреки первым впечатлениям о диалекте его носители не отвечают на вопросы собеседников невежливо, скорее как раз наоборот: не будучи уверенными в том, какова именно семантика того или иного мелодического контура в реплике собеседника, говорящего на литературном языке, они из вежливости копируют в ответе основные тональные характеристики (направление движения тона) этого контура, но не весь контур целиком — восходящий и нисходящий акценты и в этом случае отличаются от литературных.

В материалах говора д. Вадюги нам встретилось 237 реплик с *да* и *нет*, которые позволяли осуществить инструментальный анализ. Эти реплики представляют, на наш взгляд, весьма ценный материал для исследования тональных акцентов (и мелодических контуров в целом), поскольку обычно содержат долгий гласный¹⁹, на котором возможна реализация всего тонального контура. Полученные в результате этого анализа данные свидетельствуют о том, что тональное оформление частиц *да* и *нет* в исследуемом говоре достаточно вариативно: они могут быть оформлены

1 восходящим акцентом²⁰ (см. рис. 34),

которому обычно предшествует

1.2 ровное (см. рис. 34) или

1.3 нисходящее²¹ (см. рис. 35) движение тона

¹⁹ Средняя длительность его в репликах с восходящим тоном составляет около 260 мс, с нисходящим — около 220 мс.

²⁰ Восходящее движение в чистом виде фиксируется только тогда, когда частица включена в более широкий просодический контекст, т. е. не является отдельной фонетической синтагмой.

²¹ В большинстве случаев, по-видимому, представляющее собой деклинацию.

- и за которым может следовать
 1.4 понижение ЧОТ (см. рис. 36²²);
 2 нисходящим акцентом,
 которому предшествует и за которым следует
 2.2 ровное движение ЧОТ (см. рис. 37).

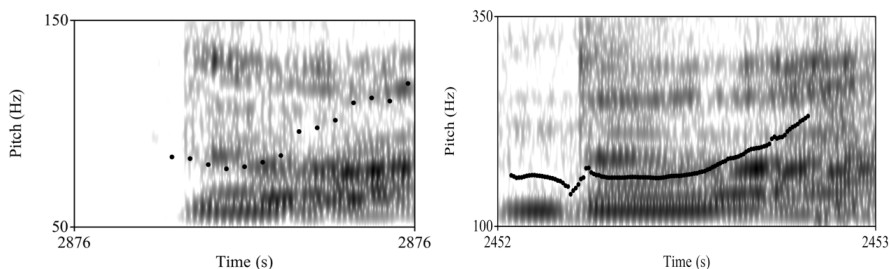

Рис. 34. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ: Да, восходящее движение ЧОТ²³ (слева); Да, ровное + восходящее движение ЧОТ (справа)

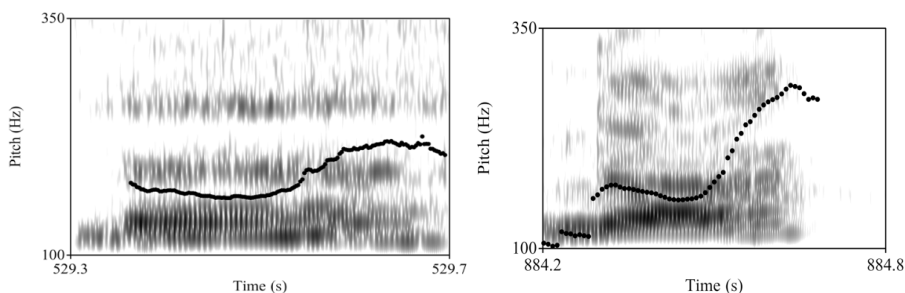

Рис. 35. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ (Да, ровное/нисходящее + восходящее + ровное движение ЧОТ с различным интервалом повышения тона)

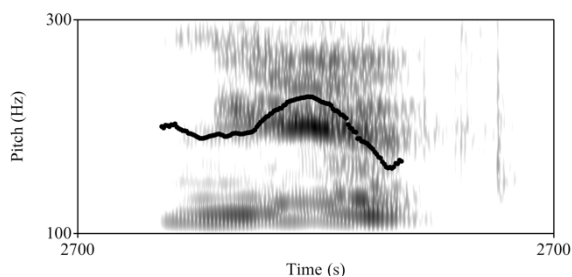

Рис. 36. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ (Нет, ровное + восходяще-нисходящее движение ЧОТ)

²² Этот контур — самый редкий; он встретился всего в 5 репликах из 237.

²³ Незначительное понижение тона в начале частицы является в данном случае микропросодическим: это автоматическое падение ЧОТ на звонком взрывном [д].

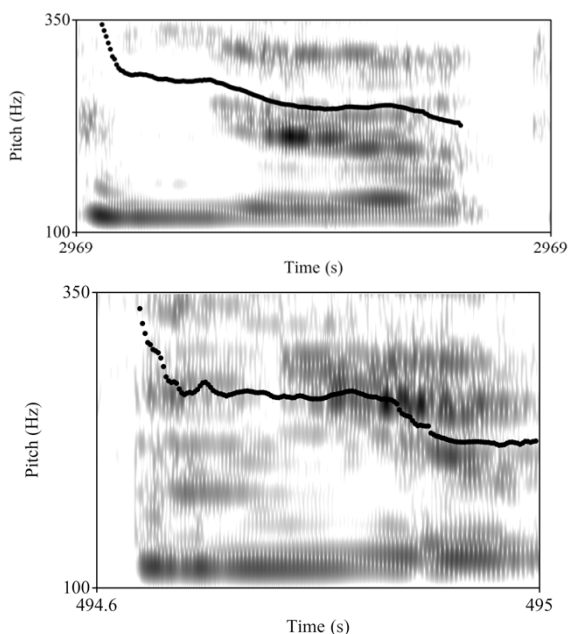

Рис. 37. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ в слове *Нет*
(ровное + нисходящее + ровное движение
с различным таймингом понижения тона)

В целом всё это разнообразие сводится, однако, к противопоставлению восходящего акцента, сходного с ИК-4 литературного языка (но не идентичного ей), и нисходящего, сходного с ИК-1 и ИК-2 (но тоже не идентичного ни той, ни другой ИК). Таким образом, основное различие между этими двумя типами осуществляется по параметру [+/- восходящее движение ЧОТ].

Среди 237 реплик нами было зафиксировано 198 случаев с восходящим акцентом и 39 — с нисходящим. Их анализ дает основания утверждать, что на собственно тональное изменение (повышение или понижение ЧОТ) в утвердительной и отрицательной частицах в среднем приходится всего около $\frac{2}{5}$ (40 %) общей длительности ударного гласного, те же $\frac{2}{5}$ (41 %) приходятся на начальный ровный тон и около $\frac{1}{5}$ (19 %) — на конечное ровное движение тона (см. ниже схему на рис. 38). В то же самое время в литературном русском языке в случае восходящего тонального акцента (ИК-3; L+N* L%) изменение ЧОТ начинается в самом начале несущего акцент гласного (см. примеры произнесения частицы *да* с восходящим тоном носителями СРЛЯ и диалекта ниже, на рис. 39 и 40).

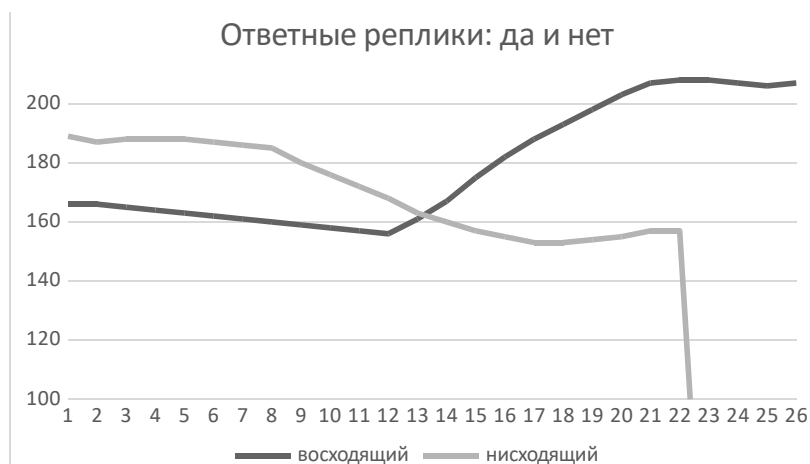

Рис. 38. Обобщенная кривая ЧОТ на гласном диалогических реплик *да* и *нет* в говоре д. Вадюга

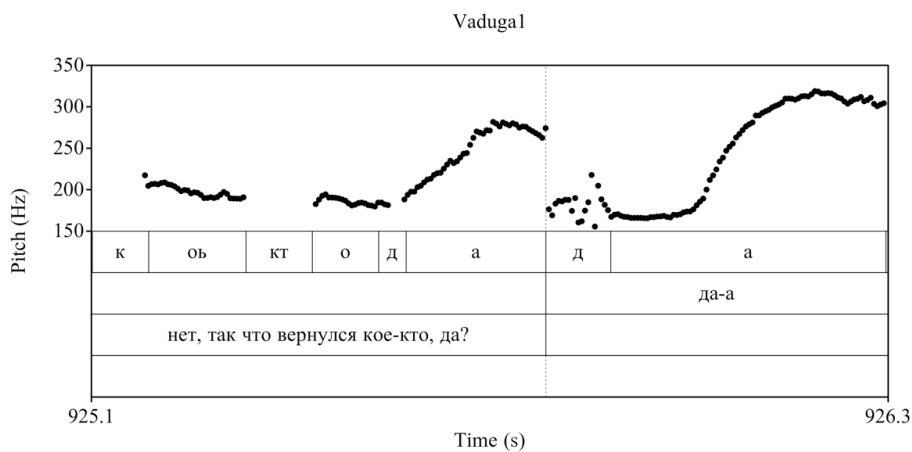

Рис. 39. Кривая ЧОТ во фразах — *(Нет, так что вернулся) кое-кто, да?* (диктор — С. К. Пожарицкая, СРЛЯ; слева) и — *Да-а* (диктор — Р. М. И., диалект; справа)

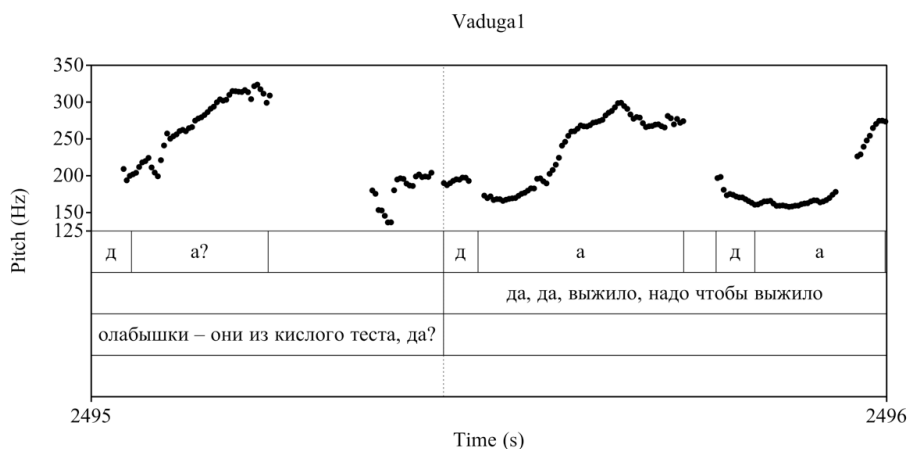

Рис. 40. Кривая ЧОТ во фразах — (А олабышки — они из кислого теста), да?
(диктор — Н. Р. Добрушина, СРЛЯ; слева)
и — Да, да (диктор — Р. М. И., диалект; в центре и справа)

Как уже отмечалось ранее, описанный выше восходящий акцент в верхнепинежских говорах имеет некоторое сходство с ИК-4 (Н+L* Н%) литературного языка, однако не идентичен ей. Ниже на рис. 41 и 42 в обобщенном виде приведены схематические изображения реализации ИК-4 во фразах, отобранных из аудиоматериалов (звуковых приложений) к пособиям по фонетике русского языка как иностранного [Муханов 1987; Одинцова 1994; Короткова 2006] и [Бархударова, Панков 2008], которые записаны относительно недавно и отражают произношение в СРЛЯ (из [Князев, Савельева 2021]). Как видно из приведенных на этих рисунках данных, «эталонные» произнесения ИК-4 характеризуются уровнем тона в предцентре, существенно (на 100–200 Гц в абсолютном выражении или на 100 %, т. е. одну октаву, в относительном) превышающим ЧОТ в центре; падение тона осуществляется резко. То же можно видеть на рис. 43, где приведены примеры интонационного оформления частицы *да* с помощью ИК-4 в СРЛЯ. В говоре д. Вадюги интервал падения перед подъемом составляет в среднем 13 %, что не превышает 10 % от уровня базового тона и может быть обусловлено деклинацией тона, а само это падение занимает почти половину всей длительности гласного (в среднем 120 мс). Тем самым считать первую часть мелодического контура ответных реплик в говоре д. Вадюга нисходящим тоном, на наш взгляд, не представляется возможным.

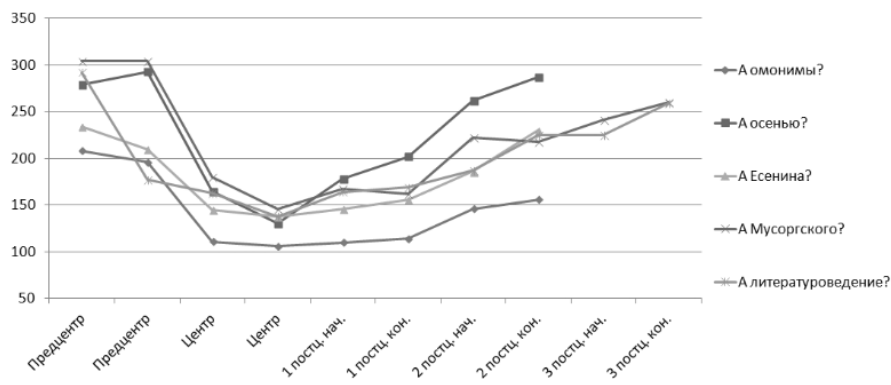

Рис. 41. Значения ЧОТ (Hz) в предцентре/центре/постцентре в «эталонных произнесениях СРЛЯ с ИК-4 (интонационный центр на последнем слове фразы)

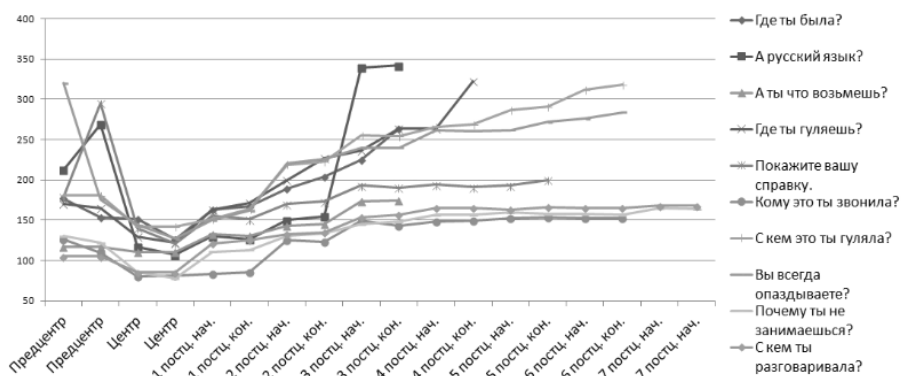

Рис. 42. Значения ЧОТ (Hz) в предцентре/центре/постцентре в «эталонных произнесениях СРЛЯ с ИК-4 (интонационный центр не на последнем слове фразы)

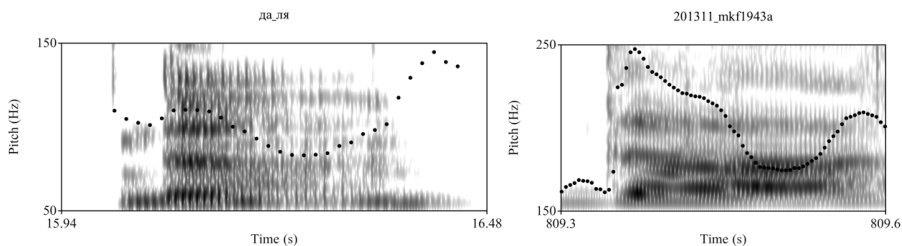

Рис. 43. Динамическая спектрограмма и кривая ЧОТ во фразе *Да* (СРЛЯ; слева мужской голос, справа — женский)

Вследствие некоторого сходства описываемого восходящего акцента с ИК-4 может быть поставлен и другой вопрос: является ли восходящее движение тона в ответных репликах в верхнепинежском говоре собственно тональным акцентом или, как это имеет место в ИК-4, — заакцентной частью, т. е. движением к высокому пограничному тону? Односложные слова типа *да* и *нет* очевидным образом не позволяют принять соответствующего решения. К сожалению, в исследованном материале встретилось всего два примера с ответными утвердительными репликами, содержащими заударные слоги, — см. ниже рис. 44 (*Конечно!*) и 45 (*Да! Рыбник!*); в обоих этих случаях с ударным слогом ассоциирован ровный низкий тон, а с заударным — комбинация [восходящий + ровный (+ нисходящий)]. Следует, однако, иметь в виду, что поздний тайминг (реализация тонального акцента на заударных слогах) является достаточно частым случаем просодического оформления высказывания в верхнепинежских говорах; таким образом, окончательный ответ на обсуждаемый вопрос может быть получен только на основании анализа более обширного материала (предварительно мы все-таки склоняемся к интерпретации акцента как [ровного + восходящего], в частности вследствие наблюдаемого падения тона после второй ровной части, см. рис. 44)²⁴. Однако, если даже повышение тона в подобных случаях не является частью тонального акцента, акцент этот содержит ровный тон.

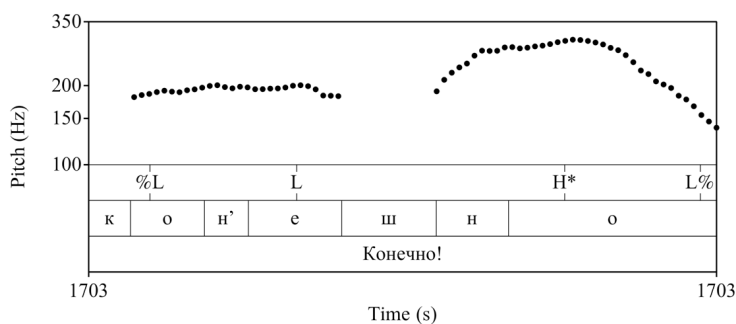
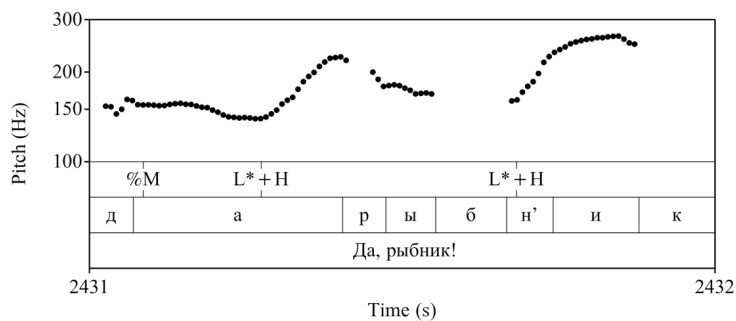
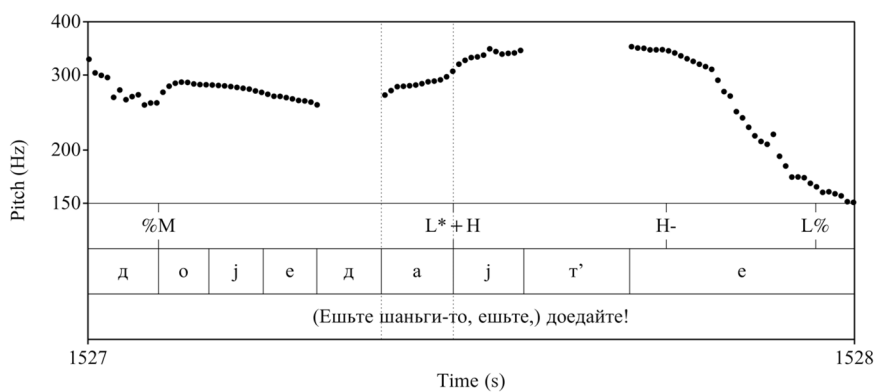
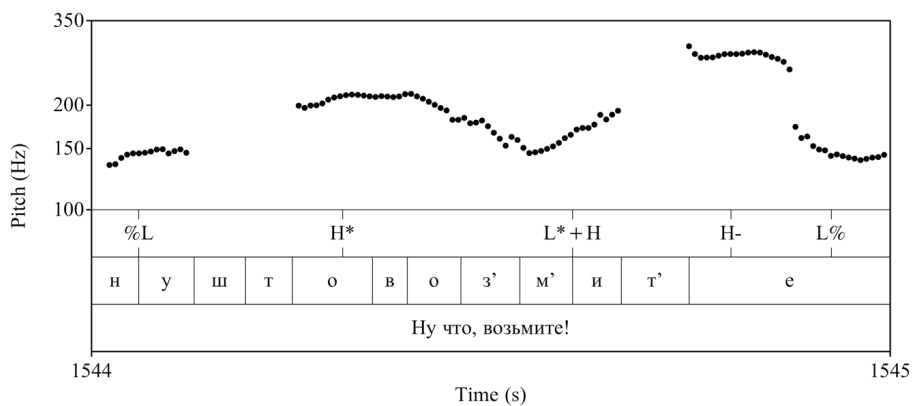

Рис. 44. Кривая ЧОТ во фразе *Конечно!* (диктор — Р. М. И.)

²⁴ Сходная картина наблюдается и в императивных репликах, где ровный высокий тон сохраняется и на первой части заударного гласного перед его падением (= низким пограничным) во второй половине, см. ниже рис. 46, 47.

Рис. 45. Кривая ЧОТ во фразе *Да, рыбник!* (диктор — Р. М. И.)Рис. 46. Кривая ЧОТ во фразе *(Ешьте шаньги-то, ешьте,) доедайте!* (диктор — Р. А. О.)Рис. 47. Кривая ЧОТ во фразе *Ну что, возьмите!* (диктор — Р. А. О.)

Таким образом, в проанализированных примерах просодического оформления частиц ровный тон (как минимум начальный), по-видимому, представляет собой обязательный компонент тонального акцента. На наш взгляд, это дает основания и в описанных выше случаях (общий вопрос, вопрос с вопросительным словом, нейтральное утверждение) считать, что тональный акцент в говоре д. Вадюга содержит участок с ровным тоном, составляющий по меньшей мере около половины длительности всего гласного (а в ряде случаев и 100 % этой длительности). Возможно, причина такого — в основном массиве примеров сложного — устройства тонального акцента в исследуемых говорах обусловлена их спецификой, заключающейся в тенденции к наличию тонального изменения на каждой акцентной группе фразы: ровный тон в этом случае может служить показателем акцентной выделенности того гласного, с которым он ассоциирован. В СРЛЯ эту роль выполняет тональное движение, но в верхнепинежских говорах изменение ЧОТ в данной функции задействовано быть не может вследствие «пословного» характера мелодического контура.

7. Заключение

Подводя итог изложенному выше, можно заключить, что

1. В говорах с «пословным» мелодическим контуром не любое тональное движение является фразовым акцентом, тональный акцент — это выделение просодическими средствами одного из слов (гласных) в ряду подобных.
2. Данное выделение достигается не самим по себе наличием изменения частоты основного тона, как в литературном русском (поскольку в диалекте этот параметр используется на каждой акцентной группе во фразе), а
 - интервалом,
 - возможно, таймингом, а также
 - характером этого изменения.
3. Основной (наиболее частотный) тип выделения акцентоносителя — это наличие на акцентированном гласном, наряду с изменением частоты основного тона, ровного тонального отрезка (до или после тонального изменения).
4. Таким образом, в говорах верхней Пинеги существует сложный (двухкомпонентный) тональный акцент, а также акцент, представляющий собой только ровный высокий тон.
5. В сложном акценте ровный тон может сочетаться как с восходящим, так и с нисходящим тональным движением, предшествуя ему или следуя за ним.
6. Остается пока неясным, как соотносится наличие ровного тона в составе тонального акцента с реализацией других средств просодиче-

ского выделения акцентоносителя — в первую очередь длительности. В этом направлении необходимы дальнейшие исследования, но предварительные данные дают основания утверждать, что ровный тон отмечается и на относительно кратких гласных.

Нет сомнений, что фразовая просодия русских диалектов нуждается в дальнейшем пристальном изучении — как в системном, так и в лингво-географическом аспекте. Очевидно, что при этом «одной из важных задач российской лингвогеографии явилось бы создание диалектного интонационного атласа» [Касаткина 2002: 134].

Л и т е р а т у р а

Бархударова, Панков 2008 — Е. Л. Бархударова, Ф. И. Панков. По-русски — с хорошим произношением. Практический курс звучащей речи. М.: Русский язык, 2008.

Брызгунова 1963 — Е. А. Брызгунова. Практическая фонетика и интонация русского языка. М.: Изд-во МГУ, 1963.

Брызгунова 1969 — Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. М.: Изд-во МГУ, 1969.

Брызгунова 1977а — Е. А. Брызгунова. Анализ русской диалектной интонации // Экспериментально-фонетические исследования в области русской диалектологии. М.: Наука, 1977. С. 231–262.

Брызгунова 1977б — Е. А. Брызгунова. Звуки и интонация русской речи. 3-е изд. М.: Русский язык, 1977.

Брызгунова 1980 — Е. А. Брызгунова. Интонация // Русская грамматика / М. Ю. Шведова (гл. ред.). Т. I. М.: Наука, 1980.

Дурагин 2021 — П. В. Дурагин. Интонация частного вопроса в русском языке: экспериментальное исследование источников вариативности // Русский язык в научном освещении. 2021. 1 (41). С. 137–177.

Йокояма 2003 — О. Ц. Йокояма. Нейтральная и не-нейтральная интонация в русском языке: автосегментная интерпретация системы ИК // Вопросы языкознания. 2003. № 5. С. 99–122.

Касаткина 1991 — Р. Ф. Касаткина. О фонетической природе словесного ударения в севернорусских говорах // Современные русские говоры / Ю. С. Азарх (ред.). М.: Наука, 1991. С. 42–49.

Касаткина 2002 — Р. Ф. Касаткина. Заметки о южнорусской интонации // Материалы и исследования по русской диалектологии I (VII). М.: Наука, 2002. С. 134–151.

Князев 2021а — С. В. Князев. Корпус говоров бассейна Верхней Пинеги и Выи. 2021. М.: Международная лаборатория языковой конвергенции НИУ ВШЭ. (Электронный ресурс: <http://lingconlab.ru/vaduga/>, дата обращения: 12.12.2021.)

Князев 2021б — С. В. Князев. Пословный мелодический контур и один из способов оформления незавершенности в говоре с. Церковное Архангельской обл. // Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова. 2021. № 2 (28). С. 39–65.

Князев 2022 — С. В. Князев. О фразовой интонации в русских говорах с пословным мелодическим оформлением // Вопросы языкознания. 2022. № 1. С. 7–39.

Князев и др. 1997 — С. В. Князев, А. Н. Левина, С. К. Пожарицкая. О говорах Верхней Пинеги и Выи // Русские диалекты: история и современность. Вопросы русского языкознания. Вып. VII. М.: МГУ, 1997. С. 198–220.

Князев, Пронина 2021 — С. В. Князев, М. К. Пронина. Интонация *да* и *нет* в архаическом говоре с пословным тональным оформлением // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. По материалам ежегодной международной конференции Диалог-2021. Т. 20. М.: РГТУ, 2021. С. 251–263.

Князев, Савельева 2021 — С. В. Князев, К. А. Савельева. Фонетическое и фонологическое описание в интонации (ИК-4 в русском языке: постцентр или пограничный тон?) // Русский язык в научном освещении. 2021. № 2 (42). С. 41–64.

Кодзасов 2009 — С. В. Кодзасов. Исследования в области русской просодии. М.: Языки славянских культур, 2009.

Короткова 2006 — О. Н. Короткова. По-русски — без акцента! Корректировочный курс русской фонетики и интонации для говорящих на китайском языке. СПб.: Златоуст, 2006.

Кузнецов 1949 — П. С. Кузнецов. О говорах Верхней Пинеги и Верхней Тоймы // Материалы и исследования по русской диалектологии. Т. 1. М.; Л., 1949. С. 5–44.

Муханов 1987 — И. Л. Муханов. Интонация в русской диалогической речи. 2-е изд. М.: Русский язык, 1987.

Николаева 1977 — Т. М. Николаева. Фразовая интонация славянских языков. М.: Наука, 1977.

Оде 2003 — С. Оде. Перспективы описания и транскрипции русской интонации в корпусах звучащих текстов // Проблемы и методы экспериментально-фонетических исследований. СПб.: Филологический факультет С.-Петерб. гос. ун-та, 2003. С. 209–214.

Одинцова 1994 — И. В. Одинцова. Ритмика. Звуки. Интонация. Практическое пособие по русской звучащей речи. М.: Наука, 1994.

Пауфوشيца 1983 — Р. Ф. Пауфوشيца. Фонетика слова и фразы в севернорусских говорах. М.: Наука, 1983.

Пауфوشيца 1989 — Р. Ф. Пауфوشيца. Об использовании регистровых различий в русской фразовой интонации (на материале русского литературного языка и севернорусских говоров) // Славянское и балканское языкознание. Просодия / С. Б. Бернштейн (ред.). М.: Наука, 1989. С. 53–63.

Пост 2007 — М. Пост. К проблеме описания интонации общего вопроса в одном севернорусском говоре // Фонетика сегодня V. М.: ИРЯ РАН, 2007. С. 156–157.

Пост 2008 — М. Пост. Говор деревни Варзуга в лингвогеографическом контексте // Материалы и исследования по русской диалектологии III (IX). М.: Наука, 2008. С. 169–181.

Щигель 1985 — Е. В. Щигель. Особенности интонационной организации фразы в некоторых севернорусских говорах // Диалектография русского языка. М.: Наука, 1985. С. 102–111.

Янко 1991 — Т. Е. Янко. Коммуникативная структура с неингерентной темой // Научно-техническая информация. Сер. 2. № 7. С. 27–32.

Янко 2001 — Т. Е. Янко. Коммуникативные стратегии русской речи. М.: Языки славянских культур, 2001.

Янко 2004 — Т. Е. Янко. Русская интонация в задачах и примерах // Русский язык в научном освещении. 2004. № 2 (8). С. 86–123.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи в сопоставительном аспекте. М.: Языки славянских культур, 2008.

Asu 2001 — E. L. A s u. An autosegmental-metrical analysis of Estonian intonation: preliminary results // Proceedings of the Ninth International Congress for Fenno-Ugric Studies. Vol. 4. Tartu: Trükk Oü PAAR, 2001. P. 83–89.

Asu, Nolan 2003 — E. L. A s u, F. N o l a n. Testing a model of Estonian intonation // Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences / Ed. by M. J. Sole, D. Recasens, J. Romero. Barcelona: Casual Productions, 2003. P. 1249–1252.

Beckman, Hirschberg 1994 — M. B e c k m a n, J. H i r s c h b e r g. ToBI Annotation Conventions. Ms. Ohio State University, 1994.

Beckman, Elam 1997 — M. B e c k m a n, G. A. E l a m. Guidelines for ToBI labeling, version 3. Ohio State University, 1997.

Igarashi 2008 — Y. I g a r a s h i. Russian interrogatives and intonational categories // The Discourse Potential of Underspecified Structures / A. Steube (ed.). Berlin: De Gruyter, 2008. P. 227–269.

Jun 2005 — S.-A. J u n (ed.). Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford: Oxford University Press, 2005.

Jun 2012 — S.-A. J u n. Prosodic typology revisited: Adding macro-rhythm // Proceedings of the 6th International Conference on Speech Prosody, SP 2012. 2. 535–538.

Jun 2014 — S.-A. J u n (ed.). Prosodic Typology II: The New Development in the Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford: Oxford University Press, 2014.

Jun, Fletcher 2014 — S.-A. J u n, J. F l e t c h e r. Methodology of Studying Intonation: From Data Collection to Data Analysis // S.-A. Jun (ed.). Prosodic Typology II: The New Development in the Phonology of Intonation and Phrasing. Oxford: Oxford University Press, 2014. P. 493–519.

Odé 2003 — C. O d é. Description and transcription of Russian intonation (ToRI) // J. Schaeken et al. (eds.). Dutch Contributions to the Thirteenth International Congress of Slavists. Ljubljana: Linguistics. Studies in Slavic and General Linguistics. Amsterdam; New York, 2003. P. 279–288.

Odé 2008 — C. O d é. Transcription of Russian Intonation, ToRI, an interactive research tool and learning module on the Internet // Dutch Contributions to the Fourteenth International Congress of Slavists. Ohrid, 2008. P. 431–449.

Pierrehumbert 1980 — J. B. P i e r r e h u m b e r t. The Phonology and Phonetics of English Intonation. Massachusetts Institute of Technology, Dept. of Linguistics and Philosophy, 1980.

Post 2005 — M. P o s t. The Northern Russian pragmatic particle *dak* in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech. Doctoral dissertation. Institutt for språkvitenskap. Det humanistiske fakultet, Universitetet i Tromsø, 2005.

Post 2008 — M. P o s t. Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation // Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody. Campinas, 2008. P. 233–236.

Välimaa-Blum 1993 — R. V ä l i m a a - B l u m. A Pitch Accent Analysis of Intonation in Finnish // Ural-Altaische Jahrbücher N.F. 12. 1993. P. 82–94.

Välimaa-Blum 1999 — R. V ä l i m a a - B l u m. Intonation in English, Finnish and French: ethology versus typology? // Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences. Berkeley: Department of Linguistics, University of California, Berkeley, 1999. P. 301–304.

Yokoyama 2001 — O. T. Y o k o y a m a. Neutral and Non-Neutral Intonation in Russian: A Reinterpretation of the IK System // Die Welt der Slaven. XLVI. 2001. P. 1–26.

Sergey V. Knyazev

Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
svknia@gmail.com

THE STRUCTURE OF PITCH ACCENT IN RUSSIAN DIALECTS WITH “WORD-BY-WORD” MELODIC CONTOUR

The present paper reports new results of the experimental study of the prosodic system found in the spontaneous dialogue speech corpus of an archaic Northern Russian dialect from the upper reaches of Pinega river, in which nearly each word bears a pitch movement. A total of 6830 utterances of various types (neutral statement, polar question, wh-question, communicative incompleteness, yes/no reactions) from seven speakers, 55–80 years old, were analyzed. I argue that — along with other prosodic means such as higher tonal interval and late timing — the primary indicator of a nuclear pitch accent in this dialect is a complex tonal movement composed of rising or falling tone with a level one or the level tone along (found in wh-questions). The use of tonal movement as a marker of the nuclear pitch accent as it is found in Standard Modern Russian and many other languages is not possible in Pinega dialect since in this idiom each non-nuclear accentual phrase bears a rising-falling pitch movement. The three pitch combinations within a single pitch accent which have so far been found are: [rising + level] in polar questions and neutral statements, [(high) level + falling] and [(low) level + rising] in dialogue responses consisting of *yes* and *no* particles. The problem of correlation between the tonal and the quantitative (segmental duration) prominence in Pinega dialect still remains unclear.

Keywords: Russian language, phonetics, dialectology, North Russian, intonation, pitch accent

References

- Asu, E. L. (2001). An autosegmental-metrical analysis of Estonian intonation: preliminary results. In *Proceedings of the 9th International Congress for Fenno-Ugric Studies* (Vol. 4, pp. 83–89). Tartu: Trükk OÜ PAAR.
- Asu, E. L., & Nolan, F. (2003). Testing a model of Estonian intonation. In M. J. Sole, D. Recasens, & J. Romero (Eds.), *Proceedings of the 15th International Congress of Phonetic Sciences* (pp. 1249–1252). Barcelona: Casual Productions.
- Barkhudarova, E. L., & Pankov, F. I. (2008). *Po-russkii — s khoroshim proiznosheniem. Prakticheskii kurs zvuchashchei rechi*. Moscow: Russkii yazyk.
- Beckman, M., & Elam, G. A. (1997). *Guidelines for ToBI labelling, version 3*. Massachusetts: Ohio State University.
- Beckman, M., & Hirschberg, J. (1994). *ToBI Annotation Conventions*. Massachusetts: Ohio State University.
- Bryzgunova, E. A. (1963). *Prakticheskaja fonetika i intonatsiia russkogo yazyka*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Bryzgunova, E. A. (1969). *Zvuki i intonatsiia russkoi rechi*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Bryzgunova, E. A. (1977a). Analiz russkoi dialektnoi intonatsii. In S. S. Vysotskii (Ed.), *Eksperimental'no-foneticheskie issledovaniia v oblasti russkoj dialektologii* (pp. 231–262). Moscow: Nauka.

Bryzgunova, E. A. (1977b). *Zvuki i intonatsiia russkoi rechi* (3rd ed.). Moscow: Russkii yazyk.

Bryzgunova, E. A. (1980). Intonatsiia. In M. Yu. Shvedova (Ed.), *Russkaia grammatika* (Vol. 1). Moscow: Nauka.

Duriagin, P. V. (2021). Intonatsiia chastnogo voprosa v russkom yazyke: eksperimental'noe issledovanie istochnikov variativnosti. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(41), 137–177.

Igarashi, Y. (2008). Russian interrogatives and intonational categories. In A. Steube (Ed.), *The Discourse Potential of Underspecified Structures* (pp. 227–269). Berlin: De Gruyter.

Jun, S.-A. (2012). Prosodic typology revisited: Adding macro-rhythm. In D. Hirst et al. (Eds.), *Proceedings of the 6th International Conference on Speech Prosody* (Vol. 2, pp. 535–538). Shanghai: Tongji University Press.

Jun, S.-A. (Ed.). (2005). *Prosodic Typology: The Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford: Oxford University Press.

Jun, S.-A. (Ed.). (2014). *Prosodic Typology II: The New Development in the Phonology of Intonation and Phrasing*. Oxford: Oxford University Press.

Jun, S.-A., & Fletcher, J. (2014). Methodology of Studying Intonation: From Data Collection to Data Analysis. In S.-A. Jun (Ed.), *Prosodic Typology II: The New Development in the Phonology of Intonation and Phrasing* (pp. 493–519). Oxford: Oxford University Press.

Kasatkina, R. F. (1991). O foneticheskoi prirode slovesnogo udareniiia v severnorusskikh govorakh. In Yu. S. Azarkh (Ed.), *Sovremennye russkie govory* (pp. 42–49). Moscow: Nauka.

Kasatkina, R. F. (2002). Zametki o yuzhnorusskoi intonatsii. In L. L. Kasatkin (Ed.), *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii I (VII)* (pp. 134–151). Moscow: Nauka.

Kniazev, S. V. (2021a). *Korpus govorov basseina Verkhnei Pinegi i Vy. Moscow: Mezhdunarodnaia laboratoriia yazykovoï konvergentsii NIU VShE*. Retrieved from <http://lingconlab.ru/vaduga/>

Kniazev, S. V. (2021b). Posloynnyi melodicheskii kontur i odin iz sposobov oformleniia nezavershennosti v govore s. Tserkovnoe Arkhangel'skoi obl. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2(28), 39–65.

Kniazev, S. V. (2022). O frazovoi intonatsii v russkikh govorakh s posloynnym melodicheskim oformleniem. *Voprosy yazykoznaniia*, 1, 7–39.

Kniazev, S. V., & Pronina, M. K. (2021). Intonatsiia *da i net* v arkhaischeskom govore s posloynnym tonal'nym oformleniem. In V. P. Selegei (Ed.), *Komp'iuternaia lingvistika i intellektual'nye tekhnologii. Po materialam ezhegodnoi mezhdunarodnoi konferentsii Dialog–2021* (Iss. 20, pp. 251–263). Moscow: RGGU.

Kniazev, S. V., & Savel'eva, K. A. (2021). Foneticheskoe i fonologicheskoe opisanie v intonatsii (IK-4 v russkom yazyke: posttsentr ili pogranichnyi ton?). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(42), 41–64.

Kniazev, S. V., Levina, A. N., & Pozharitskaia, S. K. (1997). O govorakh Verkhnei Pinegi i Vy. In K. V. Gorshkova, & M. L. Remneva (Eds.), *Russkie dialekty: istoriia i sovremennost'*. *Voprosy russkogo yazykoznaniia* (Iss. 7, pp. 198–220). Moscow: MGU.

Kodzasov, S. V. (2009). *Issledovaniia v oblasti russkoi prosodii*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Korotkova, O. N. (2006). *Po-russki — bez aktsenta! Korrektirovochnyi kurs russkoi fonetiki i intonatsii dlia govoriashchikh na kitaiskom yazyke*. St Petersburg: Zlatoust.

- Mukhanov, I. L. (1987). *Intonatsiia v russkoi dialogicheskoi rechi* (2nd ed.). Moscow: Russkii yazyk.
- Nikolaeva, T. M. (1977). *Frazovaia intonatsiia slavianskikh yazykov*. Moscow: Nauka.
- Odé, C. (2003). Description and transcription of Russian intonation (ToRI). In J. Schaecken et al. (Eds.), *Dutch Contributions to the 13th International Congress of Slavists in Ljubljana: Linguistics* (pp. 279–288). Amsterdam; New York: Brill.
- Odé, C. (2003). Perspektivy opisaniia i transkripsii russkoi intonatsii v korpusakh zvuchashchikh tekstov. In N. B. Vol'skaia, & N. D. Svetozarova (Eds.), *Problemy i metody eksperimental'no-foneticheskikh issledovanii* (pp. 209–214). St Petersburg: S.-Peterb. gos. un-t.
- Odé, C. (2008). Transcription of Russian Intonation, ToRI, an interactive research tool and learning module on the Internet. In P. Houtzagers, J. Kalsbeek, & J. Schaecken (Eds.), *Dutch Contributions to the 14th International Congress of Slavists (Ohrid, September 10–16, 2008). Linguistics* (pp. 431–449). Amsterdam; New York: Brill.
- Odintsova, I. V. (1994). *Ritmika. Zvuki. Intonatsiia. Prakticheskoe posobie po russkoi zvuchashchei rechi*. Moscow: Nauka.
- Paufoshima, R. F. (1983). *Fonetika slova i frazy v severnorusskikh govorakh*. Moscow: Nauka.
- Paufoshima, R. F. (1989). Ob ispol'zovanii registrovykh razlichii v russkoi frazovoi intonatsii (na materiale russkogo literaturnogo yazyka i severnorusskikh govorov). In S. B. Bernshtein (Ed.), *Slavianskoe i balkanskoe yazykoznanie. Prosodiia* (pp. 53–63). Moscow: Nauka.
- Pierrehumbert, J. B. (1980). *The Phonology and Phonetics of English Intonation*. Massachusetts: Institute of Technology.
- Post, M. (2005). *The Northern Russian pragmatic particle dak in the dialect of Varzuga (Kola Peninsula). An information structuring device in informal spontaneous speech* (Doctoral dissertation). Universitetet i Tromsø.
- Post, M. (2007). K probleme opisaniia intonatsii obshchego voprosa v odnom severnorusskom govore. In M. L. Kalenchuk, & R. F. Kasatkina (Eds.), *Fonetika segodnia* (pp. 156–157). Moscow: IRIa RAN.
- Post, M. (2008). Govor derevni Varzuga v lingvogeograficheskom kontekste. In L. L. Kasatkin (Ed.), *Materialy i issledovaniia po russkoi dialektologii III (IX)* (pp. 169–181). Moscow: Nauka.
- Post, M. (2008). Post-Nuclear Prominence Patterns in Northern Russian Question Intonation. In *Proceedings of the 4th International Conference on Speech Prosody* (pp. 233–236). Campinas, Brazil.
- Shchigel', E. V. (1985). Osobennosti intonatsionnoi organizatsii frazy v nekotorykh severno-russkikh govorakh. In R. I. Avanesov, & A. I. Gorshkov (Eds.), *Dialektografiia russkogo yazyka* (pp. 102–111). Moscow: Nauka.
- Välimaa-Blum, R. (1993). A Pitch Accent Analysis of Intonation in Finnish. *Ural-Altaische Jahrbücher N.F.*, 12, 82–94.
- Välimaa-Blum, R. (1999). Intonation in English, Finnish and French: ethology versus typology? In J. Ohala (Ed.), *Proceedings of the 14th International Congress of Phonetic Sciences* (pp. 301–304). Berkeley: University of California.
- Yanko, T. E. (2001). *Kommunikativnye strategii russkoi rechi*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.
- Yanko, T. E. (2004). Russkaia intonatsiia v zadachakh i primerakh. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(8), 86–123.

Yanko, T. E. (2008). *Intonatsionnye strategii russkoi rechi v sopostavitel'nom aspekte*. Moscow: Yazyki slavianskikh kul'tur.

Yanko, T. E.. Kommunikativnaia struktura s neingerentnoĭ temoi. *Nauchno-tekhnicheskaiia informatsiia. Ser. 2*, 7, 27–32.

Yokoyama, O. T. (2001). Neutral and Non-Neutral Intonation in Russian: A Reinterpretation of the IK System. *Die Welt der Slaven*, 46, 1–26.

Yokoyama, O. T. (2003). Neitral'naia i ne-neitral'naia intonatsiia v russkom yazyke: avtosegmentnaia interpretatsiia sistemy IK. *Voprosy yazykoznanii*, 5, 99–122.

Received on October 1, 2021

К. А. ГИЛЯРОВА

Российский государственный гуманитарный университет
(Москва, Россия)
hilaris@yandex.ru

И. Б. ИТКИН

Институт востоковедения РАН
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(Москва, Россия)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ПРО ЦАРЕЙ И ЗВЕРЕЙ: ЗАКОНОМЕРНОСТИ АКЦЕНТУАЦИИ ОДНОЙ ГРУППЫ РУССКИХ ФАМИЛИЙ*

Статья посвящена закономерностям акцентуации русских фамилий на *-ов* (*-ёв*, *-ев*), образованных от односложных существительных мужского рода: *хвост* — *Хвостов*, *лист* — *Листов* и *Листов*, *зверь* — *Звёрев* и т. д. Акцентуация таких фамилий определяется сложным взаимодействием двух факторов — исхода основы мотивирующего слова и его схемы ударения. Анализ материала показывает, что, вопреки предшествующим описаниям, фамилии, образованные от существительных с исходом основы на одиночный парно-твердый согласный, в подавляющем большинстве случаев имеют ударение на корне независимо от схемы ударения мотивирующего слова (ср. *Чёхов*, *Зубов*, *Умов* и т. д.). Для фамилий, производных от существительных акцентной парадигмы *b* (*Быков*, *Котов*, *Сомов* и т. д.), такое ударение является инновацией: ср. ударения *Бы́ков*, *Ко́тов* в позднерусских памятниках. Обсуждаются аргументы за и против гипотезы о том, что данный акцентный сдвиг обусловлен тенденцией к расподоблению фамилии в ее словарной форме с формой Р. мн. мотивирующего существительного: *Бы́ков* ≠ *быко́в* и т. д.

Ключевые слова: русский язык, древнерусский язык, антропонимика, фамилии, ударение, акцентный сдвиг, морфонология.

* Авторы выражают искреннюю благодарность за многообразную помощь в работе над статьей, важные критические замечания, уточнения и дополнения Н. Л. Беклемишеву, С. В. Дьяченко, С. И. Переверзевой, А. Д. Шмелеву, анонимным рецензентам журнала «Русский язык в научном освещении», а также всем коллегам, названным далее в тексте. Ответственность за все ошибки и неточности, полностью избежать которых при анализе столь «текучего» материала едва ли было возможно, разумеется, несем исключительно мы.

Вступительные замечания

Настоящая работа посвящена закономерностям акцентуации русских фамилий на *-ов* (*-ёв*, *-ев*), образованных от односложных существительных мужского рода (далее в тексте вся совокупность таких существительных обозначается как «П-существительные»): *хвост* — *Хвостóв*, *Марк* — *Мáрков*, *ум* — *У́мов*, *лист* — *Листóв* и *Лістов*, *царь* — *Царёв*, *зверь* — *Зве́рев* и т. д. Фамилии данного типа мы рассматриваем как «обычные» суффиксальные производные, ударение которых определяется прежде всего свойствами мотивирующих их лексем. Такой подход к ударению русских фамилий нельзя назвать общепринятым — скорее наоборот: широко распространено мнение, что ударение в фамилиях представляет собой скорее социокультурный, нежели лингвистический феномен и может быть едва ли не «каким угодно».

В наиболее радикальной форме такой точки зрения придерживается, в частности, портал «Грамота.ру», сотрудники которого в ответ на бесчисленные вопросы об ударении фамилий последовательно дают комментарии типа «Правил постановки ударения в фамилиях нет. Место ударения в фамилии определяет ее носитель» и даже «Правил постановки ударений, тем более в фамилиях, в русском языке (! — *К. Г.*, *И. И.*) нет, поэтому ответить на Ваш вопрос затруднительно»¹. Лишь в самых очевидных случаях ответ может выглядеть несколько иначе, ср. (на вопрос о произношении фамилии *Максимов*): «Скорее всего, ударение падает на второй слог: МаксИмов. Однако четких правил постановки ударения в фамилиях в русском языке нет»².

«Решающим доказательством» такого подхода в глазах многих людей, в том числе даже профессиональных лингвистов, служит возможность двоякого произношения фамилии *Ива́нов*³. Между тем это — несомненная

¹ См. <http://new.gramota.ru/spravka/buro/search-answer?s=%D1%84%D0%B0%D0%BC%D0%B8%D0%BB%D0%B8%D1%8F%D1%85&start=90>.

Если не указано иное, все данные, взятые из электронных ресурсов, приводятся по состоянию на 7.01.2022.

² Там же.

³ Как справедливо отмечает Б. О. Унбегаун, появление и тем более широкое распространение ударения *Ива́нов* «объяснить трудно» [Унбегаун 1972/1989: 25]. Имя *Ива́н* и с исторической, и с синхронной точки зрения входит в тот же акцентный и морфонологический класс, что и, например, слова *баран*, *Роман*, *Борис*, при этом произношение **Барано́в*, **Романо́в*, **Борисо́в* (как, разумеется, и **Максимо́в*) совершенно невероятно. Модель *Ива́н* — *Ивана́*, встретившаяся в одном из памятников XVII в. [ДАС: 688], очевидно, представляет собой случайное отклонение: так, по данным поэтического подкорпуса Национального корпуса русского языка (далее — НКРЯ), русская поэзия XVIII в. не обнаруживает никаких следов такой акцентуации. При этом, как кажется, ранее в литературе не упоминался тот факт, что аналогичная эволюция наблюдается еще у одной сравнительно распространен-

абберация восприятия. Во-первых, фамилия *Иванов*, не будучи в этом отношении уникальной, никоим образом не является и типичной. В так называемом «списке Балановской» (см. «Википедия», ст. «Список общерусских фамилий»), который вполне допустимо рассматривать — наряду, например, с вдвое большим «списком Журавлева» [Журавлев 2005] — в качестве одной из версий перечня наиболее частотных русских фамилий, вариативными, помимо *Ива́нов*, могут считаться *Но́виков*⁴, *Вёселов* (при явном преобладании ударения на суффиксе), *Ша́ров* (см. ниже), *Бо́былев* (при написании без точек над ё) и, быть может, еще 2 или 3 фамилии из 250. Во-вторых, при чтении самых разных текстов носителям русского языка постоянно приходится сталкиваться с фамилиями, произношения которых они никогда не слышали. Было бы вполне абсурдным предполагать как то, что любая новая фамилия будет вызывать у всех или большинства читателей непреодолимые затруднения, так и то, что для любой такой фамилии число читателей, произносящих ее с ударением на корне и с ударением на суффиксе, будет сопоставимо; это значит, что в таких случаях вступают в действие какие-то сугубо лингвистические механизмы. Хорошо известно, что одним из наиболее ценных источников для изучения общезыковых тенденций являются массовые ошибки. Ситуация, когда ту или иную фамилию «все произносят неправильно», отличается от ситуации, когда «все произносят неправильно», скажем, какое-нибудь нарицательное существительное, только тем, что в первом случае носителем нормы, пришедшей в противоречие с общим вектором языковых изменений, выступают обладатели соответствующей фамилии, а во втором — авторы орфоэпических словарей.

Применительно к художественным произведениям вопрос о произношении редких или вымышленных фамилий возникает не только перед читателями, но и перед автором. Так, в романе М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита» есть второстепенный персонаж, буфетчик Андрей Фокич *Соков*, явно получивший свою фамилию «за профессию» — более или менее по тому же принципу, по которому, например, один из персонажей «Недоросля», учитель математики, носит фамилию *Цыфиркин*. Фамилия *Соков*, в отличие от фамилии *Цыфиркин*, существует в реальности; самыми известными ее носителями, видимо, можно считать выдающегося шашиста

ной фамилии очень схожей структуры — *Цыганов*. В [Унбегаун 1972/1989: 113] дается ударение *Цыга́нов*, однако в современном языке преобладающим и ожидаемым является именно вариант *Цыга́нов* — ср., в частности, известную поэму Давида Самойлова «Цыгановы» (1973–1976). Таким образом, возможно, речь идет все же не о единичной аномалии.

⁴ И то скорее в историко-культурном плане — за счет несколько искусственного возврата произношения *Новиков* применительно к выдающемуся русскому просветителю Н. И. Новикову (1744–1818), см. об этом [Суперанская, Сулова 1981: 154]. В современном русском языке абсолютно господствующим является ударение *Но́виков*.

и шахматиста Василия Александровича Сокова (1912–1944) и советского, а впоследствии — американского художника Леонида Петровича Сокова (1941–2018). Однако число людей, слышавших о Василии и/или Леониде Соковых, значительно меньше, чем число людей, знакомых с «Мастером и Маргаритой». Несмотря на это, все (или практически все) читатели романа произносят фамилию буфетчика одинаково — *Со́ков*; едва ли могут быть сомнения, что это вполне соответствует замыслу Булгакова.

Представления о том, как должна произноситься та или иная фамилия, могут меняться, иногда за очень короткое время. У известных исследователей ономастики А. В. Суперанской и А. В. Сусловой есть чрезвычайно интересные примеры на этот счет:

В ряде двусложных фамилий на *-ов (-ев)* наблюдается тенденция переноса ударения на первый слог, например *Гво́здев* из прежнего *Гвоздѐв*. Ударение *Гвоздѐв* отмечено у Я. Полонского. Ср. также (...) *Плáтов* вместо отмеченного в прошлом веке *Плато́в*:

О други! *Плато́ва* могила сокрыла,
И в день сей протек уже год...

Ф. Глинка. Тост в память донского героя

[Суперанская, Суслова 1981: 153]

Ситуация с фамилиями *Платов* и *Гвоздев*, по-видимому, не одинакова. Ударение *Плато́в* в первой четверти XIX в. было господствующим: помимо процитированного стихотворения Глинки (1819), оно отмечено у Державина («Атаману и войску Донскому», 1807), Воейкова («К Жуковскому»), 1813) и Пушкина («Пирующие студенты», 1814). На этом фоне вариант *Плáтов* у Жуковского («Певец во стане русских воинов», 1812) выглядит чуть ли не поэтической вольностью. Однако начиная со стихотворения И. С. Никитина «Донцам» (1854) в поэтическом подкорпусе НКРЯ представлено только ударение *Плато́в*. Сведениями о том, как произносил свою фамилию сам знаменитый казачий атаман Матвей Иванович Платов (1753–1818), мы не располагаем (об исторической стороне вопроса см. ниже, сн. 14). В настоящее время значительное большинство носителей русского языка впервые встречаются с фамилией *Платов* или по крайней мере обращают на нее внимание при чтении хрестоматийного сказа Н. С. Лескова «Левша». Как и в случае с фамилией *Соков*, если читатели, произносящие фамилию персонажа Лескова как *Плато́в*, и встречаются, их число пренебрежимо мало.

Фамилия *Гвоздѐв* существует и сейчас — см. хотя бы статью «Гвоздев» в «Википедии», однако, судя по всему, значительно уступает по распространенности фамилии *Гво́здев*. Можно думать, что 100–150 лет назад соотношение между этими вариантами было примерно таким же. Герой поэмы Я. П. Полонского «Неуч» (конец 1870-х гг.) действительно носит именно фамилию *Гвоздѐв*, ср., например:

Гвоздѐв у стенки очереди ждет,
Не смотрит на Шушú и вытирает пот.

Однако речь идет о персонаже не просто отрицательном, а ярко карикатурном, что заставляет задаться вопросом, не дал ли ему автор фамилию, звучащую намеренно нелепо. Если же ударение *Гвоздѣв* в эпоху написания «Неуча» было, как полагают А. В. Суперанская и А. В. Суслова, нейтральным (других примеров употребления фамилии *Гвоздев* в поэзии XIX в. пока не обнаружено), это значит, что мы имеем дело как раз с изменением представления о том, как следует произносить соответствующую фамилию. Иллюстрацией этого изменения может служить стихотворение современного поэта и прозаика Николая Байтова «Кое-кто называет фамилию Груздева...» (1989), в котором фигурируют фамилии *Гвоздева* и *Груздева* — именно с таким, привычным сейчас ударением.

Приведенные примеры могут навести на мысль, что в незнакомых фамилиях рассматриваемого типа носители современного русского языка просто всегда ставят ударение на первый слог. Это, однако, не вполне верно. Так, в произведениях нескольких разных авторов (например, в «обэриутских» пьесах Владимира Карпеца «Керогазов» (2003) и «Нулѣв, Зарифуллин и Смерть» (2004)) фигурирует персонаж по фамилии *Нулѣв* (существует ли такая фамилия в реальности, нам неизвестно⁵). Как кажется, и самим авторам соответствующих произведений, и их читателям очевидно, что фамилия *Нулѣв* образована «правильно», в то время как гипотетическая фамилия **Нулєв* смотрелась бы в высшей степени странно.

Предшествующие описания

Как было сказано выше, подход, принятый нами в настоящей статье, для исследований по ономастике не характерен. Фактически нам известна лишь одна работа, автор которой ставил перед собой именно цель описать акцентуацию определенной группы русских фамилий посредством системы формальных правил, — [Кронгауз 1990]. Напрямую применить методологию М. А. Кронгауза к исследуемому нами материалу мы, однако, не можем: в его статье речь идет об ударении фамилий германского происхождения типа *Кюхельбѣкер*, *Авербáх*, *Гинзбург* и т. д. С точки зрения русского языка эти фамилии непроеизводны; проблема же «соотношение ударения в русском языке и в языке-источнике» имеет совсем иную природу, нежели интересующая нас проблема «соотношение ударения в производном и в мотивирующем слове».

⁵ В качестве доказательства того, что фамилия *Нулѣв* действительно существует, один из анонимных рецензентов привел ссылку на электронный ресурс <https://forebears.io/ru/surnames/nulev>. Однако на соответствующей странице мы находим следующее указание (дата обращения: 2.02.2022): «Приблизительно 6 людей (sic! — К. Г., И. И.) носят эту фамилию». Очевидно, что достоверность такой «статистики» равна строгому нулю.

Работы [Унбегаун 1972/1989: 24–35] и [Суперанская, Суслова 1981: 147–160] ориентированы скорее не на установление системы правил, а на описание общего пространства возможностей и засвидетельствованных структурных типов — вероятно, отчасти в силу убеждения их авторов, что «[ч]аще всего в таких случаях действует прочно утвердившаяся семейная традиция» [Унбегаун 1972/1989: 25].

В целом картина акцентуации фамилий на *-ов* (как односложных, так и многосложных) в работах названных исследователей представлена в точности одинаково:

Как правило, в фамилии сохраняется ударение на том же слоге, что и в базовом существительном, от которого она образована, например, *Пáвeл*, род. п. *Пáвлa* — *Пáвлoв*; *Пётр*_(с), род. п. *Пeтрá* — *Пeтрóв* <...>. Но нередко встречаются исключения из этого правила [Там же].

Исторически ударение в фамилии теснее всего связано с ударением в форме родительного падежа исходного существительного⁶.

Однако это изначальное и элементарное правило действует отнюдь не абсолютно. Из него имеется много исключений <...> [Суперанская, Суслова 1981: 150].

На первый взгляд, совершенно особняком стоит лаконичное описание А. А. Зализняка. Приведем его полностью:

-ов ↓ Triv (притяжательные прилагательные и фамилии): *отцóв, попóв, Петухóв* — *племянников, Семёнов, Солнцев*. Эффект Triv: *чёртов, Гусев, Голубев, Раков, Дьяконов* [Зализняк 1985: 75].

Однако, как специально поясняет А. А. Зализняк в другом месте своей монографии, опять-таки иллюстрируя это положение именно примерами с суффиксом *-ов* (фамилиями *Нóсов* и *Гóлубев*), «[с] практической точки зрения, маркировка ↓ Triv дает в производном ударение, колонное с Р. ед. исходного существительного» [Там же: 58]. Таким образом, трактовка А. А. Зализняка по сути вполне тождественна трактовке, представленной в предшествующих работах, отличаясь от нее лишь в двух частных аспектах. Во-первых, А. А. Зализняк не упоминает о наличии исключений. Во-вторых, основываясь на бесспорном факте происхождения фамилий на *-ов* из притяжательных прилагательных, он отождествляет эти две группы производных и в синхронном аспекте. На наш взгляд, это неправомерно. Несмотря на то, что в современном языке притяжательные прилагательные типа *отцов* свободно образуются лишь от очень ограниченного числа основ, мы можем указать по крайней мере две «минимальные пары»: *Чертóв* — *чёртов* и, в обратную сторону, *Кóтов* — *котóв*⁷. Прилагательное *котов* от-

⁶ Примечательным образом, это положение в работе А. В. Суперанской и А. В. Сусловой иллюстрируется исключительно фамилиями на *-ов*: *Бычóк* — *Бычка́* — *Бычкóв* и т. д.

⁷ Потенциальный третий пример составляет пара *Титóв* (фамилия) — *Титов* (прилагательное). Прилагательное *Титов* без труда обнаруживается в поэзии XIX в.,

сутствует в современных словарях, но достаточно употребительно в разговорной речи; в образцах «наивной поэзии», включенных в акцентологический подкорпус НКРЯ, оно представлено только с ударением на втором слоге, ср., например:

а также любил несвободу,
легко отзывался на кис,
котова такая порода,
любить он любил, как на бис...

[makarovv. а также любил несвободу (2010)]

Как мы надеемся показать, правило «ударение в двусложных фамилиях на -ов совпадает с ударением в форме Р. ед. исходного существительного» не просто допускает множество исключений — оно вообще не соответствует фактическому положению дел в современном русском языке. Акцентуация таких фамилий определяется сложным взаимодействием двух факторов — исхода основы мотивирующего слова и его схемы ударения. С акцентологической точки зрения релевантным оказывается разделение мотивирующих лексем на три типа (порядок перечисления соответствует порядку последующего изложения): с неподвижным ударением на основе (акцентная парадигма *a*), с подвижным ударением (акцентные парадигмы *c*, *e* и *f*), с неподвижным ударением на окончании (акцентная парадигма *b*).

Существительные акцентной парадигмы *a*

Здесь и далее в таблицах исходные существительные приводятся в обратном алфавитном порядке, соответствующем порядку, принятому в «Грамматическом словаре русского языка» А. А. Зализняка.

Поскольку среди существительных акцентной парадигмы (далее — а. п.) *a* заметную и важную часть составляют личные имена, в Таблице 1 они для наглядности вынесены отдельно.

Таблица 1

Существительные а. п. *a* и образованные от них фамилии

Ударение на корне	Ударение преимущественно на корне	Ударение на суффиксе
юг (Югов) швед (Швёдов) блуд (Блудов)	вепрь (Вёпрев и реже Вепрёв) вихрь (Вихрев и реже Вихрёв)	смысл (Смыслóв) хмель (Хмельёв)

ср., например, *Весь Титов скромный век прошел, как светлый день...* (В. А. Жуковский, «Назад тому с десяток лет...» (1806)), но надежных современных примеров нам обнаружить пока не удалось.

яд (Я́дов) рак (Ра́ков) грек (Гре́ков) сок (Со́ков) внук (Вну́ков) рык (Ры́ков) храм (Хра́мов) ком (Ко́мов) глум (Глу́мов) Крым (Кры́мов) член (Чле́нов) хрен (Хре́нов) храп (Хра́пов) жар (Жа́ров) кедр (Ке́дров) тур (Ту́ров) барс (Ба́рсов) трус (Тру́сов) хват (Хва́тов) свет (Све́тов) граф (Гра́фов) страх (Стра́хов) мах (Ма́хов) шах (Ша́хов) смех (Сме́хов) чех (Че́хов) пух (Пу́хов) ... Глеб (Гле́бов) Марк (Ма́рков) Прокл (Про́клов) Карл (Ка́рлов) Клим (Кли́мов) Ян (Я́нов) Карп (Ка́рпов) Влас (Вла́сов)	Франц (Фра́нцев и реже Францо́в)	шпиль (Шпилёв) Фрол (Фроло́в) Лавр (Лавро́в) Тит (Тито́в)
--	---	---

Комментарии к Таблице 1

У ряда существительных из первого столбца мн. ч. является лишь потенциальным, поэтому выбор между а. п. *a* и *c* для них несколько условен. Таковы, в частности, *юг* (ср. прост. *на юга́х*), *блуд*, *глум*, *хрен*, *смех*, *пух*. Слово *жар* в [Грамм.-4] прямо отнесено к а. п. *c*; мы, однако, не видим для такого решения достаточных оснований. Как будет ясно из дальнейшего, эта неопределенность не влияет на формулировку общего правила и не ведет к появлению потенциальных исключений.

Многочисленные примеры ударения *Графóв* в стихах первой трети XIX в., разумеется, представляют собой намеренную издевку их авторов, позволявшую читателям с легкостью узнать в «Графóве» подлинного адресата соответствующих эскапад — графа Дмитрия Ивановича Хвостова, имевшего репутацию графомана. Ср., например:

...Конюший дряхлого Пегаса
Свистов, Хлыстов или Графов,
Служитель отставной Парнаса,
Родитель стареньких стихов...

(А. С. Пушкин. Моему Аристарху (1815))

Заслуживают упоминания псевдонимы *Мáртов* (от *март* ‘третий месяц года’) и *Ба́йтов* (от *байт* ‘единица цифровой информации’). Псевдоним *Мартов*, согласно «Википедии», использовали по крайней мере три никак не связанных между собой человека: поэт-символист Эрл Мартов (Андрей Эдмундович Бугон, 1871 — до 1911), революционер Юлий Осипович Мартов (Цедербаум, 1873–1923) и кинооператор Жозеф Климентьевич Мартов (Иосиф Кельманович Резник, 1900–1972). Николай Байтов — псевдоним уже упоминавшегося выше современного российского писателя Николая Владимировича Гоманькова (р. 1951)⁸.

Написания *Францев* и *Францов* могут быть вариантами даже в случае, если речь идет об одном и том же человеке. Так, в частности, обстоит дело с одним из самых известных носителей этой фамилии — советским философом и историком Юрием (Георгием) Павловичем Францевым (1903–1969). На его надгробии выгравировано *Францов* (см. фотографию в «Википедии», ст. «Францев, Юрий Павлович»), но количество написаний через *e*, в том числе в воспоминаниях лично знавших его людей, едва ли дает основания сомневаться, что фамилия Юрия Павловича произносилась с ударением на первом слоге. «Настоящие» *Францóвы*, разумеется, также существуют, однако установить степень распространенности такого варианта по сравнению с *Францeвыми* ~ *Францoвыми* возможно разве что путем широкомасштабного социолингвистического исследования.

О сложностях интерпретации написаний типа *Вепрев*, *Вухрев* см. ниже, в разделе о фамилиях, производных от слов а. п. *b*. В русской истории известен княжеский род *Татевых*, однако этот род угас по мужской линии в 1682 г. («Википедия», ст. «Татевы»); современных носителей фамилии *Татев* нам обнаружить не удалось.

Поскольку хорошо освоенные нарицательные существительные м. р. имеют в русском языке сильную тенденцию к склонению по схемам *b* и *c* [Зализняк 1977: 77], среди самых частотных II-существительных а. п. *a*

⁸ Существует предположение, что псевдоним *Байтов* обязан своим появлением ироническому переосмыслению фамилии известного писателя Андрея Георгиевича *Битова* (1937–2018) как производной от термина *бит*.

преобладают отглагольные производные с абстрактным значением (*вид, взгляд, срок*; ср. [Там же: 81]) и поздние заимствования (*план, зал, фильм*): от таких слов фамилии, во всяком случае широко распространенные, обычно не образуются. Из II-существительных, имеющих а. п. *а* и входящих в 250 наиболее частотных русских существительных (по [Ляшевская, Шаров 2009]), в Таблицу 1 попали только три — *член, свет* и *смысл*, причем фамилии *Смыслов* и тем более *Членов* и *Светов* относятся к числу сравнительно редких.

Соответственно, из 6 самых частотных фамилий, образованных от II-существительных а. п. *а*, 5 — *Марков, Карпов, Власов, Фролов* и *Титов* — восходят к личным именам⁹. Другое происхождение имеет только занимающая в «списке Балановской» последнее, 250-е, место фамилия *Туров*. Эта фамилия, по-видимому, образована (по крайней мере, в большинстве случаев) от слова *тур* ‘дикий бык’, в современном русском языке малоупотребительного: так, оно даже отсутствует в словаре [Кузнецова, Ефремова 1986], послужившем нам одним из источников при отборе материала.

Как видно, у фамилий, образованных от существительных с исходом основы на твердый согласный, абсолютно преобладающим является ударение на первом слоге. Такая модель, несомненно, продуктивна. Полный перечень односложных нарицательных существительных м. р., относящихся к а. п. *а*, составить, разумеется, невозможно (в Таблице 1 это обстоятельство отражено с помощью знака «...»): по подсчетам А. А. Зализняка, только в [Обр.] их насчитывается более 1100 [Зализняк 1977: 72], при этом данная группа слов все время пополняется. Буквально для любого существительного из этой группы, особенно исконнославянского, может найтись соответствующая ему фамилия. Так, для выбранного нами практически наугад слова *тис* в Интернете обнаруживается некоторое количество упоминаний о советском писателе Льве Николаевиче Тисове — авторе (вместе с Я. С. Рыкачевым) довольно популярной в свое время книги «Коллекция геолога Картье» (1963). Ясно, что носителями русского языка, встречающими их впервые, все такие фамилии в соответствии с общей тенденцией будут акцентуироваться по образцу *тис, тиса* — *Тисов*.

Напротив, каких-либо устойчивых отклонений от данной модели, за вычетом четырех фамилий — *Смыслов, Фролов, Лавров* и *Титов*, — нам обнаружить не удалось. Как кажется, в рассматриваемой группе фамилий практически отсутствуют даже акцентные колебания.

Ударение немногочисленных производных от слов с исходом на мягкий согласный можно охарактеризовать как неустойчивое. Подробнее об этой группе примеров см. в заключительном разделе.

⁹ Строго говоря, вопреки мнению персонажа пьесы А. Н. Островского «Лес» Карпа Савельича, источником фамилии *Карпов* в каких-то случаях все же может быть не только христианское личное имя *Карп*, но и нарицательное существительное *карп* ‘пресноводная рыба’.

Существительные акцентных парадигм *с, е и f*

Данные по существительным с подвижным ударением приведены в Таблице 2.

Таблица 2

Существительные а. п. *с, е и f* и образованные от них фамилии

Ударение на корне	Ударение преимущественно на корне	Колебание	Ударение на суффиксе
с: дуб (Ду́бов) снег (Сне́гов) круг (Кру́гов) глаз (Гла́зов) край (Кра́ев) бой (Бо́ев) строй (Стро́ев) вал (Ва́лов) дым (Ды́мов) чан (// а) (Ча́нов) кон (Ко́нов) жир (Жи́ров) бас (Ба́сов) квас (Ква́сов) нос (Но́сов) ус (У́сов) форт (Фо́ртов) шум (Шу́мов)	гвоздь (f) (Гво́здев, реже Гвоздѐв)	шар (с) (Ша́ров и Шаро́в)	мозг (с) (Мозго́в) пан (с//а) (Пано́в) чёрт (е) (Чертóв)
с//е: лом (Ло́мов)			
е: зуб (Зу́бов) волк (Во́лков) гром (Гро́мов) зверь (Зве́рев) лось (→ f) (Лосѐв) гусь (→ f) (Гусѐв) гость (Го́стев)			
е//f: груздь (Гру́здев)			
f: конь (Ко́нев)			

Комментарии к Таблице 2

Фамилия *Долго́в*, по-видимому, образована не от существительного *долг* (а. п. *с*), а от прилагательного *долгий* (ср. *Бело́в* от *белый* и т. д.).

В таблицу не включены слова *друг* и *князь*. Формально они относятся к схеме *с*, но у существительных, образующих мн. ч. на *-ья*, ед. и мн. ч. имеют разный морфемный состав и, соответственно, с акцентологической точки зрения представляют собой две независимые подпарадигмы. Производные от них фамилии — редкая *Дру́гов* и очень распространенная (222-е место в «списке Балановской») *Кня́зев* — имеют ударение на первом слоге и не нарушают общих закономерностей.

Формы мн. ч. слов *кон* и *лом* встречаются сравнительно редко, косвенные формы мн. ч. слова *гром* характерны в основном для поэзии, поэтому в устной речи эти слова могут акцентуироваться по схеме *а*. Также в силу неосвоенности довольно часто получает схему *а* слово *форт*.

В [Зализняк 1967: 158] слово *гусь* отнесено к а. п. *е*, а а. п. *ф* признается «нелитературной» [Там же: 158, сн. 34]. В [Грамм.-4] а. п. *е* и *ф* уже признаются равноправными, в [ОСРЯ 2015] а. п. *е* считается основной, а а. п. *ф* — «допустимой». В современном языке несомненно преобладающим является ударение *гуся́, гуся́* и т. д., т. е. именно схема *ф*.

Слово *лось* в [Зализняк 1967: 158] также отнесено к а. п. *е*. В [Грамм.-4] для этого слова указаны а. п. *е* и *а*, в [ОСРЯ 2015] а. п. *е* дается как основная, а. п. *а* — как «допустимая». В данном случае, однако, указания словарей еще более отстают от реального узуса. Ударение типа *ло́сей, ло́сями* если и встречается, то очень редко (и просто как индикатор неосвоенности), ударение типа *ло́ся, ло́сю* возможно, но, как кажется, уже значительно уступает по частотности ударению типа *лося́, лосю́* (об этом свидетельствуют и данные устного подкорпуса НКРЯ) — опять-таки по схеме *ф*.

О фамилии *Гво́здев* ~ *Гвозде́в* см. выше.

С колебаниями ударения в фамилии *Шаров* авторы настоящей работы сталкивались неоднократно:

— в школьные годы одного из авторов, с которым училась в одном классе носительница фамилии *Ша́рова*;

— при упоминаниях замечательного советского детского писателя Шера Израилевича Нюренберга (или Ниренберга; 1909–1984), взявшего себе псевдоним Александр *Шаро́в*, и его сына, известного российского писателя Владимира *Шаро́ва* (1952–2018);

— при ссылках во время докладов или просто в разговорах на профессиональные темы на частотный словарь [Ляшевская, Шаров 2009] (каково правильное произношение фамилии одного из создателей этого словаря С. А. *Шарова*, авторам неизвестно).

За вычетом нескольких отклоняющихся форм, фамилии, образованные от существительных с подвижным ударением, имеют ударение на первом слоге независимо от того, на какой согласный заканчивается основа.

А. В. Суперанская и А. В. Суслова рассматривают фамилию *Кóнев* как исключение: «Перенос ударений (sic! — *К. Г., И. И.*) на первый слог отмечается в фамилии *Кóнев*, где по специфике ударения *конь* — *ко́ня* ожидалось бы *Конёв*» [Суперанская, Суслова 1981: 153]. Однако эта фамилия демонстрирует поведение, общее для всех производных от слов а. п. *f* (*гвоздь, груздь, конь*, в соответствии с современным узусом — также *гусь* и *лось*). Отметим, что и описание А.А. Зализняка имплицитно акцентуацию **Конёв, Гвоздёв*, ср. Р. ед. *ко́ня, гвозд́я*.

Существительные акцентной парадигмы *b*

Акцентное поведение фамилий, производных от существительных а. п. *b*, отличается наибольшей сложностью. Выделяются по меньшей мере три типа основ:

- основы с исходом на одиночный парно-твердый согласный (включая заднеязычные);
- основы с исходом на парно-мягкий или шипящий;
- основы с исходом на сочетание двух парно-твердых согласных (далее — «основы на твердый кластер»).

Соответствующие данные суммированы ниже в Таблицах 3, 4 и 5.

Таблица 3

Существительные а. п. *b* и образованные от них фамилии: основы с исходом на одиночный парно-твердый согласный

Ударение на корне		Ударение на суффиксе
гриб (Гри́бов)	сом (Со́мов)	блин (Блино́в)
туз (Ту́зов)	ум (У́мов)	поп (Попо́в)
жук (Жу́ков)	слон (Сло́нов)	
бык (Бы́ков)	шип (Шы́пов)	
клык (Клы́ков)	шнур (Шну́ров)	
шлык (Шлы́ков)	щит (Щы́тов)	
штык (Шты́ков)	кот (Ко́тов)	
крюк (//d) (Кры́ков)	крот (Кро́тов)	
тюк (Тю́ков)	шут (Шу́тов)	
вьюк (//a) (Вы́ков)	грех (Гре́хов)	
дык (//a) (Ды́ков)		

Материал Таблицы 3 не оставляет сомнений: в данной группе фамилий абсолютно преобладает ударение на первом слоге. Фамилии *Быков, Котов, Слонов*, давно привлекающие внимание исследователей, — не отклонения, а как раз примеры действия общей закономерности. Напротив, фамилия

Попов, приведенная А. А. Зализняком в качестве иллюстрации предлагаемого им правила, в действительности представляет собой яркое исключение¹⁰.

Таблица 4

**Существительные а. п. *b* и образованные от них фамилии:
основы с исходом на парно-мягкий или шипящий**

Ударение на корне	Ударение преимущественно на корне	Ударение преимущественно на суффиксе	Ударение на суффиксе
грош (Гро́шев)	кряж (// а) (Кря́жев и реже Кряжо́в) меч (Ме́чев и (?) реже Мечёв°) ключ (Клю́чев и реже Ключёв°) плющ (Плю́щев и реже Плющёв°)	корж (Коржо́в и реже Корже́в) лещ (Лещёв° и реже Лёщев) клещ (Клещёв° и реже Клёщев) свищ (Свищёв° и реже Свщёв) борщ (Борщёв° и реже Бо́рщев) язь (Язёв и (?) реже Язев)	ёж (Ежо́в) чиж (Чижо́в) нож (Ножо́в) уж (Ужо́в) гуж (Гужо́в) пыж (Пыжо́в) грач (Грачёв°) сыч (Сычёв°) ковш (Ковшо́в) шиш (Шишо́в) ёрш (Ершо́в) хрущ (Хрущёв°) рубль (Рублёв) шмель (Шмелёв) кремль (Кремлёв) куль (Кулёв) линь (Линёв) лунь (Лунёв) ларь (Ларёв) царь (Царёв)

¹⁰ Надежными сведениями об акцентуации фамилии *Китов* мы не располагаем. Общему правилу соответствует ударение на *и*, однако для фамилии выдающегося ученого-кибернетика Анатолия Ивановича Китова (1920–2005) «Википедия» предписывает ударение на *о*. Ситуацию осложняет множественность возможных этимологий. Русская фамилия *Китов* может происходить не только от существительного *кит* ‘морское млекопитающее’, но и от *Кит* — народного варианта имени *Тит*, ср. [Унбегаун 1972/1989: 49] (как известно, жена персонажа пьесы А. Н. Островского «В чужом пиру похмелье» Тита Титыча Брускова обращается к нему «Кит Китыч», и самодур Брусков ее не поправляет). Фамилия известного психолога Ахмеда Исмаиловича *Китова* (1928–2005; ударение также согласно «Википедии») — черкесская.

Комментарии к Таблице 4

Знаком ° отмечены фамилии на *-ч* и *-щ*: наряду с написанием через *ё* такие фамилии допускают также написание через *о* (*Сычов*, *Борщов*, изредка также *Грачов* и т. д.).

В таблице отсутствуют фамилии *Швецов*, *Ткачёв°*, *Драчёв°* (от ныне почти забытого многозначного слова *драч* ‘шкуродер; противоборец; разновидность топора’): они содержат суффиксы *-ец-* и *-ач-* и получают ударение на последнем слоге уже в силу этого обстоятельства — ср. такие фамилии, как *Кузнецов*, *Образцов*, *Горбачёв*, *Пугачёв* и т. д. Аналогичным образом, популярная в русской сатирической поэзии конца XVIII — первой трети XIX в. фамилия *Вралёв* (ср., например: *Зачем тревожиться, когда твоих трудов // Не вздумает читать какой-нибудь Вралёв...* (К. Ф. Рылеев. Послание к Н. И. Гнедичу (1821))) акцентируется по модели фамилий с суффиксом *-ал’-* типа *Ковалёв*.

О фамилии *Грошев* см. специально ниже.

Изучение акцентуации данной группы фамилий представляет собой отдельную проблему в силу особенностей русской орфографии — частото неразличения *е* и *ё* и неустойчивости написания в именах собственных *е/ё* vs. *о* после *ч* и *щ*, а иногда даже после *ж*, *ш* и *ц* (см. выше о фамилии *Францев* ~ *Францов*). Так, если написания *Плющёв* и *Плюцов* акцентологически однозначны, то за написанием *Плющев* могут стоять три различные ономастические сущности:

- 1) правильная запись фамилии *Плющев*;
- 2) правильная запись фамилии *Плющёв*, произносящейся с ударным [о], но в официальных документах пишущейся через *е*;
- 3) «аллегроя» (и, вообще говоря, юридически неправильная) запись фамилии *Плющёв*, в официальных документах пишущейся через *ё*.

Более того, часть носителей фамилий типа (2) могла в какой-то момент «смириться» с их постоянным (и неизбежным) произношением с ударением на первом слоге и «перевести» их в тип (1), что еще более затрудняет получение сколь-нибудь объективной статистики.

Наша оценка сравнительной частотности двух вариантов акцентуации фамилий от основ на *-ч* и *-щ* опирается на предположение (также отнюдь не самоочевидное) о том, что количество написаний с *ё* и написаний с *е* по типу (2) для каждой из таких фамилий более или менее сопоставимо. Исходя из этого предположения, мы подсчитали для 7 фамилий на *-чVё* и *-щVё* количество написаний через *е*, через *ё* и через *о* в социальной сети «ВКонтакте». Полученные данные показывают, что рассматриваемые фамилии делятся на две группы. У фамилий первой группы (*Мечев*, *Ключев*, *Плющев*) число написаний с *е* превосходит число написаний с *ё* и с *о*, вместе взятых. У фамилий второй группы (*Лещев*, *Клещев*, *Свищев*, *Борщев*), напротив, написание с *е* находится лишь на втором месте по частотности, уступая либо написанию с *ё*, либо написанию с *о* (не говоря уже о суммарном количестве двух последних):

Мечев — 323, Мечёв — 93, Мечов — 86
Ключев — 652, Ключёв — 60, Ключов — 62
Плющев — 638, Плющёв — 122, Плющов — 67

vs.

Лещев — 366, **Лещёв** — 564, Лещов — 187
 Клещев — 398, **Клещёв** — 508, Клещов — 238
 Свищев — 389, **Свищёв** — 532, Свищов — 89
 Борщев — 502, Борщёв — 432, **Борщов** — 837.

Как видно, разрыв между написаниями с *ё* и *о*, с одной стороны, и написаниями с *е* — с другой, для фамилии *Мечев* значительно меньше, чем для фамилий *Ключев* и *Плющев*. Если за написанием *Мечев* хотя бы в 25 % случаев стоит произношение с [ó], ударение на суффиксе у этой фамилии представлено по крайней мере не реже, чем ударение на корне.

Среди производных от основ с исходом на парно-мягкий согласный эффект, связанный с неразличением *е* и *ё*, по-видимому, в наибольшей степени сказался на не очень частотной (но и не совсем редкой) фамилии *Язев*. В «Википедии» у некоторых ее носителей приведено ударение *Я́зев* (трудно сказать, соответствующее ли действительности), однако в Интернете широко представлено написание *Язёв*.

В целом, несмотря на наличие некоторых отклонений, для данной группы фамилий доминирующим является ударение на суффиксе. Тем самым фамилия *Нулёв* вполне соответствует общей закономерности.

Таблица 5

**Существительные а. п. *b* и образованные от них фамилии:
 основы с исходом на твердый кластер**

Ударение на корне	Ударение преимущественно на корне	Колебание	Ударение на суффиксе
пласт (Пла́стов) пест (Пе́стов)	куст (Ку́стов и реже Кусто́в) серп (Се́рпов и реже Серпо́в)	горб (Го́рбов и *Горбо́в) холм (Хо́лмов и *Холмо́в) лист (Ли́стов и Листо́в)	столб (Сто́лбов) дрозд (Дро́здов) бобр (Бобро́в) хвост (Хвосто́в) хлыст (Хлысто́в) Днепр (Днепро́в) Пе́тр (Петро́в)

Комментарий к Таблице 5

Редкая фамилия *Серпов* помещена в соответствующую колонку на основании совсем немногочисленных свидетельств, которые, конечно, не могут считаться достаточно показательными.

Для данной группы фамилий наиболее характерны акцентные колебания — как «объективные» (наличие у одной фамилии двух акцентных вариантов, ни один из которых нельзя считать редким отклонением), так и «субъективные» (массовые ошибки в произношении). Оба эти факта хорошо известны самим обладателям соответствующих фамилий.

В социальной сети «ВКонтакте» популярны группы, состоящие из носителей какой-либо фамилии. Если ударение в такой фамилии не определяется однозначно, оно, как правило, становится одним из предметов обсуждения. В группе *Кустовых* был проведен опрос¹¹, по данным которого фамилию *Кúстов* носит 88,45 % ответивших (421 человек), фамилию *Кустóв* — 11,55 % (55 человек). В группе *Листовых*¹² соответствующий вопрос был задан без последующего подведения статистических итогов. Как показывает обсуждение, варианты *Лíстов* и *Листóв* встречаются с сопоставимой частотой с некоторым преобладанием второго. При этом, как отмечают участники опроса, ударение может быть разным даже у земляков (многие Листовы — выходцы из деревни Пылема Лешуконского района Архангельской области), даже у членов одной семьи. Кроме того, и *Лíстовы*, и *Листóвы* постоянно сталкиваются с тем, что их фамилию произносят не с тем ударением, с каким следует.

Уже пример с фамилией *Листов* показывает, что ошибка произношения может состоять как в переносе ударения с корня на суффикс, так и в его переносе с суффикса на корень. Как представляется, ситуация здесь все же не вполне симметрична. Рассмотрим сначала фамилии, имеющие ударение на суффиксе. Произношение *Хлýстов* и *Днéпров* встречается, хотя и не очень часто; по свидетельству д. ф. н. Ольги Валерьевны Столбовой (устное сообщение), ей несколько раз доводилось слышать и произношение *Стóлбов*. Однако для фамилий *Дроздов*, *Бобров*, *Хвостов* и *Петров* перенос ударения на первый слог полностью (или практически полностью) исключен.

Напротив, среди фамилий, имеющих ударение на корне, нет ни одной, вполне «защищенной» от его переноса на суффикс. Сравнительная устойчивость ударения *Пéстов*, по-видимому, определяется довольно высокой частотностью этой фамилии (245-е место в «списке Балановской»), сравнительная устойчивость ударения *Плáстов* — хрестоматийной известностью ряда картин советского художника Аркадия Александровича *Плástова* (1893–1972): «Деревенский март», «Первый снег», «Весна» и некоторых других. Люди, не знающие, как следует произносить эти фамилии, вполне могут читать их с ударением на последнем слоге. Как подтвердили нам известные петербургские лингвисты Андрей Андреевич и Елена Викторовна Горбовы (устное сообщение), с ударением *Горбóв* им приходится сталкиваться не реже (если не чаще), чем с правильным *Гóрбов*. Фамилия

¹¹ См. <https://vk.com/club2345716>.

¹² См. https://vk.com/topic-567144_2906069.

Холмов редкая; самым известным ее представителем является гроссмейстер Ратмир Дмитриевич Холмов (1925–2006). Мы задали (через Интернет) вопрос о произношении этой фамилии нескольким ее носителям: у всех них ударение в ней падает на первый слог. Одна из опрошенных, правнучка Ратмира Холмова, подтвердила, что ее прадед также был *Холмов*; тем не менее комментаторы и спортивные журналисты нередко произносили его фамилию как *Холмóв*.

Таким образом, более обычным и в каком-то смысле более «ожидаемым» для фамилий типа *Листов* является все же ударение на суффиксе.

Фактором, способным отчасти перевешивать данный принцип, по-видимому, служит исход основы на *-ст*. Имеющийся материал не только слишком мал, но и далеко не однозначен, однако в пользу такого предположения можно привести один существенный аргумент.

Древнерусское ударение слова *пласт* неизвестно, слово *куст* относилось к а. п. *a* [ДАС: 530]¹³. Что же касается слова *пест*, оно имело а. п. *b* и в древнерусском языке [Там же], подтверждением чему служит фамилия *Пестóв*, засвидетельствованная в синодиках XVI–XVII вв. [Там же: 710]. Напротив, слово *дрозд* первоначально относилось к а. п. *c* и лишь в позднедревнерусском перешло в а. п. *b* [ДАС-2: 540] (в поэтическом подкорпусе НКРЯ ударение *дрóзды* еще отмечено в раннем (1726 г.) стихотворении В. К. Тредиаковского; последующие вхождения уже соответствуют а. п. *b*), что опять-таки подтверждается засвидетельствованной в одной из южно-великорусских таможенных книг первой половины XVII в. фамилией *Дрóздов* [ДАС: 684]. Таким образом, в современном русском языке по сравнению с древнерусским фамилии *Пестов* и *Дроздов* «поменялись» местом ударения. Объяснить этот факт, как и факт преимущественного сохранения ударения *Ку́стов*, чем-то иным, кроме различий в исходе корня, мы не беремся — хотя, разумеется, вопрос о том, почему судьбу фамилии *Пестов* не разделила фамилия *Хвостов* (слово *хвост* в древнерусском также относилось к а. п. *b*, и ударение *Хвостóв* отмечено в документах XVII в. [Там же: 529, 722]), остается открытым.

А. Ч. Пиперски любезно предоставил в наше распоряжение результаты проведенного им опроса о произношении некоторых русских фамилий. Помимо основного вопроса — «С каким ударением Вы бы произнесли фамилию *Хов*, *Хова*?», — анкета включала также дополнительный: «Знаете ли Вы хотя бы одного человека с фамилией *Хов*, *Хова*?». Соответствующие данные суммированы в Таблице 6 (для каждой фамилии учтены только респонденты, ответившие на дополнительный вопрос отрицательно, поэтому абсолютные цифры могут существенно различаться).

¹³ Сведения об акцентуации древнерусских слов, как правило, приводятся по первому изданию «Акцентологического словаря древнерусского и старовеликорусского языка» А. А. Зализняка [ДАС]. Данные второго издания [ДАС-2] привлекаются лишь в случае, если соответствующая информация отсутствует в первом издании или если между двумя изданиями имеются значимые расхождения.

Таблица 6

**Произношение некоторых русских фамилий:
данные опроса, проведенного А. Ч. Пиперски**

Основы с исходом на одиночный твердый согласный	Основы с исходом на <i>-pC</i>	Основы с исходом на <i>-ct</i>	Прочие основы с исходом на кластер
<i>Кльков ~ Клыкóв</i> 87 % 13 % (251) (39)	<i>Гóрбов ~ Горбóв</i> 41 % 59 % (119) (173)	<i>Лíстов ~ Листóв</i> 25 % 75 % (74) (222)	<i>Стóлбов ~ Столбóв</i> 7 % 93 % (19) (245)
<i>Ўмов ~ Умóв</i> 89 % 11 % (261) (33)	<i>Сéрпов ~ Серпóв</i> 52 % 48 % (157) (147)	<i>Кўстов ~ Кустóв</i> 22 % 78 % (56) (197)	<i>Хóлмов ~ Холмóв</i> 30 % 70 % (88) (209)
<i>Крóтов ~ Кротóв</i> 83 % 17 % (156) (32)		<i>Хлўстов ~ Хлыстóв</i> 20 % 80 % (51) (205)	<i>Днéпров ~ Днепрóв</i> 11 % 89 % (32) (258)

Фамилии с исходом на одиночный согласный использовались как контрольная группа и показательны фактически только с точки зрения оценки уровня «шума», возможного в опросах такого типа. Как свидетельствуют данные по фамилии *Кротов*, этот уровень может быть довольно высоким: среди участников опроса, знакомых с этой фамилией, ударение *Крóтов* выбрали 128 человек, ударение *Кротóв* — 3 (менее 2,5 %).

В остальном данные опроса подтверждают, что фамилии с исходом на кластер в целом тяготеют к ударению на суффиксе, хотя и в разной степени. Фактор исхода на *-ct* для современных носителей русского языка практически утратил силу: если ответы респондентов, знакомых с какими-то из трех включенных в анкету фамилий на *-ct* (*Кўстов ~ Кустóв* 49:17, *Лíстов ~ Листóв* 8:15, *Хлўстов ~ Хлыстóв* 11:52), более или менее соответствуют нашим оценкам, приведенным в Таблице 5, то в восприятии тех, кто ни одной из этих фамилий не слышал, они составляют на удивление однородную группу, для которой уровень ожидаемости ударения на суффиксе оказался не только выше, чем для фамилий на *-pCов*, но и выше, чем для фамилии *Холмов*.

Отметим, что для фамилий *Горбов* и *Столбов* результаты опроса вполне соответствуют личному опыту их носителей.

Проблемы диахронической интерпретации

Притяжательный суффикс *-ов* в древнерусском языке имел минусовую маркировку [Зализняк 1985: 150]. Для производных от слов а. п. *a* этому соответствует модель *áдов*, для производных от слов а. п. *c* — модель *̑дубов* (энкліномены), для производных от слов а. п. *b* — модель *конéв*

[Там же: 150–151]. В позднерусский период, т. е. в эпоху, когда мы уже можем (пусть и с некоторой долей условности) говорить о фамилиях в современном смысле этого слова, ситуация выглядит следующим образом.

Прилагательные типа *адов* дают фамилии типа *Кáрпов*, *Янов* [ДАС: 691, 710, 726], *Вну́ков* [ДАС-2: 804]. Прилагательные типа *дубов* дают многочисленные по сравнению с другими группами фамилии типа *Глáзов*, *Грóмов*, *Дрóздов* (см. выше), *Нóсов*, *Рóгов* и др. [ДАС: 681, 682, 684, 704, 711]¹⁴. Как предполагает А. А. Зализняк, первоначально такие фамилии относились к а. п. с; в XVI–XVII вв. они уже ничем не отличаются от фамилий типа *Кáрпов*. Прилагательные типа *конев*, образованные от основ с исходом на мягкий или шипящий, дают фамилии типа *Ери́ев*, *Рубл́ев*, *Сыч́ев* [Там же: 686, 711, 717].

Как видно, во всех этих случаях, если говорить о модели в целом, а не об индивидуальных отклонениях и колебаниях¹⁵, современная акцентуация фамилий совпадает с позднерусской. С фамилиями типа *Сомов* дело обстоит иначе. Данные на этот счет пока очень скудны, однако в синодиках второй половины XVII в. засвидетельствованы ударения *Быко́в* и *Котóв* [ДАС: 677, 694] (наше внимание на это обстоятельство обратил С. В. Малышев); ср. также фамилии *Коло́в* (ныне очень редкая), *Пестóв*, *Хвостóв* (от основ на *-ст*) [Там же: 693, 710, 722].

Предположение о том, что фамилии типа *Сомов* приобрели свое нынешнее ударение в результате цепочки не связанных между собой случайностей, следует признать априори крайне маловероятным из системных соображений. Хотя количество слов, в ходе истории сменивших свою акцентную парадигму, достаточно велико, в значительном большинстве случаев ударение II-существительных в современном русском языке соответствует древнерусскому по следующей тривиальной схеме [Зализняк 1977: 73]:

а. п. в др.-рус.	а. п. в совр. рус.
<i>a</i>	<i>a</i>
<i>b</i>	<i>b</i>
<i>c</i>	<i>c, e, f</i> ¹⁶

¹⁴ К этой же группе должна быть отнесена и фамилия *Платов*. Слово *плат* в древнерусском языке принадлежало именно к а. п. с [ДАС: 524]; его современная акцентуация по схеме *a* — не более чем знак неосвоенности. Таким образом, историческое объяснение для варианта *Платóв* предложить затруднительно.

¹⁵ Разумеется, такого рода колебания имели место и в древнерусском языке. А. А. Зализняк отмечает наличие двух вариантов акцентуации у фамилий *Фро́лов*, *Тимо́в*, *Ша́хов* [ДАС: 718, 721, 724], *Тат́ев* [ДАС-2: 856]; интересно, что это не те фамилии, для которых акцентная неустойчивость характерна в настоящее время.

¹⁶ А. п. *f* в соответствующем месте работы А. А. Зализняка не упомянута, однако норма здесь именно такова: существительные *червь*, *гвоздь*, *грудь*, а также *лось* и *гусь*

И действительно, согласно данным [ДАС], среди слов, перечисленных в левом столбце Таблицы 3, по крайней мере *гриб*, *бык*, *шлык*, *сом*, *ум*, *шип*, *щит*, *кот*, *крот* и *грех* относились к а. п. *b* и в древнерусском языке.

Показательна история фамилии *Шты́ков*. Слово *штык*, по-видимому, было заимствовано в русский язык из польского только в Петровскую эпоху [Фасмер 2003, IV: 481–482] и сразу или почти сразу получило а. п. *b*: в поэтическом подкорпусе НКРЯ, где косвенные формы этого слова представлены начиная с Державина, оно всегда имеет такое же ударение, как в современном языке. Это означает, что соотношение *штык*, *штыка́* — *Шты́ков* встроилось в уже сложившуюся к тому времени модель *бык*, *быка́* — *Бы́ков*.

Таким образом, перед нами вполне последовательный акцентный сдвиг, датируемый предположительно концом XVII — первой половиной XVIII в.¹⁷

Согласно Б. О. Унбегауну, причина сдвига ударения на первый слог — «семантическая, или, вернее, психологическая; она отражает стремление уйти от вульгарной или общепринятой этимологии. Это происходит главным образом в двухсложных фамилиях, таких как *Бы́ков* (*бык*, род. п. *быка́*), *Ко́тов* (*кот*, род. п. *кота́*) (...)» [Унбегаун 1972/1989: 25]. Принять это объяснение невозможно по множеству причин¹⁸; перечислим лишь некоторые из них. Во-первых, непонятно, каким образом соответствующее «стремление» могло независимо возникнуть у носителей по меньшей мере полутора десятков фамилий идентичной фонетической структуры, но совершенно различной семантики. Во-вторых, столь же непонятно, почему это стремление, наоборот, не возникло у носителей таких фамилий, как *Ужов*, *Сычѳв* или *Рублѳв*. Наконец, при соотношениях типа *бык* — *Бы́ков*, *кот* — *Ко́тов* связь между фамилией и ее этимомом даже еще более очевидна, чем при соотношениях типа *бык* — *Быко́в*, *кот* — *Кото́в*.

Единственная гипотеза, которую можем предложить на этот счет мы сами, состоит в том, что сдвиг ударения с суффикса на корень в фамилиях типа *Быков* представляет собой следствие тенденции к расподоблению фамилии в ее словарной форме с формой Р. мн. мотивирующего существительного: *Бы́ков* ≠ *быко́в* и т. д.¹⁹ Эта гипотеза, по крайней мере, объясняет

в древнерусском языке относились к а. п. *c* [ДАС: 540, 541, 565]; иначе ведет себя только слово *конь*, акцентная характеристика которого в [ДАС: 557] имеет вид «*b* (*c* откл.)».

¹⁷ Ударение *Кро́тов* в новгородской летописи первой четверти XVII в. [ДАС: 695] осторожнее все же считать скорее единичным отклонением, нежели свидетельством того, что рассматриваемое изменение могло начаться в столь раннее время, — по крайней мере, до появления новых сведений.

¹⁸ Несмотря на наше несогласие с приведенным объяснением, мы не можем не выразить восхищения выдающейся лингвистической интуицией Б. О. Унбегауна: как видно, исследователь приводит в качестве примеров именно те фамилии, сдвиг ударения в которых ныне документально подтвержден данными памятников!

¹⁹ Ознакомившись с материалом, представленным в Таблицах 3 и 4, аналогичную интерпретацию независимо от нас и друг от друга предложили П. М. Аркадьев и А. Ч. Пиперски.

факт различия между основами на парно-твердый согласный и основами на мягкий или шипящий: фамилии типа *Шмелёв*, *Ершов*, разумеется, не омофоничны формам *шмелей*, *ершей* и т. д. независимо от ударения. Как считается, нынешнее распределение флексий Р. мн. у существительных м. р. окончательно стабилизируется в XVIII в. — ср., например, [Хабургаев 1990: 165]. В «Российской грамматике» М. В. Ломоносова (1754–1755, опубл. 1757) правило выбора морфов *-ов* и *-ей* уже в точности соответствует современному [Ломоносов 1757/1952: §§ 151, 152, 196]. Таким образом, можно думать, что речь идет о двух более или менее синхронных процессах.

Совершенно неожиданное косвенное подтверждение рассматриваемой гипотезы обнаруживается в комментариях участников опроса, проведенного А. Ч. Пиперски. Некоторые респонденты отмечали, что для отдельных фамилий им представляется предпочтительной постановка ударения в мужском и женском вариантах на разных слогах, при этом в преобладающем большинстве случаев речь шла о модели *Клы́ков* — *Клыко́ва*, *Сто́лбов* — *Столбо́ва* и т. п. Этот феномен (не имеющий реального аналога в акцентуации каких бы то ни было фамилий с суффиксом *-ов*) кажется естественным объяснять именно неосознанным омонимическим отталкиванием мужских фамилий от форм Р. мн. типа *клыко́в*, *столбо́в*.

Однако слабости данной гипотезы также вполне очевидны. Во-первых, неясно, почему в таком случае обратный переход ударения с корня на суффикс полностью отсутствует у фамилий, производных от существительных а. п. а, — *Шведов*, *Внуков*, *Храмов*, *Кедров*, *Барсов* и т. д. Во-вторых, что еще более существенно, остается совершенно необъяснимым резкое различие между основами на одиночный парно-твердый согласный и основами на кластер: омофония в парах типа *Бобрóв* — *бобро́в*, *Дроздо́в* — *дроздо́в* едва ли чем-то «лучше» омофонии в парах типа *Быко́в* — *быко́в*, *Кото́в* — *кото́в*. Впрочем, особое поведение кластеров в данном случае вообще выглядит в высшей степени загадочным. Различия между основами на одиночный согласный и основами на кластер представлены в морфонологической системе русского языка очень широко. Сочетание *ст* (как правило, наряду с другими сочетаниями, в разных случаях разными) при этом ведет себя как «легкое», по своим свойствам приближающееся к одиночным согласным или даже тождественное им — см., в частности, [Иткин 2013: 57, 60–61]; как было отмечено выше, такой эффект в некоторой степени имеет место и в фамилиях. Однако эти различия характерны исключительно для позиции конца слога: они обусловлены сложностью произношения тех или иных типов кластеров в абсолютном исходе слова и/или перед согласным. Между тем в фамилиях на *-ов* финаль мотивирующей основы, разумеется, всегда находится перед гласным, не говоря о том, что никакой значимой разницы в произношении кластеров в первом заударном и в первом предударном слоге не наблюдается.

Итоговые замечания

Сводные данные по всем типам основ представлены (с некоторыми неизбежными упрощениями общей картины) ниже в Таблице 7.

Таблица 7

Место ударения в фамилиях на *-ов*,
образованных от II-существительных: сводная таблица

		Исход основы			
		одиночный парно-твердый	твердый кластер	мягкий	шипящий
а. п.	$c \sim e \sim f$	на корне		неустойчиво	нет данных
	a				
	b	неустойчиво	на суффиксе		

Как известно, у многих II-существительных ударение в современном русском языке колеблется (см., в частности, комментарии к Таблицам 1 и 2). Замечательным образом, система акцентуации фамилий на *-ов*, производных от данной группы существительных, в значительной мере устойчива к этим колебаниям и «защищена» от появления новых исключений.

II-существительные с исходом основы на одиночный парно-твердый согласный требуют постановки ударения в фамилии на первый слог независимо от а. п. Отклонений от этой закономерности мало даже в абсолютном исчислении — таковы, собственно, только *Фро́лов*, *Тито́в* (и *Кито́в?*), *Пано́в*, *Блино́в*, *Попо́в* (ср. еще *Ша́ров*) — и совсем мало в процентном.

Фамилии с ударением на суффиксе, образованные от существительных а. п. *a*, *c* и *e* с исходом на твердый кластер, — *Смысло́в*, *Лавро́в*, *Мозго́в*, *Чертóв*²⁰ — мы рассматриваем как исключения²¹. Основанием для такого

²⁰ В случае с фамилией *Чертóв* аномальному переносу ударения на второй слог могло в какой-то мере способствовать сознательное отталкивание от притяжательного прилагательного *чёртов*. Именно так понимала дело молодая носительница этой фамилии, как-то сказавшая одному из авторов настоящей статьи (цитируем по памяти): «Когда я злюсь, я становлюсь Чёртовой». Однако, скажем, для фамилий *Смысло́в* или *Мозго́в* никакого подобного объяснения предложить нельзя.

²¹ Независимо от того, относить ли существительное *рост* к а. п. *a* или (с учетом профессионализма *роста́* ‘размеры одежды’) к а. п. *c*, еще одним исключением того же типа приходится признать такую знаменитую литературную фамилию, как *Ростов*. Произношение *Росто́в* не вызывало сомнений уже у современников — ср., например, в едкой пародии Дмитрия Минаева «Война и мир. Подражание Лермонтову (Бородино) и графу Льву Толстому (Война и мир)» (1868): «Ростов — звезда всей молодежи, // Андрей Болконский — диво тоже...». Считается, что это

решения служит не столько даже их малочисленность, сколько «непродуктивность»: если едва ли не любая фамилия такого типа, образованная от существительного а. п. *b*, потенциально может быть прочитана с ударением на втором слоге (см. выше о данных эксперимента, проведенного А. Ч. Пиперски), то чтения ^{??}*Барсѡв* или ^{??}*Фортѡв* представляются маловероятными (не говоря уж о нелепых **Карѡв*, **Волѡв* и т. д.). Тем не менее у фамилий, образованных от основ с исходом на твердый кластер, кажется возможным усматривать некоторую общую тенденцию к постановке ударения на суффикс — опять-таки независимо от а. п. исходного слова.

Список II-существительных с исходом основы на мягкий согласный, относящихся к а. п. *a*, невелик и примерно на две трети состоит из заимствованных слов на *-ль* типа *гель*, *троль* [Зализняк 1967: 160, сн. 40]: этим объясняется крайняя немногочисленность фамилий типа *Шпилѣв*. А. п. *e* и *f* практически не распространяются на новые слова (А. А. Зализняк прямо называет их непродуктивными [Зализняк 1977: 72, 77, сн. 17]), но все существительные с исходом на мягкий согласный, относящиеся к этим а. п., входят в число общеупотребительных и не демонстрируют склонности к переходу в более распространенные акцентные типы. Колебания между самими а. п. *e* и *f* для предлагаемой нами системы правил нерелевантны. Что касается а. п. *c*, существительные с исходом на парно-мягкий согласный (resp. на *-ь*) в современном русском языке в норме к ней вообще относиться не могут [Зализняк 1967: 159].

Из всех II-существительных с исходом на шипящий подвижное ударение имеют только два: *муж* и почти превратившееся в *plurale tantum харч* [Там же: 158–159]; сколько-нибудь распространенные фамилии от этих двух слов не образуются. Среди слов а. п. *a* II-существительных на *-ж*, *-ч* и *-ш* много (все до единого односложные существительные на *-щ* относятся к а. п. *b* [Зализняк 1977: 98–99]), но практически полное отсутствие фамилий, образованных от таких существительных, опять-таки не случайно. Дело в том, что почти все они (об основах на *-ч* см. специально [Иткин

соответствует замыслу Толстого, который таким образом преобразовал с сохранением «ямбической» структуры свою собственную фамилию. Однако значительному большинству читателей данный факт, скорее всего, был и остается неизвестен: фамилия *Ростов* воспринимается просто как «омоним» названий городов *Ростов Великий* и *Ростов-на-Дону*. Впрочем, Д. В. Сичинава (устное сообщение) обратил наше внимание на следующий забавный эпизод, описанный в книге секретаря Л. Н. Толстого В. Ф. Булгакова «О Толстом. Воспоминания и рассказы» (1964): в 1910 г. автор «Войны и мира» получил от некоего гимназиста письмо с вопросом о том, с каким ударением следует произносить фамилию *Ростовы*. Писатель ответил лаконичной открыткой: «Ростѡвы. Л. Т.».

Любопытно, что если топоним *Ростов* действительно произведен от личного имени *Рост* [Поспелов 2003: 244–245], то, поскольку в древнерусском слово *рост* относилось к а. п. *c* [ДАС: 530], его ударение само оказывается исторически аномальным.

2009: 39–41]) принадлежат к одной из следующих категорий (или к нескольким одновременно):

- слова возвышенно-книжной окраски (*страж, клич*)²²;
- недавние заимствования (*бридж, матч, туш*);
- абстрактные понятия (*плач*);
- диалектизмы и профессионализмы (*саж* ‘место в хлеву, куда сажают свиней для откорма’, *цеж* ‘процеженный раствор овсяной муки’).

Судя по данным [ДАС], буквально единственным II-существительным с исходом на шипящий, надежно относившимся в древнерусском языке к а. п. *a* и имевшим потенциал для перехода в а. п. *b*, было слово *грош* — относительно старое хорошо освоенное заимствование с чисто предметным значением. В конечном итоге — через длительный период акцентной неустойчивости, начавшийся, судя по данным поэтического подкорпуса НКРЯ, не позднее середины XVIII в. (а возможно, существенно раньше), — такой переход действительно произошел²³. Нет ничего удивительного, что это же слово послужило источником не самой частотной, но вполне обычной фамилии *Грошев* (отмечена именно в таком виде уже в XVI в. [ДАС-2: 808]). А поскольку эта фамилия сохранила старое ударение, современное соотношение *грош*, *грошá* — *Грошев* оказалось нерегулярным; среди фамилий рассматриваемого типа это буквально единственное исключение, имеющее очевидное историко-акцентологическое объяснение.

Как явствует из всего вышесказанного, «антропонимический» суффикс *-ов* в современном русском языке никоим образом не тождествен притяжательному. Акцентные свойства «антропонимического» *-ов* не могут быть описаны с помощью обычной системы маркировок, разработанной в книге [Зализняк 1985]. Для производных с суффиксами, не обладающими свойством доминантности, основным фактором, определяющим место ударения, является акцентная парадигма мотивирующего слова. Напротив, для

²² К этой группе примыкает слово *кряж*, именно в силу некоторой книжности в современном русском языке обычно акцентуируемое по схеме *a*, а не по схеме *b*.

²³ Отметим, что рекомендации авторитетных современных словарей — [Грамм.-4; ОСРЯ 2015] и др., — предписывающие ударение *ни гроша* в поговорке *Не было ни гроша, да вдруг алтын*, не только едва ли соответствуют узусу, но и противоречат общезыковым тенденциям. В сочетаниях вида *ни Ха* ударение может смещаться на *-а* даже у слов, у которых оно в ед. ч. стоит на основе, ср. *ни хренá*, *ни чертá*, *ни фи́га* при Р. ед. *хре́на*, *че́рта*, (*какого ~ коего*) *фи́га*. В поэтическом подкорпусе НКРЯ ударение *ни грошá* («А тело без души не стоит ни гроша...») впервые отмечено уже в поэме В. И. Майкова «Елисей, или Раздраженный Вакх» (1769). В ироническом стихотворении Михаила Кузмина «На представлении пьесы “Не было ни гроша, да вдруг алтын”» ((1911–1912)) воспроизводящая название комедии реплика Фетиньи, которую зрители слышат со сцены, уложена в хорей в виде «Ни грошá я не имею — // Вдруг алтын!», хотя поэт мог без всяких затруднений поставить ударение на *о* («*Я ни гроша не имею...»).

«антропонимического» -ов действие этого фактора в большинстве случаев перекрыто таким крайне редко оказывающим прямое влияние на ударение признаком, как финаль основы. Имеется тем не менее одна точка, в которой акцентные различия между мотивирующими лексемами в полной мере сохраняют свою значимость: фамилии от существительных с исходом на парно-мягкий согласный и нетривиальным ударением. В этой группе фамилий мы находим, с одной стороны, такие производные, как *Шмелёв*, *Лунёв*, *Царёв* и под. (производные от слов а. п. *b*), с другой — такие производные, как *Кóнев*, *Гусев*, *Звёрев* и под. (производные от слов а. п. *e* и *f*).

С л о в а р и

Грамм.-4 — А. А. З а л и з н я к. Грамматический словарь русского языка: Словоизменение. 4-е изд., испр. и доп. М., 2003.

ДАС — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М., 2014.

ДАС-2 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. 2-е изд., расшир. и перераб. М., 2019.

Кузнецова, Ефремова 1986 — А. И. К у з н е ц о в а, Т. Ф. Е ф р е м о в а. Словарь морфем русского языка. М., 1986.

Ляшевская, Шаров 2009 — О. Н. Л я ш е в с к а я, С. А. Ш а р о в. Частотный словарь современного русского языка (на материалах Национального корпуса русского языка). М., 2009. (цит. по электронной версии: http://dict.ruslang.ru/freq.php?act=show&dic=freq_s&title=%D7%E0%F1%F2%EE%F2%ED%FB%E9%20%F1%EF%E8%F1%EE%EA%20%E8%EC%E5%ED%20%F1%F3%F9%E5%F1%F2%E2%E8%F2%E5%EB%FC%ED%FB%F5).

Обр. — Обратный словарь русского языка. М., 1974.

ОСРЯ 2015 — Н. А. Е с ь к о в а (ред.). Орфоэпический словарь русского языка: произношение, ударение, грамматические формы: свыше 70 000 слов / Н. А. Еськова и др. 10-е изд., испр. и доп. М., 2015.

Поспелов 2003 — Е. М. П о с п е л о в. Географические названия России: Топонимический словарь. Около 3000 единиц. М., 2003.

Фасмер 2003 — М. Ф а с м е р. Этимологический словарь русского языка. Т. I–IV. 4-е изд. М., 2003.

Л и т е р а т у р а

Журавлев 2005 — А. Ф. Ж у р а в л е в. К статистике русских фамилий. I // Вопросы ономастики. 2005. № 2. С. 126–146.

Зализняк 1967 — А. А. З а л и з н я к. Русское именное словоизменение. М.: Наука, 1967.

Зализняк 1977 — А. А. З а л и з н я к. Закономерности акцентуации односложных существительных мужского рода // Проблемы теоретической и экспериментальной лингвистики. М.: Изд-во Моск. ун-та, 1977. С. 71–119.

Зализняк 1985 — А. А. З а л и з н я к. От праславянской акцентуации к русской. М.: Наука, 1985.

Иткин 2009 — И. Б. И т к и н. Акцентологические заметки // Корпусные исследования по русской грамматике. М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009. С. 34–41.

Иткин 2013 — И. Б. И т к и н. В поисках нулевого словообразовательного суффикса (отглагольные существительные типа *звон, шум, шелест* в современном русском языке) // Русский язык в научном освещении. 2013. № 2 (26). С. 52–64.

Кронгауз 1990 — М. А. К р о н г а у з. Акцентуация сложных фамилий германского происхождения в русском языке // Russian Linguistics. 1990. Vol. 14. P. 59–67.

Ломоносов 1757/1952 — М. В. Л о м о н о с о в. Российская грамматика // М. В. Ломоносов. Полное собрание сочинений: в 11 т. Т. 7: Труды по филологии 1739–1758 гг. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1952. С. 389–578.

Суперанская, Суслова 1981 — А. В. С у п е р а н с к а я, А. В. С у с л о в а. Современные русские фамилии. М.: Наука, 1981.

Унбегаун 1972/1989 — Б. О. У н б е г а у н. Русские фамилии. М.: Прогресс, 1989.

Хабургаев 1990 — Г. А. Х а б у р г а е в. Очерки исторической морфологии русского языка. Имена. М.: Изд-во МГУ, 1990.

Статья получена 09.01.2022

Ksenia A. Gilyarova

Russian State University for the Humanities
(Moscow, Russia)
hilaris@yandex.ru

Ilya B. Itkin

Institute of Oriental Studies of the RAS
National Research University Higher School of Economics
(Moscow, Russia)
ilya.borisovich.itkin@gmail.com

ON THE *KINGS* AND THE *BEASTS*: THE RULES OF ACCENTUATION OF A GROUP OF RUSSIAN SURNAMES

The article is devoted to the accentuation patterns of Russian surnames ending in *-ov* (*-jov*, *-ev*), which are derived from monosyllabic masculine nouns: *hvoŝt* ('tail') – *Hvoŝtóv*, *list* ('leaf', 'sheet') – *Listóv* and *Listov*, *zver'* ('beast') – *Zvérev*, etc. The accentuation of such surnames is determined by the complex interaction of two factors – the final consonants of their stem and their accent scheme. The analysis of the material shows that, contrary to the previous descriptions, in the vast majority of cases the stress in the surnames formed from nouns with a stem-final single hard paired consonant falls on the root regardless of the accent scheme of the base (*Chékhov*, *Zúbov*, *Úmov*, etc.). For the surnames derived from nouns of the accent paradigm "b" (*Býkov*, *Kótov*, *Sómov*, etc.) such stress is an innovation: cf. *Bykóv*, *Kotóv* in late Old Russian manuscripts. In the article we discuss arguments for and against the hypothesis that this accent shift is due to the tendency to resolve the ambiguity between the surname and the genitive plural form of the base noun: e.g. *Býkov* ≠ *bykóv* 'bulls (Gen Pl)'.

Keywords: Russian language, Old Russian language, anthroponymy, surnames, stress, accent shift, morphophonemics.

References

- Itkin, I. B. (2009). Aktsentologicheskie zametki. In K. L. Kiseleva (Ed.), *Korpusnye issledovaniia po russkoi grammatike* (pp. 34–41). Moscow: PROBEL-2000.
- Itkin, I. B. (2013). V poiskakh nulevogo slovoobrazovatel'nogo suffiksa (otglagol'nye sushchestvitel'nye tipa *zvon, shum, shelest* v sovremennom russkom yazyke). *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(26), 52–64.
- Khaburgaev, G. A. (1990). *Ocherki istoricheskoi morfologii russkogo yazyka. Imena*. Moscow: Izd-vo MGU.
- Krongauz, M. A. (1990). Aktsentuatsiia slozhnykh familii germanskogo proiskhozhdeniia v russkom yazyke. *Russian Linguistics*, 14, 59–67.
- Superanskaia, A. V., & Suslova, A. V. (1981). *Sovremennye russkie familii*. Moscow: Nauka.
- Unbegaun, B. O. (1989). *Russkie familii*. Moscow: Progress.
- Zalizniak, A. A. (1967). *Russkoe imennoe slovoizmenenie*. Moscow: Nauka.
- Zalizniak, A. A. (1977). Zakonomernosti aktsentuatsii odnoslozhnykh sushchestvitel'nykh muzhskogo roda. *Problemy teoreticheskoi i eksperimental'noi lingvistiki*, 8, 71–119.
- Zalizniak, A. A. (1985). *Ot praslavianskoi aktsentuatsii k russkoi*. Moscow: Nauka.
- Zhuravlev, A. F. (2005). K statistike russkikh familii. I. *Voprosy onomastiki*, 2, 126–146.

Received on January 9, 2022

Е. Л. БЕРЕЗОВИЧ

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
(Екатеринбург, Россия)
berezovich@yandex.ru

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ НА ПОЛЯХ ЭКСПЕДИЦИОННОГО БЛОКНОТА: ИСКОННАЯ РУССКАЯ ЛЕКСИКА В ГОВОРАХ ТЕРСКОГО БЕЛОМОРЬЯ*

В статье рассматриваются русские диалектные лексические единицы, имеющие исконное происхождение, которые были записаны сотрудниками Топонимической экспедиции Уральского университета в 2021 г. в селах Терского берега Белого моря. Эти слова либо не фиксировались (и, соответственно, не этимологизировались) прежде, либо отмечались, но при полевом сборе удалось найти нюансы, важные с точки зрения исторической лексикологии, мотивологии и этимологии. Наиболее подробно анализируются слова: 1) *ку́йм*, *ку́ймчик* ‘пирушка вскладчину’, которое трактуется как образование на основе корня праслав. глагола **jьto*, **jeti* ‘брать, собирать’ с экспрессивным префиксом *ku-*; 2) *клёкоду́й* ‘здоровый крепкий мужчина’, возводимое к праслав. **klek-*, в гнезде которого представлены слова со значением ‘жизненные силы’, а также обозначения различных концентрированных жидкостей; 3) *у́жма* ‘небольшая протока между озерами’, объясняемое как дериват глагола *жать*; 4) **нафи* в составе выражения *спать (дряхнуть) без нафёй* ‘крепко спать’, для которого предлагается несколько решений, в том числе понимание этого слова как подражания звукам, издаваемым во сне. Менее подробно анализируются слова *лук* ‘сенокосный участок на одного хозяина’, *огни́во* ‘нерасправленное (сложенное) крыло птицы’, *брани́ца* ‘место на берегу (на тоне), откуда убраны камни, чтоб пристать лодке’, *ворону́ха* ‘быстрое течение в реке (как правило на пороге)’ и *вороне́ц* ‘перекат на реке’, *лёггорно*, *лёгурно* ‘удобно; легко, не связано с тяжелыми последствиями’.

Ключевые слова: этимология, семантико-мотивационная реконструкция, русская диалектология, лексика, полевая лингвистика, Русский Север, Беломорье.

В августе 2021 г. сотрудники Топонимической экспедиции (ТЭ) Уральского университета совместно с коллегами из Института языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН вели полевые работы в селах Терского берега Белого моря (административно — Терский район

* Работа выполнена при поддержке гранта РНФ № 20-18-00223 «Этимологизация и семантическая реконструкция русской диалектной лексики». Сердечно благодарю И. И. Муллонен, С. М. Толстую, К. С. Чиканцеву за ценные консультации при подготовке статьи, а рецензентов, которые читали статью по просьбе редакции журнала «Русский язык в научном освещении», — за важные замечания.

Мурманской области). Эта поездка была для нас особо значимой: в год 60-летия ТЭ, начинавшей свой путь на Русском Севере, показалось важным переместиться на северный берег Белого моря (ранее мы работали на южном, восточном и западном), чтобы более подробно изучить говоры, которые привлекали внимание полевиков в гораздо меньшей степени, чем другие беломорские территории. В этих говорах, где до сих пор хорошо фиксируется терминология рыболовства, промысла морского зверя, охоты, оленеводства и проч., отмечено множество заимствований финно-угорского (главным образом саамских и прибалтийско-финских) и германского происхождения. В то же время терский диалект можно считать лексическим заповедником, где хорошо представлена исконная русская лексика, в том числе архаическая; ее консервации способствует солидный возраст ряда поселений (к примеру, села Варзуга и Умба основаны около шести столетий назад) и замкнутый характер жизни населения этой суровой земли.

Как упомянуто выше, среди лексикологов и лексикографов русские мурманские говоры далеко не так популярны, как соседние говоры Беломорья и Русского Севера в целом. По сути, «адресно» им посвящен только небольшой словарь И. С. Меркурьева [1979]. Терская лексика включена также в другие лексические своды, среди которых наиболее крупными являются [СРГК; Мызников 2010; 2021]. При исключительной ценности всех этих лексикографических трудов они явно не «закрывают» изучаемую территорию, о чем говорит хотя бы такой факт: любительский словарь Н. Д. Кушкова [2008; дополненное переиздание — 2011], посвященный лексике села Варзуга и окрестных сел, содержит приличное количество слов, отсутствующих в «профессиональных» источниках. К сожалению, словарь издан малым тиражом, обладает «узколокальной» известностью, а содержащиеся там слова практически не введены в научный оборот; при этом они нуждаются в тщательной проверке, поскольку многое отмечено без контекстов и проч.

Таким образом, работы в этой зоне необходимо продолжать, учитывая стремительное исчезновение старинных поселений. В ходе нашего краткого выезда записаны, в числе прочих, слова, которые либо не фиксировались прежде, либо отмечались, но сотрудникам экспедиции удалось найти нюансы, важные с точки зрения исторической лексикологии, мотивологии и этимологии. Этимологические версии для этих слов не предлагались или могут быть оспорены и уточнены, дополнены. Несколько подобных лексических фактов будут прокомментированы в предлагаемых ниже заметках.

Есть слова, известные как старорусские, но в говорах Терского Беломорья они представлены в актуальном употреблении. Среди них стоит назвать слово *лук* (для проверки конечного согласного нами была отмечена и форма мн. ч. — *лу́ки*) ‘сенокосный участок на одного хозяина’: «На луках раньше косили, луки по реке идут вверх. Это не луг, это лук. А почему так называли, не знаю. От дедов шло» (Варзуга). Очевидно, перед нами результат семантического «обновления» слова *лук* — ‘в северной России,

прежде всего в Беломорье — единица податного обложения и исчисления размеров угодий (земельных, сенокосных, рыбных, а первоначально, видимо, и охотничьих): «Дали ⟨...⟩ на Соловки игумену Ионе и старцам ⟨...⟩ два лука земли» (1469); «Пожаловали деи их на море в реке Умбе рыбную ловлею пятью луки ⟨...⟩ и после деи того прикупили они в той же в реке Умбе пять луков рыбные ж ловли» (1578) [Романова 2019: 155–156]. Связывая это слово с названием древнего ручного орудия для метания стрел, Г. Я. Романова указывает на следующую мотивацию: «Лук был окладной единицей в северных владениях Великого Новгорода (Кольский полуостров, Северное Поморье, Обонежье), где основу хозяйства составлял охотничий промысел и рыбная ловля. Первоначально лук как окладная единица был связан с охотничьим хозяйством и соответствовал возможностям одного охотника. Однако в связи с распространением земледелия все дальше на север хозяйства становятся земледельческими, т. е. платят налоги не с охотничьего промысла, однако название окладной единицы остается прежним» [Там же: 156]. Стоит отметить, что интересующее нас слово можно интерпретировать не только в связи с луком (оружием): дело в том, что исходное гнездо **lōkъ* давало также «ландшафтную» семантику (например, ‘изгиб берега, излучина’) [ЭССЯ 16: 148–149]; см. еще **lōka* [Там же: 141–142].

Разумеется, слово знакомо только информантам самого старшего возраста; оно претерпело закономерное сближение с лексемой *луг*.

В плане смысловых нюансов интересна лексема *огни́во* ‘нерасправленное (сложенное) крыло птицы’: «Летит — машет крылами. А села — вот и огнива. Сидит, греют ей огнива-те» (Чаваньга); «Огниво — у птицы крыло. Хошь у орла, хошь у курицы. Сядет — согнёт огнива» (Стрельна). Это слово было отмечено в XIX в. в значении ‘плечевая кость у птицы’ (влг.), ‘правильное перо птичьего крыла’ (арх.) [СРНГ 32: 229]; что касается современных записей, то оно зафиксировано в терских говорах как ‘бедро мужчины’: «Женские стогна, а мужские огнива» [СРГК 4: 137], и как ‘крылышко птицы’ (ср. также формы *огни́ва*, *огни́вце*): «Я тебе, Федор, огнивце положу да стёгнышко (на тарелку)» [Кушков 2008: 36]. Наша фиксация любопытна тем, что в значении проявлены семы, «работающие» на этимологию этого слова, для которого восстанавливается форма **obgъ(b)nivo* [ЭССЯ 27: 48] с мотивирующим значением сгибания¹. Контекстное сочетание *согнёт огнива*, быть может, является *figura etymologica*.

Текстовые иллюстрации, основанные на *figura etymologica*, подтверждают этимологические связи для еще одного слова — *брани́ца* (связанного с *братъ*, в данном случае ‘убирать = расчищать’): ‘место на берегу (на тоне), откуда убраны камни, чтоб пристать лодке’: «Берег у нас в камнях весь,

¹ Ср. также комментарий к гомогенному омониму — влг. *огни́во* ‘железное кольцо — грузило у невода’, ‘деталь конской сбруи: кольцо, через которое продевают повод оброти’ [КСГРС]: это слово Ж.Ж. Варбот сопоставляет с польск. *ogniwo* ‘звено цепи’ и чеш. *ohnivo* ‘кружок’ [Варбот 2012: 531].

камни большие и маленькие. Потрудились поморы, убрали камни, чтоб карбас пристал, — и такое место звали браница» (Кузрека); «Браницы были на берегу. Тут твоя браница, там моя. У каждого на тоне своя браница» (Кашкаранцы); «Камни убрали, вот и назвали браницей чистое место. Карбас как на берег тащить?» (Стрельна). Это слово фиксировалось и раньше: *брани́ца* арх., беломор. ‘пристань для небольших судов в морском заливе или бухте на Белом море’ [СРНГ 3: 149], беломор. ‘пристанище для маленьких судов в морском заливе’ [Околоков 2005: 370], беломор. ‘морская пристань для малых судов в заливе или бухте’ [Бадигин 1956: 321], терск. ‘деревянный помост, на который вытаскивают лодки’ [Мызников 2021: 55–56]. В двух случаях в дефиниции есть сема очищения (участка берега): арх. *брани́ца* ‘место для карбаса на берегу, расчищенное от камней’ [СГРС 1: 179], беломор. *брани́ца* ‘расчищенное место на лодочной пристани, куда выгружают груз или товар’ [Мосеев 2005: 41]. Но только в наших фиксациях 2021 г. этимологические связи эксплицированы в сознании носителей языка; ср., наоборот, затемнение этих связей в контексте к топонимической *Брани́це* (названии тони в Приморском районе Архангельской области): «Бранились, поди, вот и назвали Браница» [ТЭ].

К фактам русской архаики можно отнести еще два слова, которые, напротив, обнаруживают в языковом сознании носителей терских говоров новые (вторичные) мотивационные связи. Это гидрографические термины *ворону́ха* ‘быстрое течение в реке (как правило, на пороге)’: «На воронухе вода аж скачет, черная, как вороной конь» (Кашкаранцы), *воронéц* ‘перекат на реке’: «Воронцы есть, высоко вода падает, как с воронца» (Стрельна). В первом случае информант считает родственными слова *воронуха* и *вороной (конь)*; аналогично трактуется и название порога *Воронко́* (на реке Пижма в Лешуконском районе Архангельской области, ср. также название соседнего порога *Ры́жко*): «Волнами ходит, черный, вот и Воронко, а Рыжко быстрый», «Воронко и Рыжко — бурлящие пороги, быстрые, как кони» [ТЭ]. Во втором случае связываются омонимы — речной *воронец* и строительный, ср. терск. *воронéц* ‘балка под потолком, на которую опираются доски полатей’. И вновь мы замечаем, что народноэтимологическое осмысление речного термина встречается не единожды: терский контекст помогает увидеть аттракции и в контекстах из [СГРС 2: 181], ср. арх. «Подынет как на этот воронец, как подынет, так каких богов не вопим» (к арх. *воронéц* ‘высокая волна’), влг. «Как с воронца быстро сбегает вода, как быстро сбежит с порога вода, бухнешься» (к арх., влг. *воронéц* ‘речной перекат’). Вероятность подобных сближений поддерживается тем, что в гидрографической лексике фиксируются и другие метафоры из сферы крестьянского строительства: к примеру, только в терских говорах, кроме общенародного *порог*, отмечены *полáти* ‘вершина речного водопада’² и *печь* ‘яма на дне

² Ср. ворон. *полáти* ‘вершина бугра’ [СРНГ 29: 37], влг. *затацить на полáти* ‘завести рыболовную сеть между двумя слоями льда на озере’ [КСГРС].

реки»³. Но все-таки для *воронца*, как и для *воронухи*, указанные связи вторичны, ср. арх. *ворону́ха* ‘волнение в море от столкновения двух встречных течений в начале прилива’, ‘подводный риф, отмель, где сталкиваются два встречных течения, вызывая волнение на море’ [СРНГ 5: 117], которое комментируется в [Меркулова 1980: 103–104], где показано, что это слово того же корня, что *воронка*, но с характерным для северных говоров суф. -уха. Об аналогичной этимологии для речного *воронца* см. в [Галинова 2000: 32], где приводятся и другие дериваты корней со значением верчения, кручения в гидрографической лексике Русского Севера (главным образом обозначения водоворотов, перекаатов): *вертеп*, *вертиль*, *вертун*, *выворотень*, *заворот*, *завороть*, *завёртыш*, *изворот*, *обороть*, *кружало*, *крутаг*, *крутина*, *круговёрт(ь)*, *кувороть*, *курновороть* etc.

К фактам русской архаики можно отнести и терские слова с редкой словообразовательной структурой. Так, интересно слово *лёгорно*, *лёгурно*, отмеченное в предикативном употреблении (в вопросительных и восклицательных предложениях) в значениях ‘удобно’, ‘легко, не связано с тяжелыми последствиями’: «Легорно ли на диване тебе спать?» (Варзуга), «Легурно банки так закатывать, машинкой-то?» (Кашкаранцы), «Легорно тебе говорить-то! Делать никто не хочет!» (Чапома). Это слово отсутствует в источниках — кроме любительского словаря [Кушков 2008: 55]: *лёгорно* ‘слишком жирно будет, чересчур хорошо’: «Легорно не будет? — Коль не легорно!», *лёгорна*, *лёгорный* ‘слишком хороша (хороший) для этого’: «Ишь, коль не легорно!». Наиболее близкий факт — влг. *лёго* безл.-предикат. ‘свободно, приятно, легко’: «Бабам лёго: один (ребенок), и то не знают, куда деть» [СРГК 3: 104]. Кажется, перед нами слово с корнем *лег-*, родственное литературному *легкий*⁴. Что касается суффикса, то здесь есть проблемы. Известен довольно редкий суффикс -ор-, несущий функцию обозначения деятеля, инструмента > продукта и присоединяющийся к глагольным корням. В данном случае корень не является глагольным. Вероятно, у суффикса есть и другое значение; по крайней мере, для *легорно* и *легорный* можно усмотреть параллель в словах с корнем *лют-*: тамб. *лю́тор* ‘ястреб (в загадке)’, тул. *лю́торный* ‘противный, гадкий’ [СРНГ 17: 249]⁵.

Далее приведем лексические факты, которые требуют более глубоких этимологических разысканий: *куим* (будет прокомментирован особенно обстоятельно), *клёкодуй*, *ужма*, *спать без пафей*.

³ Ср. арх., влг. *печь* ‘то же’, арх., влг. *пéчка* ‘каменистая отмель на озере’ [КСГРС].

⁴ Праслав. **lbgъkъ(jь)* — собственно праславянское расширение с помощью суф. -k- унаследованной из и.-е. праязыка -й-основы **l_og^hhú-* [ЭССЯ 17: 78].

⁵ В терских говорах фиксируется еще одно образование от корня **lbg-* без суффикса -k-: *легостáй* ‘ленивый человек’ (**lbgostajь*), которое комментируется в [Варбот 1984: 59].

Два *куима*

Слово *куйм* означает в говорах Терского Беломорья пирушку вскладчину, как правило, небольшую (ср. также вариант *куймчик*): «Ну вот теплицу сделал, обмывали, собрали куим. Сели с друзьями-соседями, выпили, закусили» (Варзуга); «Куимчик сделаем! Праздник небольшой. Каждый чего принесет — кто рыбу, кто калиток, кто водочки» (Кашкаранцы); «Была сѣдня, скажет, у Марьи на куиме. Собрались свои, посидели, попраздничали» (Стрельна).

Перечислим фиксации в других источниках — весьма скупые. Все они относятся к говорам Беломорья и/или Архангельской области. «Современных» фиксаций три. В любительском словаре И. Мосеева «Поморьска говоря» записано *куйм* ‘общий стол, складчина из того, кто чего имеет из еды’: «Волоци на куим цего ли» [Мосеев 2005: 22]. Автор понимает Поморье весьма широко — и не указывает, в какой именно области или районе записано это слово. В словаре Н. Д. Кушкова *куйм* трактуется как «*складчина*, вечеринка с винопитием. Деньги на вино собирали со всей компании» [Кушков 2008: 46]. С. А. Мызников дает слово с географической пометой «Варзуга» и фиксирует без контекста: *куйм* ‘пирушка вскладчину’ [Мызников 2021: 223]. Что касается «старых» словарей, то слово отмечено только у А. Подвысоцкого: арх. кем., кол. *куйм* ‘угощение водкой мирского схода за согласие на приговор в желаемом духе. Это называется *пить куим*’ [Подвысоцкий 1885: 77].

В СРНГ другой смысловый акцент: арх. *куйм* ‘водка, которая преподносится сельскому сходу за удовлетворение какой-либо просьбы’ [СРНГ 16: 29]. Точно ли передана семантика слова? Судя по ссылке, подразумевается работа знаменитого этнографа П. С. Ефименко о народных юридических обычаях в Архангельской губернии, где слово *куим* включено автором в словарь «неудобопонятных местных слов». Вот цитата из этой работы:

Такая выпивка на сходе на Терском берегу называется *куим*. Кто берет от общества в оброчное содержание какую-либо статью: сенокос, озеро, реку и проч., тот должен дать обществу *куим* — полведра, ведро и более водки, смотря по составу общества и важности статьи; кто просит приговора от общества о дозволении открыть в селении питейное заведение или просит увольнительного или приемного приговора, тот также ставит *куим*, если тот, кого, как, например, сельского старосту или как волостного старшину, учитывает общество или десятидомные, даст *куим*, тогда всякая неправильно собранная или не записанная на приход денежная статья не считается неправильною [...] [Ефименко 2009: 186–187].

Думается, здесь имеется в виду водка не как напиток, а как «функция»: взнос индивида в «общий котел» в обмен на то решение относительно собственности, которое принял коллектив.

Интересно, что при описании *куима* П. С. Ефименко использует также его синоним — *липки*:

Тут сейчас и приговор составят, и весь учет продолжается, пока пьют *куим*. Но не дай *куима*, и правильную статью сочтут за неправильную (...); без *куима*, как в других случаях без *липок*, вы ничего не сделаете с мужичком: слова *куим* и *липки* — это какие-то магические слова, какой-то талисман, перед которым склоняется все и исполняется как бы по щучьему велению [Там же: 187].

Поможет ли это слово объяснить *куим* и есть ли еще лексические факты с подобным значением, которые могут служить мотивационными параллелями?

О популярности коллективных трапез и обилии их наименований в севернорусских говорах есть специальная работа К. В. Осиповой, где приводятся обозначения трапез, в числе которых *складіны*, *складіціна*, *братынно дело*, *пивá*, *саламáт*, *мáтица-саламáтица*, *догребáха*, *бородá* и др. [Осипова 2015]. Безусловно, важную роль в таких застольях играла выпивка, отсюда, к примеру, костр. *слéвки*: «Сойдутся, снесут кто чего, слевки делаем, празднуем. Сольемся в одну избу, в лагуны, кто чего принес, сольем»; «Раньше по деревням собирались, делали слевки. Уберутся на поле и кто что несет: самогонку, пиво» [Там же: 191]; в этом слове отражены представления и о «меню» праздника, и о формах участия в нем членов общины («слияние» вкладов в общую трапезу). В один ряд с ней хочется поставить и арх., олон., влг., влад., яросл., твер., новг., пск., костр., урал., сиб., смол., север., вост., иван.-вознес. *лі́тки* (реже *литкі́*) 'угощение (обычно с выпивкой), а также вино, водка, выпиваемые по поводу окончания работы, при подрядах, сделках, приобретении чего-либо' [СРНГ 17: 72], в котором видится образование от *лить* по продуктивной модели pluralia с суф. -к-, особенно если учесть факт участия этого слова в сочетании *пить литки*, ср. также арх. *пить запой* 'пировать у жениха после выкупа невесты', арх. *пить князевое* 'угощаться по поводу закрытия крыши верхним бревном (князем)', арх. *пить окладные* 'угощаться по поводу закладки первого венца дома', арх. *пить покопытное* 'угощать продавца при покупке лошади' и др. [Там же 27: 56]. Слово *куим* тоже вписывается в эту модель, ср. сочетание *пить куим* в процитированной выше работе П. С. Ефименко.

Очевидно, подобными соображениями относительно этимологии слова *литки* руководствовался С. А. Мызников, который включил это слово как мотивационную параллель в статью на *куим* 'пирушка вскладчину', предложив для последнего в качестве этимона коми *койны* 'лить, плескать' [РДЭС: 362]. Собственно коми версию прокомментируем чуть позже, а сейчас оценим релевантность межъязыковой мотивационной параллели *литки* // *куим*. Несмотря на то, что связь с *лить* для *литок* напрашивается (см. об этом также в [Осипова 2015: 191]), эта версия встречает некоторые формальные препятствия. Дело в том, что наряду с *литки* фиксируется форма *лі́пки* (арх., печор.) [Опыт 1852: 103; СРНГ 1: 305; Подвысоцкий 1885: 83; СРНГ 17: 55], см. также процитированный выше отрывок из ра-

боты П. С. Ефименко, не учтенный, к сожалению, в [СРНГ]. При этом форма *липки* присутствует как в старых, так и в современных записях и подтверждена контекстами, ср. печор. «Костюм купил, липки пить» [СРНГП 1: 305]. Более того, в идентичном *липкам* = *литкам* значении фиксируются формы *липочное* и *липунок*: «Поздравляй ребята, липочнова штоф ставлю» [Подвысоцкий 1885: 83], в которых звук *п* «обнажен» интервокальным положением. Разумеется, *п* может возникнуть вторично (к примеру, быть «наведенным» сочетанием слова *литки* с глаголом *пить*), но все же такое затемнение ясной внутренней формы внушает некоторые опасения по поводу релевантности этимологии от *лить*. Эти опасения оказываются небеспочвенными. Согласно версии М. Фасмера, развитой А. Ф. Журавлевым, перед нами германское заимствование, опосредованное западнославянскими языками, при этом в украинском языке есть формы *літкуп*, *литкуп*, более близкие к оригиналу: надо полагать, в таком виде слово проникло через польск. *litkup*, чешск. *litkup* ‘задаток, продажа в рассрочку; магарыч’ из ср.-в.-нем. *lît* ‘крепкий напиток, фруктовое вино’, *litkouf*, ср.-нж.-нем. *litkôp* ‘то же’ [Фасмер 2: 502–504; Журавлев 1994: 94]; далее произошло народноэтимологическое сближение с *лить* [Журавлев 1994: 94]. В нарисованной картине остаются невыясненными интересные детали: как появились в арх. и печор. говорах варианты с *п*, как образовалась в новгородских говорах форма *лит* [НОС: 510, 511], совпадающая со ср.-в.-нем. оригиналом (предположение о том, что перед нами прямое «ганзейское» заимствование, очень интересно, но не менее дерзко). Однако эти вопросы уводят в сторону. Нам важно констатировать, что слово *литки* все же не может быть мотивационной параллелью для *куима*, если видеть в его основе, согласно С. А. Мызникову, коми *койны* ‘лить’.

Коми версия недостаточно надежна и в ареальном плане: Архангельская область имеет огромную протяженность с запада на восток, но слово *куим* фиксируется не в зонах, примыкающих к Республике Коми (восточных), а в противоположных им (западных).

Для выработки этимологического решения целесообразно обратиться к омонимичному слову, которое на синхронном уровне никоим образом не связано с изучаемым *куимом*. Этот омоним — *куйм* арх., олон. ‘глухонемой человек’, арх., олон. ‘косноязычный человек’, арх., олон. ‘заика’, арх., пск. ‘о молчаливом человеке’, олон., влг. *куймый* ‘немой’ и др. [СРНГ 16: 29]. Со времени выхода 16-го тома [СРНГ] наши представления об этом слове несколько обогатились. Самый полный спектр значений лексемы *куим*, кажется, дан в [СГРС]: арх., влг. ‘немой человек (иногда — глухонемой)’, арх., влг. ‘человек с дефектами речи, который плохо, невнятно говорит’, арх. ‘ребенок, который долго не начинает говорить’, арх. ‘заика’, арх., влг. ‘молчун, неразговорчивый человек’, арх. ‘хитрый, скрытный человек’, арх. ‘глупый, слабоумный, недоразвитый человек’ [СГРС 6: 228]. Развитие значений, связанных со смежными сферами коммуникации, поведения, интеллекта, закономерно и пред-

сказуемо⁶, но отмечен также метафорический перенос: влг. *куйм* ‘птица (какая?)’: «Куимом птицу зовут: петь-то она не поёт, а только клювом по дереву или камню стучит, по ней и целовека немного куимом называли, на знаках только объясняется» [Там же]. Интерпретируя связь значений, информант, думается, переставил их местами: «птичья» семантика, фиксируемая единично, явно производна от «человеческой». Эту фиксацию поддерживает орнитологическая энциклопедия М. А. Мензбира, в которой слово *куим* дается в значении (к сожалению, не учтенном в [СРНГ]) ‘птица чернозобик, *Tringa alpina* L.’: «По Палласу, у охотников будто бы *куим*» [Мензбир 1900: 154]. Трудно говорить о том, совпадают ли в точности орнитологические значения: о вологодской птице мы не знаем ничего, кроме звуковой характеристики. По описанию чернозобика, он производит звуки, но не очень громкие. Это вполне подходит и вологодской птице по имени *куим*: понятно, что признак птичьей «немоты» может иметь не абсолютный, а относительный смысл (скажем, в орнитологической номенклатуре есть птица *немой лебедь*, которая издает более тихие звуки, чем лебедь «обычный», а в русской диалектной лексике фиксируется *вава́ка* калуж. ‘плохо поющий перепел’, тул. ‘косноязычный человек’ [СРНГ 4: 8]).

Кроме того, после выхода 16-го тома [СРНГ] подверглись некоторой корректировке и наши представления об ареале слова: добавились фиксации *куйм* ‘глухонемой человек, косноязычный человек’ (и родственных форм *куймый*, *куймко*, *куймать* etc.) в таких областях, как костр. [ЛКТЭ] и вят. [ОСВГ 5: 141]. Прозвище *Куим* и фамилия *Куимов* отмечены не только на Русском Севере [НИРС 1: 132; ТЭ], но и в Нижегородской области [РРБД: 259], Пермском крае [Полякова 2005: 229], в Свердловской области [ТЭ], в Тобольской губернии [Шишонко 1882: 287] и др.

Что касается этимологии *куима* в «человеческих» значениях, то по этому поводу предлагаются разные версии. Некоторые ономасты, заметив наличие прозвищ и фамилий от основы *куим* (а также отантропонимических ойконимов типа *Куимово*), склонны видеть здесь коми заимствование: так, А. С. Кривошекова-Гантман производит название прикамской деревни *Куимово* от коми-пермяцкого нецерковного имени *Куим*, что соответствует рус. *Третьяк* — ‘третий ребенок в семье’ [Кривошекова-Гантман 1983: 110]. Подобная версия относительно пермской фамилии *Куимов* приводится в [Полякова 1979: 32], а также в авторитетном словаре фамилий Б. О. Унбегауна: *Куимов* (без указания географии) < коми *куим* ‘три’ [Унбегаун 1983: 284]. В то же время в своей более поздней работе (2005) Е. Н. Полякова допускает возможность выведения пермской фамилии *Куимов* не только из коми источника, но и из рус. диал. *куим* ‘немой человек’ и др. [Полякова 2005: 229]. Упомянутая последней версия приводится

⁶ По наблюдениям М. В. Богачевой, взаимосвязанные семемы «немота», «дефекты речи» дают богатое семантическое развитие (эти наблюдения иллюстрируются как раз семантическим спектром слова *куим*) [Богачева 2009: 37].

как единственная для объяснения названия деревни *Куимиха* в Красноборском р-не Архангельской обл. [ИИК: 136], находящемся, кстати, не так далеко от территории Республики Коми. Однако, по данным картотеки [ТЭ], топонимы, образованные от антропонимов с основой *куим*, локализуются не только в зонах, где легко допустить коми влияние, но и весьма далеко от них, в западных районах Русского Севера (к примеру, Белозерский район Вологодской области, Приморский район Архангельской области). Разумеется, это весьма зыбкая аргументация, поскольку носители фамилий и прозвищ могли мигрировать. При этом ясно, что ресурсов коми версии не хватает для интерпретации всех ономастических фактов; не объясняет она и нарицательного *куим* в «немотном» значении.

С. А. Мызников чувствует в этом слове заимствование, однако не находит убедительного решения на финно-угорской почве (иной источник заимствования трудно предположить, учитывая географию слова): «Вряд ли следует сопоставлять с саам. *kilttiem*, *kīl̥xem* ‘немой’, ср. коми *kīv-ni-vom* ‘немой’, при коми *кыв* ‘язык’. Не относится сюда приб.-фин. гнездо, ср. фин. *kuuroi*, карел. *kuurneh*, вепс. *kurdiz* ‘глухой, плохо слышащий’, при их балтийской основе <...>. Не удовлетворяет также версия М. Фасмера, который сопоставляет с укр. *куяти* ‘медлить, мешкать’, *куя* ‘ворчун, брюзга» [РДЭС: 361–362]. Сопоставление с украинским словом допускается не только в [Фасмер 2: 403], но и в [ЕСУМ 3: 171–172], где приводится более полный ряд других славянских форм, являющихся предположительно родственными *куиму*. Однако последняя версия действительно выглядит слабой — в первую очередь в словообразовательном отношении. Возможность включения *куима* в гнездо **kujati* отвергает и О. Н. Трубачев в [ЭССЯ 13: 86].

В качестве альтернативы О. Н. Трубачев предлагает оригинальное и остроумное решение — в праслав. **kujьтъ* он усматривает «сложение местоименной приставки *ku-*⁷ и корня глагола **jьтъ*, **jeti*; учитывая экспрессивную и пейоративную функцию упомянутого префикса, можно допустить вероятное исходное значение сложения: ‘невнятный, плохопонятный’. В связи с этим целесообразно, пожалуй, вернуться к рассмотрению этимологии **něтъ*, предложенной в свое время Микколой: из **ne* + *еть/jьтъ*. В образованиях **kujьтъ* и **něтъ* второй член сложения был бы один и тот же в таком случае. Ср. и близость значений обоих слов» [Там же]. Данное решение повторяется и в статье **něтъjь*: в этом слове, таким образом, усматривается соединение *ne* и корня глагола **jьтъ*, **jeti* [Там же, 25: 101–102].

Если принять указанную версию, то получается, что *куим* помогает в этимологизации одного из концептуальнейших (ср. связи с этнонимом *немец* и проч.) славянских слов. Трубачевское решение относительно *куима* А. Ф. Журавлев называет блестящим, разбирая его в работе под названием

⁷ Об архаичной приставке *ко-//ка-//ку-* в ряду других (*ба-//бе-//бо-//бу-*, *ма-//ме-//мо-//му-*, *ха-//хе-//хо-//ху-*, *ша-//ше-//шо-//шу-* и т. п.) см., в частности, [Шарифуллин 1988; Петлева 1996; Бјелетих 2006].

«Интуиция этимолога» [Журавлев 2010]. Относительно этимологии *куима* А. Ф. Журавлев замечает следующее: «В качестве смысловой параллели (...) О. Н. Трубачев мобилизовал сев.-рус. *куим*, с тем же глагольным корнем. Некоторые сомнения привлеченное слово может рождать из-за трудноопределимой семантики префикса **ki-* (как и его вариантов **ka-*, **ko-*). Слова, имеющие его в своем составе, обычно относятся к экспрессивной лексике, но нелегко указать пример, где он нес бы значение собственно отрицания. В лучшем случае формулируется некий семантический момент ‘ущербности’, ср. орл. *куногий* ‘хромой’. При этих обстоятельствах для этимологии слова **нѣть*, которую реабилитировал О. Н. Трубачев, все же желательна подтверждающая параллель более прозрачного строения. Ее можно было обнаружить в рус. диал. (курган.) *нѣималь* ‘человек, который всего боится, ни с кем не общается’, примечательном для данного случая тем, что образовано на базе того же глагола **jьmъ*, **jѣti* (ср., с реализацией иных потенций актантной схемы исходного глагола, *нѣим*, *нѣим(а)* и *нѣималь*, *нѣймаль* ‘домашнее животное, которое не дает хозяину себя поймать’») [Там же: 9–10]⁸.

Логика нашей статьи подсказывает дополнение к представленной выше этимологии. Формулировка дополнения по кольцевой композиции возвращает нас к *куиму* в значении ‘пирушка вскладчину’. Это слово, по нашей

⁸ В «копилку» информации о «глухонемом» *куиме* стоит внести еще один факт: слово *бутоим* (реже *бутаим*, *бутуим*) ‘немой человек’, ‘нелюдимый, угрюмый человек’, которое пока, к сожалению, мало известно в литературе. Это слово автору данной статьи вместе с соратниками по Топонимической экспедиции Уральского университета удалось записать в Верховажском районе Вологодской области. Несмотря на то, что больше ни в каких источниках слово, кажется, не отмечено, наши фиксации достоверны (более 20 записей в разных деревнях), ср.: «Мой дедка со мной не разговаривал, бутаимом был, такой же человек как мы, а разговаривать не мог»; «Чего сидишь, как бутуим, ничего не бахвалишь»; «Бутоим неразговорчивый такой, низкоглядой, сидит, целый день в окошко глядит»; «Кто сердится друг на дружку и не заговорит, тот и бутаим» [СГРС 1: 229, 231–233]. Его подробно анализировала Т. В. Леонтьева, выдвинувшая два предположения: «Слово неясное, требующее специального рассмотрения, оценки возможности его интерпретации в вариантах *бут-а-им* (контаминация двух корней) и *бута-им* (сложение архаичного префикса *бу-*, инфикса *та-/то-/ту-* и корня *-им-*). В первом случае предполагается контаминация широко распространенной в русских говорах лексики *бутуз* (*бутус*, *бутыс*, *бутыш*, *бутас*) и диалектного слова *куим*, которые имеют значение ‘необщительный человек’, ср. перекрестные ссылки на эти лексики в речи информанта: “Бутоим-от, как куйм, разговаривать умеет, а ничего не разговаривает”; “Бутыс такой сердитый, ничего не говорит, бутоим”. Вторая интерпретация связана с сочетанием архаичной приставки *бу-* (...), инфикса *та-/то-/ту-* (...) и корня *-им-*» [Леонтьева 2010: 49]. Т. В. Леонтьева не отдает предпочтения ни одной из этих версий. А. Е. Аникин склоняется к первой и объясняет *бутоим* как «сложение *бут(о)-* в *бутас* и *им-* в *имать* или *иметь*» [Аникин РЭС 5: 214]; слово *бутас* (*бутус*, *бутуз* и проч.) объясняется как исконное (образование от *бутеть*) [Там же: 225–226].

версии, идентично «человеческому» *куиму* по морфемному составу, но реализует иные значения морфем. Значение корня в данном случае является не переносным, а прямым: *куим* — образование на основе корня глагола **jьmφ*, **jēti* ‘брать, собирать, ловить’ (эта семантика наиболее явно прослеживается у итеративно-дуративной формы **jьmati*, континуанты которой широко представлены в русских говорах, см. [ЭССЯ 8: 224–225]). Иначе говоря, *куим* — «то, что собирают»; эта внутренняя форма самым прозрачным образом соотносится со значением ‘пирушка вскладчину’. Что касается приставки, то точно определить семантику префикса *ki-* весьма трудно вследствие его экспрессивности и архаичности. Можно лишь предположить, что приставка здесь несет смысл преуменьшения, «уничуждения»: не настоящий пир, а небольшая пирушка (в случае «человеческого» *куима* у приставки наблюдается негативное значение отсутствия признака, см. выше комментарий А. Ф. Журавлева).

Яркая параллель для *куима* как пирушки — слова с приставками *су-* и *со-* со значением собирательности: *калуж.*, *нижегор.* *сѡйма* ‘крестьянская сходка’ [СРНГ 39: 228], *твер.*, *пск.*, *калин.*, *новг.*, *ленингр.*, *олон.*, *арх.*, *нижегор.*, *якут.*, *колым.*, *север.* *суѣм* ‘собрание, сходка, совещание о делах; мирской сход’ [Там же, 42: 180], *кольск.* *сѡйма* ‘мирской сход у лопарей’ [Подвысоцкий 1885: 167], *пск.* *суѣм* ‘собрание сельской общины, сход’ [СРНГ 42: 191]; при этом самое точное соответствие — без указ. м. *суѣм*, *соѣм* ‘сходка, собрание, мирской сход, народное сходбище для толку о делах; польск. *сейм*’ [Дальз 4: 626, 366]. Указанный В. И. Далем полонизм *сейм* тоже очень показателен: это слово заимствовано из польск. *sejm*, восходящего к **sъnъmъ* от **sъn-eti se* [Boryś 2005: 541]. Обратим внимание и на то, что слово *сѡйма* имеет ту же географию, что и *куим*: *кольское*⁹.

Думается, указанная реконструкция могла бы поддержать статью **куйѣтъ* в [ЭССЯ]. Отсутствие в ней значения ‘угощение водкой мирского схода за согласие на приговор в желаемом духе’ вызвано, по всей видимости, тем, что авторы словаря не увидели смысловые связи между двумя *куимами* — и это немудрено, поскольку формулировка значения, известная в то время, не содержит смысловых компонентов, выводящих на нужную в данном случае семантику собирания, которая со всей очевидностью представлена в слове, записанном на Терском берегу.

Последняя ремарка. В [СРНГ] в статье *куим* есть еще такая запись: «*Куим* [Знач.?). Сколько овинов, столько куимов. Олон. губ. вед., 1889» [СРНГ 16: 29]. Контекст «Сколько овинов, столько куимов» показался нам поначалу ярким подтверждением «распределительной» семантики *куима* (что-то вроде **куим* = взнос с каждого овина, т. е. хозяйства). Разумеется, захотелось проверить это. Разыскав нужный номер «Олонецких губернских

⁹ А. Подвысоцкий не поясняет, почему считает *суѣму* именно «лопарской» реальностью; думается, это значение он сформулировал, исходя из слишком узкого контекста, в котором услышал слово.

ведомостей» (1889. № 6. С. 62), мы убедились в том, что знак вопроса при значении этого слова поставлен ошибочно. Нужный контекст — фрагмент приговора дружки на свадьбе (текст записан в Большой Шалге, сельском приходе в Каргопольском уезде), в котором имелся в виду *куим* ‘немой человек’, о чем в контексте есть пометка, не учтенная при составлении [СРНГ]: «Ехал я путем-дорогой: сколько я видел пеньков, столько у молодых будет сынков; сколько елушек, столько дочушек; сколько овинов, столько куимов (немых), сколько зародов, столько уродов; сколько камушков, столько у молодой будет дружков (любowników), и при всем смехе горшок бросается за печку и разбивается вдребезги». Несмотря на то, что этот контекст подтверждает уже известную семантику «человеческого» *куима*, он важен для внесения ясности в распределение значений двух *куимов*, рассмотренных нами.

Клёкодуй

Слово *клёкодуй* имеет значение ‘здоровый крепкий мужчина’: «Такой клёкодуй был, а враз скрутило его!» (Стрельна); «Пётр клёкодуй такой, на лыжах у нас дольше всех ходил» (Варзуга); «Баушка слабая, рано померла, а дед-от клёкодуй» (Чапома). Это слово не отмечено ни в одном из известных нам словарей.

Вопрос о его происхождении можно решить, учитывая те разыскания, которые были проведены нами в связи с лексикой (русской, в некоторых случаях и инославянской), обозначающей жизненные силы человека [Березович 2021]. В этой интереснейшей лексической группе есть белорусское слово *клёк*, ср. литер. ‘здравый смысл, рассудок, разум’, ‘соки’ (*выцягваць апошні клёк* ‘тянуть последние соки’) [БРС 2: 197], диал. ‘селечный рассол’ [СПЗБ 2: 475], ‘костный мозг человека’ [ЧТС: 169], ‘жизненная сила в зерне, клейкость’ [КСЧ: 135], ‘жизненная сила человека’: «Нема клёку ў цебе, човечэ» [МДСГ 4: 234; СПЗБ 2: 475]. В [ЭСБМ 5: 58] для этого слова предлагается такое решение: контаминация на основе *крак* (ср. *кракавіна* ‘лягушачья икра’) и *клей*. Эта версия кажется натянутой в смысле словопроизводства. Более удачно решение О. Н. Трубачева о включении белорусского слова в гнездо праслав. **klekъ*, в котором представлен также рус. *клёк* смол. ‘рассол’, калуж. ‘густая клейкая жидкость’, сарат. ‘самое лучшее, отборное из чего-либо’ [ЭССЯ 9: 192]. В [Березович 2021: 178] предлагается добавить сюда и влад. *глёк* ‘сукровица, гной, слизь’, смол. *глёк* ‘селечный рассол’. Кроме того, мы попытались предложить разграничение различных фактов, собранных в [ЭССЯ] под заглавным словом **klekъ*: слова с семантикой насыщенной жидкости, сока и производную лексику со значением жизненных сил организма оставить в гнезде **klek-*¹⁰,

¹⁰ С. Л. Николаев сомневается (в формулировке «неясно»), связано ли смол., зап.-блр. *клёк* ‘селечный рассол’ и блр. *клёк* ‘сила, мощь’ [Николаев 1989: 194].

а обозначения палок и деревьев вывести из этого гнезда и включить в **klek*- ‘изогнутое’ [Березович 2021: 178–179].

Но атрибуция лексики из гнезда **klek*- и фонетически близких гнезд должна быть темой отдельного исследования, а сейчас нам важно показать, что терское слово *клёкодуй* нельзя отрывать от белорусского *клёк* ‘жизненные силы’, а также русских и белорусских обозначений различных концентрированных жидкостей. Это примечательное слово соединяет воедино семантику сил (не отмеченную ранее в русском языке) и соков, к которой отсылает компонент *-дуй* (в плане словообразования ср., к примеру, перм. *бардадуй* ‘глупый или прикидывающийся простачком человек’ [СРНГ 2: 112] при *барда*, обозначающем разные суррогатные жидкости [Там же: 111–112]).

Ужма

Слово *ужма* означает небольшую протоку между озерами: «Ужма из Бабозера идёт, из других озёр. Ужма из озера в озеро. Они узкие часто, но бывают и широкие. В ужме сеть можно поставить» (Варзуга); «Ужмы перекрываем, рыбу ловим. Вот, скажем, ставлю сеть в ужму между этими озёрами, между теми» (Варзуга); «Ужма тоненька из озера текот. У моря так не звали, это подальше, в озёрах» (Стрельна). Однократно записана уменьшительная форма *ужемка*: «Ужемку нашли, поставили сетку» (Стрельна). Слово зафиксировано только в селах на востоке Терского района. Ни в каких других источниках, кажется, не отмечено.

Семантически *ужма* коррелирует с географическим термином *салма*. Это слово многозначно и широко распространено в говорах Беломорья (и в ряде других зон на западе Русского Севера), оно подробно рассмотрено в [Мызников 2010: 285–288]. В говорах Терского берега *салма* имеет значения ‘пролив, протока’: «В Сосновке переезжают салму» [Меркурьев 1979: 127], ‘выход в море из залива, губы’: «Салма — простор в море открывается» [СРГК 5: 625]. Эти контексты говорят о связи *салмы* с морем: во втором контексте эта связь очевидна, а в первом подразумевается, поскольку Сосновка — село на морском берегу. О привязке *салмы* к морской терминологии говорит и контекст, записанный в соседнем Кандалакшском районе: «Меж островом и матерой салма называлась» [Меркурьев 1979: 76]; ср. также толкование *салмы* у А. Подвысоцкого: «Так называются проливы в Белом море между материком и островами или же между остро-

При этом к гнезду *клёк* он относит также смол. *лёк*, блр. *полоцк. лёк* ‘селедочный рассол’, ‘вода, подслащенная медом’, но предлагает отделять от *клёк* ‘лягушачья икра’, ‘густая клейкая жидкость’ < **къл(j)ькъ*, ср. **кълѣъ* (иначе у М. Фасмера) [Там же]. Нам кажется, что семантика насыщенной жидкости, в том числе сукровицы, вполне гармонично сочетается со значением жизненной силы (см. хотя бы образ крови, «соков» как носителей человеческой энергии).

вами» [Подвысоцкий 1885: 152]. Таким образом, *ужма*, как и *салма*, протоки, но *салма* явно шире (ее можно переплыть на лодке); *ужма* течет между озерами и не связана, в отличие от *салмы*, с морской гидрографией.

Несмотря на то, что многие географические термины Кольского Поморья имеют финно-угорское происхождение, для *ужмы* подобные генетические связи, кажется, не просматриваются.

Этимологизируя это слово, хочется воспользоваться тем же приемом, который применен по отношению к *куиму*: привлечь гомогенный омоним, реализующий иную словообразовательную модель. Это алт. *ужма* ‘о скупом человеке’ [СРНГ 46: 343], для которого можно уверенно предполагать связь с *жать*, *жму* («тот, кто “зажимает” деньги, имущество»). Эта уверенность базируется на том, что многие обозначения скупых людей производны от данного глагола, ср. литер. *прижимистый*, простореч. *жмот*, яросл. *жемóк*, твер., калин., новг. *жмётень*, новосиб. *жмон*, влг. *жму́ля*, новг. *жмя́тина*, пск. *жмырь*, перм. *зажименький*, твер., самар. *нажимистый* etc. [Едалина 2016: 69–70]. Приставка *у-* тоже участвует в образовании лексики скупости, ср. свердл. *ужím*, пенз. *ужíма*, яросл. *ужимáло* ‘о скупом человеке’, новосиб. *ужимáться деньгами* ‘быть скупым, жадным до денег’ и др. [СРНГ 46: 335–336]. О возможности словообразовательной связи *ужмы* (названия протоки) с *жать* говорит и уменьшительная форма *ужемка* (хотя этот аргумент, разумеется, не является абсолютным).

С точки зрения семантики предлагаемое решение тоже вполне релевантно. *Ужма* — место, где поток воды «ужимается», попадая из широкого озерного русла в узкое проточное. Дериваты *жать* встречаются в географической терминологии: арх. *зажím* ‘тесное место, дорога в лесной чаще’ [Там же, 10: 86], *прижím* терск., алт. ‘напор воды на берег реки’, алт., новосиб., рус. коми ‘скалистый участок берега, в котором бьет река при крутом повороте, сужение на реке с быстрым течением (где обычно прижимает к берегу плоты)’, вост.-сиб. ‘узкое место в ущелье, где дорога у реки прижимается к скалам’ [Там же, 31: 207], новг. *выжимáть* ‘сочиться (о воде)’: «Родничок не роет, а выжимает маненько» [Там же, 5: 279], влг. *нажím* ‘часть речного берега, ограниченная рекой, дорогой или пашней’ [Там же, 19: 270], олон. *нажóm* ‘низкое место’, ‘вода, собирающаяся от нагнетания или просачивающаяся на поверхность земли’ [Там же: 272] и др. Подобные формы встречаются и в топонимии, ср., к примеру, название участка берега *Большой Прижím* в Мезенском р-не Архангельской обл. [ТЭ].

Наконец, в качестве семантической и словообразовательной параллели можно привести смол. *на́жма* ‘скопление чего-либо, какой-либо массы от давления’: «Теплынь пошла ⟨...⟩, под снегом стала *нажма*. *Нажма* воды» [СРНГ 19: 272].

Встает непростой вопрос: можно ли учесть это решение при объяснении некоторых географических названий. Так, в Карелии (бассейн Кеми) есть порог *У́жма*, рядом бывшая деревня *Подужемье*: «Мы прибыли в

Подужемье поздним вечером, долго задержанные перетаскиванием карбаса у порогов Вотчишь и Ужма» [Мызников 2021: 520]; на крайнем западе Архангельской области фиксируется *Ужмозеро* [Там же: 316] и др. Было бы заманчиво проэтимологизировать эти названия так же, как термин *ужма*, но здесь возникают сомнения: так, по сообщению И. И. Муллонен, недалеко от порога *Ужма* течет река *Ужманга*, а у *Ужмозера* есть вариант *Ужмасозеро*, что, конечно, настраивает на поиск финно-угорской этимологии для упомянутых топонимов (вкуче с такими факторами, как структура *Ужмозера*, типичная для полукалек, и обилие прибалтийско-финских озерных топонимов вокруг этого названия и обозначения порога *Ужма*).

Спать без пафей

Выражение *спать (дряхнуть) без пафей* синонимично разговорному *спать без задних ног*: «По лесу ходил весь день, вот и спал без пафей, а иной раз совсем не уснёт. Без пафей — без всякой мысли, беспокойства — упал и пропал» (Стрельна); «Без пафей раньше спала, наработаюсь, а стара стала — и не усну» (Кашкаранцы); «Давно на работу пора, а они дрыхнут без пафей, лоботрясы-то» (Варзуга). Это выражение не отмечено ни в каких источниках, кроме словаря Н. Д. Кушкова, ср. *спать без пафей* ‘спать без заботы’: «Всю ночь где-то гуляют, а утром спят без пафей» [Кушков 2008: 17].

Наши попытки «вытащить» в ходе бесед с информантами слово **пафи* из этого сочетания были тщетны. Кажется, словари не фиксируют указанную лексему (или что-то похожее на нее) в самостоятельном употреблении. Интерпретация тормозилась тем, что анализируемое выражение виделось не только смысловым, но и структурным аналогом идиомы *спать без задних ног*. Остроумное решение нашла выпускница нашей кафедры русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации К. С. Чиканцева, которая предложила использовать другой аналог — *мертвецки спать, спать мертвым сном*, т. е. не издавая никаких звуков. Тогда **пафи* — звукоподражательное слово, воспроизводящее «сонные звуки», причем звукоизобразительность достигается сочетанием глухого губного взрывного *п* и глухого щелевого губно-зубного *ф*. Именно к сочетанию *п* и *ф* часто прибегают, желая «нарисовать» фонетически процесс сна. Таким образом, слово **пафи* встает в ряд других способов звукового опредмечивания сна в форме междометных слов, ср., к примеру, перм. *хұры-хұры* ‘звуки, издаваемые человеком при храпе’: «Хуры-хары храпит, крепко спит» [СРНГ 52: 233], рус. карел. *делать бұры* ‘говорить во сне’: «А утром проснулась она и говорит: Ты что ночью буры делала?» [СРГК 1: 143], волгогр. *давить (душить) хоря* ‘храпеть во сне’ [БСРП: 719] и др.

Еще одна версия была предложена в ходе редакционного обсуждения настоящей статьи. Учитывая мену *х//ф* в русской диалектной фонетике

(и неисконность *ф*), можно думать, что форма **пафи* вторична, а первична **пахи*. В этом случае стоит допустить принадлежность варианта с *х* обширному гнезду праслав. **раха/*рахъ/*раху*, *ъве* (о нем см. в [ЭССЯ 40: 189–194]). В русском литературном языке сюда относится *пах* ‘место между бедрами в нижней части живота, а также углубление между нижней частью живота и бедром’, ср. также др.-русс. и ст.-русс. *пахъ* ‘внутренняя сторона лягвей, которой она соединяется с нижней частью брюха’ [Там же: 190]. Тогда мы должны допустить, что слово *пахи* > *пафи* имеет соматический смысл, а выражение *спать без пафей* по своей образности все же аналогично выражению *спать без (задних) ног*.

Наконец, позволим себе задаться вопросом: если первична форма с *пах-*, то, быть может, перед нами слово из гнезда **рахати (sę)*, для которого восстанавливается исходное значение ‘дуть, веять’ [Там же: 203–205]? В таком случае исходный смысл выражения — «бездыханно» (спать). Но эта версия словообразовательно неясна.

* * *

Наши заметки показывают, что полевые разыскания в Терском Беломорье следует продолжать. Важно вести не только собственно полевой сбор, но и, как указывалось выше, проверку многочисленных любительских словарей, списков слов в трудах мореплавателей, этнографов и др. Так, при всех наших усилиях нам не удалось пока подтвердить таинственное слово *сѡмпара*, о котором в любительском словаре Н. Д. Кушкова есть такая запись: «*Сѡмпара*. Грязная или темная вода сравнивается с сомпарой. Происхождение сравнения неясно. Обычно речь идет о мытье пола или стирке’: “Смени воду, вода-то одна сомпара”» [Кушков 2011: 84]. Эта и другие загадки должны быть разгаданы!

Сокращения в обозначениях языков и диалектов

- алт. — алтайские говоры русского языка
- арх. — архангельские говоры русского языка
- арх. кем. — говоры Кемского уезда Архангельской губернии
- арх. кол. — говоры Кольского уезда Архангельской губернии
- беломор. — беломорские говоры русского языка
- блр. — белорусский язык
- блр. полоцк. — полоцкие говоры белорусского языка
- вепс. — вепсский язык
- влад. — владимирские говоры русского языка
- влг. — вологодские говоры русского языка
- волгогр. — волгоградские говоры русского языка
- ворон. — воронежские говоры русского языка
- вост. — восточные говоры русского языка

вост.-сиб. — восточносибирские говоры русского языка
вят. — вятские говоры русского языка
др.-русс. — древнерусский язык
зап.-блр. — западные говоры белорусского языка
иван.-вознес. — говоры Ивановско-Вознесенской губернии
калин. — говоры Калининской области
калуж. — калужские говоры русского языка
карел. — карельский язык
колым. — колымские говоры русского языка
кольск. — кольские говоры русского языка
коми — коми-зырянский язык
костр. — костромские говоры русского языка
курган. — курганские говоры русского языка
ленингр. — ленинградские говоры русского языка
нижегор. — нижегородские говоры русского языка
новг. — новгородские говоры русского языка
новосиб. — новосибирские говоры русского языка
олон. — олонечские говоры русского языка
орл. — орловские говоры русского языка
пенз. — пензенские говоры русского языка
перм. — пермские говоры русского языка
печор. — печорские говоры русского языка
польск. — польский язык
праслав. — праславянский язык
приб.-фин. — прибалтийско-финские языки
пск. — псковские говоры русского языка
рус. — русский язык
рус. карел. — русские говоры Республики Карелия
рус. коми — русские говоры Республики Коми
саам. — саамский язык
сарат. — саратовские говоры русского языка
свердл. — свердловские говоры русского языка
север. — северные говоры русского языка
сев.-рус. — севернорусские говоры
сиб. — сибирские говоры русского языка
смол. — смоленские говоры русского языка
ср.-в.-нем. — средневерхненемецкий язык
ср.-нж.-нем. — средненижненемецкий язык
ст.-русс. — старорусский язык
твер. — тверские говоры русского языка
терск. — терские говоры русского языка
тул. — тульские говоры русского языка
укр. — украинский язык
урал. — уральские говоры русского языка
фин. — финский язык
чешск. — чешский язык
якут. — русские говоры Республики Якутия
яросл. — ярославские говоры русского языка

Источники и словари

- Аникин РЭС — А. Е. А н и к и н. Русский этимологический словарь. М., 2007—. Вып. 1—.
- Бадигин 1956 — К. С. Б а д и г и н. По студенным морям. М., 1956.
- БРС — Беларуска-рускі слоўнік: У 3 т. Мінск, 2003.
- БСРП — В. М. М о к и е н к о, Т. Г. Н и к и т и н а. Большой словарь русских поговорок. М., 2013.
- Дальз — В. И. Д а л ь. Толковый словарь живого великорусского языка. 3-е изд. СПб.; М., 1903–1909. Т. I–IV.
- ЕСУМ — Етимологічний словник української мови: У 7 т. / Голов. ред. О. С. Мельничук. Київ, 1982–2012.
- КСЧ — Краёвы слоўнік Чэрвеншчыны / Улаж. М. Шатэрнік; пад рэд. М. Я. Байкова і Б. І. Эпімаха-Шыпілы. Менск, 1929.
- КСГРС — картотека Словаря говоров Русского Севера (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- Кушков 2008 — Н. Д. К у ш к о в. Поморы говорят: Словарь поморской лексики. Варзуга [Мурм. обл.; Апатиты], 2008.
- Кушков 2011 — Н. Д. К у ш к о в. Поморский говор. Пословицы, поговорки, присказки, лексика. Варзуга [Мурманская обл.], 2011.
- ЛКТЭ — лексическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).
- МДСГ 4 — В. І. М я д з в е д з е в а, Л. В. Ц э х а н о в і ч и др. Матэрыялы для дыялектнага слоўніка Гомельшчыны // Беларуская мова і мовазнаўства. Мінск, 1976. Вып. 4. С. 134–272.
- Меркурьев 1979 — И. С. М е р к у р ь е в. Живая речь кольских поморов. Мурманск, 1979.
- Мосеев 2005 — И. И. М о с е е в. Поморська говора: Краткий словарь поморского языка. Архангельск, 2005.
- Мызников 2010 — С. А. М ы з н и к о в. Русские говоры Беломорья: материалы для словаря. СПб., 2010.
- НОС — Новгородский областной словарь / Изд. подгот. А. Н. Левичкин, С. А. Мызников. СПб., 2010.
- Окороков 2005 — А. В. О к о р о к о в. Словарь терминов, употребляемых беломорскими рыбопромышленниками и судостроителями // Э. Л. Базарова и др. Культура русских поморов: опыт системного исследования / Под общ. ред. П. Ю. Черновитова. М., 2005. С. 369–392.
- Опыт 1852 — Опыт областного великорусского словаря, изданный Вторым отделением Императорской академии наук / Ред. А. Х. Востоков. СПб., 1852.
- ОСВГ — Областной словарь вятских говоров: В 12 вып. / Под ред. В. Г. Долгушева, З. В. Сметаниной. Киров, 1996–2018.
- Подвысоцкий 1885 — А. И. П о д в ы с о ц к и й. Словарь областного архангельского наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1885.
- Полякова 2005 — Е. Н. П о л ь к о в а. Словарь пермских фамилий (XVI–XVIII века). Пермь, 2005.
- РДЭС — С. А. М ы з н и к о в. Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов. М.; СПб., 2019.

Романова 2019 — Г. Я. Романова. Объяснительный словарь старинных русских мер. М., 2019.

РРБД — «Речи родимой бескрайняя даль...». Говоры Нижегородского Окско-Волжско-Сурского междуречья: хрестоматия / Сост.: Л. А. Климова и др.; науч. ред. Л. А. Климова. Арзамас, 2009.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера / Под ред. А. К. Матвеева, М. Э. Рут. Екатеринбург, 2001—. Т. 1—.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча: У 5 т. Мінск, 1978–1986.

СРГК — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей: В 6 т. / Гл. ред. А. С. Герд. СПб., 1994–2005.

СРГНП — Словарь русских говоров Низовой Печоры: В 2 т. / Под ред. Л. А. Ивашко. СПб., 2003–2005.

СРНГ — Словарь русских народных говоров / Гл. ред. Ф. П. Филин, Ф. П. Сороколетов, С. А. Мызников. М.; Л.; СПб., 1965—. Вып. 1—.

ТЭ — топонимическая картотека Топонимической экспедиции Уральского университета (кафедра русского языка, общего языкознания и речевой коммуникации УрФУ, Екатеринбург).

Унбегаун 1983 — Б. О. Унбегаун. Русские фамилии: Пер. с англ. / Общ. ред. Б. А. Успенского. М, 1983.

Фасмер 1–4 — М. Фасмер. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. / Пер. с нем. и доп. О. Н. Трубачева. М., 1964–1973.

ЧТС — Чалавек: Тэматычны слоўнік. Мінск, 2006.

Шишонко 1882 — В. Н. Шишонко. Пермская летопись с 1263–1881 г. Второй период: с 1613–1645 гг. / Сост. чл. разных учен. о-в, директор нар. училищ Перм. губ. Василий Шишонко. Пермь, 1882.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы / Ред. Г. А. Цыхун. Мінск, 1978—. Т. 1—.

ЭССЯ — Этимологический словарь славянских языков: праславянский лексический фонд / Под ред. О. Н. Трубачева, А. Ф. Журавлева, Ж. Ж. Варбот. М., 1974—. Вып. 1—.

Boryś 2005 — W. Boryś. Słownik etymologiczny języka polskiego. Kraków, 2005.

Л и т е р а т у р а

Березович 2021 — Е. Л. Березович. К этимологии русской лексики со значением жизненных сил // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности: Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована / [Ред.: А. А. Пичхадзе и др.]. М.; СПб.: Нестор-История, 2021. С. 169–188.

Бјелетић 2006 — М. Бјелетић. Исковрнути глаголи: Типови ескпресивних превербалних форманата (на српском и хрватском језичком материјалу). Београд: Институт за српски језик САНУ, 2006.

Богачева 2009 — М. В. Богачева. Отпрзвищные ойконимы как источник аксиологической информации // Этнолингвистика. Ономастика. Этимология: материалы международной научной конференции. Екатеринбург, 8–12 сентября 2009 г. / [Под ред. Е. Л. Березович]. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2009. С. 35–37.

Варбот 1984 — Ж. Ж. В а р б о т. Праславянская морфология, словообразование и этимология. М.: Наука, 1984.

Варбот 2012 — Ж. Ж. В а р б о т. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-История, 2012.

Галинова 2000 — Н. В. Г а л и н о в а. Этимолого-словообразовательные гнезда праславянских корней со значениями ‘гнуть’, ‘вертеть’, ‘вить’ в говорах Русского Севера. Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2000.

Едалина 2016 — А. А. Е д а л и н а. Семантико-мотивационная организация лексического множества «Качества человека по отношению к собственности» (на материале русских народных говоров). Дис. ... канд. филол. наук. Екатеринбург, 2016.

Ефименко 1869 — П. С. Е ф и м е н к о. Сборник народных юридических обычаев Архангельской губернии // Труды Архангельского губернского статистического комитета за 1867 и 1868 гг. Архангельск, 869. Вып. 3. С. 1—301 [С. 283—301 — словарь местных слов (около 100 слов)].

Ефименко 2009 — П. С. Е ф и м е н к о. Народные юридические обычаи крестьян Архангельской губернии. М.: ОГИ, 2009.

Журавлев 1994 — А. Ф. Ж у р а в л е в. Домашний скот в поверьях и магии восточных славян. Этнографические и этнолингвистические очерки. М.: Индрик, 1994.

Журавлев 2010 — А. Ф. Ж у р а в л е в. Интуиция этимолога // Этимология 2006–2008 / Отв. ред. Ж. Ж. Варбот. М.: Наука, 2010. С. 3–23.

ИИК — А. В. К у з н е ц о в, В. В. К о п ы т к о в. Исторический именослов Красноборья. Происхождение фамилий, названий деревень, рек, озер и островов. М.: Свѣточъ, 2019.

Кривошекова-Гантман 1983 — А. С. К р и в о ш е к о в а - Г а н т м а н. Географические названия Верхнего Прикамья (С кратким топонимическим словарем). Пермь: Пермское книжное издательство, 1983.

Леонтьева 2010 — Т. В. Л е о н т ь е в а. Русская народная лексика, характеризующая человека по склонности к общению: общение через призму речевого поведения // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия «Языкознание». 2010. № 2 (12). С. 48–55.

Мензбир 1900 — М. А. М е н з б и р. Охотничьи и промысловые птицы Европейской России и Кавказа. Т. 1. М., 1900.

Меркулова 1980 — В. А. М е р к у л о в а. Русские этимологии. IV // Этимология. 1978 / Под ред. Ж. Ж. Варбот и др. М.: Наука, 1980. С. 94–106.

Мызников 2021 — С. А. М ы з н и к о в. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия: опыт комплексного исследования. М.; СПб.: Нестор-История, 2021.

Николаев 1989 — С. Л. Н и к о л а е в. Следы особенностей восточнославянских племенных диалектов в современных великорусских говорах. 1. Кривичи (окончание) // Балто-славянские исследования. 1987. М.: Наука, 1989. С. 187–224.

НИРС 1 — Народный именослов Русского Севера XV–XVII веков: происхождение имен (прозвищ), отчеств, названий деревень: В 2 т. / Сост. А. В. Кузнецов. Т. 1: А–М. Вологда: ВОУНБ, 2020.

Осипова 2015 — К. В. О с и п о в а. Коллективные трапезы как воплощение ценностей крестьянского общежития (на материале диалектной лексики Русского Севера) // Категория оценки и система ценностей в языке и культуре / Отв. ред. С. М. Толстая. М., 2015. С. 187–202. (Библиотека Института славяноведения РАН; 18).

Петлева 1996 — И. П. П е т л е в а. Архаические префиксы в русских говорах // Этимологические исследования. Вып. 6: Материалы I–II научных совещаний по русской диалектной этимологии, Екатеринбург, 10–12 окт. 1991 г., 17–19 апр. 1996 г. Екатеринбург: Урал. ун-т, 1996. С. 31–38.

Полякова 1979 — Е. Н. П о л я к о в а. О связях фамилий и имен нарицательных в XVII в. (по материалам деловой письменности Прикамья) // Вопросы ономастики. Свердловск, 1979. Вып. 13. С. 29–37.

Шарифуллин 1988 — Б. Я. Ш а р и ф у л л и н. Об архаичных элементах словообразовательной системы (типы архаичных префиксов) // Вопросы слово- и формообразования в индоевропейских языках. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1988. С. 90–99.

Статья получена 13.01.2022

Elena L. Berezovich

Ural Federal University
(Ekaterinburg, Russia)
berezovich@yandex.ru

ETYMOLOGICAL NOTES IN THE MARGIN OF AN EXPEDITON NOTEBOOK: NATIVE RUSSIAN VOCABULARY IN THE DIALECTS OF THE WHITE SEA TERSKY COAST

The article deals with Russian dialectal lexical items that are native by origin and that were collected by the Ural University Toponymic expedition in villages of the White Sea Tersky coast in 2021. Some of these words have not been recorded (and therefore etymologized) previously. Other words have been noted elsewhere; but the field collection of material made it possible to discover significant nuances in historical lexicography, motivation, and etymology. The most detailed analysis is given to the following words: 1. *kuim*, *kuimchik* ‘a potluck party’ (regarded as based on the root of the Proto-Slavic verb **ъѣмѣ*, **jeti* ‘to take, to collect’ with the expressive prefix *ku-*); 2. *kl’okodui* ‘a healthy and robust man’ (traced to Proto-Slavic **klek-*: the family of the latter contains words with the meaning ‘vital force’ and names of various concentrated liquids); 3. *úzhma* ‘a small stream between lakes’ (explained as deriving from the verb *zhat* ‘to squeeze’); 4. **pafi* that is part of the expression *spat*’ (*drykhnut*) *bez paféi* ‘to sleep soundly’: the author suggests several explanations for this word, one of which is the onomatopoeic representation of sounds made by a sleeping person. A less detailed analysis is offered for the words *luk* ‘a meadow plot for one owner’, *ognívo* ‘a folded wing of a bird’, *branítsa* ‘a place on the shore from which stones have been removed for a boat to land’, *voronúkha* ‘a strong current in a river (usually on a rapid)’ and *voronéts* ‘a river shoal’, *légorno*, *légurno* ‘comfortably; easily, without harmful consequences’.

Keywords: etymology, semantic-motivational reconstruction, Russian dialectology, vocabulary, field linguistics, Russian North, the White Sea region.

References

Berezovich, E. L. (2021). K etimologii russkoi leksiki so znacheniem zhiznennykh sil. In A. A. Pichkhadze et al. (Eds.), *Slova, konstruksii i teksty v istorii russkoi pis'men-*

nosti: *Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 169–188). Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Bjeletich, M. (2006). *Iskovrnuti glagoli: Tipovi eskpresivnihk preverbalnihk formata (na srpskom i khrvatskom jezichkom materijalu)*. Belgrade: Institut za srpski jezik SANU. (In Serbian).

Bogacheva, M. V. (2009). Otprozvishchnye oikonimy kak istochnik aksiologicheskoi informatsii. In E. L. Berezovich (Ed.), *Etnolingvistika. Onomastika. Etimologiya: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ekaterinburg, 8–12 sentiabria 2009 g.)* (pp. 35–37). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.

Edalina, A. A. (2016). *Semantiko-motivatsionnaia organizatsiia leksicheskogo mnozhestva «Kachestva cheloveka po otnosheniiu k sobstvennosti» (na materiale russkikh narodnykh govorov)* (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

Efimenko, P. S. (2009). *Narodnye yuridicheskie obychai krest'ian Arkhangel'skoi gubernii*. Moscow: OGI.

Galinova, N. V. (2000). *Etimologo-slovoobrazovatel'nye gnezda praslavianskikh kornei so znacheniiami 'gnut', 'vertet', 'vit' v govorakh Russkogo Severa* (Doctoral dissertation). Ural State University, Ekaterinburg.

Krivoshchekova-Gantman, A. S. (1983). *Geograficheskie nazvaniia Verkhnego Prikam'ia (S kratkim toponimicheskim slovarom)*. Perm: Permskoe knizhnoe izdatel'stvo.

Kuznetsov, A. V. (Ed.). (2020). *Narodnyi imenoslov Russkogo Severa XV–XVII vekov: proiskhozhdenie imen (prozvishch), otchestv, nazvanii dereven'* (Vols. 1). Vologda: VOUNB.

Kuznetsov, A. V., & Kopytkov, V. V. (2019). *Istoricheskii imenoslov Krasnobor'ia. Proiskhozhdenie familii, nazvanii dereven', rek, ozer i ostrovov*. Moscow: Svetoch.

Leont'eva, T. V. (2010). Russkaia narodnaia leksika, kharakterizuiushchaia cheloveka po sklonnosti k obshcheniiu: obshchenie cherez prizmu rechevogo povedeniia. *Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya «Yazykoznanie»*, 2(12), 48–55.

Merkulova, V. A. (1980). Russkie etimologii. IV. In Zh. Zh. Varbot et al. (Eds.), *Etimologiya*. 1978 (pp. 94–106). Moscow: Nauka.

Myznikov, S. A. (2021). *Russkie govory Belomor'ia v kontekste etnoiazykovogo vzaimodeistviia: opyt kompleksnogo issledovaniia*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Nikolaev, S. L. (1989). Sledy osobennosti vostochnoslavianskikh plemennykh dialektov v sovremennykh velikorusskikh govorakh. 1. Krivichi (okonchanie). In Viach. Vs. Ivanov (Ed.), *Balto-slavianskie issledovaniia*. 1987 (pp. 187–224). Moscow: Nauka.

Osipova, K. V. (2015). Kollektivnye trapezy kak voploshchenie tsennosti krest'ianskogo obshchezhitia (na materiale dialektnoi leksiki Russkogo Severa). In S. M. Tolstaia (Ed.), *Kategoriia otsenki i sistema tsennosti v yazyke i kul'ture* (pp. 187–202). Moscow: Indrik.

Petleva, I. P. (1996). Arkhaicheskie prefixy v russkikh govorakh. In A. K. Matveev (Ed.), *Etimologicheskie issledovaniia. Vyp. 6: Materialy I–II nauchnykh soveshchanii po russkoi dialektnoi etimologii (Ekaterinburg, 10–12 okt. 1991 g., 17–19 apr. 1996 g.)* (pp. 31–38). Ekaterinburg: Ural. un-t.

Poliakova, E. N. (1979). O svyaziakh familii i imen naritsatel'nykh v XVII v. (po materialam delovoi pis'mennosti Prikam'ia). *Voprosy onomastiki*, 13, 29–37.

Sharifullin, B. Ya. (1988). Ob arkhainnykh elementakh slovoobrazovatel'noi sistemy (typy arkhainnykh prefiksov). In G. M. Shatrov (Ed.), *Voprosy slovo- i formoobrazovaniia v indoevropskikh yazykakh* (pp. 90–99). Tomsk: Izd-vo Tomsk. un-ta.

Varbot, Zh. Zh. (1984). *Praslavianskaia morfonologiiia, slovoobrazovanie i etimologiiia*. Moscow: Nauka.

Varbot, Zh. Zh. (2012). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Zhuravlev, A. F. (1994). *Domashnii skot v pover'iakh i magii vostochnykh slavian. Etnograficheskie i etnolingvisticheskie ocherki*. Moscow: Indrik.

Zhuravlev, A. F. (2010). Intuitsiia etimologa. In Zh. Zh. Varbot (Ed.), *Etimologiiia 2006–2008* (pp. 3–23). Moscow: Nauka.

Received on January 13, 2022

А. Ф. ЖУРАВЛЁВ

Институт славяноведения РАН
Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
(Москва, Россия)
afzhuravlev@yandex.ru

НАБИТЫЙ ДУРАК (К ПРОИСХОЖДЕНИЮ ИДИОМЫ)

Известно несколько попыток объяснить происхождение распространенного фразеологического выражения *набитый дурак* (имеющего аналогии за пределами русского языка), однако для современного носителя языка идиома остаётся непрозрачной. По мнению автора, удовлетворительное её истолкование возможно с привлечением диалектных паремий вроде воронеж. *У людей дураки в натруску, а наши в набивку*. Лексический и фразеологический диалектный материал, строящийся на близких ассоциациях, оказывается достаточно богатым.

Ключевые слова: паремиология, диалектная идиоматика, семантика, истолкование

Чужи дураки — загляденье каки, а наши...
[Даль, Пословицы II: 150]

Параллели русскому фразеологизму *набитый дурак* / *набитая дура* (*дурочка* [Архангельский словарь 12: 369]) известны другим восточнославянским языкам: белор. *набіты дурань* [БРС 1: 710; Носович: 298; Народная лексика: 14]; укр. *набитий дурень* [СУМ II: 438; ФСУМ 1: 237].

В авторской литературе выражения *набитый дурак* и *набитая дура* регистрируются со 2-й пол. XVIII в. [СлРЯ XVIII в. 13: 125], в комедии Л. Т. (Луки Татищева-Шубского?) «Свадьба господина Промоталова» (1774), в записках Д. Фонвизина «Чистосердечное признание в делах моих и помышлениях» (1780-е гг.?) и его журнале «Друг честных людей, или Стародум» (1788).

Сразу отметим, что среди одушевлённых имён существительными *дурак* и *дура* сочетаемость прилагательного (причастия) *набитый* не ограничена. В те же времена у того же Фонвизина в Письмах родным (1784–1785) встречается хлёсткая оценка некоего графа Ротария, «племянника... живописца»: «Племянник *набитый скот*». В Национальном корпусе русского языка (далее — НКРЯ) вылавливаются, кроме того, сочетания *набитые невежды* (О. Сенковский, «Записки домового», 1835), *набитые глупцы* (Н. Скобелев, «Рассказы русского инвалида», 1838–1844), *набитые подлецы* (Н. Греч, «Записки о моей жизни», 1849–1856), но все они, будучи свидетельствуемы лишь однократно, оставляют впечатление вторичного про-

дукта — результата переноса сочетаемостных свойств слова *дурак* на слова близкой семантики. За пределами письменной литературы отмечено сочетание *набитая шельма* ‘большой плут’ (волог. [СРНГ 19: 120]), которое кажется возникшим на том же пути, хотя несколько смущает его близость иноязычным (моравским) фактам, упомянутым ниже.

Истоки фразеологизма *набитый дурак* современному носителю языка не очевидны.

Попытка раскрытия внутренней формы идиомы во фразеологическом собрании М. И. Михельсона ([1912: 451]: «Ср. *Набили дурака*, да и отпустили») на деле никакой ясности не вносит. Разве что подтверждает общеизвестное: *дураков и в церкви бьют*. Приди в голову выписать хотя бы из паремиологической коллекции В. И. Даля все речения, поговорки и пословицы, в которых сопрягаются названия дурака и побоев (*били, ум отшибить, дурь повыкололят, не жалей кулака, пыльным мешком прибитый...*), такие извлечения займут добрые полстраницы. Ситуация «дураков бьют» выглядит настолько обычной, что утверждение о неочевидности истоков заголовочного выражения может показаться маркетинговым преувеличением. И всё же картина сложнее.

Если в прилагательном *набитый* видеть смысл ‘опытный’ (ср. беспрефиксное *битый* ‘умный, расторопный’ [Псковский словарь 2: 15], ‘много испытавший, опытный’, ‘всезнающий’ [Акчимский словарь I: 70; СДГ 1: 132], оно может быть объяснено двояким образом. В. Махек, обративший внимание на морав. *šelma nabíjená, vybíjaná*, ляхск. *bity*, ходск. *probityj* «o člověku “flákaném”, tj. protřelém, často trestaném, který provedl již mnoho kousků» [Machek₂: 54], склоняется, как видим, к пониманию «набитого» как ‘человека, наученного с применением физических побоев, вколачиванием навыка и разума’. Развитие темы находим, например, в поэме Т. Шевченко «Сон»: «Ото дурний! а ще й битий!» Подхвативший махеково истолкование Г. А. Цыхун [ЭСБМ 7: 165, ст. **Набіты** ‘вопытны’] расширил его отсылкой к выражению белор. *набіць вока* — непосредственно ‘навести, отточить взгляд’ (не упомянув, однако, русских параллелей *набить глаз, намётанный глаз, набить руку*, диал. *наломать руку* ‘научиться, привыкнуть что-л. делать’ [СРНГ 35: 240])¹, тем самым подменил образ «частва бітага» скорее фигурой «наторелого» и предложил, в сущности, иной, второй из возможных, мотивационный сценарий. Противоречия в таком со вмещении толковательных версий он не усмотрел.

Принятие изложенных пониманий внутренней формы прилагательного *набитый* для объяснения выражения *набитый дурак* вызывает когнитивное неудобство: «неотёсанный» в таком случае именуется ‘отёсанным’, причём без какой-либо ощутимой иронии (далее понятие иронии нам, однако, понадобится, но для более уместного контекста).

¹ Фразеологизм *набить зубы* ‘привить навык, опыт’ [Вологодский словарь Морда — Обрадеть: 20] не даёт удалиться от именовании воспитательных приёмов.

Объяснительная конъектура (в Интернете) *набитый* ← **небитый* ‘не испытывавший благотворности педагогического рукоприкладства’, ср. *За битого двух небитых дают*, выглядит довольно элегантно, но по той причине, что синтаксический «хозяин» *дурак* развивает заданную тему с назойливой избыточностью, может оказаться неверной. К тому же, что очень ослабляет гипотезу, НКРЯ, например, со словосочетанием **небитый дурак* не столкнулся ни разу (то же нужно сказать о как будто просящемся на язык сочетании **дурак непоротый*: в НКРЯ *непоротыми* случились лишь *арестанты, дворянство, задницы, место, плечо, поколение (-ния) и сословие*, из текстов в Интернете к ним добавляются *Александр II, дети, молодёжь, ребёнок, Россия...*). Даже если выражения **небитый...* и **непоротый дурак* где-либо и встретятся, что, конечно же, совсем не будет неожиданностью, они заведомо останутся на глубокой периферии реализованной сочетаемости.

Находимые в литературе и в том же Интернете (любительские) растолкования фразеологизма преимущественно опираются на идею физической наполненности ставящихся дураку в аналогии огородного чучела², тряпичного балаганного петрушки и т. д. малоценными отходами — соломой, опилками, лоскутами и т. п. Впрямую эта мысль сформулирована, например, в белорусском лексиконе И. И. Носовича: «**Набіты́й**... 3) Совершенно́й, до нельзя наполне́нны́й. Набитый дурень. Набитая мошна грошей» [Носович: loc. cit.]. Внешне, казалось бы, убедительная, такая трактовка имеет тот недостаток, что в ней причастие *набитый* провисает без ожидаемого в похожих случаях семантического уточнения, т. е. с незанятым местом одного из глагольных актантов. Возможно возражение, что здесь актантная лакуна — результат стандартной компрессии, которая наблюдается, например, в свёртывании выражения **мошна, набитая грошами* (*набитая мошна грошей* [Носович]) в *набитая мошна*. Но если «мошна» назначена для наполнения только «грошами» и, похоже, ничем другим, то человек как носитель разума, состояние которого оценивается в высказывании, равно может быть «набит», например, и бессистемными, неупорядоченными познаниями, подобно самодовольному эрудиту-спортсмену Вассерману из телевизора («голова набита всяким вздором»), — и полезно осмысленным опытом («...набил себе голову умными мыслями...» — В. Авенариус, «Отроческие годы Пушкина»; «...сравнительная грамматика и филология с Боппом, Поттом и Гриммом, исследованиями которых битком набита была моя голова...» — Ф. Буслаев, «Мои воспоминания»). В таких употреблении педантичное распространение причастия *набитый* формой творительного падежа с объектным (объектно-количественным) значением отмечается редко и только, заметим, при постпозиции причастия по отношению к определяемому существительному: «...*дурака, который*

² Ср. *дурила огородная* ‘глупый, несообразительный человек’ [Словарь Мордовии: 708].

набит одними французскими *глупостями*» (Д. Фонвизин, «Бригадир»), донск. *набитый мякиной* ‘глупый, неразумный’ (в функции сказуемого: «У нас сасет мякинай набитый» [СДГ 3: 394]; ср. укр. *голова набита (начинена) вітром/клоччям/пір'ям, половою* [Коломієць, Регушевський: 42]. В застывшей конструкции *набитый дурак* препозитивное причастие безобъектно, распространять его нужды не возникает: без того ясно, «чем» *набит*³.

Не отвергая правдоподобной версии, которая усматривает в «дураке» сходство с куклой и чучелом, набитыми дрянью (тем более что находятся подобия в чужезычной идиоматике, ср. нем. *jemand ist mit [Dummheit] geschlagen*), но подозревая за русским фразеологизмом более ёмкое устройство и богатые смысловые связи, попытаемся отыскать иные возможности его прочтения.

Не могут ли на сложение идиомы *набитый дурак* пролить хотя бы некоторый свет диалектные факты?

Скажем, одним из общеязыковых значений глагола *набиться* является ‘навязаться’, ‘напроситься’, ср. *наби(ва)ться в друзья, попутчики, гости, помощники, соавторы* и под. Оно, естественно, известно и территориальным говорам (ср. производные *набивка* ‘навязчивость’, *набивоня*, *набивовха*, *набивуха*, *набивщик* ‘кто набивается, навязывается на что-нибудь, когда его не спрашивают’, *набóеватый* [Дополнение к Опыту: 122; СРНГ 19: 115, 122]), и, в частности, реализуется в форме занимающего нас причастия. В значении ‘навязанный/навязавшийся партнёр; тот, кого ты не выбирал’⁴ отмечено томск. *набитый сосед* ‘сосед поневоле’ («В пословице: Брат брату набитый сосед» [СРНГ 19: 120]). У семейских Забайкалья записано сочетание *жена набитая* ‘девушка, женщина, настойчивыми просьбами, намёками добивающаяся или добившаяся того, чтобы её взяли в жёны’ («...у миня в даму жанá набитая хазяйничает... “Жаной тябё буду”. Дык он прагнал яё: “Уйди, — гаварит, — пастылая, жанá набитая”...», «Да, уён у сасёда жанá набитая. Он усё па Дуси вздыхал, а та на явó ня глядёла. Набитая-та? Да хадíла за ём, хадíла, да в́ыхадила: набíлась у жóны...» [Словарь семейских: 140]); ср. зап.-брян. *набивáнка* ‘женщина, вышедшая замуж без сватовства со стороны родителей мужа или против их воли’ («Ты ж набиванка! Хто тебе браў? Каму ты трэба?» [Расторгуев: 163])⁵. Думает-

³ Причастие *набитый*, тропеически применяемое к человеку и результатам его ментальной деятельности, сохраняет перфектную семантику, но коррелирует с лишённым её прилагательным *набивной* ‘предназначенный для набивания’: «Так же “по-ахматовски” звучала её характеристика неподлинных, псевдозначительных людей, книг, мыслей — “надувное-набивное”, взятая из канцелярского перечня ассортимента товаров: “игрушка надувная-набивная”» (А. Найман, «Рассказы о Анне Ахматовой»).

⁴ Не это ли значение имело нетолкуемое бранное выражение брян. орл. *дурацкая набойка* [СРНГ 19: 124]?

⁵ Сравнение именования ‘особы, навязавшейся в жёны’ с белор. диал. *набівáнкi* ‘посцілкі, палавакі, вытканья з ануч’ [СПЗБ 3: 117] и привлечение известного пей-

ся, однако, что эта семантическая линия для выяснения истоков фраземы *набитый дурак* не перспективна. Непоправимое близкое присутствие «дурака», конечно, может вызывать досаду, настырность и прилипчивость свойственны многим глупцам, но всё же не составляют непереносимой их черты. *Набитый* — это скорее ярлык для высокой степени явно отрицательного качества, в случае с «дураком» — неадекватности, невменяемости, невосприимчивости к позитивному знанию, неписываемости в поведенческую норму.

Видимо, нужны другие семантические зацепки. Возникает соблазн к истолкованию идиомы *набитый дурак* привлечь наречие *внабивку*. Ср.: «У людей дураки *в натруску*, а наш *в набивку*» (ворон. [СРНГ 19: 115])⁶. Реконструкция составителем словарной статьи **Набивка** выражения **дурак в набивку* как фразеологически цельного показанным в ней материалом как будто не оправдывается, но она подтверждается параллелью *дурак в нагнёт* ‘круглый, полный’ [Даль, II: 1026] — из классификации дураков «...с замбкой, *в притруску*, *в нагнёт*, отпетый дурак» [Даль, Пословицы I: 360]⁷. Паремия, взятая иллюстрацией к статье **Набивка**, не может не восхитить своим изяществом и остроумием. Смысл противопоставления: «чужие» — это мусор, труха, дребедень (наваленная *внатриску* ‘неплотно, некомпактно’ [Смоленский словарь 2: 62], не стоящая внимания ещё и по численной своей малости: *внатриску* о малом количестве чего-либо сыпучего [Расторгуев: 171; СРНГ 20: 233; Деулинский словарь: 89; СДГ 1: 261], *внатриску*, *внатрушонку* ‘немного, в небольшом количестве’ [Словарь Мордовии I: 92], *внатрисочку* ‘понемногу’ [Новгородский словарь 1: 129], ср. *натруска* ‘остатки сена, сенная труха’ [Псковский словарь 20: 364]), зато «наши» — сами по себе отборные, крепко сбитые, под завяз, литые, просто на зависть. Поговорка из Даля, поставленная нами в эпиграф, как и корявая формула «Бывают дураки средней руки, а наши дураки последней руки» (оттуда же), рисует ситуацию «свои — чужие» с обратными оценками, но для нас это ничего не меняет, поскольку важное и необходимое здесь противоположение принципиально остаётся тем же.

Отличие от толковательной версии, в которой «дурак», точнее, его сознание, рисуется вместилищем мусора и вздора, здесь он описывается, хотя и иронически, категориями в нормальном применении как раз положительными: «набитость» ассоциируется с представлениями о таких вещах, как сытость, желанная избыточность в хозяйстве, прочность и надёжность,

оратива *подстилка*, словообразовательно перекликающегося с существительным в толковании, было бы, однако, излишеством.

⁶ Местоимение *наш* может быть понято двояко — и как ‘непосредственно этот’, и как обобщённо-личное. Варианты поговорки скорее в пользу второй версии.

⁷ На наш взгляд, нет необходимости в ригористических претензиях к толерантной языковой технике, разрешающей наблюдаемое далее смешение субъекта («кто набит») и объекта («(чем /) кем набито»).

с традиционной народной анатомо-корпоральной эстетикой, в которой ценится плотность и дородность, «справность». Ср. *набить брюхо, пузо, зоб; мамон набивать* 'наедаться до отвала' [Ярославский словарь *Липень* — *Няучить*: 31], урал. (?) «кендюх 'брюхо' *набил*» [СРНГ 13: 181], зап.-брян. *набить волю* 'наполнить зоб, желудок (о хорошо наевшихся курах)' [Рас-торгуев: 163]; диал. *набитый* 'полновесный (о колосе)', «о телесной полноте»: «Девка-то еще больше стала, как *набивши* вся» [Словарь Карелии 3: 292]; *сбитая кисть* 'густая, плотная гроздь ягод' [СРНГ 36: 176]; *биток*: «Как биткй. Значение слова неизвестно, употребляется в сочетании, имеющем значение: очень здоровые, дебелые...» [СРНГ 2: 298], «Малый, что биток», «Здоровый, как битки» [Брянский словарь 1: 54]; *сбитень* 'крепкий, здоровый, упитанный человек' («А что ему подеется, сбитню такому», «Он у ней такой сбитень, исть все-все»), о ребёнке, подростке («Вон, какого малого — сбитня выкормили родители», «Раньше ребёнок — сбитень, а щас — худые»), 'сильное, упитанное животное' («Лошади у их хороши были: сильные, крепкие, здоровущие — чистые сбитни») [СРНГ 36: 176; Словарь Сибири 4: 236].

В Архангельском словаре [12: 367] выделено как диалектный фразеологизм выражение *дура пустая* («Дура я дура пустая, так у мян жолудог болёл...»), которое, эксплуатируя идею «наполнения», по отношению к идиоме *набитая дура* выглядит «контр-аналогом»: оно как целое несёт ровно то же значение, но включает адъектив с противоположной семантикой, в усиление значения подчиняющего существительного, и потому не содержит, отметим, иронического смысла, находимого нами в мотивированности «коррелята». Придавать значимость этому диалектному свидетельству, отыскивая в нём какой-либо укрытый от прямого взгляда мотивировочный нюанс, наверно, не стоит. Скорее всего, это не клишированное, а свободное сочетание — такое же, как в авторских текстах «Мне нужна не *пустая дура*, а нужен умный верный друг и помощник...» (К. Станюкович, «Бесшабашный»), «Что, чёрт возьми, за тряпки нацепила тебе майрик [армян. 'мама']? Сними, *пустая дура!*» (М. Шагинян, «Кик»). Позволительного сочетания **пустой дурак*, кстати, в НКРЯ найти не удалось.

Отдельного комментария требуют диалектные инвективные идиомы с морфемным укорочением прилагательного (грамматически — причастия в имперфекте): *битый дурак* («На вит так пасмóтрят — красйвай, а как загаваря — бйтай дурак») [Псковский словарь 10: 46] и *дура битая* («...посмеётся надо мной, скажет, дура битая, старая» [Кобелева: 24], рус. говоры Респ. Коми), ср. также *дурак битый* у И. Бунина («Деревня»). Они представляются производными от фразеологизма *набитый дурак*, ходкого и уже потерявшего осознаваемую связь с идеями «натруски» и «набивки», однако ощутимая в нём семантика некоей завершённости, целостности, предела (ср. эпитеты, чрезвычайно важные для характеристики недоумков и суммарно явно преобладающие над иными сопрягаемыми со словом *дурак*, — (за)конченный, круглый, полный, чистый, стопроцентный, абсо-

лютный...⁸) дала возможность испытать — в виде устранения в прилагательном/причастии *набитый* уже «необязательного» префикса⁹ — влияние выражений вроде *битый час* ‘целый, полный, свершившийся час’, мотивированного семантической схемой ‘временной период, отмеченный боем часового механизма’¹⁰, или даже, если угодно, *битая дорога* ‘проторённая, укатанная, так сказать, несомненно и окончательно состоявшаяся дорога’¹¹. Понятно, что эти соображения о механизме возникновения фразеологизмов *битый дурак* и *битая дура* — только догадка, но она, кажется, имеет некоторую объяснительную силу.

Прилагательное *набитый* может не только утратить префикс, но и получить префиксальное наращение в виде негативирующего элемента: *дурак ненабитый* («Пёрвый муш у неё был пъяница и дракун, а фторой што мальчишэчка, дваццать два го́да; я говорю: “Ты обй’жжэнная кобы́лка, а он дура́к ненаби́тый, так и попробуй удержи́ть яво́”» [Псковский словарь 10: 46]), ср. [Ивашко 1981: 28]. В этом случае семантика «ненаученности, неопытности», мобилизованная в сомнительной для нас конъектуре **небитый*, неоспорима. Осташковское словосочетание *ненамытый дурак* [Селигер 2: 54] (в текстуальной иллюстрации — в функции сказуемого, прилагательное постпозитивно), если оно не патологического — контаминативного и проч. — происхождения, может быть, связано с курск., вятск. *мыть* ‘бить, хлестать’ [Дополнение к Опыту: 121; СРНГ 19: 66] или, по лингвогеографическим соображениям, скорее ‘мучить работой’ [Новгородский словарь 5: 116], ‘мучить, истязать’ [Словарь Карелии 3: 279], ср. *измываться* (о последнем см. [Варбот 2012: 95] — в поправку к Фасмеру). Принципиально возможное усмотрение в приведённых выше примерах с не-префиксацией усилительной функции, см. [Толстой 1995: 343–345], не кажется достаточно вероятным.

На непристальный взгляд, многочисленные диалектные регистрации производных от **dur-*, в их числе *дурак*, в значениях ‘бесполезный’, ‘пус-

⁸ Ср. донск. *дурак по самое некуда* [СДГ 2: 98], укр. «Ото дурень! був би ще більший, та вже нікуди» [Номис 1993: 295]. Идея «законченности», некоей уже «неотменимости» откровенно присутствует в высокочастотном при слове *дурак* эпитете *отпетый* — буквально ‘по котором уже совершён церковный чин отпевания’.

⁹ Сходным же образом полюбившееся А. Герцену (и перенятое от него А. Писемским) выражение *битая фраза* вторично по отношению к стандартному *избитая фраза*.

¹⁰ Мотивация, несмотря на её прозрачность, полностью игнорируется нечутким к тонкостям словесной семантики и упражняющимся в банальностях Ф. Достоевским: «Они *просмотрели* так друг на друга *секунд десять битых*, при глубоком молчании всех окружающих» («Игрок»).

¹¹ Впрочем: «по широкой, хорошо *набитой дороге...*» (А. Куприн, «Молох»); ср. «Пайдёта прѣма ы влѣва, ня варатитѣ фпрѣва, *наби́та даро́га*», «Там *даро́га набивна́я*: йнна́я на конѣ, йнна́я так хо́дя» [Псковский словарь 19: 214, 207]; см. также [Паликова, Ровнова: 95].

тоцвет', 'неразвившаяся завязь', 'недозрелая тыква, арбуз', 'недоспевшая морошка', 'отросток или побег дерева, не начавший или садовое дерево, переставшее плодоносить', 'сорняки', 'жмых', 'недобродившее пиво', 'неплодородный земельный участок', 'непроходимые места, трущобы' (т. е. *'неудобья'. — А. Ж.), 'пустая (не золотоносная) порода' и под. (см. [СРНГ 8: 263–273] — *дура* 3, *дурак* 7, 8, 10, *дуранда*, *дурандик*, *дураш* 2, *дурман* 4, 6, 7, *дурмень*, *дурметина*, *дурмина*, *дурнига*, *дурнина*, *дурное*, *дурной* 4–6, *дурность* 4, *дурняк* 1, *дурь*, *дурында* 1, *дурь* 5, 6; [Добровольский: 194; Ярославский словарь *Дикарится* — *Иштык*: 26–27; Уральский словарь I: 147–148; СГРС III: 288–289; СДГ 2: 99]; ср. [Журавлёв 2016: 300]) непосредственного касательства к трактуемому на этих страницах мотивационному сюжету не имеют. Однако сопоставление данных значений с тем, что сказано выше об идее «набитости» как полноты и реализованности потенциалов, т. е. как особенности во множестве житейских и хозяйственных ситуаций принципиально одобряемой и даже желательной, подталкивает к мысли о начальной оксюморонности заголовочного словосочетания: если *дураком* называют просто глупца и пустышку, то *набитый дурак*, независимо от того, сам ли он «набит» или же «им» («ими») наполнено некое пространство¹², — это, по-видимому, глупец и пустышка особенный, выдающийся, полновесный, лучший, по своим совершенным качествам достойный восхищения¹³.

Несравненность, избранность «дурака» подчёркивается охотным помещением его именованного в специально существующую в русском языке для передачи этого качества выразительную фразеосхему — тавтологическую конструкцию «из + A_{GenPl} + A_{NomSg} »: *из дураков дурак*, *из дуров дура* [Архангельский словарь 12: 367, 369], «...он хотя и непорочен, но *из дураков дурак*, и из него будет не более, как свинопас» (Г. Квитка-Основьяненко,

¹² Как известно, «дурак давку любит» [Даль, Пословицы I: 360]: «Наш московский почтамт, должно быть, *набит дураками*, которые не понимают своего дела...» (А. Фет, «Мои воспоминания») — ср.: «Своих дураков полны горницы» (А. Левитов, «Московские комнаты “с небилью”»). Сюда же, несомненно, и метонимическое арханг. *дураково поле* 'дурак' [СРНГ 29: 45], яросл. *дуракова поля* то же, видимо, родит. пад. в функции адъектива [Ярославский словарь *Дикарится* — *Иштык*: 26], связанные с широко известной интернациональной сентенцией *Дураков не сеют, сами рождаются*, популяризацию которой у нас начинал Даниил Заточник.

¹³ Подобными оксюморонами полна отечественная авторская словесность: *мерзавец первосортный* (Е. Салиас, «Четвёртое измерение»), *первостатейная шельма* (Ф. Сологуб, «Мелкий бес»), *отборный дурак* (В. Ходасевич, «Гумилёв и Блок»), *изумительная дрянь* (М. Булгаков, «Собачье сердце»), *великолепный негодяй* (В. Железников, «Хорошим людям»), *восхитительные уроды* (В. Солоухин, «Третья охота»), *выдающийся подлец* (В. Дудинцев, «Белые одежды»), *подлецы первой гильдии* (В. Каверин, «Перед зеркалом»).... Знатоки современного отечественного кинематографа вспоминают нецензурный мем из фильма «Даун Хаус» с использованием эпитета *сказочный*.

«Пан Халявский»). В «дураке» ценится неподдельность, порода: *дурак ширый* [СДГ 2: 98], *изорный дурак* [Ярославский словарь *Дикариться — Иитык*: 140; СРНГ 12: 165] — т. е. 'истинный, подлинный, настоящий' (ср. «Глупых, *по-настоящему глупых* людей очень мало, и в них есть даже некоторая прелесть, душевность. Конечно, *чистопородных глупых* больше, чем умных, но...» — С. Липкин, «Записки жильца»).

Опираясь на предложенное здесь понимание, которое представляется нам более или менее оправданным, можно было бы уточнить некоторые блёклые словарные толкования эпитетов «дурака». Так, фразеологизмы *дура голая*, *гольный/нагольный/наголящий дурак* (*дура*) сопровождаются квёлыми определениями 'бестолковая, неразумная', 'очень глупый человек', 'круглый дурак' [Иванова: 125; Деулинский словарь: 156, 312; Вологодский словарь *Морда — Обрадеть*: 31, 32; СДГ 2: 98; Словарь Мордовии I: 584]. Соотнеся их с прилагательными *голый* 'ни с чем не смешанный, чистый, без примесей', *гольный* то же, 'один только' [СРНГ 6: 346, 348], *гóлой*, *гóльной* 'настоящий, истинный' [Архангельский словарь 9: 261], *голимый* 'цельный, без примеси', 'настоящий, истый, подлинный' [СРНГ 6: 293–294; Словарь Сибири 1/1: 251–252], *нагольный* 'настоящий' (сарат.: «Он *нагольный дурак*» [СРНГ 19: 208]; отметим, что это словосочетание оформлено в цитируемой статье как свободное, а не идиоматизованное), также свердл. 'самый хороший, праздничный (об одежде)' [Там же], *наголимый* 'полный, совершенный' [Ярославский словарь *Липень — Няучить*: 89], 'только такой, единственный' [Вологодский словарь, loc. cit.], *наголящий* 'достигший полноты проявления каких-л. качеств' [Деулинский словарь: 312] и под., мы охотнее дали бы им заострённую дефиницию вроде 'истинный, образцовый дурак, дурак «как таковой»'.

Словари и справочники

Акчимский словарь — Словарь говора д. Акчим Красновишерского района Пермской области (Акчимский словарь). I–VI. Пермь, 1984–2011.

Архангельский словарь — Архангельский областной словарь. 1–. М., 1980–.

БРС — Беларуская-рускі слоўнік. Т. 1–2. Мінск, 1988–1989.

Брянский словарь — Словарь брянских говоров. 1–. Л.; СПб., 1976–.

Вологодский словарь — Словарь вологодских говоров. [А–Г — Ц–Я.] Вологда, 1983–2007.

Дальз — В. И. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка / Под ред. И. А. Бодуэна-де-Куртенэ. I–IV. СПб.; М., 1903–1909.

Даль, Пословицы — В. И. Даль. Пословицы, поговорки и прибаутки русского народа. Сборник в двух томах. СПб., 1997.

Деулинский словарь — Словарь современного русского народного говора (д. Деулино Рязанского района Рязанской области). М., 1969.

Добровольский — В. Н. Добровольский. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914.

Дополнение к Опыту — Дополнение к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858.

Иванова — А. Ф. И в а н о в а. Словарь говоров Подмосковья. М., 1969.

Кобелева — И. А. К о б е л е в а. Фразеологический словарь русских говоров Республики Коми. Сыктывкар, 2004.

Коломієць, Регушевський — М. П. К о л о м і є ц ь, Є. С. Р е г у ш е в с ь к и й. Словник фразеологічних синонімів. Київ, 1988.

Михельсон 1912 — М. И. М и х е л ь с о н. Русская мысль и речь. Свое и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб., 1912.

Народная лексика — Народная лексика. Минск, 1977.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка. URL: <https://ruscorpora.ru>.

Новгородский словарь — Новгородский областной словарь. 1–12, 13 (дополнительный). Новгород, 1992–1995; Великий Новгород, 2000.

Номис 1993 — М. Н о м и с. Українські приказки, прислів'я, і таке інше. Збірники О. В. Марковича та інших. Київ, 1993.

Носович — Словарь белорусского наречия. Составленный И. И. Носовичем. СПб., 1870.

Паликова, Ровнова — О. Н. П а л и к о в а, О. Г. Р о в н о в а. Словарь говора староверов Эстонии. Тарту, 2008.

Псковский словарь — Псковский областной словарь с историческими данными. 1–. Л.; СПб., 1967–.

Расторгуев — П. А. Р а с т о р г у е в. Словарь народных говоров Западной Брянщины (материалы для истории словарного состава говоров). Минск, 1973.

СГРС — Словарь говоров Русского Севера. I–. Екатеринбург, 2001–.

СДГ — Словарь донских говоров Волгоградской области. 1–. Волгоград, 2006–.

Селигер — Селигер. Материалы по русской диалектологии. Словарь. 1–. СПб., 2003–.

Словарь Карелии — Словарь русских говоров Карелии и сопредельных областей. 1–6. СПб., 1994–2005.

Словарь Мордовии — Словарь русских говоров на территории Республики Мордовия. I–II. СПб., 2013.

Словарь семейских — Словарь говоров старообрядцев (семейских) Забайкалья. Новосибирск, 1999.

Словарь Сибири — Словарь русских говоров Сибири. 1–. Новосибирск, 1999–.

СлРЯ XVIII в. — Словарь русского языка XVIII в. Вып. 1–. Л.; СПб., 1984–.

Смоленский словарь — Словарь смоленских говоров. 1–11. Смоленск, 1974–2005.

СПЗБ — Слоўнік беларускіх гаворак паўночна-заходняй Беларусі і яе пагранічча. Т. 1–5. Мінск, 1979–1986.

СРНГ — Словарь русских народных говоров. 1, 2. М.; Л., 1965–1966. 3–. Л.; СПб., 1968–.

СУМ — Словник української мови. I–XI. Київ, 1970–1980.

Уральский словарь — Словарь русских говоров Среднего Урала. I–VII. Свердловск, 1964–1988.

ФСУМ — Фразеологічний словник української мови. 1–2. Київ, 1993.

ЭСБМ — Этымалагічны слоўнік беларускай мовы. 1–. Мінск, 1978–.

Ярославский словарь — Ярославский областной словарь. Вып. 1–10. Ярославль, 1981–1991.

Machek₂ — V. M a c h e k. Etymologický slovník jazyka českého. Praha, 1971.

Л и т е р а т у р а

Варбот 2012 — Ж. Ж. В а р б о т. Исследования по русской и славянской этимологии. М.; СПб.: Нестор-история, 2012.

Журавлёв 2016 — А. Ф. Ж у р а в л ё в. Эволюции смыслов. М.: Издательский Дом ЯСК, 2016.

Ивашко 1981 — Л. А. И в а ш к о. Очерки русской диалектной фразеологии. Л.: Издательство Ленинградского университета, 1981.

Толстой 1995 — Н. И. Т о л с т о й. *Не — не 'не'* // Н. И. Толстой. Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике. М.: Индик, 1995. С. 341–346.

Статья получена 03.08.2021

Anatoly F. Zhuravlev

Institute of Slavic Studies of the Russian Academy of Sciences

Lomonosov Moscow State University

(Moscow, Russia)

afzhuravlev@yandex.ru

NABITYI DURAK (CONSIDERATIONS ON THE ORIGIN OF THE IDIOM)

There have been several attempts to explain the origin of the common idiom "stuffed fool" (which has analogies outside the Russian language), but for modern speakers it remains unclear. In the author's opinion, it can be adequately interpreted with the help of dialectal proverbs containing the adverb *vnabivku*, such as «Other people's fools are filled loosely, and ours are tightly packed (*vnabivku*)» (Voronezh region). The lexical and phraseological dialectal material, based on close associations, turns out to be quite rich.

Keywords: phraseology, folk idiomatics, semantics, explanation.

References

Ivashko, L. A. (1981). *Ocherki russkoi dialektnoi frazeologii*. Leningrad: Izdatel'stvo Leningradskogo universiteta.

Tolstoi, N. I. (1995). *Yazyk i narodnaia kul'tura. Ocherki po slavianskoi mifologii i etnolingvistike*. Moscow: Indrik.

Varbot, Zh. Zh. (2012). *Issledovaniia po russkoi i slavianskoi etimologii*. Moscow; St Petersburg: Nestor-Istoriia.

Zhuravlev, A. F. (2016). *Evoliutsii smyslov*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury, 2016.

Received on August 3, 2021

MAXIMILIAN GRÜBSCH

Universität Heidelberg
Universität Jena
(Heidelberg, Deutschland)
mg@mkm-rabis.de

PERIPHRASEN MIT FUTURREFERENZ IN DEN VESTI-KURANTY*

Современные формы будущего времени несовершенного вида в русском языке прошли сложный путь развития. Исходя из результатов исследований М. Мозера и Я. А. Пеньковой, в предлагаемой статье анализируются перифрастические конструкции, выражающие значение будущего времени. Анализ проводится на материале Вестей-Курантов середины XVII в. Этот корпус текстов является важным источником для исследований русской грамматики того времени. Статья показывает, что в Вестях-Курантах конструкция *буду* + инфинитив относится к числу наиболее часто используемых конструкций для образования будущего времени.

Ключевые слова: перифразы будущего времени, позднесреднерусский язык, Вести-Куранты.

1. Einleitung

Das imperfektive Futur wird im modernen Russischen mit dem Hilfsverb *budu* und einem Infinitiv gebildet. Diese Periphrase kam erst sehr spät auf — im Altostslavischen ist sie nicht nachweisbar. Sowohl ihre Herkunft als auch ihre Durchsetzungsfähigkeit blieben lange ungeklärt. 1998 legte Michael Moser seine Habilitation mit dem Titel „Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts“ vor. In dieser Arbeit gelingt es Moser zu zeigen, dass *budu* + Infinitiv eine Kalkierung aus dem Polnischen ist. In einer Rezension dazu bedauert Vadim Krys'ko, dass ein bedeutender Interferenztext, nämlich die Vesti-Kuranty, eine russische Zeitung des 17. Jahrhunderts, in der Analyse nicht betrachtet wurde [Крысько 2001: 105].

* Der vorliegende Aufsatz stellt eine überarbeitete Version meiner Bachelorarbeit dar, die am Slavischen Institut der Universität Heidelberg unter der Betreuung von Frau Prof. Dr. Irina Podtergera verfasst wurde. Besonderer Dank gilt Dr. Pen'kova, die dem Verfasser viele Materialien bereitstellte und unverzichtbare Hinweise beisteuerte, sowie Prof. Dr. Podtergera, die jede Phase des Entstehungsprozesses des vorliegenden Artikels mit Rat und Tat unterstützt hat.

Da die Vesti-Kuranty im 17. Jahrhundert, also zu einer Zeit, als sich die formalen Möglichkeiten der Futurreferenz besonders komplex gestalteten, erschienen, bietet es sich an, beide Problematiken zu verknüpfen. In der vorliegenden Arbeit soll die Konkurrenz bzw. das Zusammenspiel der verschiedenen periphrastischen Konstruktionen mit Futurreferenz in ausgewählten Ausgaben der Vesti-Kuranty analysiert werden. Die Arbeit orientiert sich dabei an einer von Yana Pen'kova ausgearbeiteten, syntaxorientierten und korpusgestützten Methodik. Dies kann ein neues Licht auf die Verbreitung der Infinitivkonstruktion mit *budu* werfen, aber auch die besondere Stellung der Vesti-Kuranty aufzeigen.

Die Vesti-Kuranty sind ausländische Nachrichten, die bes. aus dem Deutschen und Niederländischen [Maier 1997: 18] übersetzt, in Reinform handschriftlich fixiert und dem Zaren vorgelesen wurden. Ziel der Übersetzungen war es keineswegs, das ausländische Material wortgetreu wiederzugeben, sondern den Inhalt so schnell und verständlich wie möglich zur Verfügung zu stellen [Ibid.: 94]. Aus der hohen Bedeutung der ausländischen Nachrichten ergab sich, dass man sie in verständliche, gewählte Sprache übertragen musste. Maier [Ibid.: 18] bemerkt dazu: „Die Übersetzer verfügten im Allgemeinen über ausgezeichnete Kenntnisse in einer oder mehreren Fremdsprachen, beherrschten aber auch das Russische perfekt.“ Tatsächlich sind orthographische Fehler häufig nicht durch ruthenische Einflüsse, sondern durch typische Eigenschaften des Russischen im Raum Moskau zu erklären [Ibid.: 84]. Auch die Schreiber waren gut ausgebildet [Ibid.: 19]. Da die Texte der mündlichen Kommunikation angepasst wurden, geht Maier [Ibid.: 83; Maier, Pilger 2001: 215] davon aus, dass sie einen einigermaßen getreuen Einblick in die Umgangssprache der gebildeten Elite Moskaus verschafften. Dies untermauert die hohe Bedeutung des Korpus.

Die vorliegende Untersuchung beschränkt sich auf den Band zu den Jahrgängen 1656, 1660–1662 und 1664–1670 der Vesti-Kuranty, um den Rahmen des Artikels nicht zu sprengen. Dieser Band wurde ausgewählt, da hier die ausländischen Originale vorliegen, was einen Vergleich und somit eine genauere Analyse ermöglicht.

2. Periphrasen mit Futurreferenz im Slavischen und Spätmittelrussischen

Drei Typen von periphrastischen Konstruktionen mit Futurreferenz spielen nach Andersen [2006] eine Rolle für den ostslavischen Sprachraum. Ursprünglich modale Hilfsverben, wie *haben* (**jīmami*), sind ausschließlich Südslavisch, im Altostslavischen erscheinen sie durch kirchenslavischen Einfluss [Ibid.: 12]. Periphrasen mit Formen der Kopula im Futur als Auxiliar (und dem Vollverb im Infinitiv oder *l*-Partizip) finden sich ab 1400 in den ostslavischen Sprachgebieten, in anderen slavischen Gebieten aber schon früher [Ibid.]. Schließlich nennt Andersen Auxiliare, die auf inchoative Verben zurückgehen. Dies sind zum einen Verben mit der Wurzel *-*čьn-* (mit regional unterschiedlichen Präfixen: *роцьни*, *пацьни*, *въцьни*) und zum anderen die Formen von *imu* „nehmen“. Die-

ser Typus kommt fast ausschließlich im Ostslavischen vor und ist hier, zumindest in den älteren Texten, auch stark vertreten [Ibid.: 31]. Hinzuzufügen ist, dass die zueinander synonymen Konstruktionen *nač'nu* bzw. *poč'nu* + Infinitiv im Altostslavischen nie ein reines Futur ohne inchoative Bedeutung ausdrücken konnten (zur Geschichte der Frage vgl. [Юрьева 2010: 270–271; 2020: 296]). Swan [2012] merkt an, dass neben den von Andersen aufgelisteten Konstruktionen auch *stanu* + Infinitiv untersucht werden sollte.

Im Spätmittelrussischen kam es zu einem tiefgreifenden Wandel im Tempus-Aspekt-System. Dies betraf auch die Referenz auf das Futur. Im Laufe der Zeit konnten verschiedene Infinitivkonstruktionen eine Futurreferenz ausdrücken. Eine Darstellung dieses Prozesses kann den Arbeiten Pen'kovas entnommen werden [Пенькова 2019; 2021: 212–213]. Wichtige Auxiliare, die in diesem Zusammenhang beachtet werden müssen, sind *uč'nu*, *budu*, *stanu*, *imu*, *imam'*, *iměju*. Swan [2012] listet mögliche Gründe dafür auf, dass sich schließlich *budu* + Infinitiv durchsetzte. Moser [1998: 303–330] zeigt, dass es sich dabei um eine Konstruktion mit polnischem Einfluss handelt. Er schließt einen regelmäßigen Gebrauch der Periphrase im großrussischen Sprachraum vor der zweiten Hälfte des 17. Jahrhunderts aus. Erst im 18. Jahrhundert habe sich diese spezifische periphrastische Form als imperfektives Futur durchgesetzt und ab Lomonosovs Grammatik eine weitreichende Verbreitung erfahren [Ibid.: 319–321]. Das Auxiliar *stanu* war besonders im 17. Jahrhundert ein Kandidat für die Grammatikalisierung eines periphrastischen Futurs [Стойнова 2019: 59]. Moldovan verknüpft den Niedergang von *poč'nu* und den Aufstieg von *stanu* in dieser Epoche mit dem polnischen bzw. ruthenischen Einfluss auf die Ausbildung der modernen russischen Schriftsprache [Молдован 2010: 12–13]. Die Periphrase *uč'nu* + Infinitiv tritt in einer eingeschränkten syntaktischen Funktion (Protasis und Relativsätze) als „nicht-assertives analytisches Futur für Hintergrund-Kontexte“¹ auf und verdrängt damit *imu* + Infinitiv [Пенькова 2019: 577]. Die Konstruktion *učati* + Infinitiv verbreitete sich vermutlich durch Kontakt mit Finno-Ugrischen Sprachen (cf. [Penkova 2021]).

Das Auxiliar *imu* (Infinitiv *jati*) einerseits ist vom Auxiliar *imam'* (bzw. in der thematischen Konjugation *iměju*, Infinitiv *iměti*) andererseits, zu trennen, auch wenn beide die gleiche Wurzel haben [Юрьева 2011: 76; Шевелева 2021: 34]. Während ersteres Auxiliar in altostslavischen Quellen weit verbreitet ist, kommt letzteres außerhalb der high variety (knižnyj registr/knižnyj jazyk) selten vor ([Юрьева 2011: 76], vgl. dazu auch Andersen [2006], s. o.). Ersteres bewahrte lange eine inchoative Spezifik [Шевелева 2021: 48], wohingegen für letzteres die Modalität der Unabwendbarkeit charakteristisch ist, wie Jur'eva für altostslavische Texte gezeigt hat [Юрьева 2011: 72], vgl. auch [Шевелева 2021: 32]. Auch *imam'* und *iměju* weisen einen teilweise unterschiedlichen Gebrauch auf und sollten nicht verwechselt werden [Moser 1998: 331]. Die Periphrase mit

¹ Pen'kova schreibt: „обе перифразы можно назвать **неассертивным сложным будущим для фоновых контекстов** [Hervorhebung Pen'kova]“ [Пенькова 2019: 577].

imam' kann sehr nah zur Futurreferenz stehen, wohingegen *iměju* fast immer in modalen Schattierungen auftritt [Пенькова 2021: 219]. Die ontologische Notwendigkeit stellt eine vorherrschende Bedeutung von *imam'*, nicht aber von *iměju* dar [Ibid.]. Letzteres erscheint vorrangig zum Ausdruck deontischer Notwendigkeit [Ibid.: 220]. Ganz anders verhält es sich mit der Vergangenheitsform *iměl-*, welche nicht als simple Form des Präteritums angesehen werden kann, sondern eine von *iměju* unabhängige Semantik einbringt [Ibid.: 223]. Die Konstruktion *imam'* + Infinitiv wurde als archaischere Konstruktion, die in der kirchenslavischen Tradition wurzelt, wahrgenommen. Hingegen erschien *iměju* + Infinitiv als moderner und europäischer. *Imam'* ging mit dem Ende des Barockschrifttums endgültig verloren [Ibid.: 224].

3. Vorüberlegungen zur quantitativen Analyse

3.1. Methodik und Vorgehen

Im Folgenden ist das sprachliche Material der Vesti-Kuranty in Hinsicht auf Häufigkeit, syntaktischen Kontext und Semantik der vorkommenden Periphrasen mit Futurreferenz zu analysieren. Dazu wurden die Auxiliare *budu*, *stanu*, *iměju*, *imam'*, *uč'nu*, *poč'nu*, *zač'nu* und *nač'nu* untersucht.

Jede Periphrase wurde manuell herausgesucht (da das Korpus noch nicht digitalisiert ist) und in eine Liste eingetragen. In fast allen Fällen konnte sich dabei auf das Wortverzeichnis im ersten Band gestützt werden. Nur die Zuordnung bestimmter Token zu *imu*, *iměju* und *imam'* wurde nicht auf Grundlage dieses Verzeichnisses vorgenommen. Jur'eva hat festgestellt, dass die Paradigmata von *imu* und *imam'* (nicht vor der zweiten Hälfte des 13. Jahrhunderts) z.T. nicht mehr auseinander gehalten werden [Юрьева 2011: 86], Pen'kova hat eine starke Abnahme der Verwendung von *imu* + Infinitiv nach dem 15. Jahrhundert und ihre völlige Marginalisierung im 17. Jahrhundert gezeigt [Пенькова 2019: 574] und daraus geschlossen, dass die 3. Person Pl. *imut'* ab dem 16. Jahrhundert vorrangig nicht als Form von *imu* (*jati*), sondern von *imam'* (*iměti*) zu interpretieren ist [Ibid.: 583].

Die korpuslinguistische Analyse lehnt sich an die Methodik Pen'kovas an, wonach der syntaktische Kontext untersucht wird. Auch wird wie bei Pen'kova die Anzahl von Formen mit Hilfsverb im Präteritum mit der Anzahl der Formen, bei denen das Hilfsverb im Futur steht, verglichen, um festzustellen, wie stark sich die Futurreferenz grammatikalisiert hat [Пенькова 2019: 572–578]. Dabei entfällt natürlich die Frage der Häufigkeit einzelner Periphrasen bezogen auf den Zeitverlauf.

Die Kategorisierung der Satzarten wurde angepasst, indem korrelative Sätze nicht als eigene Kategorie figurieren. Der Teil, welcher das deiktische Element enthält, soll entsprechend seines Kontextes eingeteilt werden (also als Hauptsatz, Objektsatz usw.). Der Teil, der das relative Element enthält, wird als Relativsatz gewertet. Dies ist nicht ganz exakt, ändert aber nichts am statistischen Gesamtbild und dient einer deutlichen Vereinfachung. Indirekte Fragen treten nicht als Nebensatzkategorie auf. Sie wurden ihrer Funktion nach zugeteilt. Eine

Besonderheit ergibt sich bei Nebensätzen der Form (*Er tut,*) *was er will*. Aus Gründen der Praktikabilität werden sie als Relativsatz aufgefasst, wobei das Bezugswort fehlt: *Er tut [das], was er will*².

Darauf basierend sollen die Konsequenzen für die einzelnen Auxiliare besprochen werden. Dabei werden sie an entsprechender Stelle durch Hinweise auf deutschsprachige Vorlagen ergänzt³. Eine große Rolle spielt hierbei, die Ergebnisse mit dem Befund, den Pen'kova auf Grundlage des RNC für das 17. Jahrhundert darbringen konnte, zu vergleichen, da sich mitunter gravierende Abweichungen ergeben.

Diese Analyse soll um eine kurze semantische Betrachtung erweitert werden. Dahl [2000: 310] schlägt eine grundlegende Trennung des Futurs in ein Futur der Intention und ein Futur der Vorhersage vor. Jedoch ergibt sich, wie unten beschrieben, aus dem pragmatischen Kontext, dass Vorhersagen Intentionen im Futur der Vesti-Kuranty weit überwiegen. Allein schon die dritte Person dominiert sichtlich über der ersten. Hier lassen sich also kaum sinnvollen Aussagen treffen, die Unterschiede zwischen den Periphrasen aufzeigen könnten.

Fleischman [1982: 25–26] weist auf die Nähe von Futuralität und Modalität hin, und Moser [1998: 331] warnt, dass eine Trennung zwischen reinem Futur und Futur mit modaler Konnotation nahezu unmöglich ist. Dies zeigte sich auch in aller Schärfe beim Betrachten der Belege: An *iměju* und *imam'* ließ sich die von Pen'kova eigens für diese Auxiliare angewandte Systematik problemlos nachvollziehen [Пенькова 2021: 218]. Bei den Periphrasen mit *budu* ist die Bestimmung der Modalität stets sehr zweifelhaft und dabei wenig erkenntnisträchtig. *stanu* und *uč'nu* eignen sich zwar besser, um nach Modalität zu fragen — aber eine Betrachtung des inchoativen Charakters der jeweiligen Infinitivkonstruktion zeigte sich gewinnbringender. Auf ein übergreifendes Modell zur Modalität der Konstruktionen mit Futurreferenz wurde also verzichtet.

3.2. Charakteristika des Korpus

Die Vesti-Kuranty sind ein besonderes Korpus. Es handelt sich dabei um Informationen, die schriftlich dargestellt, aber mündlich vorgetragen wurden. Dadurch resultieren semantische und syntaktische Eigenheiten, die bei der Bearbeitung unbedingt zu beachten sind.

Nachrichten der Vesti-Kuranty werden nicht selten durch einen formelhaften Ausdruck 'Aus [Ort, Datum] schreibt man, dass...' eingeleitet, z. B.: „Из вѣстницѣ сѣнтября 17 числа Пишѣтъ | что привѣхали некоторые высок[о] поутенные московские с немалыми людьми“ [БК-ру: 298 (105.171)]⁴. Sämtliche Informationen im be-

² Zur Ellipse des Bezugswortes s. [Weiss 1993: 63–64].

³ Niederländische und lateinische Vorlagen wurden vorerst nicht einbezogen. In der einzigen polnischen Vorlage fand sich keine relevante Form.

⁴ Hinter der Seitenzahl wird, der besseren Nachvollziehbarkeit halber, die Nummer des Textabschnitts gemäß der dem Verfasser vorliegenden Ausgabe der Vesti-Kuranty in Klammern angegeben. Beispielsätze, die mehr als drei Zeilen einnehmen würden, sind nicht

treffenden Abschnitt werden dann als ein einziger Satz wiedergegeben, der aus mehreren mit Konjunktionen wie *i* und *a* aneinandergereihten Parataxen besteht.

Wenn man von einer strengen grammatischen Interpretation ausginge, müssten die erstgenannten Fälle der Form *pišut čto* als Einleitungen in die indirekte Rede interpretiert werden, demnach wäre der folgende Satz und in der Konsequenz alle seine Teilsätze als Objektsätze zu interpretieren. Betrachten wir aber folgendes Beispiel:

- (1) Пишѹт ис Риги чѹто подлинныѹ грамотѹ | ис Галанскои семли вѣдомо чинятъ | чѹто агличѹаня и свѣянѹя и галанцы | ѹчинили между собою союзъ крѣпкои | [...] и драцѹжскои король вменяетъ | себѣ то са досадѹ и для того | союзъ учинил з датцкимъ королем | а дацкои король хочет ѹтѣпит | драцѹжскому королю Сѹнта [...] [BK-ру: 300 (106.10)].

Ob man diese mit einer nebenordnenden Konjunktion eingeleiteten Satzteile als Fortführung der indirekten Rede oder als eigenständige Hauptsätze aufzufassen hat, bleibt offen. Denn auch folgende Übersetzung erscheint durchaus angemessen — bedenkt man, dass es sich um mündliche Kommunikation handelt:

Man schreibt aus Riga, dass echte Schriften aus den Niederlanden bekannt machen, dass die Engländer, Schweden und Niederländer ein festes Bündnis geschlossen haben. [Und] Der Französische König betrachtet das als Provokation und hat deshalb mit dem dänischen König ein Bündnis geschlossen. [Und] Der dänische König will dem französischen König den Sund überlassen.

In dieser vom Verfasser angefertigten Übersetzung geht es nicht um die perfekte Wiedergabe von Information und Stil — sie verdeutlicht nur, dass eine Fortführung in unabhängigen Hauptsätzen durchaus berechtigt ist.

Denn es gibt einen weiteren Grund, warum es fragwürdig ist, den Satzteil, der einer solchen Einleitung folgt, als indirekte Rede zu interpretieren. Manchmal kann die Subjunktion nämlich entfallen: „Из Варшавы октября Вл | числа пишѹт [...] На прошломъ семѣ сдѣсь | крѣпкие сѹды какъ i и иде | уставлены ест [...]“ [BK-ру: 306 (110.147)]. Schließlich kommen zahlreiche Fälle vor, in denen jede grammatische Überleitung von der Provenienz einer gegebenen Information zur Information selbst fehlt: „Из вѣны октября Гл числа, | / Арцѹх Лотринскои вѣдомо чинил дяде своему [...]“ [Ibid.: 307 (110.150)].

Diese drei Typen der Einleitung einer Nachricht weisen sich im Hinblick auf die Konsequenzen für die Syntax der Nachricht selbst keine Unterschiede auf. Ob eine Nachricht also mit *pišut čto*, nur *pišut* oder gar nicht eingeleitet wird, scheint dem Zufall überlassen⁵. Dies bedeutet aber: Sollte man die syntaktischen

im Fließtext angeführt, sondern eingerückt. Selbiges gilt, wenn mehrere Beispielsätze in unmittelbarer Folge angegeben werden. Alle anderen Fälle werden im Fließtext angeführt.

⁵ Es mag Bedingungen pragmatischer oder auch inhaltlicher Natur gegeben haben, die die Wahl der Einleitung bestimmen; diese müssen aber hier nicht in Betracht gezogen werden, da die Syntax im Vordergrund steht.

Kontexte der Periphrasen streng nach dem Schema der Einleitung des gesamten Abschnitts in die Kategorien ‘Hauptsatz’ bzw. ‘Objektsatz’ einteilen, ergäbe sich eine enorme Verzerrung in der Statistik bezüglich des Vorkommens der Periphrasen in ebendiesen Kategorien.

Ein solches Vorgehen erscheint aus einem dritten Grund nicht wünschenswert. Manchmal liegt wohlmöglich eine indirekte Rede tatsächlich vor: „[...] и того ради чаю⁷ что сия коми|сиа чреэз симу|стоити вѣдетъ“ [BK-пу: 473 (188.181)]. Fälle, in denen sich der Objektsatz über mehrere mit *a* oder *i* verbundene Teilsätze erstreckt, sind oft durch ein wiederholtes *čto* kenntlich gemacht:

- (2) [...] сказал им камицѣрь корѣлюи с повеления королев|ского что королевское величество на успокоение | брані вѣшныя войны с московским народом послал | на рубѣж комисаров для договорѣ, а что межд[у]⁶ | ѣсоынаа внутренаа война настоит [...] [BK-пу: 183 (48.178–179)].

Hier musste eine heuristische Lösung gefunden werden: Als indirekte Rede wurden nur die Teilsätze gewertet, die mit einer Phrase der Form (*pišut*) *čto* eingeleitet werden. Nachfolgende Teilsätze, die mit *a* beginnen, wurden als außerhalb der indirekten Rede stehend betrachtet und demnach den Hauptsätzen zugeteilt. Auch dies spiegelt die Wirklichkeit nicht ideal wieder. Das Vorgehen ist gerechtfertigt, insofern die Affinität der Periphrasen zu Haupt- oder Objektsätzen, wie aus Pen’kovas Untersuchung hervorgeht, keine zentrale Rolle spielt.

Anlass und Verarbeitung der Texte spiegeln sich auch in der Semantik wieder. Bis auf einige eindeutig dem Schreiber oder einem übersetzten Brief zuzuordnenden Passagen in der ersten Person und das Zitieren von Beschlüssen des Sejms also sind fast *alle* Aussagen dem Hörensagen zuzuordnen: Ein Vorleser trägt dem Zaren vor, was man im Ausland *sagt und schreibt*. Er gibt Informationen wieder, die er nicht aus erster Hand kennt. In diesem Sinne stellt die Futurreferenz der Vesti-Kuranty (fast) immer eine Hypothese dar und trägt unweigerlich eine epistemische Modalität (zur Terminologie s. [Пенькова 2021: 218]), epistemische Möglichkeit oder Notwendigkeit. Dies wird auch deutlich am häufigen Gebrauch von einleitenden Verben wie *čajut* (*čto*).

4. Ergebnisse

4.1. *iměju*

Insgesamt kommt die Konstruktion 80-mal in den Vesti-Kuranty vor. Sofort fällt ins Auge, dass die Konstruktion nicht regelmäßig verteilt ist, sondern stellenweise gehäuft vorkommt. Allein in Text 163 finden sich 19 Belege, in Text 2 immerhin sechs. Hier werden Beschlüsse dargestellt. In Text 2 heißt es:

⁶ Textkritische Ergänzungen und Hervorhebungen in den Ausgaben der Vesti-Kuranty werden übernommen und in der vorliegenden Arbeit nicht spezifisch gekennzeichnet. Ergänzungen durch den Verfasser der vorliegenden Arbeit werden kenntlich gemacht.

- (3) [...] *пред своєю смертью крѣпкои | указъ учинилъ чтобъ его освободитъ | и послѣднее постановеи | на писмѣ учинилъ еще.* |

А

Что королева его величества | сѣпрѣга имѣетъ быть | оберегательница королевского | и своего сына и что в дѣмѣ | [...] при навъшшихъ пяти пра | вителеи имѣетъ два гласа имѣти.

В

Такъ же и палцъградъ Зѣлицъпалскии | имѣетъ быти королевичевъ | оберегатель. [...] [BK-ру: 77 (2.187–188)].

Für den in seinem Gebrauch ähnlichen Text 172 ist die deutschsprachige Vorlage bekannt: „Сѣдъ головный не имѣетъ быть держанъ | для того что коронование блискъ“ [BK-ру: 409 (172.73)] — „*Daß Captur-Gericht sol nicht mehr gehalten werden / weil die Crönung schon für der Thür ist*“ [BK-ин: 384 (164)].

Dies deutet bereits an, dass die deontische Notwendigkeit, wie dies Pen'kova (s.o.) bereits festgestellt hat, eine wichtige modale Komponente ist. In den negierten Beispielen lässt sich dabei die Nähe der negierten deontischen Notwendigkeit zur negierten deontischen Möglichkeit, die bei Pen'kova erwähnt wurde, feststellen: Bei Verordnungen wie „Нихто не имѣетъ дво | имъ науаствомъ владѣть [...]“ [BK-ру: 377 (163.43)] handelt es sich natürlich um ein Verbot und somit um das Verwerfen einer Erlaubnis. An einer Stelle wird die naturgemäße Nähe dieser beiden Modalitäten deutlich: „Но не пожелаютъ никакомъ послу в городе | в Варшаве стоятъ. только имѣютъ | стояти оу Варшавы въ Гхъ милѣхъ“ [Ibid.: 352 (142.25)]. Hier handelt es sich zwar um eine Anordnung, doch diese stellt eine eingeschränkte Erlaubnis dar: Der Botschafter hat die Wahl sich in einer bestimmten Entfernung von Warschau aufzuhalten — er ist dazu aber nicht gezwungen, da ihm die Wahl frei steht, gar nicht nach Polen zu kommen. Nur in der Stadt Warschau selbst darf er sich nicht aufhalten. Die Nähe von Pflicht und Erlaubnis zeigt sich auch im Verb des ersten Teils des Satzes: *pozvoljajut*.

Außerhalb der Verordnungen ist es natürlich nicht so einfach, eine deontische Notwendigkeit nachzuweisen, wie man an zwei Belegen sehen kann:

- (4) А с тѣми комисары имѣетъ | принѣти в Киевѣ ꙗко вонска [BK-ру: 344 (134.82)];
- (5) Два гонца казацкие передъ братомъ Дорошенковымъ приѣхали | а братъ Дорошенко съ ними ѣдетъ | і имѣетъ корѣне объявлять что | братъ его Дорошенко зело | о томъ дивѣетца для чего корѣна Полскага | объ немъ зело хѣдо мыслитъ [Ibid.: 437 (180.198)].

Nun kann hier durchaus eine deontische Notwendigkeit vorliegen: Es ist die Pflicht der Heere, mit diesen Kommissaren nach Kyjiw zu kommen; es ist der Auftrag des Bruders, Dorošenkos Verwunderung vorzutragen. Aber genauso plausibel wäre die Deutung als Hörensagen, also eine solche Übersetzung: *Mit den Kommissaren sollen — den Nachrichten nach — Truppen nach Kyjiw kommen* und *Der Bruder wird — den Nachrichten zufolge — der polnischen Krone Dorošen-*

kos Anliegen schildern. Die deutschsprachige Vorlage ist immerhin für den letzteren Beleg vorhanden:

- (5') Es sind wiederumb zwey Cosaken als Vorboten des Doroscenko Bruders angekommen / welcher der Cron beybringen soll / daß sich der Doroscenko höchst verwundert / warumb die Cron Polen so eine böse Meynung von ihm habe [БК-ин: 404 (180)].

Allerdings ist das Verb *sollen* ähnlich ambig wie sein Gegenstück im russischen Text. Doch scheint hier eher der Auftrag im Vordergrund zu stehen, nicht die Weitergabe der Information. Das erstere Beispiel bleibt mehrdeutig und ist somit exemplarisch für die Schwierigkeit speziell in diesem Korpus, eine epistemische Modalität eindeutig zu bestimmen oder auszuschließen.

Auffällig ist in jedem Fall, wie häufig die Konstruktion *Aufträge* wie die des Bruders von Dorošenko und, als abgeschwächte Form von Aufträgen, *Pläne* bezeichnet. Typisch ist hierfür das Beispiel aus Text 198:

- (6) К приѣздѣ королевскаго величества здѣшній | городъ въ ворота | честные поставитъ хочеть чerez | которые королевское величество | въѣзжать имѣетъ [БК-пу: 502 (198.107)].

Es ist anzunehmen, dass die Pläne und Bestimmungen dieser Form als eine Spielart der deontischen Notwendigkeit aufgefasst werden dürfen. Die semantische Ähnlichkeit in derartigen Kontexten lässt sich wie folgt auffassen: *Es ist der Plan, dass $X \sim$ Es soll sein, dass $X \sim X$ soll sein.* Aus der deutschen Vorlage ergibt sich im Übrigen kein eindeutiges Bild, da die Verbalphrase nicht enthalten ist: „Diesem Königlichen Einzuge gebührende Ehre zu erweisen / ist diese Stadt bemühet und im Weck begriffen zwei Ehrenpforten aufzurichten“ [БК-ин: 419 (205)].

Andere Stellen sind ebenso fraglich:

- (7) А на | небольшое ж намѣрение в людехъ | и склонность къ црвчю московскомъ | здѣс слышнѣть. будто с | той страны | х корѣне Полскои внов были великие | обещания таковы будѣ | поляки црвча на королевство | оберутъ то поляков имѣетъ его | црское величество спомогать | противъ всякаго неприятеля [БК-пу: 333 (127.237)].

Eine Notwendigkeit ontologischer oder deontischer Natur ist hier ausgeschlossen, da es sich um ein Versprechen vonseiten des Zaren handelt. Doch darf dies nicht als Intention missverstanden werden, sicherlich geht es um eine Vorhersage über das Verhalten des Zaren. Am ehesten hat man es wohl mit einer epistemischen Notwendigkeit zu tun.

Vergleiche auch folgende Textstellen: „[...] то | ловые людѣ изъ Варшавы | приѣхавъ | сказали что | [...] имѣетъ бытъ в Варшавѣ великій | свадебный банкетъ“ [БК-пу: 507 (200.132)] als Übersetzung der Vorlage „[...] Einige Kauffleute aber / aus Warschau kommende / berichten / [...] darauff denn das hochzeitliche Convivium sollte gehalten werden.“ [БК-ин: 423 (210)]. Auch hier scheint eine epistemische Interpretation naheliegend.

In einer Nachricht weiter unten im selben Text, welche von antisemitischen Plänen zur Vertreibung von Juden berichtet, scheint wiederum die deontische Notwendigkeit zu dominieren: „Жи́ды изъ все́хъ гс́дрствъ егво | цесарского вели́чества вы́гнаны имѣютъ | быт [...]“ [BK-ру: 507 (200.133)] Auch eine epistemische Deutung ist nicht völlig auszuschließen, dürfte aber nicht im Vordergrund stehen, wie die deutsche Vorlage nahelegt (zum besseren Verständnis ist der gesamte Abschnitt zu zitieren):

- (8) Daß die Judenschafft aus Ihrer Käyserlichen Maytt. Erb-Königreichen oder Landen auff ewig weichen sollen / solle / wie berichtet wird / dieses die Hauptursache seyn / daß einige am Käyserlichen Hofe anwesende Spanische Geistliche Ihrer Maytt. zu Gemüthe geführt / daß so lang man die Judenschafft lidte / würde schwerlich die Käyserin einen Printzen in die Höhe bringen / die Juden daselbst sind darüber gantz bestürzt / und Weheklagen gar sehr [BK-ин: 423 (211)].

In der Nachricht wird eine Hypothese zu den Gründen, die den Kaiser zu dieser Haltung bewogen haben, vorgebracht (dass diese nicht aus erster Hand stammt, ist klar am Konjunktiv I zu erkennen) — der Fakt des menschenfeindlichen Vorhabens wird als vorgegeben betrachtet und ist demnach als modales Hörensagen anzusehen.

Weitere Textstellen zeigen eine Ambivalenz von deontischer Notwendigkeit, Plan und Hörensagen: „Поне́же семти́дра къ Крму́ чина́хъ | къ его́ црскому́ вели́честву москoвскому́ | вели́кие и по́лномо́уныя посылы́ посланы | имѣютъ бытъ“ [BK-ру: 539 (211.178)] als Übersetzung von „*Weil künftigen Michaelis eine Gesandtschaft zu den Tractaten mit Moscau abgefertigt werden möchte*“ [BK-ин: 439 (229)]. In derselben Textstelle findet sich ein anderes Beispiel: „ссылки с ыноземскими князы в гс́дрствѣ | ны́хъ дѣлѣхъ отставлены быти имѣютъ“ [BK-ру: 540 (211.180)] mit der Vorlage: Es „*Solten die Correspondentzen mit außländischen Fürsten in meteria (=materia?) Status gehemmet werden*“ [BK-ин: 440 (229)]. Im Original handelt es sich, wie im ganzen Abschnitt, um eine Empfehlung. Dieser Aspekt wird in dem zuvor genannten Beleg nicht deutlich, da es sich um einen Kausalsatz handelt. Dies wurde auch vom Übersetzer so verstanden, wie man aus anderen Auszügen ansehen kann: „о звычанномъ дау денѣ татарамъ | надобно промыслъ чинитъ“ [BK-ру: 540 (211.179)], basierend auf der Vorlage: „*Deß gewöhnlichen Donativs für die Tartarn müste man eingedenck seyn*“ [BK-ин: 439 (229)]. Da *iměju* aber an anderen Stellen in den Vestikuranty nicht in Empfehlungen auftritt, ist es wahrscheinlich, dass man sich an dieser Stelle eher an das deutsche *sollen* angelehnt hat als an den pragmatischen Kontext der Vorlage.

An kaum einer Stelle lässt sich eine reine ontologische Notwendigkeit feststellen. Als einziger unzweifelhafter Beleg darf folgender gelten: „порочествовано что новыи | папа имѣетъ быт изъран от Исуса | или от врага егво“ [BK-ру: 488 (194.57)], denn hier handelt es sich um eine Prophezeiung, also der laut Jur'eva standardmäßig auftretenden Umgebung für die ontologische Notwendigkeit

[Юрѣва 2011: 72]. Allerdings kann, da es sich um wörtliche Rede handelt, auch hier ein Hörensagen nicht ausgeschlossen werden.

Fast überall schwingt also eine epistemische Notwendigkeit mit, wie auch im folgenden Beispiel: „[...] ЧТОБЪ ЕМУ | ПОСПѢТЬ КЪ ДОКОНЧАЛЮ СЕ/МА | КОТОРОИ СКО/НИ-
тиса имѣет П число | МА/ТА“ [BK-ру: 163 (38.46)]. So kann man festhalten, dass die deontische Notwendigkeit mit einigen Spielarten (das Auftreten in Plänen, Vorhaben und Aufträgen) in den Vesti-Kuranty eine bedeutende modale Interpretation ist. Die ungewöhnliche Prominenz der epistemischen Modalität ist auf den spezifischen pragmatischen Kontext zurückzuführen. Dabei ist *iměju* trotz seiner modalen Konnotation stark grammatikalisiert, denn Verneinungen lauten *ne + iměju + Infinitiv*. Unter 13 negierten Phrasen gibt es keinen einzigen Beleg für *iměju + ne + Infinitiv*. Die Untrennbarkeit der Periphrase durch eine Negation ist aber ein Argument, das Grenoble [1995: 187–191] anführt, um zu zeigen, dass *budu + Infinitiv* keine modale, sondern eine temporale Konstruktion darstellt.

Dieses Argument allein kann jedoch im vorliegenden Fall nicht der überwältigenden Evidenz der Belege entgegenstehen. Infinitivkonstruktion mit *iměju* ist in den Vesti-Kuranty kein Mittel zum Ausdruck des periphrastischen imperfektiven Futurs, was sich anhand der Belege ersehen lässt. Relevant sind die Belege im Aktiv, denn im Passiv kann auch *budu* mit dem perfektiven Aspekt in Form der Konstruktion *budet sdelan* kombiniert werden. Von den 42 Belegen im Aktiv treten ganze 10 mit einem Infinitiv des perfektiven Aspekts auf, z. B.: „КОТОРЫЕ ИМѢЮТЪ
КОРОЛЕВСКОГО | ВЕЛИЧЕСТВА НЕВѢСТУ ОТПУЛ СЮДЫ | ПРИВЕСТИ“ [BK-ру: 441 (181.210)].

Nichtsdestotrotz spielt *iměju* natürlich eine wichtige Rolle bei der Futurreferenz, was aus allen genannten Beispielen hervorgeht. So gut wie nie verweist die Phrase auf die Gegenwart; nur bei Anordnungen kann von einer solchen Semantik ausgegangen werden, da die Verordnungen ab sofort gültig sein sollen. Auf die zentrale Stellung der Futurreferenz in der Semantik von *iměju* weist auch das seltene Vorkommen im Präteritum (nur vier Belege) hin. Allerdings bleibt die Futuralität angesichts der Modalität eher im Hintergrund.

4.2. *imam'*

Wie bereits oben erläutert, wurden alle Vorkommen einer athematischen Konjugation als Formen von *imam'* betrachtet. Dies betrifft auch die Formen, die im Index der Vesti-Kuranty als *ямь* ausgewiesen wurden (dabei handelt es sich ausschließlich um die 3PL). Auf diese Weise wurden sieben Belege identifiziert. Dass die Verwendung von *iměju* die von *imam'* überwiegt, was für russische Texte derselben Zeit nach Ausweis Pen'kovas eher unüblich ist [Пенькова 2021: 217], ist zweierlei zu erklären: Zum einen aus Sicht des westeuropäischen Einflusses und dem möglichen Einfluss ruthenischer Übersetzer und zum anderen aus Sicht des mündlichen Charakters der Vesti-Kuranty.

Nun sollen die Belege im Einzelnen betrachtet werden. Die ontologische Notwendigkeit als wichtigste Bedeutungskomponente sticht dabei deutlich hervor: „АЩЕ ЖЕ СЯ | НЕ ЗВУДЕЦА ОТ ЧЕГО БЖЕ | СОХРАНИ ТО ИМАТ НАХОДИТИ |
ХРСТИАНСКИМЪ НАРОДОМЪ КОНЕ УНА | ПОГИБЕЛ“ [BK-ру: 235 (67.19)]. Man beachte

die Menge der Kirchenslavismen: „лице, сие, вже, сохрани“, von denen zumindest die ersten beiden keinen Nachhall in der heutigen russischen Umgangssprache gefunden haben: Die große Gefahr und Wichtigkeit der beschriebenen Vorgänge wird durch die hohe schriftsprachliche Lexik und in diesem Zuge auch durch *imam'* + Infinitiv unterstrichen.

Etwas anders liegt die Situation bei folgendem Beleg: „татары [...] гросят: по|лакомъ вѣде ѹи|натъ вспоможения Москвѣ то они на по|лаковъ воиноу имѣтъ на|стѣпнѣтъ“ [BK-ру: 266 (86.103)]. Der pragmatische Kontext ist vermutlich eine Drohung, also ein kommissiver Sprechakt. Demnach ist hier nach Dahl eine Intention, keine Vorhersage anzusetzen. Dies stört jedoch nicht unbedingt bei einer Interpretation als ontologische Notwendigkeit — die Modalität ist Teil der Semantik, die Drohung Teil der Pragmatik. Das Futur scheint für diesen Beleg einigermaßen „rein“ zu sein.

Allein steht ein Beleg in Text 165:

- (9) [...] Из ѹкраины пишѣтъ | что тѹркскою посол предлагал казаком снѣ ста ті
[...]
А
Казаки имѣтъ быти при своѣмъ вѣре | [...] [BK-ру: 388 (165.66)].

Da es sich um einen Vorschlag handelt, ist hier wohl am besten die deontische Möglichkeit anzusetzen: Den Kosaken wird es *gewährt*, ihren Glauben zu bewahren. Man Vergleiche nachfolgenden Artikel: 165:

- (10) В
Тѹрски своихъ мечѣтовъ въ ѹкраѣнныхъ горо|дѣхъ ставитъ не вѣдѣтъ, | [...] А
Погодные данї платити не вѣдѣтъ | [...] [BK-ру: 388 (165.66)].

All dies lässt sich am besten als kommissiver Sprechakt erklären, die letztgenannte Textstelle ist ganz deutlich eine Intention — dies ist demnach auch der Fall für *imam'* + Infinitiv.

Fraglich ist, wie die Textstelle 171.88 zu interpretieren ist:

- (11) С ѹкраины нне вѣсти добрые а ска|зываютъ что Дорошенко с своими | козаками на нѣкоторыхъ тесныхъ | мѣстѣхъ татар по|тѣрегъ | и порубилъ ихъ съ |и ѹлвкъ | а сверхъ того послалъ калмыкъ | чѣтвы Крымъ роззорали, | а договоры с Московскимъ гдѣрствомъ | едѣ имѹтъ начатися [BK-ру: 408 (171.88)].

Hier liegt m. E. am ehesten eine deontische Notwendigkeit im Sinne des Bevorstehens der Verhandlungen mit Moskau vor.

Schließlich ist noch die Textstelle „татарскои посланикъ объявлял | что отъ тѹрковъ великие трѣбности | имѣтъ бытї“ [BK-ру: 492 (195.76)] zu beachten. Hier mag es sich — angesichts des weiteren Kontexts dieses Beleges — wie im oben zitierten Beispiel (pragmatisch gesehen) um eine Drohung handeln, die (semantisch gesehen) als ontologische Notwendigkeit gedeutet werden darf.

Wie zu sehen ist, besitzt die Konstruktion syntaktisch keine Eigenschaften von *imu* mehr, so ist auch die 3PL zweifelsfrei als Form von *imam'* zu analysieren. Interessanterweise steht die Periphrase in drei von vier Belegen in einer Apodosis zu einem Konditionalsatz. Dies ist nach den Daten des RNC durchaus typisch (laut Pen'kova [2019: 576] traf dies auf 31% der Token zu). Doch ist die Zahl von sieben Elementen zu gering, um darüber eine verlässliche Aussage zu tätigen.

Imam' ist hinsichtlich seiner Modalität ziemlich variabel, doch wird deutlich, dass die ontologische Notwendigkeit über die deontische dominiert, im scharfen Kontrast zu *iměju*. Wo keine ontologische Modalität vorliegt, wird deutlich, dass die Modalität als Konnotation nicht so stark ist wie bei den Fällen von *iměju* + Infinitiv. Mit anderen Worten, *imam'* ist näher am „reinen“ Futur. Dies bestätigt die oben zitierten Erkenntnisse von Pen'kova.

4.3. *zač'nu*, *nač'nu* und *poč'nu*

Völlig von der Verwendung als periphrastisches Futur ausgeschlossen sind die Verben mit der Wurzel *-č'n-* (abgesehen von *uč'nu*): *zač'nu* regiert kein einziges Mal einen Infinitiv. Die Infinitivperiphrase mit *poč'nu* ist 14-mal belegt, aber ausschließlich im Präteritum. Auffällig ist das geringe Vorkommen von *nač'nu* — mit fünf Belegen, von denen zwei im Futur konjugiert sind⁷:

(12) ОБЪЯВИЛ [...] ЧТО ЗА НИХ ПРОТИВ | АГЛИЧАН ВО ВСЕМ СТОЯТІ БЪДЕТ И ВСАКОЕ НИ СПОМОГАТЕЛ | СТВО ЪЧИНИТИ НАЧЕТ [BK-пу: 141 (30.61)];

(13) БЪДЕ ТОГО ЪЧИНИТИ | НЕ ИЗВОЛИТЬ И СЕИМЪ ДЕРЖАТИ | НЕ ЪНУТ ТОЛКО КОМЪОКАЦИЮ | ВЫПИСЫВАТИ НАЧНУТ [Ibid.: 279 (93.135)].

Ausgerechnet einer dieser Belege (nämlich (12)) steht aber Parallel zum Futurreferenz mit *budu*. Doch genügt ein möglicherweise futuraler Beleg kaum, um von einer Grammatikalisierung auszugehen.

Das geringe Vorkommen von *nač'nu* ist auffällig. Dies lässt sich damit erklären, dass dieses Lexem zur gegebenen Zeit noch eher für die high variety (knižnyj registr) geeignet ist. Die explizit inchoativen Verben *nač'nu* und *poč'nu* stellen in Verbindung mit dem Infinitiv insgesamt nur 18 Belege. Es ist fraglich, ob nur 18 Mal eine inchoative Aktionsart auftritt. So liegt es nahe zu vermuten, dass die Funktion der inchoativen Aktionsart auch durch andere Verben realisiert wurde, eventuell *stanu* oder *uč'nu*. Letzteres kommt im Präteritum immerhin 49-mal mit Infinitiv vor.

4.4. *stanu*

Es konnten 21 Belege von *stanu* + Infinitiv gefunden werden. Zur Semantik darf gesagt werden, dass in vielen Belegen die von Stojnova beobachtete Betonung der Verschiedenheit vom Moment der Rede [Стойнова 2019: 60] andere

⁷ Drei Belege im Präteritum: Einmal in [BK-пу: 136 (27.105)] und zweimal in [Ibid.: 217 (59.306, 59.307)], letztere zwei in einer kirchenslavischen Form (начаша).

semantische Konnotationen zu überwiegen scheint. Auch ein inchoatives Moment kann festgestellt werden, es ist jedoch nicht immer klar, ob dieses tatsächlich im Vordergrund steht.

Eine modale Zuordnung gestaltet sich bei den meisten Vorkommen schwierig. Bei zwei der vier negierten Periphrasen wird die Modalität der „bewussten Wahl“ aktiviert, wie sie Stojnova auch im modernen Russischen identifiziert hat (vgl. [Ibid.: 62]) — selbst in der dritten Person. Diese sind:

- (14) [...] СТАТЫ ТАКОИ ДОГОВОР ПОДПИСЫВА Т | НЕ СТАНУ Т ПОТОМУ ЧТО ОНИ ПРОТИВ
прежнего | ДОГОВОРЪ СТАЛ И ПРОТИВНЫ [БК-ру: 77 (1.283)];
- (15) А ШВАЙЦЕРСКІЕ | СОЕДИНЕННЫЕ РАКЛИСЫ СОЮЗ ДѢЛАЮ Т [...] А В ТОМЪ СОЮЗЕ | ИХ
ВѢРЫ И ИЗВЫГАНЮ МЕША ТЬ | НЕ СТАНУ ТЪ [Ibid.: 300 (105.176)].

Die Phrase ist im letzteren Falle wohl unpersönlich (d. h. keiner der Bündnispartner wird den Glauben der Schweizer stören).

Anders verhält es sich mit dem folgenden Beleg: „и его цесарского величества приказали генералъ Зѣхенъ что не стане т тотъ городъ очищать“ [БК-ру: 91–92 (7.477)] Im betreffenden Abschnitt wird die Belagerung einer Stadt und der Befehl eines Königs an seinen General geschildert; demnach handelt es sich um eine deontische Notwendigkeit (der vierte Beleg wird im folgenden Abschnitt besprochen). Die spezielle Wahl des Auxiliars mag auf eine Emphase zurückzuführen sein: Der Befehl kontrastiert mit dem Vorhaben des Generals.

Manchmal steht das Hilfsverb in der Protasis eines Bedingungssatzes wie in folgenden Fällen:

- (16) А БѢДЕ Т ХТО | СТАНЕ Т ГРАБИ Т И РОЗБИВА Т И ТѢХ | ВЕЛЯ Т ЛОВИ ТЬ И ПРИВОДИ Т К
сѣду [БК-ру: 85 (4.75)];
- (17) ПО СЕ ВРЕМЯ | ЕЩЕ К ДОБРОМУ НЕ ОКАЗДЕ ТЦА | А БѢДЕ ЕЩЕ ТАКЪ ПРЕБЫВА Т |
СТАНЕ Т, И ШВЕДЫ ЕЩЕ НАВА | СЯТ І ДОБРОГО ВІНА ОЛКѢШИВА ТЬ | ХОТЯ Т И СВОИ
И ДРѢЗГАМ СПОМОГА Т [...] [Ibid.: 338–339 (130.256)];
- (18) ДАЦІ ГРАДЪ НАИМѢРГСКОМЪ ВСПОМОГА ТІ | ХОТЯ Т К ПОЛСКОИ КОРѢНЕ БѢДЕ Т
В ТОМ МОСКВА | СИЛОЮ СВОЮ НИКАКОИ ПОМѢШКИ ЧИНИ ТЬ НЕ СТАНЕ ТЪ [Ibid.: 348 (138.31)].

Es gibt noch einen Beleg bei [БК-ру: 352 (141.280)], der (18) im Wortlaut gleicht. Diese Belege haben einige Auffälligkeiten: (16) schließt eine inchoative Lesung nicht aus, drängt diese aber nicht in den Vordergrund: *und wenn jemand auch nur anfängt zu rauben = wer auch immer rauben wird*. In (17) liegt wohl nicht, wie just das Vollverb *пребыва т* nahelegen würde, etwa ein kontinuativer Kontext vor. Sondern, wie das Zitat in voller Länge zeigt, muss die richtige Übersetzung *und sollte es (wider Erwarten!) noch so kommen, dann...* lauten. Hier liegt also ganz deutlich die Semantik des scharfen Kontrasts zum Zeitpunkt der Rede vor. Bei (18) schließlich entwickelt sich keine „Modalität der bewussten Wahl“ trotz Negation.

Ausgesprochen selten tritt die Infinitivkonstruktion mit *stanu* in Hauptsätzen auf, nämlich nur in folgenden drei Fällen:

- (19) июля въ Ді де во всем | королевствѣ станутъ молебствова^т и бѣа благо | даритъ за побѣду надъ голанцы [ВК-ру: 133 (25.87)];
- (20) ꙗ к немѣ | с воишомъ подходитъ станеть | ꙗ они Краковскои и Кѣавскои | и Химскои гдѣа вискѣпы про | тивъ ево выидѣ^т с ѹлобителъ | его королевскомѣ величествѣ [Ibid.: 213 (58.238)];
- (21) да с новыхъ | мѣдныхъ пѣшекъ лили и ещю болши | литъ пѣшекъ станѣ^тъ [Ibid.: 97 (9.52)].

Hier kann eine inchoative Deutung nicht ausgeschlossen werden, aber sicherlich liegt nicht das Hauptaugenmerk darauf. In (21) ist die Bedingung der Verschiedenheit vom Redezeitpunkt [vgl. dazu Стойнова 2019] nicht verletzt — momentan ist wohl die Aktion unterbrochen und wird später wieder aufgenommen. Zudem wird die Verschiedenheit durch „и ещю болши“ — „noch mehr“ — betont.

Es gibt drei Fälle, in denen die Konstruktion im Relativsatz erscheint:

- (22) чѣто с его | королевское величество ижолилъ | ꙗхъ приговоры и рѣчь приня^т о чѣмъ | доносить станутъ [ВК-ру: 259 (82.87)];
- (23) здѣсѣ ожидаю^т | московского посла, которои [...] застѣпною грамотою ѣ папы просить станеть, чѣто то^т | высокореченный црѣвь рижскѣю | католицкѣю вѣрѣ принять | рекся [Ibid.: 299 (105.173)];
- (24) и вы бѣ^т того помнѣтого посла | чѣто он о нашихъ делахъ ѹнетъ доносить | принимали ино особо какъ он ншѣ любовъ | меж нас і вас о постановленномъ миру и о сосѣдстве | инои дрѣже ѹнетъ подкрепля^т и обнаде | жива^т вас чѣмъ станеть полнѣю мочью | вѣрить [Ibid.: 254 (77.79)].

Bei (22) scheint dabei die inchoative Bedeutung mit eingeschlossen und sogar beabsichtigt. Dies ist wohl auch bei (23) zu vermuten. In (24) hingegen liegt mit einiger Wahrscheinlichkeit eine Futurreferenz ohne inchoative Komponente vor.

Alle anderen Belege sind Objektsätze, die auffällig oft vom Verb *čajati* abhängen. Dieses Verb scheint weniger in der Bedeutung ‘hoffen’ als in der Bedeutung ‘erwarten/vermuten’ aufzutreten:

- (25) В Галамцкои землѣ подлинно чаю^т чѣто корол драмцуж | скои галанцомъ противъ агличан станетъ посланкова^т [...] [ВК-ру: 133 (25.88)];
- (26) о да^т | скои королѣ подлинно не слышитъ к кото | рои сторонѣ склонитца но чаемъ | чѣто станетъ въ тишинѣ превыва^т [Ibid.: 151 (33.73)];
- (27) иные помышляю^т чѣто и коруна | свѣтлая тутъ ж вмешаетца | и помогать станетъ агличаномъ [Ibid.: 200 (53.196)];
- (28) многие новые пашни приѣжаю^т | с ратными людьми и чаю^т чѣто они | на хрстиан насту^тпа^т станутъ [Ibid.: 248–249 (74.60)];

- (29) иные того дѣла | не чаю^т что станетца и через | то чае^т что королевское величество в нынѣхъ мыслехъ | превышает^т станетъ [Ibid.: 277 (92.150)];
- (30) а вмѣсто сходитца | станѣ^т ли или нѣ^т, и томѣ время | окажет [Ibid.: 321 (119.216)];
- (31) а по взглядаѣ | чаю^т что онъ тутъ зимовать стане^т; | и до весны сюда не бѣдет [Ibid.: 420 (176.161)];
- (32) онъ послал к нимъ нѣсколько | сотъ загоныхъ людеи которые | тѣркскаго агѣ взяли а Ѳран| жипании на однои лошади | ѡшол от нихъ, и чаю^т что от аги | такъ ево крѣпко спрашива^т | станѣ^тъ, и немалые вѣсти | от него явны бѣдѣтъ [Ibid.: 521 (205.358)].

Eine starke Betonung der inchoativen Aktionsart scheinen die Beispiele (25), (27) und (28), eventuell auch (30) und (32) zu enthalten. Satz (29) erscheint als typisches Beispiel des Kontrastes mit dem Moment der Rede (bzw. Erwartungen im Moment der Rede). Die Sätze (26) und (31) scheinen einer inchoativen Interpretation hingegen unzugänglich.

Ähnlich wie im von Pen'kova [Пенькова 2019] analysierten Korpus, weist *stanu* auch in den Vesti-Kuranty keine syntaktische Spezialisierung auf. Es scheint als ein semantisch einigermaßen reiner Vertreter zur Futurreferenz gebraucht worden zu sein, wofür auch das geringe Vorkommen im Präteritum (elf Belege) spricht. Jedoch kann in den vorgebrachten Beispielen sehr häufig eine inchoative Konnotation nicht ausgeschlossen werden. Es gibt eine unleugbare Auffälligkeit: Verglichen mit *budu* kommt *stanu* ausgesprochen selten in den Vesti-Kuranty vor. Dies widerspricht den Daten des RNC für diese Zeit und wirft eine Frage auf: Wenn *stanu* im 17. Jahrhundert in der Volkssprache weit verbreitet gewesen sein soll (s. o.), warum dann nicht auch in den von Maier als exemplarisches Dokument mündlicher Kommunikation gewerteten Vesti-Kuranty?

4.5. *uč'nu*

Die Infinitivkonstruktion mit *uč'nu* findet sich 23-mal in den Vesti-Kuranty. Eine häufigere syntaktische Umgebung ist dabei die Protasis von Konditionalsätzen, die sechs Mal festgestellt wurde:

- (33) бѣдет королъ свѣжкои ему против | галамцов спомогати ѡчнетъ дасть | ему гравство [ВК-ру: 153 (34.83)];
- (34) бѣдетъ хто ѡчнетъ спомогать | вискѣпъ Минстерскомѣ и тотъ емѣ явномъ | неприятель бѣдет [Ibid.: 166 (40.31)];
- (35) его королевское величество | хочетъ всякую маетъ имъ | окасати. бѣдетъ они | явно и охотно миру с дѣдичнои | земли искати ѡчнутъ [Ibid.: 218 (60.277)];
- (36) а здѣ московскои посланникъ ѡ сенаты | ѡ отвѣта бы, и после иныхъ статей объявилъ | бѣдетъ Рѣчь Посполитаѣ ѡчнутъ помочь | чинитъ ко обранию на королевствъ | Полское гдѣрю црвчю и црское величество с тремѣ сот

тысячи воинскими | людьми против турского двора обещался ити [Ibid.: 310 (111.95)];

- (37) Турски салтан обещался всемъ городам во Адрики [...] ꙗко воинскихъ людей против адрикалского | владѣтеля Тадилета да ꙗ, буде | онъ к тѣмъ городамъ ѹнетъ | приступать [Ibid.: 465 (187.28)].

Der Beleg (36) wirft Fragen hinsichtlich der Kongruenz auf. Nach Ansicht des Verfassers kann aber davon ausgegangen werden, dass das Subjekt durchaus Рѣчь Посполитаѣ ist und im Plural aufgefasst wurde. Alle Belege könnten — mit Hinblick auf *stanu* sowie andere Verben mit der Wurzel -ѣ'н- — auch als inchoativ gewertet werden. Dies trifft aber auf alle Formen der Futurreferenz in Bedingungssätzen zu, da eine Bedeutung 'Falls Situation X gelten wird' semantisch kaum zu trennen ist von 'Falls Situation X eintritt/beginnt'.

Sehr interessant sind zwei Belege für Temporal-Konditionale Sätze:

- (38) Чѣмъ московские титлы и полские страны сполна | писатъ, какъ ѹнѹтъ писати поляки к турскому салтану или х крымскому хану [ВК-ру: 491 (195.73)];
- (39) [...] также какъ | нѣкотори земскии посолъ ѹнетъ | в чѣмъ противное творить, и что | доброго ѹсѣтовали, онъ не похочетъ | на то проиждити, и прочъ отидетъ, | гдѣ сенаторы в небытии королевскогъ | величества, чѣмъ с ынными земскими | послы советовали, естъли для того | сѣмъ рѣшати или нѣтъ [Ibid.: 539 (211.177)].

In letzterem Beispiel ist die Vorlage bekannt, wenngleich die Übersetzung nicht ganz wortwörtlich erfolgte:

- (39') [...] Es wäre gut / daß / wann ein Landbott mit der Protestation weggehe / die Herren Senatores, absente Regem mit den übrigen Landboten examinieren möchten / ob solche Protestation gültig seyn könne / oder nicht / und ob darüber der Reichs-Tag solle zerrissen oder fortgesetzt werden solle. [ВК-ин: 439 (229)].

Wiederum handelt es sich auch in der Vorlage um eine Wiedergabe und keine Informationen aus erster Hand, was den Konjunktiv I erklären mag. Leider findet sich die Phrase „ѹнетъ | в чѣмъ противное творить“ nicht in dieser Form als Verbalphrase wieder („mit der Protestation weggehe“). Dennoch ist zu konstatieren: Bei (39) handelt es sich um eine zwar realistische, aber doch in diesem Falle hypothetische, weil verallgemeinerte Situation. In diesem Satz dürfte demnach, im Gegensatz zum ersten, die konditionale Komponente überwiegen. In beiden Fällen sollte ein inchoativer Kontext als unwahrscheinlich gelten, da nicht die Anfangsphase, sondern der Prozess oder das Ergebnis der Handlung wichtig sind.

Auch der Relativsatz gehört mit 5 Belegen zu einer relevanten Kategorie:

- (40) не стою я о томъ что вперед дѣла | тис ѹнетъ [ВК-ру: 148 (32.92)];

- (41) что и иного | ѹчнет впрѣд дѣла тца то | ежедль вѣдомо чинит | бѣдѣ
[Ibid.: 288 (99.164)];
- (42) По се время еце мало навышихъ | к сеи козвocations немного здѣсь |
сѣхалос потомъ великои полскои | генералои съѣздѣ вскоре бѣдетъ | о ве-
ликомъ вѣпорѣ что они | о великомъ гсдртвенномъ камцѣре | и о господине
каштѣланѣ Полянскомъ | и о воеводѣ Иноволѣцкомъ ѹчнѣтъ | доносить
[Ibid.: 320 (119.212)];
- (43) чаѣтъ что [...] никогда они того не чиниѣтъ | что от нихъ того ѹчнѣтъ
спрашивает (sic!) [Ibid.: 356 (145.294)].

Ein Beleg mit einem Relativsatz mit *učnu* + Infinitiv [BK-ру: 254 (77.79)] wurde bereits oben unter (24) zitiert. Zu (40) gibt es eine deutschsprachige Vorlage: „*Ich frage nichts darnach / wie es künftig ergehen möge*“ [BK-ин: 253 (5)]. Es ist interessant, dass die Phrase hier also kein reines Futur überträgt, sondern ein Hilfsverb im Konjunktiv I. Der Konjunktiv I ist natürlich auch hier verlangt, da eine indirekte Frage gestellt wird. Es ist aber davon auszugehen, dass im Russischen keine Modalität zu suchen ist. Satz (24) wurde vom Verfasser als Korrelativsatz mit Auslassung des Bezugswortes aufgefasst (s. Fußnote 2), dann wäre zu ergänzen: и вы бѣ того помѣнѣтого посла | [то,] что он о нашихъ делахъ ѹчнетъ доносить | принимали. Daneben kann die Konstruktion aber auch als Objektsatz interpretiert werden. In (42) wurde *čto* als Relativpartikel interpretiert, wobei im Sinne des vorigen Beispiels ein korrelatives Bezugswort ergänzt wurde. Dies ist aber nicht die einzige Interpretation, denn der Nebensatz kann auch als Objekt- bzw. Subjektsatz gelesen werden: что они | о великомъ гсдртвенномъ камцѣре [...] ѹчнѣтъ | доносить [,] бѣдетъ | о великомъ вѣпорѣ (Umstellung zwecks Verdeutlichung der Lesart). In diesem Satz kann eine inchoative Bedeutung angesetzt werden, steht aber wohl kaum im Vordergrund. Bei (24) und (43) erscheint eine derartige Deutung eher unwahrscheinlich.

Hinzu kommen auch folgende Sätze, die der Verfasser im Rahmen der Statistik als Objektsätze auffasst:

- (44) корѣмнои | канцлеръ предлагалъ королевскому | величествѣ три стати А-я |
Коимъ извѣчаемъ королевское величество ѹчнет впрѣд | королевствомъ
владѣть | дабы гсдство Полское в миру | одержать. егда сие смѣты |
минѣтца. В-я. Оказал | гдѣ емѣ королевскомѣ величѣствѣ достаѣ кажу
на заплату | воискѣ [...] Г-я [...] чтобѣ казалъ бытъ к авгѣстѣ | маѣ новомѣ
сеимѣ. [BK-ру: 203 (54.226)];
- (45) королевское величество [...] говорилъ имъ что то страшное | дѣло многихъ
потѣматова рѣшѣвати (sic!) і какъ они | союзъ чиниѣтъ межъ собою і на Рѣчѣ
Посполитѣю | настѣпати ѹчнѣтъ [Ibid.: 258 (81.83)];
- (46) [...] драицѣжскои резидентъ [...] вѣсти издаѣтъ бѣтто | королевство Пол-
ское ѹчнѣтъ | ѹправлять Рѣчѣ Посполитаѣ, толко видѣтѣя | что тому
дѣлѣ не сѣтца [Ibid.: 333 (127.236)].

Beispiel (44) ist komplex. Eine Interpretation des Satzes „*Коимъ извѣщаемъ королевское величество ѹчнетъ впрѣдъ | королевствомъ владѣть*“ als unabhängiger bzw. selbstständiger Satz liegt nahe, da hier eine Aufzählung vorliegt, was durch den Nominativ der Aufzählung unterstrichen wird: „А-я [...] Б-я [...] Г-я [...]“. Semantisch handelt es sich bei den aufgelisteten Nebensätzen aber um Objekte zum Prädikat *предлагал*. Zugleich dürfen die Nebensätze auch als Attribute zum Objekt *три ерети* gelten. Ein Modalsatz ist tendenziell auszuschließen. Aufgrund des Parallelismus darf wohl von einem Objektsatz ausgegangen werden, dann wäre zu übersetzen: *Der Kanzler schlug [...] vor, welcher Art usw.* Die betreffende Periphrase kann, da es sich um Empfehlungen handelt, als Ausdruck deontischer oder ontologischer Notwendigkeit betrachtet werden, was aber angesichts der Abwesenheit modaler Züge bei den anderen Belegen kaum als angebracht erscheint. Eine ähnliche Situation liegt bei (46) vor, hier wird *věsti* erweitert. Der Nebensatz wird mit *budto*, nicht mit *čto* eingeleitet. Es liegt ein irrealer Kontext vor und eine Modalität des Zweifels schwingt mit. Eventuell sorgt *uč'nu* hier für eine inchoative Komponente.

Daneben gibt es an drei Stellen eine Apodosis, zweimal zu einem Konditionalsatz, nämlich (13) s. o. und (47) s. u., einmal zu einem Korrelativsatz (48) s. u.:

- (47) *сказалъ естъли дѣ ннѣ | англискои народъ моимъ посредствомъ | къ мирѹ с галанцы не склонитца | то ѹчнѹтъ всѣкими воинскими | промыслы с галанцы силою | миръ достигаѣтъ* [ВК-ру: 206 (55.243)];
- (48) *онъ | противъ того писмомъ и словесно отвѣчалъ | что ннѣ та земля отъ королевского величества | отошла а подъ властью тѹркскаго салтана | и хто з гдѣремъ его хочетъ в дрѹжбе быт | и онъ с тѣмъ в дрѹжбе пребывати | ѹчнетъ* [Ibid.: 478 (190.64)].

Satz (47) bleibt bezüglich seines inchoativen Charakters eher ambivalent, Satz (13) scheint aufgrund der Parallele mit *načnut* als inchoativ gebraucht. Satz (47) bleibt bezüglich seines inchoativen Charakters eher ambivalent, und stellt eine Intention dar — einer der wenigen Fälle, in denen diese Periphrase eine solche Bedeutung annimmt. In dieser Hinsicht darf vielleicht auch (48) gedeutet werden.

Schließlich gibt es noch Beispiele von einfachen Sätzen sowie von Haupt- bzw. Matrixsätzen (in der Statistik im Anhang werden alle als Hauptsätze vermerkt; zum komplizierten Verhältnis von Haupt- und Objektsätzen im Korpus s.o.):

- (49) *Сеи ндѣи парламентъ опять соидѣѣца | и дела господина камцѣра ѹчнѹтъ слѣшѣтъ* [ВК-ру: 234 (66.5)];
- (50) *весною дивно о томъ писать | ѹчнѹтъ* [Ibid.: 339 (130.255)];
- (51) *еще в сеи зимѣ | какъ рѣки станѹтъ ѹчнемъ о томъ | искусно провѣдываѣтъ* [Ibid.: 418 (176.156)];
- (52) *а имъ в томъ | городе ѹчнѹтѣ свѣжею водною | помощь чинити невозбранно* [Ibid.: 535 (211.165)].

Die unter (13) zitierte Apodosis befindet sich auch in einem Haupt- bzw. Matrixsatz. Die unterschiedlichen Numeri der flektierten Verben bei (49) lassen sich dadurch erklären, dass *Ծոնդր Եղիաթ* unpersönlich aufzufassen ist. Satz (51) ist ein weiterer vereinzelter Beleg, der eine Intention ausdrückt, interessanterweise im 1PL. Der Satz (52) ist durchaus komplexer als dieses Zitat den Anschein erweckt, denn er ist eingebettet in Zugeständnisse, mit denen die Stadt Rotterdam jüdische Händler aus Leiden bewegen will, ihren Handel über Rotterdam abzuwickeln. In der deutschsprachigen Vorlage ist zu lesen: „massen [...] *man ihnen zu dem begehrten frischen Wasser verhelffen wolte*“ [BK-ин: 442 (230)]. Hier liegt wohl auch eine versteckte Intention vor.

Es können zwei Feststellungen aus dem Aufsatz von Pen'kova auch auf das besprochene Korpus übertragen werden: Einerseits stellt *uč'nu* in Betracht der deutlichen Häufung von Konditional- und Relativsätzen ein nicht-assertives analytisches Futur für Hintergrund-Kontexte dar. Andererseits tritt der Verfall der Konstruktion, der sich in den Daten des RNC für das 17. Jahrhundert in Form einer prozentualen Zunahme der Formen im Präteritum feststellen ließ, hier viel stärker zu Tage: Es gibt 49 Belege im Präteritum. Darüber hinaus ist zu sagen, dass *uč'nu* weniger häufig eine inchoative Interpretation zulässt als *stanu*. Angesichts des unterschiedlichen Verhältnisses von Präteritum- und Futurformen kann aber *uč'nu* nicht als stärker grammatikalisiert gehandelt werden.

4.6. *budu*

Eine periphrastische Konstruktion mit Futurreferenz, die vom Auxiliar *budu* Gebrauch macht, kommt insgesamt 87-mal in den betrachteten Ausgaben der Vesti-Kuranty vor. Eine solche Menge macht es unmöglich, auf jeden einzelnen Beleg einzugehen, weshalb die syntaktischen Umgebungen anhand ausgewählter Beispiele vorgestellt werden sollen. Auf eine Bewertung hinsichtlich inchoativer und modaler Konnotationen muss weitgehend verzichtet werden, da dergleichen bei *budu* schwer zu bestimmen ist (auch angesichts der oben beschriebenen syntaktischen Eigenheiten).

Nicht selten steht *budu* + Infinitiv im Hauptsatz: „а провожа^т еи вѣде^т | а҃ѣх^т Медина дѣ Лосторе^т“ [BK-ру: 74 (1.278)]. Es kommen auch Relativsätze vor: „чтоб^т тѣм^т остано^ви^т вса^кѣю помо^у | которѣю вѣде^т присыла^ти хр^истиа^нскіе | поте^нтаты“ [Ibid.: 243 (71.48)]. Viermal ist ein Konditionalsatz zu finden: „А вѣде кто силою в права і ко оби | раю вступа^тца вѣде^ти тако^ва за непри^тятеля о^тчизнѣ держа^ти и каран^и имѣ^ти | быти“ [Ibid.: 280 (93.136)]. Zu ganz seltenen Fällen (auch für andere Periphrasen spärlich oder gar nicht vorhanden) zählen Temporalsätze, z. B. (53), und ein Konsekutivsatz (54):

(53) ко^гда | а҃гличана вѣде^т на дацких [...] к 3ѣнтѣ приста^тпа^т тогда шве^ды
| с а҃рѣгѣю сторо^ну на д да^чаны промышля^ти вѣде^т [BK-ру: 180
(45.154–155)];

(54) а в томѣ | городе Канди^и ниши такѣ 3кре^тпилиса что турко^в мало
опа^са | тиса вѣде^т [BK-ру: 273 (90.129)].

Spezielles Augenmerk verdienen die sehr häufigen Objektsätze. Von den 23 (eindeutigen) Objektsätzen mit einem Prädikat *budu* + Infinitiv in den Vesti-Kuranty hängen sechs von einem Hauptsatz mit Prädikat *čajati* ab, wie im Beispielsatz „҃аюуъ что королевское величе|ство пребывати вѣдет | в Варшавѣ с начала сѣма“ [BK-ру: 279 (93.135)]. Es ist aber festzuhalten, dass *stanu*, wie oben zu sehen war, noch häufiger in der Umgebung von *čajati* steht. Daneben gibt es eine große Menge anderer Objektsätze, die durch andere epistemische Konstruktionen eingeleitet werden, so „о вѣдущем | сѣмъ многие говораѣ вѣдѣт | добромъ коммѣта не вѣдѣтъ“ [BK-ру: 464 (187.27)]. Hinzu kommen, ausgesprochen oft, Verben, die allgemein der Semantik des Wissens, Bekanntmachens oder der Weitergabe von Informationen zuzuordnen sind: „такъ жѣ сѣбѣ подлинно вѣдаютъ что королѣ | свѣжкои с англискимъ воеват не вѣдѣтъ“ [BK-ру: 162 (38.43)]. Auch Hauptsätze können in einer Umgebung stehen, die eine epistemische Deutung nahelegt: „какъ ҃аю к добромъ дѣлѣ скомитисѣ вѣдѣтъ“ [BK-ру: 161 (38.42)].

Wichtig ist aber auch die Modalität der Intention. So wird das Auxiliar verglichen mit den anderen Periphrasen häufiger in der ersten Person konjugiert — ganze elf Mal. Dabei ist sowohl die 1SG als auch die 1PL vertreten: „о Петръ Махелисе не возмогъ провѣдатъ | а впрѣд велмі о томъ вѣдѣ стараѣца“ [BK-ру: 146 (31.71)]; „[...] короля | драмѣжского посла объявилъ | что [...] мы за вжнюю помощію и ншею | прѣмною правдою противъ ихъ стоѣти вѣдемъ [...]“ [BK-ру: 162f (38.45, 46)]. Im zweiten Beispiel handelt es sich um die Wiedergabe wörtlicher Rede, eingeleitet durch *čto*. Interessant ist das erste Beispiel. Die 1SG der Phrase „о томъ вѣдѣ стараѣца“ kann wohl direkt dem Übersetzer oder zumindest der Vorlage zugerechnet werden. Beide Textstellen belegen, dass auch in den Vesti-Kuranty Intention ausgedrückt wurde. Dies kann auch indirekt der Fall sein, wenn von den Absichten eines dritten geredet wird: „[...] покамѣстѣ корона свѣжкоѣ не оѣд | витъ сколько людеи на помощію | впрѣд давати вѣдѣтъ“ [BK-ру: 415 (174.85)].

In vier Fällen lassen sich deutschsprachige Vorlagen identifizieren:

- (55) и потому впрѣд | королевское величество | замыслы свои ѣстраивати | вѣдѣт [BK-ру: 153 (34.82)] — deswegen Ihre Königl. Maytt. [...] dann weiter dero Intention disponieren werden [BK-ин: 291 (40)];
- (56) а какъ к томъ дѣлѣ придетъ | болши спрашивать вѣдѣтъ денѣгъ нежелѣ | слѣжы [BK-ру: 317 (117.183)] — es sey aber zu vermuthen / wanns ad rem kommen sollte / würde man nicht nach den geschehenen Diensten fragen / sondern / an Numeros habeat? [BK-ин: 338 (100)];
- (57) королевское величѣство [...] тамъ жить вѣдѣтъ до времени [BK-ру: 317 (117.184)] — Ihre Königl. Maytt. sollen [...] allda eine Weile subsistieren. [BK-ин: 338 (100)];
- (58) ҃аюу за помѣ|щію вжнюю они дѣжатисѣ вѣдѣтъ [BK-ру: 433 (178.141)] — und verhoffet man durchgehends / daß sie [...] würden maiteniren (= maintenir) können. [BK-ин: 398 (174)].

Man beachte die weite Fächerung verschiedener Modalitäten, die *budu* hier vertritt. Eine reine Futurform findet sich nur bei (55). In (56) liegt im Deutschen

würde vor, dass hier nicht nur den Konjunktiv (verlangt vom Objektsatz durch den Hauptsatz *sey [...] zu vermuthen, daß*) vertritt, sondern auch kennzeichnet, dass die Situation eine vage Hypothese über die Zukunft darstellt (die gesuchte Periphrase erscheint ja in einer Apodosis zu einem Konditionalsatz), weshalb wohl auch Konjunktiv II, nicht Konjunktiv I gewählt wurde. Das Auxiliar in (57) lautet *sollen* und vermittelt ganz klar die Bedeutung des Hörensagens. Besonders komplex ist (58): Nicht nur erscheint hier das Futurhilfsverb im Konjunktiv II, es wird darüber hinaus mit dem Modalverb *können*, hier als ontologische äußere Möglichkeit, kombiniert. Dies alles wird durch eine einzige russische Form mit (so zumindest die vereinfachende Deutung) einem einzigen zusätzlichen Semem (FUT) wiedergegeben: *budut*.

Es stellt sich die Frage, ob nun all diese Konnotationen auch in der russischen Infinitivkonstruktion mitschwingen, oder ob nicht eher davon auszugehen ist, dass die Übersetzer den Text auch semantisch vereinfachten, da, wie oben erläutert, die Information und ihre Verständlichkeit, aber nicht ihre übersetzungstechnische Exaktheit im Vordergrund stand. Doch müssten auch die epistemischen und hypothetischen Konstruktionen der Originale und von ihnen ausgehend die Varianten der Übersetzung untersucht werden, um diese Problemstellung abschließend klären zu können. Diese Fragestellung sollte in einer separaten Arbeit behandelt werden.

4.7. Zusammenfassung

Untenstehend ist zum besseren Überblick die Häufigkeit der periphrastischen Konstruktionen mit Futurreferenz bezogen auf die Satzarten tabellarisch dargestellt. Aufgrund der vorangehenden Diskussion wurden *nač'nu*, *zač'nu*, *poč'nu* und *iměju* aus dieser Darstellung ausgeschlossen.

Tabelle 1

Vorkommen der Periphrasen in den Vesti-Kuranty

	<i>budu</i>	<i>stanu</i>	<i>uč'nu</i>	<i>imam'</i>	Satzart gesamt
HS/OS	60	14	10	4	88
Relativsatz	12	3	6	0	21
Protasis	4	4	4	0	12
Protasis in Temporal-Konditionalem Satz	0	0	2	0	2
Apodosis	4	0	1	3	8
Andere Satzart	5	0	0	0	5
Fragmentarischer Kontext	2	0	0	0	2
Auxiliar gesamt Futur	87	21	23	7	138
Auxiliar Präteritum	–	11	49	–	–

Es lassen sich einige Gemeinsamkeiten mit den Daten des RNC feststellen, insbesondere die Spezialisierung von *uč'nu* auf ein nicht-assertives Futur für Hintergrundkontexte (Relativ- und Konditionalsätze), wie dies Pen'kova formuliert hat⁸, sowie die geringe syntaktische Spezialisierung der Periphrasen mit *stanu* und *budu*. Desweiteren kann Pen'kovas Unterscheidung von *imam'* und *iměju* aufgrund semantischer Merkmale — wie oben beschrieben — in vollem Umfang bestätigt werden.

Aus den vorigen Teilkapiteln wie auch aus der Tabelle geht aber ein gravierender Unterschied zu den Daten des RNC hervor: *budu* dominiert eindeutig. Rund 63 % aller Futurperiphrasen in den Vesti-Kuranty werden mit diesem Auxiliar gebildet. In sämtlichen syntaktischen Kontexten ist das Verb am häufigsten Vertreten, sieht man einmal von der Protasis ab. Demgegenüber steht der Niedergang anderer Periphrasen: *stanu* ist nahezu vollständig an die Peripherie gedrängt und kann (aufgrund vieler Kontexte, die inchoativ wirken) kaum den Rang eines grammatikalisierten Futurs beanspruchen. Selbiges gilt für *uč'nu*: Während dies in seinen auf das Futur referierenden Formen weniger inchoativ zu sein scheint, ist das quantitative Verhältnis dieser Belege zu denen im Präteritum eindeutig geschrumpft.

Wie ist die von Maier attestierte Stellung der Vesti-Kuranty als gutes Zeugnis der Umgangssprache der gebildeten Moskauer Schicht mit dem Widerspruch zu den Daten des RNC zu vereinen? Selbstverständlich sollte man weder davon ausgehen, dass Maier wohlmöglich die polnischen Einflüsse unterschätzt habe, noch davon, dass die Daten des RNC die Gegebenheiten im zeitgenössischen (gesprochenen) Russisch nicht getreu widerspiegeln. Ein Mittelweg ist ratsamer: Natürlich sind in den Vesti-Kuranty ausgeprägte polnische Einflüsse auf allen sprachlichen Ebenen zu spüren. Doch finden sich Schreibungen, die nahe an der Umgangssprache stehen und nicht der polnischen Interferenz zugerechnet werden sollten, teilweise neben eindeutigen Kalkierungen. Man denke an das oben zitierte „БРАТ ДОРОШЕНКОВ [...] ИМѢТЬ корѣне обявлять что | БРАТ ЕГО ДОРОШЕНКО зело | о томъ дивѣтца“ [БК-пу: 437 (180.198)] (Hervorhebung M. G.). Vielleicht darf also angenommen werden, dass bestimmte polnische bzw. ruthenische Konstruktionen wie das charakteristische imperfektive Futur durch bestimmte Faktoren in der Umgangssprache der gehobenen Schicht Moskaus weit aus früher auftraten als in anderen Sprachregistern und Regionen des russischen Sprachraumes⁹. Auf diese Weise wäre man nicht dazu genötigt, die Verhältnisse

⁸ Allerdings ist diese Funktion in den Vesti-Kuranty schon stark beeinträchtigt. Von den sechs in dieser Statistik aufgeführten Beispielen lassen sich mindestens zwei auch als Objekt- oder Subjektsätze deuten (s.o.).

⁹ Zu diesen Faktoren mögen die polnische Kontrolle über Moskau zu Beginn des 17. Jahrhunderts und das intensive Interesse, das am Zarenhof der Politik und dem Kontakt mit Polen zukam, zählen. Aber auch und gerade das Übersetzungsschrifttum hat eine Rolle gespielt, wie dies Moser [1998] bezeugt. Dabei nahmen die Vesti-Kuranty wichtigen Platz ein.

im RNC oder die in den Vesti-Kuranty in Hinblick auf Periphrasen mit Futurreferenz als „künstlich“ zu brandmarken.

5. Fazit

Es konnte gezeigt werden, dass die Vesti-Kuranty hinsichtlich der periphrastischen Futurreferenz ein außergewöhnliches Korpus darstellen. Die Infinitivkonstruktion mit *budu* etabliert sich hier als Futurreferenz weitaus früher. Es ist also deutlich, dass bei Betrachtungen der Entwicklung der russischen Sprache im 17. Jahrhundert die Vesti-Kuranty nicht vernachlässigt werden sollten, dies nicht nur wegen ihrer politischen Bedeutung, sondern auch wegen ihrer sprachlichen Besonderheiten.

Bei der Untersuchung der Vesti-Kuranty müssen aber unbedingt bestimmte semantische und syntaktische Eigenheiten beachtet werden, die daraus resultieren, dass geschriebene Nachrichten mündlich vorgetragen werden mussten. Nicht zuletzt diese Eigenheiten machen eine weitergehende Erforschung höchst wünschenswert: Um die Konstruktionen mit Futurreferenz in den Vesti-Kuranty — und damit auch in ihrer Entwicklung im Spätmittelrussischen — erschöpfend zu beschreiben, ist es notwendig zu verstehen, wie Modalitäten, Futurreferenz und die inchoative Aktionsart in den Originalen funktionierte und wie sie übersetzt wurde. Also: Wurden modale und epistemische Ausdrücke wie *sollte*, *könnte*, *würde* auch mit anderen Periphrasen wiedergegeben? Gab es bestimmte Muster? Eine weitere interessante Frage betrifft die Entwicklung innerhalb des 17. Jahrhunderts, ein Zeitraum, für den gerade die Vesti-Kuranty herangezogen werden können. Es bleibt also noch viel zu tun.

Источники

ВК-ин — Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 2. Иностранные оригиналы к русским текстам / Исслед. и подгот. текстов И. Майер. М., 2008.

ВК-ру — Вести-Куранты. 1656 г., 1660–1662 гг., 1664–1670 гг. Ч. 1. Русские тексты / Изд. подгот. В. Г. Демьяновым при участии И. А. Корниловой. Завершение работы над изданием и подготовка к печати: Е. А. Подшивалова, С. М. Шамин; Под ред. А. М. Молдована, И. Майер. М., 2009.

Литература

Крысько 2001 — В. Б. Крысько. [Рец. на:] М. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts // Славяноведение. 2001. № 4. С. 103–107.

Молдован 2010 — А. М. Молдован. К истории фазового глагола *стать* в русском языке // Русский язык в научном освещении. 2010. № 1 (19). С. 5–17.

Пенькова 2019 — Я. А. Пенькова. *Иму, учьну, стану, буду*: Корпусное исследование перифраз будущего времени в среднерусской письменности // Slavistična revija. 2019. № 67. С. 569–586.

Пенькова 2021 — Я. А. Пенькова. Инфинитивные конструкции с глаголом *имѣти* в позднесреднерусской письменности // Sub specie aeternitatis. Сборник научных статей к 60-летию Вадима Борисовича Крысько / Отв. ред. И. М. Ладыженский, М. А. Пузина. М.: Азбуковник, 2021. С. 212–227.

Стойнова 2019 — Н. М. Стойнова. Будущее НСВ и инфинитивное сочетание с глаголом *стать* как конкурирующие конструкции в современном русском языке // Русский язык в научном освещении. 2019. № 1 (37). С. 58–82.

Шевелева 2019 — М. Н. Шевелева. О древнерусском глаголе *имѣти*, посесивных конструкциях и сложном будущем с *имамь/имоу* в ранних восточнославянских текстах // Вопросы языкознания. 2019. № 6. С. 32–50.

Шевелева 2021 — М. Н. Шевелева. О глаголе *яти* и конструкциях *иму* + инфинитив по данным древнерусских памятников // Слова, конструкции и тексты в истории русской письменности. Сборник статей к 70-летию академика А. М. Молдована / Отв. ред. А. А. Пичхадзе и др. СПб.; М.: Нестор-История, 2021. С. 31–50.

Юрьева 2010 — И. С. Юрьева. Особенности древнерусских инфинитивных сочетаний с глаголом *начати* // Русский язык в научном освещении. 2010. № 2 (20). С. 270–287.

Юрьева 2011 — И. С. Юрьева. Инфинитивные сочетания с глаголами *имамь* и *иму* в древнерусских текстах // Русский язык в научном освещении. 2011. № 2 (22). С. 68–88.

Юрьева 2020 — И. С. Юрьева. Инфинитивные конструкции с глаголом *начати* // Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса / Отв. ред. А. А. Пичхадзе. СПб.; М.: Нестор-История, 2020. С. 296–344.

Andersen 2006 — H. Andersen. Periphrastic Futures in Slavic. Divergence and Convergence // K. Eksell, Th. Vinther (eds.). Change in Verbal Systems. Issues in explanation. Bern: Peter Lang, 2006. P. 9–45.

Dahl 2000 — Ö. Dahl. The grammar of future time reference in the languages of Europe // Ö. Dahl (ed.). Tense and Aspect in the Languages of Europe. Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 2000. P. 309–328.

Fleischman 1982 — S. Fleischmann. The future in thought and language. Diachronic evidence from Romance. Cambridge: Cambridge University Press, 1982.

Grenoble 1995 — L. Grenoble. The imperfect future tense in Russian // WORD. 1995. 46. P. 183–205.

Hansen 2001 — B. Hansen. Das slavische Modalauxiliar. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Kirchenslavischen. München: Sagner, 2001.

Maier 1997 — I. Maier. Verbalreaktion in den Vesti-Kuranty (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittell russischen Syntax (= Acta Universitatis Upsaliensis Studia Slavica Upsaliensia 38). Uppsala, 1997.

Maier 2004 — I. Maier. Presseberichte am Zarenhof im 17. Jahrhundert: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland // Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte. 2004. 6. S. 103–129.

Maier, Pilger 2001 — I. Maier, W. Pilger. Second-Hand-Translations for Tsar Aleksej Mixajlovič — a Glimpse into the ‘Newspaper-Workshop’ at Posol’skij Prikaz (1648) // Russian Linguistics. 2001. 22. P. 209–242.

Moser 1998 — M. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. Frankfurt am Main: Peter Lang, 1998.

Penkova 2021 — Y. Penkova. Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts // *Scando-Slavica*. 2021. 67. P. 43–64.

Swan 2012 — O. Swan. Why budu? // *Russian linguistics*. 2012. 36. P. 305–318.

Weiss 1993 — D. Weiss. Die Faszination der Leere: Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null // *Slavische Philologie*. 1993. 1 (53). S. 48–82.

Статья получена 11.10.2021

Maximilian Grübsch
Universität Heidelberg
Universität Jena
(Heidelberg, Deutschland)
mg@mkm-rabis.de

PERIPHRASES WITH REFERENCE TO THE FUTURE IN VESTI-KURANTY

The development of imperfective future constructions in the Russian language is a complex topic. Based on the findings of Moser and Penkova, this article examines periphrastic constructions with (possible) future time reference such as *uč'nu* + infinitive, *буду* + infinitive, *стану* + infinitive, *иму* + infinitive, *имам'* + infinitive and *имѣю* + infinitive in the Vesti-Kuranty, an important corpus for research on the Russian grammar of the 17th century. A quantitative approach with focus on syntactic contexts and qualitative remarks regarding on modal and inchoative connotations reveal help to shed a new light on this topic in Late Middle Russian grammar. Attention is paid to the special nature of Vesti-Kuranty texts as translations. The study shows that *буду* + infinitive is among the most frequent periphrases expressing future reference in the Vesti-Kuranty, while other constructions are either in decline or have no perspective as a grammaticalized future reference for other reasons.

Keywords: Periphrastic future, Middle Russian language, Vesti-Kuranty.

References

Andersen, H. (2006). Periphrastic Futures in Slavic. Divergence and Convergence. In K. Eksell, & Th. Vinther (Eds.), *Change in Verbal Systems. Issues in explanation* (pp. 9–45). Bern: Peter Lang.

Dahl, Ö. (2000). The grammar of future time reference in the languages of Europe. In Ö. Dahl (Ed.), *Tense and Aspect in the Languages of Europe* (pp. 309–328). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.

Fleischmann, S. (1982). *The future in thought and language. Diachronic evidence from Romance*. Cambridge: Cambridge University Press.

Grenoble, L. (1995). The imperfect future tense in Russian. *WORD*, 46, 183–205.

Hansen, B. (2001). *Das slavische Modalauxiliar. Semantik und Grammatikalisierung im Russischen, Polnischen, Serbischen/Kroatischen und Kirchenslavischen*. München: Sagner.

Krys'ko, V. B. (2001). [Rets. na:] M. Moser. Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts. *Slavianovedenie*, 4, 103–107.

Maier, I. (1997). Verbalrektion in den *Vesti-Kuranty* (1600–1660). Eine historisch-philologische Untersuchung zur mittellrussischen Syntax. Uppsala: Acta Universitatis Upsaliensis.

Maier, I. (2004). Presseberichte am Zarenhof im 17. Jahrhundert: Ein Beitrag zur Vorgeschichte der gedruckten Zeitung in Russland. *Jahrbuch für Kommunikationsgeschichte*, 6, 103–129.

Maier, I., & Pilger, W. (2001). Second-Hand-Translations for Tsar Aleksej Mixajlovič — a Glimpse into the 'Newspaper-Workshop' at Posol'skij Prikaz (1648). *Russian Linguistics*, 22, 209–242.

Moldovan, A. M. (2010). K istorii fazovogo glagola *stat'* v russkom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(19), 5–17.

Moser, M. (1998). *Die polnische, ukrainische und weißrussische Interferenzschicht im russischen Satzbau des 16. und 17. Jahrhunderts*. Frankfurt am Main: Peter Lang.

Penkova, Y. (2021). Middle Russian Future Periphrastic Constructions in the Light of Language Contacts. *Scando-Slavica*, 67, 43–64.

Pen'kova, Ya. A. (2019). *Imu, uch'nu, stanu, budu*: Korpusnoe issledovanie perifrasy budushchego vremeni v srednerusskoi pis'mennosti. *Slavistična revija*, 67, 569–586.

Pen'kova, Ya. A. (2021). Infinitivnye konstruktsii s glagolom *imeti* v pozdnesrednerusskoi pis'mennosti. In I. M. Ladyzhenskii, & M. A. Puzina (Eds.), *Sub specie aeternitatis. Sbornik nauchnykh statei k 60-letiiu Vadima Borisovicha Krys'ko* (pp. 212–227). Moscow: Azbukovnik.

Sheveleva, M. N. (2019). O drevnerusskom glagole *imeti*, posessivnykh konstruktsiakh i slozhnom budushchem s *imam' / imou* v rannikh vostochnoslavianskikh tekstakh. *Voprosy yazykoznanii*, 6, 32–50.

Sheveleva, M. N. (2021). O glagole *iati* i konstruktsiakh *imu* + infinitiv po dannym drevnerusskikh pamiatnikov. In A. A. Pichkhadze et al. (Eds.), *Slova, konstruktsii i teksty v istorii russkoi pis'mennosti. Sbornik statei k 70-letiiu akademika A. M. Moldovana* (pp. 31–50). St Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriia.

Stoinova, N. M. (2019). Budushchee NSV i infinitivnoe sochetanie s glagolom *stat'* kak konkuriruiushchie konstruktsii v sovremennom russkom yazyke. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(37), 58–82.

Swan, O. (2012). Why *буду*? *Russian Linguistics*, 36, 305–318.

Weiss, D. (1993). Die Faszination der Leere: Die moderne russische Umgangssprache und ihre Liebe zur Null. *Slavische Philologie*, 1(53), 48–82.

Yur'eva, I. S. (2010). Osobennosti drevnerusskikh infinitivnykh sochetanii s glagolom *nachati*. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(20), 270–287.

Yur'eva, I. S. (2011). Infinitivnye sochetaniia s glagolami *imam' i imu* v drevnerusskikh tekstakh. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 2(22), 68–88.

Yur'eva, I. S. (2020). Infinitivnye konstruktsii s glagolom *nachati*. In A. A. Pichkhadze (2020), *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa* (pp. 296–344). St Petersburg; Moscow: Nestor-Istoriia.

Received on October 11, 2021

М. А. БОБРИК

Независимый исследователь
(Москва, Россия)
marina.bobrik@online.de

ЕВАНГЕЛИЕ НА ИКОНЕ «СПАС НА ПРЕСТОЛЕ» ИЗ НОВГОРОДСКОГО СЕЛА КРЕСТЦЫ КАК СВИДЕТЕЛЬ БЫТОВАНИЯ БИБЛИИ В ДРЕВНЕЙ РУСИ*

Анатолию Алексеевичу Алексееву

Мы всё ещё очень мало знаем о том, по каким правилам и источникам в средневековой иконописи изображали библейский текст. Существовали ли в самом деле какие-то общие правила цитирования Библии иконописцами? В предлагаемой вниманию читателя статье рассмотрен случай изображения евангельского текста на хорошо известной иконе «Спас на престоле с избранными святыми» из села Крестцы Новгородской губернии (к. XIII — н. XIV в.; Государственная Третьяковская галерея). В статье заново выверено чтение изображенного на иконе текста. Кроме бытовой орфографии, к числу его своеобразных черт относится редко фиксируемая в новгородских памятниках диалектная особенность: замена *л* на *ль* (в причастии *ходяль*), в которой можно видеть отражение архаичного произношения **ѣ* как открытого переднего [ä]. Своеобразная передача в надписи евангельского стиха Ин. 8:12 — *ходити (не имать) вм. не имать ходити* — не находит точного соответствия в рукописях и делает этот памятник важным свидетелем бытования Библии вне книжности. Основные свойства такого некнижного модуса бытования — индивидуальные вариации текста, окказиональная вернакуляризация церковнославянского языка — проявляются при цитировании библейских текстов не только на иконах, но и на храмовых фресках и в берестяной письменности.

Ключевые слова: надписи на иконах, древнерусский язык, историческая диалектология, текстология славянской Библии, «Спас на престоле с избранными святыми» из с. Крестцы.

1. Общее

Икону «Спас на престоле» из новгородского села Крестцы¹, которая с 1931 г. хранится в Третьяковской галерее (ГТГ Инв. 22938), в искусство-

* Работа выполнена в Институте славяноведения РАН при поддержке гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00352 «Некнижная письменность Древней Руси XI–XV вв. (берестяные грамоты и эпиграфика): новые источники и методы исследования»). Благодарю анонимных рецензентов за ценные замечания, способствовавшие улучшению окончательной версии статьи.

¹ Поселение к востоку от Новгорода, на пересечении дорог из Новгорода в Москву и из Пскова в Вологду; известно с конца XIV в.

ведении принято датировать второй половиной XIII в. [Смирнова 1976: 164–165], палеографическая датировка ее текстов — рубеж XIII–XIV вв. [Гальченко 1997: 67].

В краснофонном среднике иконы — Христос на престоле; в левой руке он держит Евангелие, раскрытое на тексте Ин. 8:12². На белом фоне рамки — 12 клейм: этимасия и 11 образов святых (два архангела, три погрудных изображения и шесть фигур в полный рост). Все эти образы имеют надписи — соответствующие имена.

Почерк для всех текстов иконы един. Нет оснований предполагать (как для многих надписей на фресках), что с иконописцем сотрудничал мастер-«текстовик»; очевидно, писцом был сам иконописец. В таком случае интерпретация языковых черт надписей может дать возможность (более или менее точно) определить происхождение мастера.

2. Чтение

На иконе читается обрывающийся на полуфразе текст из Евангелия от Иоанна (Ин 8:12). Это один из тех фрагментов Евангелия, которые составляют (небольшой) репертуар текстов для иконографического типа «Спас на престоле»³. Прежде чем говорить об особенностях языка и текста этой евангельской цитаты, нужно выверить ее чтение, так как в литературе об иконе текст Евангелия воспроизводится с ошибками.

В «Каталоге древнерусской живописи» [Антонова, Мнева 1963: 83] цитируется инципит текста:

В среднике — большая фигура Христа, сидящего на престоле (троне). Правой рукой он благословляет, левой — поддерживает стоящее на его колене раскрытое Евангелие с текстом: «Аз есм (вместо *есмь*. — М. Б.) свет всему миру...»⁴.

Э. С. Смирнова [1976: 161]⁵ приводит весь текст целиком (с разделением вертикальными чертами на слова), но с двумя ошибками:

² Изображение в высоком разрешении см.: https://www.icon-art.info/masterpiece.php?lng=ru&mst_id=821 (дата обращения: 02.12.21).

³ К этому же типу относилась икона Софийского собора Новгорода «Спас Златая риза». На древнем образе, написанном, как считается, в Византии в XI в., Христос держал Евангелие раскрытым на тексте Ин. 8:12 (по-гречески). Мастер крестецкого Спаса мог, вероятно, ориентироваться на чтимый образ главного собора Новгородской земли как на образец, в частности, в выборе текста.

⁴ Примечание «приведены в тексте имеющиеся особенности местного говора» отнесено к надписям имен святых на полях иконы, к евангельской надписи комментария нет.

⁵ Э. С. Смирнова предполагает, что икона Спаса — вместе с иконой Иоанна Лествичника и не сохранившейся иконой Богоматери — занимала место на алтарной

азъ	мръ
есм	ру х
е св	одѣ
ето	по м
все	не х
му	оди
	ги

Ошибки допущены в чтении правой страницы (они выделены): в первой строке буква *и* принята за начало *р*, а конечное *ъ* додумано); в последней строке *т* сочтена буквой *г*. В результате этих смещений прозрачное по смыслу высказывание на церковнославянском языке обращается в абсурдное. Комментария к надписи нет, и читателю каталога Третьяковской галереи предоставляется самостоятельно справляться с проблемой бессмыслицы и несоответствия приводимому в каталоге русскому (Синодальному) переводу⁶.

Последнее по времени прочтение принадлежит М. Г. Гальченко [1997: 63]; оно более корректно, чем предыдущие, но тоже требует уточнений. По сравнению с чтением Э. С. Смирновой, здесь выправлен последний слог надписи (*-ти* как показатель инфинитива вместо ошибочного *ги* ‘Господи’), но сохраняется при этом проблематичное чтение *мръру* (вм. *миру*). На самом деле в этом месте не ошибка, как полагает М. Г. Гальченко [Там же], а не очень аккуратно написанное *и* — с не доведенной до правой штанги перекадиной; этот разрыв, впрочем, не мешает опознать букву «иже» с глядящими вправо засечками (ср. ту же букву в *-ти* последней строки). Графической фикцией является также титло над словом *свето* ‘свѣт’.

Текст крестецкой иконы, с моей точки зрения, безошибочен. Приведу свое чтение, с разделением на слова, добавляя знак переноса:

азъ	ми=
есм=	ру х=
е св=	одѣ
ето	по м=
все=	не х=
му	оди=
	ти

Азъ есме свето всему миру. Ходѣ по мне ходити ...

преграде храма, посвященного Иоанну Лествичнику. Стилистически «икону Спаса следует рассматривать как резко трансформированный в среде “народного” новгородского искусства второй половины XIII в. иконографический тип импозантной иконы со святыми на полях (или на окладе)» [Смирнова 1976: 165].

⁶ В случае надписи на иконе Спаса (как и целого ряда других) искусствоведы исходят, вероятно, из той же ложной посылки, что и прежде историки в отношении берестяных грамот, — они полагают, что писавшие малограмотны; всё, что в надписи отличается от современного представления о данном тексте, произвольно считается ошибкой или отражением «местного говора».

В нормализованном виде:

Азь есмь свѣтъ всему миру. Хоѡа по мнѣ ходити...

В современном русском церковнославянском обиходе соответствующее место полностью читается так:

Азь есмь свѣтъ миру. Хоѡай по мнѣ не имать ходити во тмѣ
‘Я миру свет. Тот, кто пойдет за мной, не будет ходить во тьме’.

Иконная версия обнаруживает яркие черты как в языке, так и в составе текста.

3. Язык

3.1. Редуцированные ъ и ѣ записываются как, соответственно, *е* и *о*: *есме* < *есмь*, *свето* < *свѣтъ*. Эффекты такого рода хорошо известны в берестяной письменности и (в качестве отступлений от норм) в некоторых памятниках книжного письма. Для понимания прагматики текста на иконе важны, конечно, мотивы выбора орфографической стратегии. Однозначно определить эти мотивы трудно, так как мена *ѡ*, *ѣ* и *е*, *о* (о которой сейчас идет речь) допускает два разных объяснения: а) литургическое произношение или б) «бытовая» орфография.

Евангелие читается на литургии, и писец может воспроизводить текст так, как он его обычно слышит. В этом отношении орфография, так сказать, иконы текста (не реального кодекса Евангелия) может отражать литургическое произношение, как в кондакарях его отражает так называемое растяжное письмо. Но всё же в отличие от кондакарей, служивших пособием для певчих, изображение текста на иконе такой практической функции не имеет; оно могло быть рассчитано на понимание, но не на воспроизведение.

Большой вес приобретает в этой ситуации фактор «бытовой» орфографии. Тем более что вариация *ѡ/о* имеет место и в «рамочных» подписях иконы, где влияние орфоэпической нормы менее ожидаемо: *о* появляется на месте *ѡ* в одном из шести случаев в конечной позиции (*Климентѡ*), а в одном случае передает [’о] (*Лавдрѣ*)⁷. Позиций для графико-орфографической вариации *ѡ/е* в «рамочных» именах нет. В этих надписях сказывается именно «бытовое» письмо, т. е. система, допускающая вариативность в строго определенных парах букв и естественная для практики человека грамотного, но не обученного профессиональным навыкам писца.

Графико-орфографические свойства евангельской надписи на иконе я бы тоже объясняла скорее с точки зрения некнижных систем письма. Как будет видно из дальнейшего изложения, такое объяснение хорошо согласуется с другими чертами языка и текста этой надписи.

⁷ Если *ѡ* (графически *о*) здесь не вставной гласный между согласным и плавным.

3.2. Употребление буквы ять (ѣ). В евангельском тексте на иконе, с одной стороны, в позиции этимологического ятя (*ѣ) может писаться *е*: ѣ → *е* (один раз в корне: *свѣто*, один раз во флексии: *по мнѣ*); с другой стороны, в одном случае буква ять (ѣ) пишется в позиции этимологического носового *ѣ: *а* → ѣ (в форме действительного причастия презенса: *ходѣѣ*). Вариантное ударение в этой (дее)причастной форме могло быть на первом слоге *ходѣѣ* [Еськова 2008: 469; ср. Зализняк 2014: 21]⁸, ср. женское имя *Ходѣѣ* в псковских источниках [Марасинова 1966: 74].

Графическая вариация *е* и ѣ хорошо известна в берестяной письменности. Речь идет об одной из черт не книжной, бытовой системы письма, пик которой приходится именно на XIII в. [Зализняк 2004: 25–27].

Смешение на письме *е/ѣ//а*, напротив, тесно связано с произношением. Отдельные редкие примеры такого смешения есть в новгородских не книжных памятниках XIV в. Так, замена *е* → *а* отмечена в БГ 528 в формах И. ед. м.: *Иевькѣ*, *Стопанѣ*, *Аковѣ*, *продалѣ*; замену ѣ → *а*, возможно, следует признать в М. ед. м. во *вѣсѣ* в БГ 414 [Зализняк 2004: 76]; *сѣ* вместо *са* (*устрашаетѣ*) читается в одной из надписей на Васильевских вратах новгородского Софийского собора (1335–1336) (сюжет «Весы Страшного суда» [Гиппиус, Лащук (в печати)])⁹. В псковских памятниках XIV в. и позднее мена *’а* и *е* распространена в более широких рамках. Она имеет место «после мягких согласных и *ј*, безразлично, происходило ли *а* из древнейшего обще-слав. *а*, или из *ѣ*, или из ѣ, происходило ли *е* из древнейшего *е*, или из *ь*, или из ѣ», не зависит от положения в слове (в середине или в конце), не зависит и от ударения, «мы его видим почти во всех формах, оканчивающихся на *а*» [Соболевский 2004: 145; ср. Каринский 1909: 150–156]. Известны как примеры написания *е*-букв в позиции *а*-фонем (И. ед. ж. *воле*, И.-В. ед. ср. *времѣ*, Р. ед. ср. *помышлениѣ*, В. ед. *се*, 3 мн. аор. *сотворише*), так и *а*-букв в позиции *е*-фонем (2 мн. импер. *исправѣѣ* ‘исправьте’, *поцелѣ* ‘начал’; М. ед. ж. *при Костромѣ*, Д. ед. ж. *Савѣ пону* и др.). Во всех приведенных примерах мена имеет фонетический характер¹⁰.

⁸ В словаре Н. А. Еськовой приводится материал письменного бытования такого ударения в *ходѣѣ* вплоть до начала XIX в. Ср., в частности, реплику Ослы в басне И. Хемницера: «И говорить Коню: “Ну, если бы со мной / Грѣхъ сдѣлался такой! / Я, ходѣѣ цѣлый день, ни разу не споткнулся”» [Хемницер 1852: 17]. По свидетельству А. Х. Востокова (также упоминаемому Н. А. Еськовой), в качестве «важного» варианта возможно ударение на конец слова. Современное ударение восходит, таким образом, к стилистически высокому (исторически исконному для акцентной парадигмы *b*) варианту.

⁹ За указание на этот пример я признательна А. А. Гиппиусу.

¹⁰ Обращая внимание на то, что «в псковском материале нет надежных примеров собственно фонетического смешения *е* (или ѣ) с *а* под ударением», А. А. Зализняк [2004: 75–76], вопреки А. И. Соболевскому и другим, рассматривает такие замены как проявление безударного вокализма, яканья, и отделяет от вопроса о фонетическом переходе *’а* > *е* и фонетическом качестве ѣ.

Фонетическую основу систем такого типа видят в архаичном произношении *ѣ как открытого переднего [ä]¹¹. На восточнославянской территории это реликтовое произношение известно, в частности, в говорах Севера и Северо-Запада (онежских, олонечких, архангельских, псковских), т. е. в исторических пределах Новгородской земли; по материалам смоленских памятников начала XVII в. оно реконструируется и для диалекта Смоленска [Касаткина 1991; Галинская 1995].

Носителем диалекта с таким произношением *ѣ был и (иконо)писец крестецкого Спаса, по всей вероятности, уроженец Новгородской земли.

3.3. Промежуточный итог. Всё, что было сказано об употреблении редупцированных и ятя, позволяет сделать вывод о том, что писец иконы Спаса пользуется нестрогой орфографической системой, в которой есть элементы бытового письма (*ѣ/ѣ → е, ѣ → о*) и отражается диалектная фонетика (*ѣ → ѣ*).

4. Текст

Текст Евангелия на иконе не находит прямого соответствия в книжной традиции (в пределах того ограниченного объема, который известен). Дело не только и, может быть, не столько в вариативности рукописного текста, сколько, как показывают исследования последнего времени, в варьировании текста при воспроизведении в других, не книжных, прагматических условиях — в бытовой берестяной письменности (БГ 916, 1022; Торж. 17), во фресковой росписи храмов или на иконах [Гальченко 1997: 29–31; Бобрик 2019; НГБ 12: 12–14; 119–120]. И все же именно книжный, рукописный вид текста служит необходимым фоном для интерпретации других модусов существования библейского текста в средневековой культуре. В этом разделе я постараюсь подыскать близкие к иконе Спаса рукописные свидетельства текста Ин. 8:12 и на их фоне оценить своеобразие крестецкой версии.

¹¹ Фонетическую природу имела и типологически сходная вариация ѣ с е и ѣ с е-звуком (т. е. ѣ ↔ е/ѣ) в юго-западнославянской традиции, в области сербских экавских говоров [Савић 2016: 253, 257; Конески 2001: 26, 41]. Регулярную замену ѣ на е в сербском церковнославянском можно проиллюстрировать на примере нашего текста Ин. 8:12 на изображении кодекса в деисисе сербской церкви Святых Апостолов (Печ, 1233–1250): + азъ ѣсмьъ свѣтъ мировъ ходен въ слѣдъ мене [Чилингинов 2015, илл. IX]; в одной из кириллических приписок Ассеманиева кодекса видим и одновременную замену ѣ → е и ѣ → е в том же тексте: + азъ ѣсмьъ . стѣ миру . ходен по мнѣ не имать . ходити въ тѣмѣ... (Ass. 132v; [Kurz 1970: 23]). Юс малый и ять взаимозаменяются в Клоцове сборнике XI в., западно-южнославянского происхождения [Савић 2016: 258].

Критическое издание Евангелия от Иоанна по сохранившимся славянским рукописям, подготовленное под руководством Анатолия Алексеевича [Алексеев и др. 1998: 38], позволяет выявить в иконной версии следующие разночтения:

- *всему миру* (// *миру*) читается в ряде рукописей апракоса: восточно-славянских (Архангельское Е, тетр РНБ Ф.п.І.14, Галицкое Е, Остромирово Е), Саввиной книге, болгарских (Добромирово Е, Карпинское Е, тетр Григоровича РГБ, ф. 87 (Григоровича) 10), сербских (апракос Гильфердинга, Вуканово Е);
- причастная форма глагола *ходити* (действит. прич. наст. вр.) в том же контексте читается в Ассеманиевом кодексе, где перикопа Ин. 8:12 появляется дважды. Оба фрагмента принадлежат руке одного писца, тождественны по лексическому составу, но различаются в деталях синтаксиса, морфологии и орфографии. Морфологическая вариация касается именно интересующей нас формы причастия (в качестве перевода греч. ὁ ἀκολουθῶν): в одном случае употреблена неопределенная форма *ходѧ* (Ass. 17b, 8)¹², а в другом — определенная *ходѧи* (Ass. 32c, 17–18). Как и издатели славянского текста Евангелия от Иоанна, К. Кох [Koch 2000: 818, Anm. 6] отмечает уникальность чтения *ходѧ* в рукописной традиции этого контекста. В более широком круге свидетелей евангельского текста, круге, в который вошли бы и тексты Евангелия на иконах и фресках, чтение Ассеманиева кодекса не уникально: форма *ходѧ* (орфографически *ходѣ*) есть на нашей иконе Спаса из новгородских Крестцов. Следует ли видеть здесь совпадение или сознательную ориентацию на определенный вид рукописного текста? В комплексе с другими чертами иконной версии более правдоподобно первое;
- *ходити* (// *имать ходити* // *ходить*); обрыв после *ходити* подразумевает, что из имеющихся в славянской рукописной традиции возможностей в данной версии текста было чтение с аналитической формой будущего времени. Однако среди рукописных свидетелей текста не находится такой рукописи, где бы инфинитив был вынесен в начало конструкции. В Ассеманиевом евангелии, в частности, читаем в одном случае *не имать въ тѣмѣ ходити* (Ass 17b), а в другом — *не имать ходити въ тѣмѣ* (Ass 32c)¹³. Предполагать ошибку — пропуск *не имать* — на иконе можно, но нет необходимости, так

¹² В указателе неопределенная форма *ходѧ* отмечена в трех контекстах Ассеманиева кодекса: кроме 17b9h, также в 35b3a, 42ab7a; определенная форма *ходѧи* встречается дважды: кроме нашего контекста 27b19a, также в 32c17h [Koch 2000: 818].

¹³ Перестановка элементов *ходити* и *въ тѣмѣ* известна только в Ассеманиевом кодексе.

как конструкция с инфинитивом в начале (*ходити не имать въ тьмѣ*) хотя и не встречалась пока в рукописях Евангелия, но в церковно-славянских текстах известна. Любопытно, что известна она в менее книжных по языку памятниках, в частности в Житии Андрея Юродивого (*и ходити начнет по мнозѣ правдѣ*) и в Повести об Акире Премудром (*и ходити начнеши* — НКРЯ). Такую перестановку легко можно допустить при воспроизведении текста наизусть, по памяти. Сочетание *во тьмѣ* в рукописях Евангелия занимает финальную позицию без разночтений (ср. выше). Продолжение оборванной на иконе фразы было бы, очевидно, таким:

Ходѣ по мне ходити (не имать во тьмѣ)

5. Итоги

Изображение евангельского кодекса на иконе есть своего рода икона Евангелия. Более пристальный, чем до сих пор, взгляд на изображенный текст и его язык дают возможность оценить своеобразие такого модуса существования текста Евангелия в древнерусской культуре.

Иконописцы нынешней эпохи (в нормальном случае) воспроизводят канонический текст печатной книги; привычно было бы думать, что средневековый мастер прибегает к рукописной книге, но это очевидно не так — вид текста был бы иной.

На деле наблюдается еще более свободная (с точки зрения нынешней культуры канонического текста), чем в рамках рукописной традиции, вариация чтений и их языковой формы.

В чем проявляется эта свобода? В отражении произношения (ѣ как [ä]), в общешкольной («бытовой») орфографии, в воспроизведении текста по памяти, так, как запомнил на слух (насколько точно, мы не знаем).

Отдельные совпадения с редкими чтениями древних южнославянских кодексов (в частности, Ассемани) имеют типологическую природу. Все особые чтения крестецкой иконы независимы и от греческого текста (так что ни о какой сверке не может идти речи), зато и конструкция (положение инфинитива *ходити*: *ходити не имать*), и морфология (причастие в деепричастной функции), и ритмическая организация фразы обнаруживают укорененность писца-иконописца в культуре в значительной степени устного слова.

Сфера «икон текста» существенно расширяет наши представления о модусах бытования и вариативности канонических книг христианской культуры, в частности Евангелия. Область эта, едва освоенная, заслуживает самого пристального внимания. Но и подступить к ней было бы невозможно без опоры на труд текстолога и издателя славянской рукописной Библии.

Справочники

Антонова, Мнева 1963 — В. И. Антонова, Н. Е. Мнева. Каталог древнерусской живописи XI — начала XVIII вв. Опыт историко-художественной классификации. В 2-х томах. М., 1963.

Хемницер 1852 — [И. И. Хемницер.] Сочинения. СПб., 1852.

Ass. — Codex Assemanianus. Biblioteca Vaticana. URL: https://digi.vatbib.it/view/MSS_Vat.slav.3 (дата обращения: 30.10.21).

Л и т е р а т у р а

Алексеев и др. 1998 — Евангелие от Иоанна в славянской традиции / Изд. подгот. А. А. Алексеев и др. СПб.: Российское Библейское общество, 1998.

Бобрик 2019 — М. А. Б о б р и к. Надпись в куполе церкви Спаса на Ильине улице в Новгороде: Стратегия цитирования Библии, прагматика, язык // *Die Welt der Slaven*. 2019. Heft 1. S. 280–298.

Галинская 1995 — Е. А. Г а л и н с к а я. Рефлексы фонемы <ѣ> в смоленском диалекте начала XVII в. // *Вопросы языкознания*. 1995. № 4. С. 94–100.

Гальченко 1997 — А. Г. Г а л ь ч е н к о. Надписи на древнерусских иконах XII–XV вв.: Палеографический и графико-орфографический анализ. М.: Наука, 1997.

Гиппиус, Лащук (в печати) — А. А. Г и п п и у с, С. А. Л а щ у к. Надписи на Васильевских вратах 1336 г. // *Вестник сектора древнерусского искусства (в печати)*.

Еськова 2008 — Н. А. Е с ь к о в а. Нормы русского литературного языка XVIII–XIX веков: Ударение. Грамматические формы. Варианты слов. Словарь. Пояснительные статьи. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2008.

Зализняк 2004 — А. А. З а л и з н я к. Древненовгородский диалект. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Зализняк 2014 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусское ударение: Общие сведения и словарь. М.: Языки славянской культуры, 2014.

Каринский 1909 — Н. К а р и н с к и й. Язык Пскова и его области в XV веке (= Записки историко-филологического факультета Императорского С.-Петербургского университета. ХСШ). СПб., 1909.

Касаткина 1991 — Р. Ф. К а с а т к и н а. Рефлексы *ѣ в некоторых севернорусских говорах // *Вопросы языкознания*. 1991. № 2. С. 65–73.

Конески 2001 — Б. К о н е с к и. Историска фонологија на македонскиот јазик / Прир. Љ. Спасов. Скопје: Македонска академија на науките и уметностите, 2001.

Марасинова 1966 — Л. М. М а р а с и н о в а. Новые псковские грамоты XIV–XV вв. М.: Изд-во МГУ, 1966.

НГБ 12 — В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к, А. А. Г и п п и у с. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 2001–2014 гг.). Т. 12. М.: Языки славянской культуры, 2015.

Савић 2016 — В. С а в и ћ. Српска редакција црквенословенског језика: од Св. Климента, епископа словенског, до св. Саве, архиепископа српског // *Slovène*. 2016. № 2. С. 231–339.

Смирнова 1976 — Э. С. С м и р н о в а. Живопись Великого Новгорода. Середина XIII — начало XV века. М.: Наука, 1976.

Соболевский 2004 — А. И. С о б о л е в с к и й. Очерки из истории русского языка // А. И. Соболевский. Труды по истории русского языка. Т. 1. М.: Языки славянской культуры, 2004.

Чилингиоров 2015 — А. Ч и л и н г и р о в. Бележки за палеографията на надписите към стенописи в български и сръбски средновековни църкви. София: Херон Прес, ММХV.

Koch 2000 — C. K o c h. Kommentiertes Wort- und Formenverzeichnis des altkirchenslavischen Codex Assemanianus unter Mitwirkung von E.-M. Kintzel und A. Schröder (= Monumenta Linguae Slavicae dialecti veteris. Fontes et dissertationes. T. XLIII). Freiburg im Breisgau: Weiher, 2000.

Kurz 1970 — J. K u r z. Nazalni vokali v Asemanovu kodeksu // Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu. No. 20. 1970. S. 5–28.

Статья получена 01.11.2021

Marina A. Bobrik

Unaffiliated researcher

(Moscow, Russia)

marina.bobrik@online.de

THE GOSPEL ON THE ICON AS A WITNESS TO THE BIBLE TRADITION IN OLD RUS'

We still know very little about the rules and sources according to which the biblical text was reproduced in medieval icon painting. Were there really any general rules for citing the Bible by icon painters? This article is a case study of the image of the Gospel text on the well-known icon "The Savior enthroned, with selected saints" from Kresttsy, Novgorod province (late 13th – early 14th centuries; State Tretyakov Gallery). In the article, the reading of the icon version has been re-verified. In addition to "common spelling" (bytovoye pis'mo), one of its peculiarities is a dialectal feature that is rarely recorded in Novgorod monuments: the replacement of *а* with *ѣ* (in the participle *xodě*), probably a reflection of the archaic pronunciation of **ě* as an open front vowel [ä]. A peculiar citation of the Gospel verse Io. 8:12 – with *xoditi* (*ne imat'*) instead of *ne imat' xoditi* – does not find an exact parallel in the manuscripts and makes this icon an important witness to the transmission of the Slavonic Bible outside the manuscript tradition. Both this individual variation of the text and the occasional vernacularization of the Church Slavonic are sometimes manifested when quoting biblical texts not only on icons, but also on church frescoes and in the birch-bark literacy and thus seem to characterize the non-book transmission of the Bible in general.

Keywords: inscription on icons, Old Russian Language, historical dialectology, textual criticism of the Slavonic Bible, text transmission of the Slavonic Bible, icon "The Savior enthroned, with selected saints" from Kresttsy.

References

Alekseev, A. A. et al. (Eds.). (1998). *Evangelie ot Ioanna v slavianskoi traditsii*. St Petersburg: Rossiiskoe Bibleiskoe obshchestvo.

- Bobrik, M. A. (2019). Nadpis' v kupole tserkvi Spasa na Il'ine ulitse v Novgorode: Strategia tsitirovaniia Biblii, pragmatika, yazyk. *Die Welt der Slaven*, 1, 280–298.
- Chilingirov, A. (2015). *Belezhki za paleografiata na nadpisite k"m stenopisi v b"lgarski i sr"bski srednovekovni ts"rkvi*. Sofia: Kheron Pres. (In Bulgarian).
- Es'kova, N. A. (2008). *Normy russkogo literaturnogo yazyka XVIII–XIX vekov: Udarenie. Grammaticheskie formy. Varianty slov. Slovar'. Poiasnitel'nye stat'i*. Moscow: Rukopisnye pamiatniki drevnei Rusi.
- Gal'chenko, A. G. (1997). *Nadpisi na drevnerusskikh ikonakh XII–XV vv.: Paleograficheskii i grafiko-orfograficheskii analiz*. Moscow: Nauka.
- Galinskaia, E. A. (1995). Refleksy fonemy <ě> v smolenskom dialekte nachala XVII v. *Voprosy yazykoznaniia*, 4, 94–100.
- Kasatkina, R. F. (1991). Refleksy *ě v nekotorykh severnorusskikh govorakh. *Voprosy yazykoznaniia*, 2, 65–73.
- Koch, C. (2000). *Kommentiertes Wort- und Formenverzeichnis des altkirchenslavischen Codex Assemanianus unter Mitwirkung von E.-M. Kintzel und A. Schröder*. Freiburg im Breisgau: Weiher.
- Koneski, B. (2001). *Istoriska fonologija na makedonskiot jazik*. Skopje: Makedonska akademija na naukite i umetnostite. (In Macedonian).
- Kurz, J. (1970). Nazalni vokali v Asemanovu kodeksu. *Časopis Staroslavenskoga instituta u Zagrebu*, 20, 5–28. (In Czech).
- Marasinova, L. M. (1966). *Novye pskovskie gramoty XIV–XV vv.* Moscow: Izd-vo MGU.
- Savich, V. (2016). Srpska redaktsija srkvenoslovenskog jezika: od Sv. Klimenta, episkopa slovenskog, do sv. Save, arkhiepiskora srpskog. *Slověne*, 2, 231–339. (In Serbian).
- Smirnova, E. S. (1976). *Zhivopis' Velikogo Novgoroda. Seredina XIII — nachalo XV veka*. Moscow: Nauka.
- Sobolevskii, A. I. (2004). *Trudy po istorii russkogo yazyka* (Vol. 1). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Yanin, V. L., Zalizniak, A. A., & Gippius, A. A. (2015). *Novgorodskie gramoty na bereste (iz raskopok 2001–2014 gg.)* (Vol. 12). Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zalizniak, A. A. (2004). *Drevnenovgorodskii dialekt*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.
- Zalizniak, A. A. (2014). *Drevnerusskoe udarenie: Obshchie svedeniia i slovar'*. Moscow: Yazyki slavianskoi kul'tury.

Received on November 1, 2021

**Хроника Международной научной конференции
«Актуальные проблемы русской диалектологии.
К 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской»**

29–31 октября 2021 г. состоялась очередная, 7-я по счету, Международная конференция «Актуальные проблемы русской диалектологии», проходившая в онлайн-режиме. Как и предыдущие, она была организована отделом диалектологии и лингвogeографии Института русского языка им. В. В. Виноградова РАН совместно с Научным советом по лексикологии и лексикографии РАН (сопредседатели: академик А. Е. Аникин и чл.-корр. С. А. Мызников). Конференция посвящалась 100-летию со дня рождения С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской — представителей Московской школы диалектологии и лингвogeографии, основанной Р. И. Аванесовым. Софья Владимировна Бромлей, один из самых ярких диалектологов второй половины XX в., была прекрасным организатором науки, главным редактором фундаментального проекта «Диалектологический атлас русского языка (ДАРЯ)». Ольга Николаевна Мораховская, замечательный лексиколог, разработала типологию различий лексико-семантического уровня с учетом самых разнообразных комбинаций признаков, она являлась редактором лексического выпуска ДАРЯ. Идеи и труды С. В. Бромлей и О. Н. Мораховской актуальны и в настоящее время.

В работе конференции приняло участие 79 лингвистов из России, а также из Белоруссии, Великобритании, Китая, Норвегии, Польши, Украины, Чехии. Первый и последний дни были отданы пленарным докладам, посвященным важнейшим проблемам современной науки: корпусной диалектологии, тональным и интонационным различиям славянских диалектов, эволюции современных говоров, исторической интерпретации диалектного материала. Во второй день работало четыре секции: 1. «Фонетика. Грамматика»; 2. «Лексикология и лексикография»; 3. «Лингвокультурология. Речевая коммуникация»; 4. «Ареальная лингвистика. Языковые контакты».

На первом пленарном заседании в докладе **Д. М. Савинова** (Москва) на диалектном материале была рассмотрена проблема соотношения узуса и языковой системы, которая особенно актуальна при описании говоров с семифонемным вокализмом. Исследование автора проводилось с использованием инструментально-фонетических методов, помогающих дать объективную характеристику звуков речи и выявить их значимые признаки для определения места в структуре языка. **Ж. Ж. Варбот** (Москва) в докладе «Русские диалектные данные для реконструкции вокализма некоторых праславянских корней» проанализировала конкретные лексические единицы, содержащие не засвидетельствованные ранее ступени корневого вокализма ряда глагольных этимологических гнезд, например: псков. *набóенный* — к праслав. **biti*. Обнаружение подобных примеров важно, поскольку чем надежнее реконструирован фонемный состав корня с возможными чередованиями вокализма, тем большие возможности это дает для его этимологизации. Доклад **С. Л. Николаева** (Новосибирск, Москва) был посвящен произношению рефлексов **и*, **ѣ* и **ѡ* в украинских говорах Закарпаття. В двух закарпатских ареалах — ужанском и мараморошском — обычными рефлексами являются **ѣ*, **и* > /u/ и ареальное **ѡ* (праслав. **o* в «новозакрытых слогах»), также дающее рефлекс /u/:

например, в говоре с. Новоселица Перечинского р-на **dǫbъ > dup*, **duxъ > dux*, **koťъ > диал. *kǫťъ > kut*. Две особые системы рефлексации **ǫ*, **u*, с одной стороны, и ареального **ǭ* (< праслав. **o* в слогах перед слабыми **ь*, **ъ*) — с другой, обнаружены в говорах, примыкающих к этим ареалам. В говоре с. Убля (Восточная Словакия на границе с Закарпатьем) перед твердыми согласными 1) **ǫ*, **u > /o/* или 2) */u/* и **ǭ > /u/*. В говорах сс. Русская Мокрая (Тячевский р-н) и Луг (Раховский р-н) в историческом Северном Марамороше представлена система, парадоксальным образом «обратная» к предыдущей, — 1) **ǫ*, **u > /u/* и 2) **ǭ > /o/* или */u/*. Противоречивые рефлексy **ǭ* в Убле и в мараморошских говорах объясняются разными путями развития первоначального [o:] («o-долгого») или дифтонга [uo]. Мараморошские говоры с *u*-образным произношением рефлекса **ǭ* характеризуются пучком изоглосс, которые отличают их от ужанских и объединяют с другими восточнокарпатскими говорами (гуцульскими, покутско-буковинскими). Этим может объясняться разное развитие «o-долгого» или дифтонга в ужанском и мараморошском ареалах, приведшее к независимому совпадению рефлексов в говорах, в которых рефлексy **ǫ*, **u* и **ǭ* в конечном счете совпали в *u*-образных звуках. В докладе **С. В. Князева** (Москва) «Об описании фразовой просодии в русском литературном языке и диалектах: общее и различное» были представлены результаты экспериментально-фонетического исследования просодической организации высказывания в севернорусском говоре (д. Вадюга Верхнепинежского района Архангельской обл.) с тенденцией к так называемому «пословному тональному оформлению». Полученные результаты свидетельствуют о том, что для оформления высказывания в говоре в целом используются те же просодические средства, что и в литературном языке. Значительное сходство наблюдается и в наборе тональных акцентов: из описанных для говора типов (L+H*, H*+L, L*, L*+H и H*) литературному языку не свойственны только два последних; при этом фонетическая реализация тональных акцентов в говоре и литературном языке различна. Кроме того, верхнепинежские говоры и литературный язык различаются ассоциацией интонационных средств с коммуникативными значениями, в частности, значение незавершенности маркируется в говоре высоким пограничным тоном в отличие от низкого в ЛЯ. Наиболее яркими различиями между описанным говором и ЛЯ являются: тип минимальной интонационной единицы — акцентная группа в говоре и фонетическая синтагма в ЛЯ; дистрибуция тональных акцентов — за счет расширенного употребления в говоре восходящих тонов; большая функциональная нагруженность в говоре заакцентной части высказывания. К проблемам изучения интонации обратилась **Н. С. Вербич** (Украина) в докладе «Интонация украинской литературной и диалектной речи: сопоставительный аспект». Типичный интонационный контур как в литературной, так и в диалектной речи — восходяще-нисходящий. Но в литературной речи отмечается восходящий тон до 1-го ударного слога либо высокий уровень начала звучания, спад тона начинается на слоге с фразовым или логическим ударением. В диалектных текстах восходяще-нисходящий тон имеет разные реализации: в одних говорах, например восточнополесских, в большинстве случаев тон повышается в начале синтагмы, а спадается после 1-го ударного слога (как в литературном варианте). В других диалектах, например западноволынских, повышение тона длится до главного ударного слога, спад начинается на ядре или же на заударном слоге и продолжается в затакте. В докладе также сравниваются особенности темпо-ритма и корреляция степени важности информации и длительности ударных слогов в литературной и диалектной речи.

В докладе **А. М. Красовицкого** (Великобритания) «Редукция гласных в севернорусском наречии по данным ДАРЯ» был прослежен процесс разрушения оканья начиная с середины XX в. В результате анализа с использованием геоинформационных методов было выделено три типа вокалических систем, которые предшествовали наблюдаемой сегодня утрате оканья. В докладе **Н. П. Антропова** (Беларусь) «О корреляции материалов двух атласов: общеславянский ↔ белорусский» речь шла об использовании данных «Дыялекталагічнага атласа беларускай мовы» в работе над «Общеславянским лингвистическим атласом» как при уточнении отдельных фактографических опций, так и в ситуациях, требующих переоценки или научной рефлексии по отношению к тому, что было сделано ранее в национальных атласах.

Т. А. Демешкина (Томск) в докладе «Мир природы в зеркале диалекта (на материале концепта *болото*)» рассматривала познаваемость природного мира в диалектном дискурсе. Моделирование концепта осуществляется через обращение к семантическому полю, которое структурируется лексемами, обозначающими виды болот по различным признакам, и лексемами, репрезентирующими предметно-денотативную сферу, входящую в экосистему *болото*. Лексическая классификация природной реальности дополняется анализом высказываний, эксплицирующих когнитивные основания членения мира, представленные в диалектах. Показана вариативность вербализации концепта, обусловленная его региональной спецификой, а также значимость диалекта для развития русского национального языка. Доклад **Е. А. Нефедовой** (Москва) «Земля: лингвистическая и культурная семантика» был посвящен исследованию семантики общерусского слова в диалектном пространстве, автором проанализированы основные смысловые зоны слова *земля* в архангельских говорах, его свободная и связанная сочетаемость, употребление в составе фразем и как результат — встроенность концепта *земля* в основные семантические оппозиции, формирующие модель мира диалектоносителей. В докладе **Е. Л. Березович** (Екатеринбург) «Лексика камня как “новый” объект диалектологических исследований» отмечено, что, хотя *лексика камня* (условный термин) почти не изучалась диалектологами-русистами как не имеющая связи с крестьянской средой, детальное рассмотрение вопроса демонстрирует, что представления о целом ряде «каменей», их добыче, использовании получили номинативное воплощение и в лексике русских говоров. В связи с этим встают практические задачи: выявить тематические сферы, где такие слова встречаются системно, исследовать диалектные зоны, в которых они продуктивны, создать словарь нестандартной лексики камня, включающий не только диалектную, но и социолектную составляющую, а также теоретическая задача — изучить особенности взаимодействия профессиональных и территориальных лексических пластов в современных условиях.

Е. А. Галинская (Москва) выступила с докладом по исторической диалектологии, в котором прослеживается судьба ряда диалектных явлений в новгородских говорах начиная с конца XVI в. Основной материал — новгородские записные книги старых и новых крепостей 1597–1598 гг. Сравнение производилось с данными ДАРЯ, а также с деловыми документами первой половины XVII в. и с диалектными записями конца XIX — первой половины XX в. Выяснилось: 1. распространение произношения [e] на месте ударного *ě вместо более раннего [i] произошло между второй половиной XVII в. и серединой XIX в.; 2. неполное оканье стало зарождаться в новгородских говорах в первой половине XVII в., причем в заударных слогах процесс шел активно, а в предударных — медленно, так что неразличения /a/ и /o/ во втором предударном слоге еще не существовало даже

в начале XX в.; 3. устранение позиционного [w] и окончательное укрепление [ф] в слабых для фонемы /в/ позициях происходило на протяжении первой половины XVII в.; 4. тенденция к исчезновению предлога *ув* появилась в первой половине того же столетия; 5. существующий сейчас синкретизм род.-дат.-предл. падежей с формами на *-ы/-и* сложился в целом к началу XVIII в. В докладе **М. Н. Шевелевой** (Москва) «К истории диалектного будущего типа *иму делать, имём делать*» рассматривалась история глаголов *яти* и *имати* в русском языке в связи с формированием известного в сев.-рус. и ср.-рус. говорах будущего типа *иму делать*. Было показано, что глагол *имати* в северо-западной и северо-восточной зонах древнерусского ареала долго сохранял основу презенса *емл'*, вытеснение которой основой *имај-* в русских говорах относится уже к новому времени; в юго-западной части древнерусского ареала основа *имај-* фиксируется раньше и побеждает уже в XIV–XV вв. Др.-рус. глагол *яти* обнаруживает тенденцию к специализации на значении ‘схватить’, на базе которого формируются конструкции со значением будущего, в конце XIV–XV вв. на северо-востоке близкие к грамматикализации; на северо-западе конструкция типа *иму делать* распространяется, видимо, из северо-восточных говоров и из Центра. Утрата в старорусскую эпоху бесприставочной инфинитивной основы *яти* и способность *имати* употребляться в прошедшем времени в значении результативного действия способствует сближению форм типа *иму* с основой глагола *имати*, наиболее употребительного в современных северных говорах именно в значении ‘хватать, ловить’. Актуальная проблема — описание специфики семантики диалектного будущего с *иму* в сравнении с распространившимся в XVII в. из западных говоров *буду*. По имеющимся данным можно предполагать обязательность для будущего с *иму* контраста с настоящим, однако необходимо современное семантическое описание этих структур в конкретных диалектных системах. **М. Глушковский** (Польша) в докладе «Функционирование различных идиомов в речи старообрядцев Польши: самооценка, установка, языковая практика» подчеркнул, что основным языком общения старообрядцев является польский как внутри группы, так и за ее пределами, хотя около 50 % до сих пор активно пользуются русским говором, северо-западным по происхождению. Помимо этого, члены общины употребляют церковнославянский в качестве языка сакрального и освоенный во время учебы литературный вариант русского языка. Деревенская часть общины считала говор социальной ценностью и показателем идентичности, а для городских старообрядцев он представлял собой лишь коммуникативный код, употребляемый их предками в деревне. С конца XX в. наблюдается отмирание традиционного языка старообрядцев, обрядов и обычаев в младшем и отчасти в среднем поколении. **А. В. Тер-Аванесова** (Москва) рассмотрела на материале диалектных корпусов и диалектных записей реализацию особой счетной формы существительных при числительных *два, три, четыре, пол, полтора*, которая отличается от формы Р. ед. местом ударения (*нет ни ча́са, но два ча́са*). Изученный материал позволил выделить несколько зон. Южнорусские говоры демонстрируют картину, сходную с литературным языком: особую счетную форму имеют всего несколько существительных: *час, шаг, шар, ряд, след*, в меньшей степени — *раз*. Кроме того, счетная форма зафиксирована у некоторых «инструментально-строительных» терминов: *два зубá* (у бороны), *два ломá* и др. В восточных и северо-восточных говорах счетные формы отмечаются, кроме слов «литературного списка», у названий парных частей тела: *два бока́, два рогá, два глаза́*. Два восточных архангельских говора — д. Заяцево Верхнетоемского района

и д. Шотова Гора Пинежского района — демонстрируют специфические системы, нигде больше не зафиксированные: здесь от существительных м. р. с односложным, реже — двусложным корнем и с подвижным ударением достаточно свободно образуется счетная форма, например: Р. ед. *бо́ка*, Сч. *два бока́*, Р. ед. *го́рба*, Сч. *два горба́*, Р. ед. *ли́ста*, Сч. *два листá* и т. д. В этих системах можно предполагать расподобление счетной формы с формой Р. ед. и уподобление ее форме И. мн., как в белорусском языке. Пленарное заседание завершал интересный доклад **И. Б. Качинской** (Москва) «Экзотическая лексика среди терминов родства (по материалам архангельских говоров)», в котором шла речь о необычных, непривычных для носителей литературного языка словах, зафиксированных в рассматриваемой лексико-семантической группе. Отличия от литературного языка в этой группе отмечаются на всех языковых уровнях: фонетическом, словообразовательном, грамматическом, лексическом, семантическом. В докладе были показаны синонимические ряды основных терминов родства (например, ряд ‘мать’ включает 60 лексем и 40 сочетаний, ‘отец’ — 60 лексем и около 30 сочетаний), приведены примеры вариантов обозначения одного и того же понятия, различающихся фонемным составом (*дядя*, *дедя*, *дидюшко*, *дёдя* ‘дядя’), словообразовательными моделями, в частности разными префиксами (*правбабка*, *прадбабушка*, *предбабушка* и др. ‘прабабушка’), принадлежностью к разным типам склонения, а также случаи многозначности, когда одна и та же лексема обозначает разные понятия, например *чи́ча* — ‘сестра’, ‘двоюродная сестра’, ‘тетя’.

В третий день конференции было прочитано восемь пленарных докладов. **Т. И. Вендина** (Москва) говорила о русских диалектах в зеркале культурно-языковой диалектологии и привлекла внимание к принципу разной культурной разработанности частных смыслов, который действует в языке традиционной культуры, показав, что чем важнее для человека понятие, тем шире и глубже языковое пространство, раскрывающее его. Разная лексическая плотность семантического поля свидетельствует о разной культурной значимости слова в диалектах. Такой подход к диалектному слову позволяет выявить своеобразные участки ‘языкового напряжения’ русских диалектов, поскольку механизм языкотворчества включается всегда избирательно. Доклад **И. А. Букринской** и **О. Е. Кармаковой** (Москва) «Противопоставление западных и восточных говоров русского языка (на материале ДАРЯ и Восточнославянских изоглосс)» был посвящен анализу различных классификаций русских говоров, а также выявлению западных изоглосс (в рамках восточнославянского пространства) и северо-западных (в пределах русских говоров). В результате исследования было выделено четыре значимых пучка, характеризующих русский северо-запад: 1. общий северо-западный, 2. общепсковский, 3. новгородско-ладожский, 4. псковско-новгородский, — и проведено сравнение с идиомами, обозначенными А. А. Зализняком для описания языковой ситуации в Новгородской земле XI–XV вв. **А. П. Майоров** (Улан-Удэ) в докладе «Инодиалектные слова в говорах семейских Забайкалья» сообщил о методике, позволяющей определить пути заимствования лексики с помощью сравнения данных словарей разных территорий, — как диалектных, так и исторических. Установление междиалектных контактов проведено с опорой на различные направления исследования: историческое, генетическое, тематическое, структурно-системное. В докладе **С. А. Мызникова** (Санкт-Петербург) «Диалектная лексика в фольклорных текстах е *contrario*» показано, что разработка лексики фольклора в диалектных словарях сталкивается с большими трудностями: выделением формы заголовочного

слова, определением толкования фольклорного слова, региональной и локальной спецификой фольклорного дискурса в контексте общерусской традиции. Автор отметил, что существенный вклад в исследование семантики фольклорного слова внесла курская школа лингвофольклористики, в рамках которой было введено продуктивное понятие фольклорного диалекта. **М. В. Боброва** (Санкт-Петербург) в докладе «К проблеме составления диалектных фразеологических компендиумов (на примере материалов Пермского края)» указала на источники, лежащие в основе составления подобного словаря, отметила перспективы использования такого обобщающего труда, как пополняемого электронного корпуса, а также говорила о сложностях, стоящих перед диалектологами: различающиеся принципы сбора и отбора материала, неточности и ошибки, допущенные при интерпретации данных. **Л. З. Бояринова** (Смоленск) подняла проблему отражения мотивационных отношений при идеографическом описании лексики. Исследование проведено на материале существительных и прилагательных многотомного «Словаря смоленских говоров», при этом выявлено несколько типов мотивационных отношений между словами, которые позволили показать наличие системных связей исследованных слов не только одного диалекта, но и общерусского языка в синхронии и диахронии. Выступление **С. Гжибовского** (Польша) касалось своеобразия русского старообрядческого говора в Польше. Описываемый идиом в конце XX в. подвергся влиянию польского языка, приведшему к коренным изменениям отдельных участков системы. Это проявилось в лексике (в обилии полонизмов), в синтаксисе и в фонетике: консонантизм говора почти полностью «полонизирован». В говоре сохранились и своеобразные архаические элементы. Все это позволяет назвать говор уникальным этнолектом. Вызвал много вопросов и живое обсуждение доклад **С. А. Крылова** (Москва) «О применении дистрибутивно-статистического подхода в сфере русской диалектологии», где были перечислены и обоснованы особенности этого метода в применении к диалектному материалу. Автор отметил, что предметом количественного моделирования в лексике являются не только сами лексемы, отвлеченные от грамматической комбинаторики, но и статистическое разнообразие лексем в зависимости от частотной неодинаковости их грамматических парадигм. Соответственно, парадигма каждой лексемы представлена в модели как лингвостатистическая таблица, дающая сведения о корпусной употребительности каждой отдельной словоформы данной лексемы. Предметом количественного моделирования в грамматике являются не только сами грамматические формы, «грамматемы», отвлеченные от их лексического наполнения, но и статистическое разнообразие грамматем в зависимости от частотной неодинаковости их лексического заполнения. Соответственно, описание лексического заполнения каждой грамматемы представлено как лингвостатистическая таблица, дающая сведения о корпусной употребительности каждой отдельной словоформы данной грамматемы.

На секции фонетики и грамматики обсуждались актуальные вопросы диалектной фонетики, словообразования, морфологии и морфосинтаксиса, прозвучало 11 докладов. Два сообщения касались проблем интонации в севернорусских говорах. В докладе **М. Пост** (Берген, Норвегия) и **С. В. Князева** (Москва) была охарактеризована интонация общего вопроса в двух севернорусских говорах, в которых широко представлено пословное тональное оформление — дд. Вадюга и Тинева Верхнетоемского района Архангельской обл. и д. Варзуга Мурманской обл. (Терский берег Белого моря), близкого северным архангельским говорам. Проанализи-

рованы основные сходства и различия в оформлении общих вопросов в указанных говорах — в первую очередь в характере размещения восходящего и нисходящего тональных движений относительно сегментного состава релевантных слов (тайминга). На основании полученных данных обсуждался вопрос о возможной интерпретации той части контура, которая следует за повышением, как 1) второстепенного акцента; 2) тонального движения, являющегося последней частью главного тонального акцента; 3) пограничного тона. Рассматривался также вопрос о том, как могут сосуществовать мелодический контур с ровным тоном на заакцентных словах и тенденция к пословному тональному оформлению высказывания. **М. Ю. Евстигнеева** (Москва) исследовала интонационное оформление фраз с семантикой завершенности в одном севернорусском (вологдском) говоре. Было выделено два типа интонационных контуров, для одного из которых характерно падение тона от начала к концу слова во всех словах фразы, колеблющееся в одном диапазоне. При этом фразовый акцент может отсутствовать. Именно этот интонационный контур характеризуется пословным оформлением и «тоновостью» и является непривычным для носителя литературного языка. Полученные в исследовании результаты соответствуют классификации интонационных контуров в севернорусских говорах, предложенной ранее Р. Ф. Пауфосимой. В трех выступлениях рассматривались вопросы реализации фонем первого предударного слога в акающих говорах и севернорусских говорах с переходным типом вокализма. **С. В. Дьяченко** (Москва) посвятила свой доклад сопоставлению дифтонгов [ia] ([ea]) и [iu] ([eu]) в позиции первого предударного и ударного слогов в говорах с архаическим типом яканья (на материале говора с. Роговатое Старооскольского района Белгородской обл.). Исследователь сравнила спектрограммы и формантные значения частей соответствующих дифтонгов и установила, что дифтонги [ia] ([ea]) в первом предударном и ударном слогах значительно различаются не только по длительности, но и по соотношению *и*-образной (*e*-образной) и *а*-образной частей. В позиции ударного слога *и*-образная часть гораздо более длительна и носит выраженный *и*-образный характер, тогда как в первом предударном слоге первая часть не столь длительна и имеет более *e*-образное звучание. Второй дифтонг — [iu] ([eu]) — устроен иначе: и в ударном, и в первом предударном слогах он имеет примерно одинаковую *и*-образную часть, которая составляет около 50 % всего гласного и не имеет существенных качественных различий в позиции ударного и первого предударного слогов. Таким образом, было показано, что при транскрипции ударных дифтонгов целесообразно использовать значки [ia] и [iu], а при транскрипции предударных — [ea] и [eu]. **Е. В. Корпечкова** (Москва) представила количественную и качественную характеристики гласных первого предударного слога в двух белгородских говорах с жиздринским типом диссимилиативного аканья и с разными типами предударного яканья — суджанским и щигровским. Было отмечено также, что на выбор гласного первого предударного слога после мягкого согласного могут влиять акцентологические, грамматические и лексические факторы (тип ударения, особенности словоизменения, принадлежность к определенной части речи, род и падежная форма и др.). Рассмотренный материал позволяет пронаблюдать, в каких позициях архаическое состояние фонетической системы сохраняется наиболее устойчиво, какие факторы способны затормозить или, наоборот, ускорить изменения в отдельных словоформах. **Т. Н. Коробейникова** (Москва) исследовала реализации фонем /о/ и /а/ в первом предударном слоге в кировском говоре, для которого характерна постепенная утрата оканья. Анализировались

данные от трех информантов 1932, 1955 и 1998 г. р. Было установлено, что система говора стремится к унификации качества гласного на месте /a/ и /o/ в первом предударном слоге. При этом в идиолекте самой младшей по возрасту информантки наблюдается, во-первых, меньшая вариативность реализаций гласных в рассматриваемой позиции и, во-вторых, меньшая зависимость их от качества соседних согласных. Было сделано предположение, что сжатие артикуляционного пространства влечет за собой сдвиг безударных гласных в центральную зону, постепенную унификацию их качества и меньшую зависимость от консонантного контекста. **Н. В. Удалов** (Набережные Челны) рассказал о фонетических особенностях говора представительницы старообрядческой семьи Агафьи Карповны Лыковой на материале 16 часов аудиозаписей из экспедиций Казанского университета 1984 и 1986 гг. Акающая речь Агафьи Лыковой резко отличается от полноокающего говора ее отца — Карпа Иосифовича — по темпу, ритмо-динамической структуре слова, реализации аффрикат и шипящих и другим чертам. Речь Агафьи сформировалась под влиянием матери, которая являлась носителем вторичного акающего говора, сложившегося в Сибири в условиях контактирования полноокающих говоров с акающими. Кроме того, говор Агафьи имеет ряд общесибирских черт, в том числе севернорусских.

Л. Н. Новикова (Тверь) в докладе «Когнитивный аспект диалектного словообразования (на материале тверских говоров)» представила наблюдения над словообразовательными процессами, происходящими в тверских говорах, по данным словаря «Селигер: материалы по русской диалектологии». Была выявлена тесная взаимосвязь когнитивных и коммуникативных процессов, которая обуславливает необходимость двойного подхода к анализу производного слова: статического или динамического. Специфической чертой диалектного словообразования является особая дистрибуция морфем в производном слове, отличающая его от словообразования литературного языка. Процесс стихийного словотворчества, функционально обусловленный, помогает диалектоносителям использовать деривационный потенциал языка, комплекс ассоциативных связей, которые извлекают из глубин сознания иногда совершенно неожиданные сочетания морфем в производных словах говора.

Два доклада были посвящены формам 3-го л. настоящего времени глагола. **Н. В. Маркова** (Петрозаводск) в своем выступлении основное внимание уделила способам выражения этой формы в говорах Заонежья: окончаниям без *-т* в формах ед. и мн. числа, а также окончаниям с *-т* и *-ть* в соответствии с числовым значением формы. Эти флексии сохраняются в современном заонежском диалекте и употребляются в одинаковых синтаксических конструкциях (полных и неполных двусоставных и неопределенно-личных). Таким образом, они являются дублетами, морфологическими вариантами, отражающими разные исторические этапы в формировании личных окончаний. В докладе **Т. И. Мурзаевой** (Саратов) «Формы глаголов 3 лица в одном из южнорусских говоров Саратовской области» по материалам экспедиции 2019 г. были показаны особенности употребления форм с *-ть* и форм без конечного согласного в окончаниях в говоре с. Николаевка Ивантеевского района. Установлено, что актуализация форм без *-ть* зависит от числа (только в единственном) и места ударения (только на основе) и не обусловлена ни спряжением глагола, ни местом положения в речевой единице.

А. В. Малышева (Москва) проанализировала употребление форм прямого объекта при глаголе с отрицанием на материале трех западнорусских электронных

диалектных корпусов, созданных в 2020–2021 гг. Это исследование является продолжением начатого ранее статистического изучения регионального варьирования форм аккузатива и генитива при отрицании. В корпусе селигеро-торжковских говоров д. Лужниково доля генитивных форм составляет 21 %, в корпусе Хиславичского района Смоленской обл. — 34 %. Более высокий процент генитива — 63 % — обнаруживается в материале д. Нехочи Хвастовичского района Калужской обл. По употреблению форм прямого объекта при отрицании нехочинский говор сближается с изученными ранее севернорусскими системами, а также с говором с. Спиридонова Буда Злынковского района Брянской обл. Таким образом, новые данные электронных корпусов подтверждают наличие генитивных зон на юго-западе европейской территории России. Оживленную дискуссию вызвало выступление **М. В. Ермоловой** (Москва), которая рассказала о функционировании причастных форм в речи носительницы псковского (опочецкого) говора. Было показано, что в рамках одной диалектной системы данная грамматическая форма может использоваться в разных функциях: в результирующих значениях со связкой и без, в функции глагольного обстоятельства и атрибута. Для диалектных примеров приводились соответствия из памятников письменности древне- и старорусского периодов. В заключение было отмечено, что причастный перфект является в современном псковском говоре живой грамматической категорией, сохраняющейся также в речи младшего поколения.

На секции «Лексикология и лексикография» прозвучало 16 докладов. На заседании шла речь о создании новых лексикографических трудов, проблемах выделения актуальных мотивационных признаков при номинации диалектной лексемы; отдельная часть заседания была посвящена вопросам функционирования общерусских и просторечных лексем в говорах, микропонимии и этимологии. Открыл заседание доклад **М. Д. Корольковой** (Санкт-Петербург) «Ремесленная лексика как объект диалектной лексикографии», в котором были рассмотрены состав и особенности терминологической лексики в русских говорах. Автор затронул проблему лексикографического описания общерусских ремесленных терминов. **Е. П. Андреева** (Вологда) в докладе «*Жиндадарин, аред, ерыкало и артиль*: экспрессивные наименования лиц в усть-кубинских говорах» рассказала о лексемах — номинациях человека, содержащих такие семы, как пейоративность, эмоциональность, образность. Был выделен ряд лексико-семантических групп в составе данной тематической группы, рассмотрены продуктивные словообразовательные и семантические модели экспрессивов, а также этимология отдельных слов. **Л. А. Дубцова** (Томск) проанализировала атрибутивные конструкции с лексемой *время* в томских говорах (основной источник — Томский диалектный корпус). Они используются носителями говора с целью характеристики природного времени, времени как физической величины, социального времени. Атрибутивные конструкции указывают на ценностные ориентиры информантов и способствуют выявлению значимых временных отрезков в диалектной картине мира. Совместный доклад **И. Б. Иткина** и **С. В. Дьяченко** (Москва) был посвящен критическому анализу лексикографического представления прилагательного *зрячий* в «Словаре русских народных говоров». Авторы показали, что вместо трех указанных в СРНГ омонимов в говорах реально функционируют только две омонимичные лексемы. Таким образом, лексикографическое представление прилагательного *зрячий* в словаре нуждается в существенных уточнениях с опорой на четкое разграничение значений, относящихся к глаголу *зреть*, с одной стороны, и к наречию *зря* — с другой. Доклад

Е. В. Колесниковой (Москва) затронул проблему семантики общерусского слова в диалекте на примере прилагательного *желтый*. Было продемонстрировано, что диалектное слово *желтый* отличается от литературного значительно более широким диапазоном значений, в том числе архаических; многие значения, совпадающие с литературными, стилистически маркированы; лексема характеризуется иным набором парадигматических отношений по сравнению с литературным языком.

А. В. Ширкунова (Псков) предприняла попытку раскрыть роль отсубстантивных относительных прилагательных в установлении связей между наименованиями предметов реального мира. **Е. В. Колосько** (Санкт-Петербург) привлекла внимание к проблеме отражения в диалектных словарях диалектно-просторечной лексики. В работе были рассмотрены устойчивые диалектные и просторечные сочетания, объединенные широко распространенным в разговорной речи местоимением *чѣ*. Сделан вывод о необходимости введения в диалектный словарь просторечной лексики, тесно связанной с диалектной, — как отдельных слов, так и устойчивых сочетаний. **Л. А. Дмитрук** (Кострома) проанализировала лексему *намедни* в драматургическом тексте А. Н. Островского и проследила семантические и стилистические трансформации данной лексемы в костромских говорах и литературном языке. **М. В. Флягина** (Ростов-на-Дону) подняла важный для диалектной лексикологии в целом вопрос определения мотивировочного признака, лежащего в основе названия. Докладчик убедительно продемонстрировала, что в процессе номинации в первую очередь участвуют те объекты, которые представляют утилитарный интерес для человека, а потому анализ моделей номинации и установление мотивировочных признаков апеллятивов позволяет реконструировать номинативную деятельность носителей языка, а также определить их ценности и приоритеты в освоении окружающего мира. Проблемы мотивации в диалекте были также затронуты в докладе **М. О. Леонтьевой** (Екатеринбург), посвященном анализу соматической лексики, где показано, что части тела, которые связаны с физическим трудом или могут быть повреждены, травмированы во время работы, имеют в говорах большое количество наименований. Особую номинацию получают также части тела, которые не справляются со своими задачами (*коляги* — ‘неловкие, неумелые руки’). **А. В. Войтенко** (Москва) в докладе «Подмосковная микроонимия в лексикографической перспективе» рассказала о возможностях составления словаря идеографического типа, в котором может быть представлен собранный сотрудниками Московского государственного областного университета в экспедициях с 1990 по 2007 г. материал по микротопонимике и антропонимике Подмосковья. При этом были продемонстрированы пробные словарные статьи по одному из районов Московской области. Доклад **Г. Д. Негановой** (Кострома) посвящался анализу народных ландшафтных терминов, в частности двух групп: названий возвышенного равнинного рельефа и понижений, в основном болот и мест на болоте. Выявлен достаточно широкий набор языковых единиц, номинирующих формы равнинного рельефа. В докладе обращалось особое внимание на семантическое содержание и толкование однокоренных терминов. **Е. В. Цветкова** (Кострома) также затронула проблему анализа географической терминологии в микротопонимии, выбрав для исследования названия, образованные от слова *лыва* ‘лу́жа’, ‘яма с водой’, ‘пруд’, ‘болото’ и др. Автором было установлено, что семантика апеллятива в значительной степени сохраняется в производных от него микротопонимах, а также отмечено, что данная группа в основном образуется путем прямого перехода географического термина в микротопоним (яма *Лыва*, озеро *Лыва*) либо по схеме

«географический термин + определение» (*Панкова льва*). В докладе **И. А. Горбушиной** (Москва) речь шла о русском диалектном, распространенном в северном наречии наименовании *путик* ‘охотничья тропа’. Вопрос о происхождении этого слова остался открытым, наибольшего внимания заслуживают три этимологии: 1) деминутив от *путь*; 2) производное от *путать*; 3) заимствование из прибалтийско-финских языков. Все три версии были рассмотрены автором в контексте сходных словообразовательных и семантических моделей с учетом возможного метафорического или метонимического переноса значения. **Я. В. Малькова** (Екатеринбург) описала этимологию трех диалектных лексем с семантикой брезгливости: пск., твер. *посвірывать* ‘привередничать, брезговать’; калуж. *кóбзовать* ‘брезговать’; дон. *скабѣжливый* ‘брезгливый’. **Т. В. Шалаева** (Москва) проанализировала происхождение двух русских диалектных лексем, отмеченных в севернорусских архангельских говорах: *плоть* ‘вранье, враки’ и *шáки* ‘плечи; верхняя часть спины’. Первая из них была рассмотрена как результат развития значения русского диалектного слова *плоть* ‘перхоть’, вторая — как фонетический и лексико-семантический вариант формы *шáхи* ‘подпорки стога; шесты, колья’.

На секции 3 «Лингвокультуралогия. Речевая коммуникация» было сделано 16 докладов. В своем выступлении **И. И. Русинова** (Пермь) охарактеризовала лексические единицы, называющие человека со сверхъестественными свойствами, включая и их ареальное описание. В мифологических рассказах и в говорах Пермского края для обозначения указанного персонажа используется несколько корней, от которых по разным моделям образуются однословные и неоднословные единицы. Наибольшее количество наименований связано с общерусскими корнями (*-вед-*, *-ерет-/ерек-*, *-зна-*, *-колд-/холод-*). Слова с этими корнями не дают ареалов и фиксируются во всех районах Пермского края. Ареалы на территории края имеют прежде всего такие единицы, у которых нет соответствий в литературном языке. Материал, приведенный в докладе **О. Д. Суриковой** (Екатеринбург), убедительно доказал, что деантропонимные имена разных объектов и существ восточнославянского фольклора, считавшиеся немотивированными, могут иметь ярко выраженную лингвистическую мотивированность. Наиболее наглядно это видно на примере заговорных имен змей, которые подразделяются на несколько основных категорий: отопеллятивные имена собственные, имена, совпадающие с антропонимами, имена, возникшие в результате стремления к табуизации и имеющие глоссолалическую природу. **Л. А. Климкова** (Арзамас) в докладе «Мифологические рассказы: диалектный дискурс» рассмотрела номинации мифологических персонажей (духов inferнальной сферы) в нижегородских говорах Окско-Волжско-Сурского междуречья, а также употребление этих единиц в фольклорных текстах из коллекции кафедры русского языка Арзамасского пединститута. Корпус этих текстов содержит свыше 400 демонологом. Доклад **Л. А. Инютиной** (Новосибирск) затронул проблему реконструкции пространственной картины мира у носителей сибирских старожильческих говоров в начальный период их формирования (XVII в.). В качестве одного из способов решения этой задачи предложен когнитивно-семантический анализ лексики, выражающей реальное и мысленное освоение пространства Сибири. Источниками выборки послужили три региональных исторических словаря. Сделан вывод, что значительный сегмент проанализированной лексики, как глагольной, так и пространственно-номинативной, отражает процессы активного продвижения русских переселенцев по новым землям и их освоения. **Я. В. Мызникова** (Санкт-Петербург) в докладе «“Это не хвала — истинная правда”: адресат

и адресант в диалектном дискурсе» рассмотрела особенности коммуникативного акта между информантом и собирателем. Для правильного и успешного общения важно учитывать систему ценностей адресата, который является представителем деревенского социума с иной картиной мира. В докладе «Диалектная коммуникация: особенности повествования» **И. А. Букринская** и **О. Е. Кармакова** (Москва) продемонстрировали на примере спонтанной речи информантов-мужчин особый, как они его называли, линейно-документальный тип развертывания текста, когда повествование идет в четкой временной последовательности, с редкими самоперебивами. Такой рассказ резко отличается от более распространенного линейно-ассоциативного типа рассказов-воспоминаний, характеризующегося многочисленными отступлениями от сюжетной линии, обращениями к слушателям, диалогичностью. Авторы полагают, что использование того или иного типа повествования зависит от личности говорящего, его интенций, адресата, тематики и объема текста.

И. И. Макеева (Москва) в докладе «О некоторых диалектных особенностях списков Кормчей ранней русской редакции» сообщила, что до нашего времени дошло шесть старших списков русской Кормчей, о месте создания которых свидетельствуют их диалектные особенности. Из этих рукописей с точки зрения текстологии и языковых особенностей близки Арадская кормчая XV в. и Погодинская конца XVI в. (юго-западные); Варсонофьевская XIV в. кормчая (северо-запад) и первая часть Харьковской кормчей сер. XV в. (новгородская). В каждой паре рукописей имеются общие и частные языковые черты, которые были подробно рассмотрены. Общие для пар рукописей диалектные особенности каждый писец отразил в разной степени. Было обращено внимание и еще на один аспект: отношение писцов к инодиалектным явлениям. В докладе **С. С. Земичевой**, **А. А. Васильченко**, **Л. А. Дубцовой** (Томск) «Текстовая разметка Томского диалектного корпуса: количественные результаты» представлены итоги реализации проекта по созданию дискурсивно размеченного текстового корпуса на материале говоров Среднего Приобья. Проект включает три модуля: текстовый, грамматический (морфологический) и лексикографический (толкования диалектных слов). Текстовая разметка предполагает маркирование темы, жанра и типа текста. В докладе были кратко охарактеризованы принципы разметки, представлен частотный список макротем и тем, речевых и фольклорных жанров. **Л. Ю. Зорина** (Вологда) в докладе «Ещё раз о диалектных благопожеланиях» остановилась на характеристике этикетных формул, зафиксированных в говорах Усть-Кубинского района Вологодской обл., в которых функционирует целая система трудовых благопожеланий, например: *Беленько мыть!* — стирающему белье; *Струя в руку!* — тому, кто доит корову; *Дай Бог не последний клоч!* — стригущему овцу и др. Такие единицы представляют собой звенья некогда существовавшей детализированной системы и характеризуются устойчивостью, повторяемостью, формульностью, органичностью использования в речи. В докладе **Н. В. Большаковой** (Псков) «Труд как маркер детской идентичности (на материале диалектной речи и традиционного фольклора)» на псковском материале было показано, что трудовая деятельность в традиционной культуре является общественно значимым признаком зрелости. Именно труд как основа социального поведения выполняет защитную функцию для подростка, позволяя преодолеть негативные последствия кризиса идентичности. **Е. Н. Ильина** (Вологда) в докладе «Вербализация представлений о региональной идентичности в борбушинском говоре» рассматривала когнитивную, эмоциональную, ценностную, регулятивную составляющие речевой самоидентификации жителей д. Борбушина

Кирилловского р-на Вологодской обл. Целью доклада **Р. В. Ронько** (Москва) «Прайминг переключения кодов в опочечких говорах: корпусное исследование» было выявление тенденции носителей языка использовать заданную предыдущим контекстом конструкцию (прайминг) на разных языковых уровнях: лексическом, грамматическом, фонетическом. При этом была отмечена связь прайминга со стабильностью/нестабильностью диалектной системы. Доклад **Е. С. Смирнова** (Красноярск) «Устный ангарский текст как транслятор кровнородственного культурного кода» продемонстрировал тот факт, что тексты старожилов позволяют обнаружить влияние различных культурных кодов и субкодов на традиционную лингвокультуру Северного Приангарья. В докладе **С. М. Беляковой** (Тюмень) была представлена попытка систематизации инвективной лексики, функционирующей в тюменских говорах. В частности, отмечены семантико-мотивационные отличия между инвективами, адресованными одному лицу или коллективу, а также очерчены основные тематические сферы, служащие источниками инвективов (животный мир, народная мифология, сакральная сфера, болезни и др.). **Е. Э. Базаров** (Москва) в докладе «*Замкнуть зал / замкнуться в зале*: на границе регионального и просторечного» рассуждал о функциональной неоднозначности слов, имеющих пограничный статус между просторечием и регионализмом (или диалектизмом), о трудностях в подаче их значений в толковом словаре, а также о разном и дискуссионности стилистических помет в нормативных словарях.

Секция «Ареальная лингвистика. Языковые контакты» была представлена 12 докладами, в 7 из которых шла речь о говорах старообрядцев. В первых двух выступлениях внимание было сосредоточено на русских конфессиональных группах Южной Америки. В докладе **Н. Г. Архиповой** (Благовещенск) рассматривались сборники песен, исполнявшихся на свадебном девичнике. На множестве ярких примеров было показано, что они отличаются жанрово-тематическим своеобразием, имеют особенности графики и орфографии и содержат богатый материал для исследования диалектных явлений и говоров старообрядцев. **С. Л. Ронгоген** (Санкт-Петербург) рассказала о рукописной поваренной книге, обнаруженной в 2016 г. во время экспедиции в с. Любитовка Хабаровского края, где компактно проживают русские старообрядцы-реэмигранты из Латинской Америки. Найденная рукопись является источником для изучения своеобразной лексики носителей говора, сохраняющего как традиционные диалектные элементы, так и иноязычные: испанские, португальские, в меньшей степени английские и китайские. **Е. А. Оглезнева** (Томск) и **О. В. Пустовалов** (Томск, Хэйхэ, КНР) в совместном докладе «Русские говоры китайского Трехречья в современной языковой ситуации» представили результаты научных экспедиций 2017–2018 гг. в китайские села Эньхэ, Сучин, г. Лабудалинь, во время которых изучалась речь и языковая компетенция потомков русских переселенцев разных поколений. Исследователи считают, что важной особенностью современных русских говоров в китайском Трехречье является их интерферированный характер. **Л. Н. Донина** (Санкт-Петербург) в докладе «Говор казаков-уральцев в современном Каракалпакстане» дала обзор материалов экспедиции 2019 г. к старообрядцам, потомкам яицких казаков. Было обращено внимание на то, что информанты активно используют лексику, связанную со старообрядчеством, и помнят фонетические и морфологические черты материнского говора, хотя редко используют их в речи. В итоге обследования говор предварительно был оценен как сохранный, нуждающийся в дальнейшем изучении. Об островном русском говоре старообрядцев в польскоязычном окружении шла речь в докладе

Д. Пасько-Конэчняк (Торунь, Польша) «Лексические гибридные формы в русском говоре старообрядцев, проживающих в Польше». Автор, в частности, отметил, что, хотя в современном говоре сохранились многие псковские диалектные черты, он подвергается влиянию польского языка на всех уровнях. Более подробно были проанализированы различные механизмы образования лексических гибридных форм. В основу доклада **Т. П. Лёнигрен** (Тромсё, Норвегия) «Неопубликованные материалы диалектологической экспедиции к казакам-некрасовцам» легли записи двух полевых дневников Е. Г. Буровой, сотрудника отдела диалектологии и лингвогеографии ИРЯ РАН, сделанные в сентябре 1959 г. во время экспедиции в Приморско-Ахтарский район Краснодарского края к вернувшимся из Турции старообрядцам. Были кратко изложены результаты сопоставления основных черт говора казаков-некрасовцев, отмеченных в полевых дневниках Е. Г. Буровой, в публикациях М. А. Полторацкой и в языке трех писем старообрядцев из Турции к репатриированным родственникам. Объектом анализа в докладе **О. Ю. Крючковой** (Саратов) были записи речи потомственного старообрядца 1920 г. р., коренного жителя с. Белогорное Вольского района Саратовской обл. На богатом материале показано, что речь информанта представляет собой «смешанный» текст, который, являясь типично диалектным, характеризуется выраженным влиянием книжной, в том числе церковнославянской, культуры, причем религиозная, устаревшая, книжно-литературная лексика функционирует в речи в «диалектной аранжировке». Подобный феномен определяется синтезом разных типов языковых культур в коммуникативной компетенции говорящего. Доклад **Ю. А. Шкураток** (Пермь) «Русские диалектные заимствования в коми-пермяцкой мифологической лексике» основан на анализе коми-пермяцких мифологических нарративов, которые содержат большое количество русских наименований мифологических персонажей и их действий. Процесс заимствования отражает культурное влияние русских на мировоззрение коми-пермяков начиная с XI–XII вв. Проблеме терминологии были посвящены доклад **Н. С. Ганцовой** (Кострома) «Костромские говоры: к определению понятия». Автор отметила, что понятие *костромские говоры* до сих пор не имеет строгого терминологического статуса, указала причины его размытости, а также предложила варианты определения понятия. В докладе **Т. Е. Баженовой** (Самара) «Характеристика говоров Среднего Поволжья по лингвогеографическим данным» основное внимание было уделено готовящемуся к изданию «Лексическому атласу самарских говоров», состоящему из 84 карт, на которых представлено более 410 лексем и лексико-семантических вариантов. Докладчица подчеркнула, что в условиях сложного лингвистического ландшафта Среднего Поволжья задача лингвогеографической репрезентации диалектной лексики является одной из наиболее трудных. Доклад **Д. А. Вашичковой** (Прага, Чехия) «Многочисленные названия домашних птиц в южнокарпатских говорах» посвящался проблемам полисемии/омонимии. На основе сравнения значений, а также предполагаемой мотивации и этимологии многозначных названий домашних птиц на территории Словакии и Закарпатья были сделаны выводы об отнесенности этих диалектизмов к омонимам или полисемантам. Доклад **В. А. Пыхова** (Москва) «Ареалы наименований куропатки в славянских диалектах» основывался на материале карты названий куропатки в Общеславянском лингвистическом атласе, серия «Животный мир», на которой представлено 12 наименований. В результате тщательного анализа материала докладчик резюмировал, что мозаичность ареалов исследуемого явления наглядно отражает вариативность в использовании лексико-словообразовательных

средств при номинации объектов окружающей действительности и является свидетельством того, что славянские диалекты, сохраняя общность, шли каждый своим путем.

Надо отметить, что большинство докладов вызвали вопросы и живое обсуждение коллег. Участники считают, что, несмотря на онлайн-режим, конференция прошла плодотворно. На канале YouTube ИРЯ РАН можно ознакомиться с записями докладов. К началу конференции был издан сборник материалов, включающий 85 статей, их можно прочитать на сайте ИРЯ¹.

**International Conference “Actual Problems of Russian Dialectology:
On occasion of the 100th anniversary
of Sofya V. Bromley and Olga N. Morakhovskaya”**

*И. А. Букринская, О. Е. Кармакова,
Е. В. Колесникова, А. В. Малышева*
Институт русского языка им. В. В.
Виноградова РАН
(Москва, Россия)
dialects@mail.ru

Т. П. Лёнгрен
Университет Тромсё — Арктиче-
ский Университет Норвегии
(Тромсё, Норвегия)
tamara.lonnngren@uit.no

*Irina A. Bukrinskaya, Olga E. Karmakova,
Elena V. Kolesnikova, Anna V. Malysheva*
Vinogradov Russian Language Institute,
Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
dialects@mail.ru

Tamara P. Lönngren
Universitetet i Tromsø — Norges Arkti-
ske Universitet
(Tromsø, Norway)
tamara.lonnngren@uit.no

Получено 20.12.2021

Received on December 20, 2021

doi.org/10.31912/rjano-2022.1.11

53-е Виноградовские чтения в МГУ

19 января 2022 г. на филологическом факультете МГУ в онлайн-формате прошли 53-е Виноградовские чтения, посвященные 80-летию книги В. В. Виноградова «Стиль Пушкина». Тема чтений — «Вклад академика В. В. Виноградова в развитие стилистики художественной речи».

С приветственным словом к собравшимся обратилась президент филологического факультета, заведующая кафедрой русского языка М. Л. Ремнева, которая отметила ценность научных трудов академика В. В. Виноградова для филологического факультета МГУ и кафедры русского языка, для развития филологической науки на современном этапе ее развития.

Программу чтений открыла профессор О. Г. Ревзина (МГУ), выступившая с докладом «“Образ мира, в слове явленный”»: В. В. Виноградов о языке и стиле лите-

¹ См. https://www.ruslang.ru/sites/default/files/2021-12/dialect2021_materialy.pdf.

ратурно-художественных произведений», в котором было рассмотрено учение В. В. Виноградова о слове как единице языка, о слове как языковом образе и о символе как единице художественной речи. Обосновывалась мысль о том, что В. В. Виноградов в своих научных трудах показал особые черты художественного мира, воссозданного в русском художественном слове: динамичность, субъектность, двойную структуризацию, обусловленную процессами, происходившими в языке, и интертекстуальными связями в художественном дискурсе.

В докладе доктора филологических наук Н. А. Фатеевой (ИРЯ РАН) «Пушкин и Пастернак: путь к прозе» была показана связь текстов Б. Л. Пастернака с текстами А. С. Пушкина. Обсуждался вопрос о влиянии «Повестей покойного Ивана Петровича Белкина» Пушкина на замысел и композицию романа Пастернака «Доктор Живаго» (как в плане подражания, так и в плане отталкивания), рассматривался путь Пастернака к «прозрачной» прозе, лишенной орнаментальности его ранних вещей и стремящейся к «прелести нагой простоты», выражаясь словами Пушкина. Пастернак, строя роман о Живаго как произведение изначально противоположное по задаче пушкинскому, берет многие слова-мотивы повестей Пушкина в качестве исходных и проводит их по новому кругу сквозь свое произведение, создавая свой «авторский миф». Мифологически отражены в романе и пушкинские лейтмотивы (выстрел, метель). Как у Пушкина «по смысловым вехам» (В. В. Виноградов) двигалась история *выстрела*, с которой начинается цикл повестей, точно так же в романе Пастернака *выстрелы* образуют «заколдованный круг», замыкающийся на Антипове, взявшем себе «смертный псевдоним» Стрельников. Пушкинский мотив метели связывает стихотворный и прозаический тексты романа «Доктор Живаго» «сквозной тканью существования».

Доктор филологических наук Н. В. Перцов (ИРЯ РАН) в докладе «К проблеме текстологической неопределенности при выборе вариантов у Пушкина в его черновиках» охарактеризовал феномен текстологической неопределенности (ТН) в некоторых черновиках Пушкина, т. е. невозможность или затрудненность точного и строгого обоснования выбора основного текста произведения или промежуточных вариантов. Понятие ТН было предложено автором в совместной статье с И. А. Пильщиковым в 2011 г. Феномен ТН недостаточно отражен в академических публикациях произведений Пушкина. При оценке текстологического статуса вариантов в его черновиках исследователям часто приходится опираться на гипотезы и прибегать к конъектурам. Были указаны некоторые ситуации, порождающие ТН: 1) неразборчивое написание фрагмента рукописи; 2) отсутствие в рукописи части фрагмента (недописанные слова, пропуски букв в слове и т. д.); 3) отнесение фрагмента к тому или иному месту в тексте; 4) выбор окончательного варианта из нескольких, с двумя подтипами: 4а) варианты зачеркнуты, 4б) варианты оставлены как возможные. Случай (4б) был продемонстрирован на примере эпиграммы Пушкина «Глухой глухого звал к суду судьи глухого».

В докладе профессора А. В. Леденева (МГУ) «Пунктуация как прием в произведениях В. В. Набокова: смысловые обертоны знаков препинания» шла речь о наблюдающейся в творчестве В. В. Набокова тенденции к дополнительной семантизации как собственно языковых единиц, так и способов их визуального предъявления. В отличие от писателей авангардной ориентации, Набоков дорожил пунктуационной гранью письменной культуры, которая под его пером становилась одним из дополнительных ресурсов художественной выразительности. Были приведены примеры «пунктуационной выразительности», связанные с использованием много-

точия, тире, восклицательного знака и скобочных конструкций в рассказе «Памяти Л. И. Шигаева» и романах «Защита Лужина», «Лолита», а также в стихотворениях В. Набокова. Многоточие в рассказе «Памяти Л. И. Шигаева», помимо привычных функций, выполняет и другие: оно фигурирует в рассказе в роли метафоры или иконического образа прощания, чему способствует постепенное понижение частотности этого пунктуационного знака. Многоточия у Набокова — следы так и не прозвучавших слов, знак замирания, прощания, расставания, ухода. В еще более очевидной форме иконическая функция многоточия проявлена в стихотворении «Поэты». В метафорически-иконической функции используется в текстах писателя и тире — например в одиннадцатой главе книги «Speak, Memory»: в описании постепенно стихающего летнего ливня, ставшего импульсом к созданию стихотворения, писатель иконически соотносит дождевые линии с чередованием коротких и длинных тире.

Доцент В. С. Савельев (МГУ) в докладе «Границы стиля и его семантические возможности» обратился к той части труда В. В. Виноградова «Стиль Пушкина», в которой ученый исследует творчество А. С. Пушкина как деятельность, приведшую к становлению системы стилей русского языка. Развивая идеи В. В. Виноградова, докладчик указал на то, что решение разных смысловых задач требует от автора использования разного стилизового инструментария, и в качестве иллюстрации проанализировал принадлежащие разным стилям тексты: перевод книги Х. Г. Селле «Практическая медицина или книга о познании и лечении болезней человеческих» (1802) и «Справочник практического врача» (1981), с одной стороны, и художественный текст с описанием обморока — фрагменты XXIX–XXX строф V главы «Евгения Онегина» — с другой. Докладчик обратил внимание на то, что в черновиках есть вариант, в котором Татьяна падает в обморок, но Пушкин в окончательном тексте описывает лишь предобморочное состояние героини и ее способность «властвовать собою». Докладчик отметил также смену ритма в художественном описании обморока, которую интерпретировал как изменение субъективной перспективы текста.

Кандидат филологических наук Е. И. Михайлова (Музей М. А. Булгакова) выступила с докладом «Пушкинская тема в произведениях Михаила Булгакова: мотивировки и значения в свете проблемы автора», в котором обосновала положение о том, что к пушкинской традиции восходят наиболее характерные для Булгакова приемы и принципы повествования: выстраивание сложной системы повествовательных инстанций; смена точек зрения в пределах не только текста, но и фразы; дистанцирование автора от «ненадежного» рассказчика; актуализация плана наррации и, соответственно, плана читателя (адресата не только нарратора, но и имплицитного автора) и др. Вступив в литературу в 1920-х гг. — период всеобщего поиска новых художественных приемов, а также то и дело звучащих призывов вовсе отречься от устаревших форм и создать принципиально новые, — Булгаков демонстрирует как тематическую связь с литературой прошлого, так и явную ориентацию на эту литературу в формальном плане. При этом он развивает традицию: повествовательные стратегии Булгакова значительно усложнены, а приемы зачастую заострены в связи с измененностью и контекста высказывания, и адресата, и авторских задач. В текстах обоих авторов (и Пушкина, и Булгакова) формальные поиски оказываются частью авторской рефлексии о литературе и писательстве вообще.

Доктор филологических наук А. А. Новиков-Ланской (РАНХиГС) в докладе «Иосиф Бродский как интерпретатор поэтического текста» обсуждал филологиче-

ские работы Бродского на фоне общей классификации литературоведческих интерпретаций. Все подходы к восприятию и изучению стиха (как и любого текста) были разделены докладчиком на три направления в соответствии с известной схемой: *автор — текст — читатель*. В зависимости от того, какой элемент этого триединства воспринимается как определяющий, различаются три метода интерпретации: *синтетический метод*, опирающийся на приоритет автора, *аналитический метод*, признающий за исходную установку идею о внутренней независимости и самостоятельности текста, и *прагматический метод*, основанный на доминирующей позиции воспринимающего текст сознания. К «синтетической традиции» докладчик отнес литературоведческие труды В. В. Виноградова, к аналитической — работы структуралистов (Ю. М. Лотмана и М. Л. Гаспарова), к прагматической — теории постструктуралистов (Р. Барта, М. Фуко, У. Эко, Ж. Делёза; Ж. Дерриды, Ю. Кристевой). Были указаны и те направления исследования, которые соединяют черты двух традиций: движение от анализа к синтезу характерно для исследований структуралиста Б. Успенского (к примеру, в «Поэтике композиции»); воззрения М. Бахтина являют собой смешанный тип синтетического метода («карнавал») и прагматики («философия поступка» и «полифония»). В этой классификационной системе работы Иосифа Бродского о поэзии также представляют собой смешанный тип: основа критического мышления Бродского синтетична. Представление Бродского о тональности в поэзии — это попытка найти целостность текста, пафос, всеохватывающий образ автора. При этом в подходе Бродского влиятелен и прагматический элемент. Он проявляется прежде всего в мысли об активности читателя в процессе сотворчества, в обнаружении интертекстуальных связей. Данный принцип лежит в основе программных эссе о М. Цветаевой — «Новогоднего» и «Примечания к комментарию». С другой стороны, прагматический метод виден и в том, что сам поэт называет «кальвинизмом», — в рассуждениях о примате частности (свободы) человека и его тотальной ответственности за все, что вокруг него происходит.

Завершал программу Чтений еще один доклад об И. Бродском — доцента Д. Н. Ахапкина (СПбГУ) на тему «“Новые узоры по старой канве” в стиле Бродского: к переосмыслению феномена подтекста». Доклад был посвящен проблеме литературного подтекста и его семантических механизмов. Один из первых примеров системного описания неявной литературной цитации — глава из книги В. В. Виноградова «Стиль Пушкина», которая называется «Новые узоры по старой канве». В ней идет речь о разных типах отсылок к другим текстам в поэзии Пушкина. Для Виноградова такого рода литературные намеки подключают к семантике пушкинского текста смысловое пространство текста-источника. Отталкиваясь от анализа смыслового взаимодействия текстов, проделанного В. В. Виноградовым, докладчик показал, что оно может проходить и в обратном направлении: отсылка к державинскому «Лебедю» в стихотворении «Друзьям», поддержанная смысловым рядом пушкинского текста, высвечивает в стихотворении Державина те смыслы, которые были не первостепенны или не столь видны, и уже после этого текст Пушкина вторично переосмысливается в отраженном свете источника. Подобная интерпретация, соотносимая с современным подходом в когнитивной теории метафоры, учитывающим двунаправленность взаимодействия смысловых полей «источника» и «цели», была применена и к тем типам отсылок, которые выделяет В. В. Виноградов. Далее докладчик на примере поэзии Бродского продемонстрировал воспроизводимость одного из этих типов — $[y] = [\text{новый } x]$ и показал, как происходит такого рода взаимодействие.

В заключительном слове М. Л. Ремнева подчеркнула высокий теоретический уровень докладов и интерес аудитории к обсуждавшимся проблемам, поблагодарила докладчиков и присутствовавших на Чтениях слушателей и выразила уверенность в том, что январские Виноградовские чтения в МГУ являются весомым вкладом в развитие современной русской филологии.

The 53d Vinogradov Conference in the Moscow State University

Н. К. Онипенко
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
onipenko_n@mail.ru

Получено 05.02.2022

Nadezhda K. Onipenko
Vinogradov Russian
Language Institute
of the Russian Academy of Sciences
onipenko_n@mail.ru

Received on February 05, 2022

***M. Kalyuga. Russian Prepositional Phrases:
A Cognitive Linguistic Approach. —
Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2020. — 313 p.***

Исследование семантики предлогов, падежей и предложно-падежных сочетаний в целом в лингвистике и в русистике в частности имеет богатые традиции и реализуется в рамках нескольких теоретических подходов, см. обзоры литературы [Филипенко 2000; Шматова 2010: 12–26]. Но книга Марики Калюги подтверждает, что накопленные в лингвистической науке знания о достаточно хорошо изученном объекте могут быть еще дополнены анализом языковых фактов, пока не получивших необходимого освещения.

Цель книги — показать, как на основе пространственных значений предлогов и падежных форм развиваются вторичные непространственные значения. Для достижения этой цели применяется когнитивный подход, позволяющий из разрозненных значений предложно-падежных групп построить единую непротиворечивую систему. В целом книга доказывает эффективность применения когнитивного подхода к описанию предложно-падежной семантики и за пределами синхронного описания русского языка: в контексте его исторического развития, отчасти языковых контактов и сопоставления с другими языками.

Выбор когнитивного подхода определяет композицию книги: отталкиваясь в своем анализе от пространственных значений предлогов, М. Калюга выбирает базовые пространственные параметры (горизонтальность, вертикальность, контейнер или ограниченную область и т. д.), и уже вокруг них группируются сочетания предлогов и падежных форм, значения которых подвергаются анализу. В качестве минимального контекста выбраны глагольно-именные сочетания, в составе которых являются и оцениваются метафорические и метонимические переходы.

В рецензируемой книге описаны пространственные и вторичные значения около 30 сочетаний первообразных предлогов с разными падежными формами. В исходных контекстах они обозначают локализацию (*напротив/против*+РОД, *у*+РОД, *о*+ВИН, *по*+ВИН, *с*+ВИН, *за*+ТВОР, *над*+ТВОР, *перед*+ТВОР, *под*+ТВОР, *с*+ТВОР, *в*+ПРЕДЛ, *на*+ПРЕДЛ, *по*+ПРЕДЛ и *при*+ПРЕДЛ), исходную точку (*из-за*+РОД, *из-под*+РОД, *из*+РОД, *от*+РОД, *с*+РОД) или конечную точку движения (*до*+РОД, *к*+ДАТ, *в*+ВИН, *за*+ВИН, *на*+ВИН, *под*+ВИН), характеризуют траекторию движения (*сквозь*+ВИН, *через*+ВИН, *по*+ДАТ, *о*+ПРЕДЛ). Причем в книге анализируются не только продуктивные в современном русском языке, но и архаичные конструкции, например: *по*+ПРЕДЛ, *с*+ВИН, *о*+ПРЕДЛ в пространственном значении. Если учесть, что каждому предлогу (или, как в случае с русским языком, каждому из предложно-падежных сочетаний) может быть посвящено отдельное развернутое исследование¹, то поставленные в книге задачи следует оценивать как смелые и весьма актуальные для теории языка и практики его преподавания.

¹ См. лишь часть работ о семантике конкретных русских предлогов: *над* [Пайар, Плунгян 2000], *сквозь*, *через*, *под* [Плунгян, Рахилина 1996; 2000; 2013], *за* [Shakhova, Tyler 2010], *на* [Селиверстова 2000; Kustova 2001] и др.

Анализ предложно-падежных групп строится в целом по единой схеме: сначала выявляются основные домены их пространственных значений, а затем объясняется связь каждого из исходных доменов с целевыми (вторичными). Так, выделяя в пространственном значении *в*+ПРЕДЛ домены контейнера, его границ, закрытости, автор последовательно показывает, что с представлением о контейнере связаны метафорические значения целостности (*в книге пять глав*), средства передачи информации (*выразить в словах*), круга интересов или знаний (*познания в медицинской области*), состояния (*в кризисе*), времени (*в марте*), суммы (*в сорока километрах от Киева*), с границами контейнера — значение затруднения (*в тесном положении*), с закрытостью ориентира — значение средства сокрытия (*спрятать страх в сердце*).

Большим преимуществом предпринятого исследования является обращение к фактам, отражающим историю языка. Это, с одной стороны, придало целостность и диахроническую глубину моделируемой системе семантических переходов, а с другой — позволило расширить границы материала за счет семантически непрозрачных с синхронной точки зрения конструкций, которые, казалось бы, совершенно не подходят для иллюстрации описанных переходов.

Так, объясняя выбор предлога в сочетании *позориться перед кем-/чем-либо*, автор обращает внимание на этимологию глагола и напоминает, что *позърѣти* выражало значение ‘смотреть’, а однокоренное существительное *позор* в древнерусском языке обозначало ‘зрелище’ (с. 32). Соответственно, здесь имел место переход от домена открытости к домену адресата, продуктивный для сочетания *перед*+ТВОР и в современном русском языке (ср.: *выступать перед зрителями*).

В настоящее время не менее продуктивным является семантический переход от значения конечной точки движения к значению цели какой-либо деятельности, который выражается *в*+ВИН или *к*+ДАТ: *войти в здание* → *купить в подарок, подойти к полю* → *подготовиться к экзамену*. Но в древнерусском языке приближение к ориентиру могло выражать и сочетание *по*+ВИН (*Привели наверх врага по конец Якимовы деревни*) — см. с. 254; оно же метафорически обозначало цель (*ехать по дрова, идти по грибы*) — см. с. 256. Поскольку *по*+ВИН утратило значение конечной точки движения, подобные конструкции с целевым значением, даже оставаясь понятными носителям русского языка, все же кажутся не только архаичными, «фольклорными», но и немотивированными. Между тем анализ выявляет, что такие конструкции связаны с семантическими переходами, аналогичными тем, которые сохраняют актуальность в современном русском языке.

В работе показано, что архаичные конструкции не только подтверждают действующие, но и помогают реконструировать уже утраченные русским языком метафорические модели. Так, автор отмечает, что свойственное *на*+ПРЕДЛ пространственное значение, когда траектор прикреплен к ориентиру и поддерживается им (*длинный ключ на кольце*), в древнерусском языке развивало значение причины (*бог тебе платит на добром слове*). В современном русском языке такой переход уже не работает, но о нем напоминает идиоматичное выражение *спасибо на добром слове* (с. 151–152). И наоборот: с привлечением исторических данных восстанавливаются связи современных предложно-падежных групп, семантически уже далеких от каких-либо пространственных параметров, с их исходными пространственными значениями. Ярким примером этого можно считать сочетание *о*+ПРЕДЛ (*говорить о погоде*), которое в современном русском языке выражает объектное значение в широком смысле [Кустова 2016] и тем самым противопоставляется ло-

кативным *в*+ПРЕДЛ, *на*+ПРЕДЛ, *при*+ПРЕДЛ и второму предложному падежу. Тем не менее в древнерусском языке *о*+ПРЕДЛ обозначало круговую траекторию (*обившася о шии юго*) (с. 205), впоследствии это значение утратилось, но именно оно лежит в основе современного значения области мысли, речи, переживаний (с. 216–217).

Одновременно диахронический анализ выявляет перестройку внутри микросистем: приведем два примера из книги. Так, выбор предлогов *в* и *на* при названиях инструментов зависит от их свойств: *на терке* (акцентируется функциональность плоскости) / *в микроскоп* (функциональность трубки, т. е. контейнера). Но для музыкальных инструментов эта дифференциация ослабевает. Сейчас мы говорим: *играть на гитаре, на саксофоне, на рожке*, тогда как еще в XIX в. говорили и так: *играть в рожок* (с. 190–192). Получается, что внутри группы названий инструментов на одном ее участке (по-видимому, консервативном) еще сохраняется противопоставление в зависимости от типа функциональной части того или иного инструмента, а на другом (более динамично изменяющемся) — оно уже «размывается».

Второй пример связан с конструкцией *по*+ПРЕДЛ, которая в древнерусском языке выражала расположение за ориентиром (*баху по Иоанъ* = ‘находился за/сзади Иоанна’), а также переосмыслилась как причинная при обозначении состояния тоски и стремления за желаемым, но недоступным, ср. здесь метафору MISSING AS FOLLOWING. Эта же метафора лежала в основе предложных сочетаний типа *за*+ТВОР, ср.: *Иван Иванович... часто тужил и скучал за наследником*, зафиксированных, в частности, в текстах XIX в. (с. 21, 44). Как известно, вместо *по*+ПРЕДЛ теперь используется *по*+ДАТ: *грустить по мужу, тосковать по родине* (о смене моделей управления предлога *по* см. также [Муравенко 2014]). Вероятно, сдвиг в сторону ДАТ, а не ВИН произошел не случайно: в русском языке именно падежи отвечают за статическую или динамическую интерпретацию ориентира. Между тем, как мы только что говорили, обсуждая *по дрова* и *по грибы*, тогда конструкция *по*+ВИН выражала динамическое приближение к ориентиру (с. 254) — соответственно, выбор ВИН противоречил бы статичности состояния тоски. В то же время ДАТ мог закрепиться и по формальным причинам: флексии ПРЕДЛ и ДАТ совпадают у существительных 1-го и 3-го типов склонения (ср. *тосковать по родине*).

В контексте истории семантических переходов представляют интерес синтаксические кальки, закрепившиеся в русском языке, — это интереснейший пласт фактов и явлений, пока крайне слабо освоенный в русистике. В работе упоминаются *оставить за собой, закрепить имение за собственной дочерью*, которые связываются с латинскими глаголами *retinere* ‘сдерживать, удерживать, задерживать’ (от *re-* ‘обратно/снова’ + *tenere* ‘держат’), *reservare* ‘сохранить; удерживать’ (из *re-* ‘обратно/снова’ + *servare* ‘удерживать, сохранить, сберечь, защитить’) — см. с. 50; *концентрироваться/сосредоточиться на ком/чем-либо* (фр. *concentrer*) *настаивать на чем-либо* (фр. *insister*) — см. с. 152–153; *зависеть от кого/чего-либо* (нем. *abhängen*) — см. с. 239 и некоторые другие.

Появление калек объясняется уже не внутренними законами русского языка, а влиянием других языков, однако их закрепление в русском языке в большой степени обусловлено универсальностью метафорических моделей, сглаживающей иноязычное происхождение таких выражений и стимулирующей их органично включаться в русскую систему. Например, выражение *влиять на кого/что-либо* признается калькой с французского (с. 158, а также с. 85), однако метафора

INFLUENCING IS PRESSING проявляется и в других семантически близких конструкциях: *действовать/воздействовать на кого/что-либо*.

Подчинение универсальным метафорическим моделям автор находит и при сопоставлении материала русского языка с фактами других языков (чаще всего английского). В частности, так же, как и *in* в английском, *в*+ПРЕДЛ используется для метафорического обозначения эмоциональных состояний. Но полного совпадения в реализации одной и той же метафоры в двух языках нет: в отличие от английского, где таким образом обозначаются преимущественно негативные состояния (*in fear, in anger, in distress, in terror*, со ссылкой на [Radden 1998: 276]), в русском языке спектр названий эмоциональных состояний шире: *в ужасе, в панике, в восторге, в удивлении*. При этом М. Калюга отмечает интенсивность положительных эмоций, выражаемых русской конструкцией *в*+ПРЕДЛ, и связанные с ней ограничения, ср.: **быть в радости* (с. 115).

Стремление охватить в одной книге широкий и сложно устроенный фрагмент языковой системы (напомним, это около 30 предложно-падежных групп во всем многообразии их пространственных и непространственных значений) не могло не проявиться в виде неучтенных факторов и фактов, описанных с разной степенью глубины. Обозначим здесь некоторые системные трудности, с которыми сталкиваются и автор, и читатели.

1) Тщательно описывая переходы от исходных доменов к целевым, автор, однако, практически не уделяет внимания семантическим различиям между предложно-падежными группами, совершающими одинаковые семантические переходы. Ср. уже упомянутые *за*+ТВОР и *по*+ПРЕДЛ, которые имеют одно и то же исходное значение — следование в пространстве — и ряд одинаковых вторичных значений (кроме причины, это еще и следование во времени: *за осенью следует зима, уехать по полуночи*) — см. с. 41–42. К сожалению, в книге нет объяснения, какие семантические особенности отличали эти конструкции в метафорических контекстах. Так же без детализации семантики представлены предложные конструкции *из-под*+РОД и *под*+ВИН, имеющие разные исходные (отправная / конечная точка движения), но общий целевой домен (функция): *банка из-под варенья, бутылка под молоко* (с. 93, 97), хотя здесь даже по этим примерам противопоставление очевидно: *из-под*+РОД выражает уже выполненную функцию, а *под*+ВИН — потенциальную готовность к ней.

2) В Главе 6 уделяется большое внимание метонимическим переходам, в частности, потому, что они объясняют варьирование выбора предлогов. Так, отмечаются разнообразные проявления метонимического переноса с части на целое: *возвратиться в суд* (= ‘в здание’) *после обеда*, но *быть на суде* (= ‘событие’) (с. 188–189). Ориентир *река* концептуализируется не только как контейнер или его поверхность (*утонуть в реке* и *плыть по реке*), но и — метонимически — как берег реки и примыкающее к реке пространство: *город на реке* = ‘город на берегу реки’ (с. 196). Вместе с тем не все предложенные в книге интерпретации метонимии одинаково убедительны. Анализируя контексты *работать над романом, рыдать над ним*, автор отмечает зафиксированную в них смежность типичной позы и состояния (с. 86). В серию примеров была включена и конструкция *находиться под наблюдением*, которая, как кажется, требует иной интерпретации. Метонимической трактовке препятствует не только абстрактность ситуации «изучения», но и представление о подчиненном состоянии наблюдаемого и потенциальной возможности влияния наблюдающего — а это уже модели метафор, в том числе описанные и в рецензируемой книге.

3) Автор не всегда последователен и не всегда сохраняет верность выбранной им же самим схеме. Так, в вводной части утверждается, что в качестве исходных выбираются пространственные параметры, но при этом неоднократно допускаются отклонения от этой установки: в Главе 5 (о сочетаниях *на+ПРЕДЛ*, *на+ВИН*, *с+РОД*) приоритет отдается ‘давлению’ и ‘поддержке’, а не ‘плоскости’, как можно было бы ожидать; в Главе 8 (о конструкции *с+ТВОР* с исходным значением соположения) развитие всех вторичных значений связывается с ролью контрагента-соучастника; в названии Главы 9 не указано пространственное значение, объединяющее *до+РОД* и *по+ВИН*, — лишь в самой главе объясняется, что первое сочетание выражает конечную точку движения, расположенную вблизи ориентира или его границ (*до дома*, *до города*), а второе — местоположение вдоль границ ориентира (*сапоги по колено*).

4) Некоторые оценки автора об архаичности / актуальности конструкций кажутся довольно спорными. В частности, *из+РОД* и *от+РОД* со значением временной точки отсчета признаются устаревшими. Но, если *из утра*, *из ночи* (с. 142) — действительно устаревшие выражения, то другие временные конструкции (*из будущего / прошлого*), а также «интервальные» конструкции (*от января до апреля*, *от понедельника до пятницы*) таковыми не являются. Кроме того, для *с+РОД* значение времени отдельно вообще не указывается — обозначено только значение исходной точки измерения и счета (с. 177). Наоборот, временная конструкция *в+ВИН* (ср. *добежать в минуту*, *выздороветь в неделю*) заметно уступает конструкции *за+ВИН* по своей распространенности в современном русском языке, которая тем не менее не отмечается как архаичная (с. 140–141).

В заключение отметим, что ценность рецензируемой работы в том, что она представляет каталог семантических переходов, охватывающий весьма обширный инвентарь предложно-падежных групп русского языка, в том числе и тех, которые функционировали на ранних этапах его истории. Некоторые фрагменты книги дополняют уже имеющиеся описания русских предложных конструкций важными деталями, новыми аргументами и наблюдениями. Одновременно — и с учетом того, что далеко не все предложно-падежные группы на данный момент получили обстоятельное лингвистическое описание, — эта книга, опирающаяся на предшествующие работы о предложно-падежной семантике, в свою очередь, может послужить стимулом для новых исследований в этой области.

Л и т е р а т у р а

Кустова 2016 — Г. И. Кустова. Предложный падеж // Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики (<http://rusgram.ru>). На правах рукописи. М., 2016.

Муравенко 2014 — Е. В. Муравенко. Изменение управления предлога *по* в русском языке // *Acta Linguistica Petropolitana*. 2014. Т. X. Ч. 2. С. 643–672.

Пайар, Плунгян 2000 — Д. Пайар, В. А. Плунгян. Предлог *над*: Факты и интерпретации // Исследования по семантике предлогов / Ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 83–114.

Плунгян, Рахилина 1996 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. Полисемия служебных слов: предлоги через и сквозь // *Русистика сегодня*. 1996. № 3. С. 1–17.

Плунгян, Рахилина 2000 — В. А. Плунгян, Е. В. Рахилина. По поводу «локалистской» концепции значения: Предлог *под* // Исследования по семантике предлогов / ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 115–133.

Рахилина, Плунгян 2013 — Е. В. Рахилина, В. А. Плунгян. Временные значения русских предлогов: границы метафоризации // Русский язык в научном освещении. 2013. № 1 (25). С. 5–20.

Селиверстова 2000 — О. Н. Селиверстова. Семантическая структура предлога *на* // Исследования по семантике предлогов / Ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 189–242.

Филипенко 2000 — М. В. Филипенко. Проблемы описания предлогов в современных лингвистических теориях: (Обзор) // Исследования по семантике предлогов / Ред. Д. Пайар, О. Н. Селиверстова. М.: Русские словари, 2000. С. 12–54.

Шматова 2010 — Н. В. Шматова. Типологическое описание семантики пространственных предлогов *в* и *на* на материале русского и скандинавских языков. Дис. ... канд. филол. наук. М.: ИЯ РАН, 2010.

Kustova 2001 — G. Kustova. Semantic networks and semantic processes: The case of the Russian preposition *na*. Glossos 1. 2001. URL: https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/kustova.original.pdf.

Radden 1998 — G. Radden. The conceptualisation of emotional causality by means of prepositional phrases // Speaking of emotions: Conceptualisation and expression / A. Athanasiadou, E. Tabakowska (eds.). Berlin, New York: Mouton de Gruyter, 1998. P. 273–294.

Shakhova, Tyler 2010 — D. Shakhova, A. Tyler. Taking the principled polysemy model of spatial particles beyond English: The case of Russian *za* // Language, Cognition and Space / V. Evans, P. Chilton (eds.). London: Equinox, 2010. P. 267–292.

Е. В. Рахилина

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
(Москва, Россия)
rakhilina@gmail.com

А. К. Казкенова

Евразийский технологический университет
(Алматы, Казахстан)
aimgul.kazkenova@mail.ru

**[Review of:] *M. Kalyuga. Russian Prepositional Phrases:
A Cognitive Linguistic Approach.* —
Springer Nature Singapore Pte Ltd, 2020. — 313 p.**

References

Filipenko, M. V. (2000). Problemy opisaniia predlogov v sovremennykh lingvisticheskikh teoriakh (Obzor). In D. Paillard, O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 12–54). Moscow: Russkie slovari.

Kustova, G. (2001). Semantic networks and semantic processes: The case of the Russian preposition *na*. *Glossos*, 1. Retrieved from https://slaviccenters.duke.edu/sites/slaviccenters.duke.edu/files/media_items_files/kustova.original.pdf

- Muravenko, E. V. (2014). *Izmenenie upravleniia predloga po v russkom yazyke*. *Acta Linguistica Petropolitana*, 11(2), 643–672.
- Paillard, D., & Plungian, V. A. (2000). *Predlog nad*. In D. Paillard, O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 83–114). Moscow: Russkie slovari.
- Plungian, V. A., & Rakhilina, E. V. (1996). Polisemiia sluzhebnykh slov: predlogi *cherez i skvoz'*. *Rusistika segodnia*, 3, 1–17.
- Plungian, V. A., & Rakhilina, E. V. (2000). Po povodu «lokalistskoi» kontseptsii znachenii: *Predlog pod*. In D. Paillard, O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 115–133). Moscow: Russkie slovari.
- Radden, G. (1998). The conceptualisation of emotional causality by means of prepositional phrases. In A. Athanasiadou, & E. Tabakowska (Eds.), *Speaking of emotions: Conceptualisation and expression* (pp. 273–294). Berlin; New York: Mouton de Gruyter.
- Rakhilina, E. V., & Plungian, V. A. (2013). Vremennye znacheniiia russkikh predlogov: granitsy metaforizatsii. *Russkij jazyk v nauchnom osveshchenii*, 1(25), 5–20.
- Seliverstova, O. N. (2000). Semanticheskaia struktura predloga *na*. In D. Paillard, O. N. Seliverstova (Eds.), *Issledovaniia po semantike predlogov* (pp. 189–242). Moscow: Russkie slovari.
- Shakhova D., & Tyler A. (2010). Taking the principled polysemy model of spatial particles beyond English: The case of Russian *za*. In V. Evans, & P. Chilton (Eds.), *Language, Cognition and Space* (pp. 267–292). London: Equinox.
- Shmatova, N. V. (2010). *Tipologicheskoe opisanie semantiki prostranstvennykh predlogov v i na na materiale russkogo i skandinavskikh yazykov* (Doctoral dissertation). Moscow: IIA RAN, 2010.

Ekaterina V. Rakhilina

National Research University Higher School of Economics
V. V. Vinogradov Russian Language Institute of the Russian Academy of Sciences
(Moscow, Russia)
rakhilina@gmail.com

Aimgul K. Kazkenova

Eurasian Technological University
(Almaty, Kazakhstan)
aimgul.kazkenova@mail.ru

С. А. Мызников. Русские говоры Беломорья в контексте этноязыкового взаимодействия. Опыт комплексного исследования. — М.; СПб.: Нестор-История, 2021. — 909 с.

Огромная, большого формата новая книга С. А. Мызникова¹ основана главным образом на обширных лексических материалах, собранных автором в Карелии, Мурманской и Архангельской областях. Часть этих материалов издана С. А. Мызниковым ранее на правах предварительной публикации².

Большую часть новой книги (с. 36–567) занимают Словарь лексики говоров на указанных территориях, а также довольно объемный раздел «Записи диалектной речи» (с. 568–737). Этим обширным данным предпосылается глава «От автора», содержащая сведения об истории создания книги и особенностях сбора и паспортизации содержащегося в ней материала. Далее следует «Введение», включающее «Историко-географический очерк» описания территорий, прилегающих к Белому морю, с 6 географическими картами, а также главы «Беломорье в XX в. Административно-территориальное деление», «Исследования и исследователи Беломорья», «Лексикография и лингвогеография Беломорья» с 4 картами и, наконец, «Исследование топонимики Беломорья».

Словарь как таковой предваряется вторым «Введением», содержащим сведения о дополнительных (помимо полевых авторских записей) источниках Словаря, и главками, посвященными его составу и структуре, сведениям о грамматической и семантической характеристиках лексики, географических и иных пометах, текстуральных иллюстрациях к словам. Дается список обследованных для книги населенных пунктов Беломорья.

За Словарем идет глава «Характерные черты русских говоров Беломорья» с разделами, посвященными особенностям фонетики, именной и глагольной морфологии, синтаксиса. Говорится, в частности, о связанных с прибалтийско-финским влиянием падежных значениях партитива, иллатива, элатива; о специфическом употреблении предлогов, постпозитивных частицах, именительном прямого дополнения (*ночка ночевать*), именительном предиката (*не пей, козенок будешь*). Далее следуют главы «Этноязыковое взаимодействие в Беломорье» (главным образом о лексической интерференции, явлениях калькирования, заимствованиях), «Прибалтийско-финские и севернорусские этноязыковые контакты» (языковые последствия чересполосного обитания русских и карел), «Карельский субстрат в Поонежье» (субстрат имеется, но довольно поздний).

Три главы посвящены разным аспектам интерференции саамского и русского языков: «Саамско-русское этноязыковое взаимодействие» (фонетика, субстратно-адстратные отношения, саамизмы в русской диалектной и литературной лексике), «Саамская лексика в русском этнографическом контексте» и «Саамизмы в русско-

¹ Всего три года назад опубликован тысячестраничный труд С. А. Мызникова «Русский диалектный этимологический словарь. Лексика контактных регионов» (М.; СПб., 2019).

² С. А. Мызников. Русские говоры Беломорья. Рабочие материалы. СПб., 2010.

язычном саамском фольклоре». Далее следуют главы, связанные с коми языком: «Воздействие на русские говоры коми (ижемского диалекта) языка» (объем и состав коми пласта в русской лексике), «Самодийско-коми-русские языковые контакты» («самодийский» в данном случае значит, собственно, «ненецкий»).

Не остались без внимания контакты русского и германских языков в Беломорье. Этим контактам посвящена глава «Английский, скандинавский языки и русские говоры Беломорья». За ней следуют «Новые лексические данные через призму этимологии», где для нескольких десятков неясных русско-беломорских слов даются объяснения (в том числе в виде предположений и догадок), преимущественно на основе прибалтийско-финского материала. Похожая тематика в следующей главе, где для русских слов предлагаются «Саамские этимологии». Противоположное направление межязыкового взаимодействия рассматривается в главе «Русский язык в Беломорье: влияние на смежные языки», где говорится по преимуществу о русизмах в саамском.

Экскурс в сферу прагматики содержится в разделе «Хозяйственная деятельность в Беломорье и ее отражение в лексиконе. Лексика различных тематических групп в условиях языкового контакта», где можно найти изложенные с лингвистической точки зрения сведения о рыболовецком промысле, ловле сельди неводом, торосовом промысле, добыче морского червя для наживки и солеварении, беломорских ветрах и их названиях, деревянном строительстве и оленеводстве у разных народов в Беломорье. Ставится выходящая далеко за рамки русистики задача лингвогеографического изучения лексики языков народов, практикующих оленеводство.

«Заключение» новой книги С. А. Мызникова состоит из двух разделов: «Диалектная лексика в фольклорных текстах e contrario» (о специфике языка фольклора) и «Русские говоры Беломорья в общерусском и общеславянском контексте» — последний содержит характеристику говоров Беломорья как маргинального ареала восточного славянства, где соседствуют архаизмы праславянского происхождения и многочисленные заимствования, в связи с чем возникают сложные этимологические дилеммы и неясности.

Далее в книге излагаются обширные сведения об информантах, перечень зафиксированных в регионе фамилий, большой список литературы и источников и, наконец, богатые цветные фотоиллюстрации — в основном портреты некоторых информантов и исследователей говоров и топонимии Беломорья. Завершает книгу «Инверсионный индекс».

Статьи «Словаря беломорских говоров» С. А. Мызникова более или менее обычны для диалектных словарей. Новизна заключается не столько в их строении, сколько в количестве и лексическом наполнении. Уже по первым страницам нетрудно заметить наличие слов, отсутствующих или редких в других диалектных словарях, например *айхт* ‘амбар на столбах для защиты от грызунов’, *ацек* ‘лягушка’ (саамизмы). Часто встречается фразеологический материал. Довольно много статей большого объема (до двух страниц крупного формата) — например **бёрег**, **ва́рака** ‘гора’, **о́зеро**, **река́**. Объем таких статей может быть обусловлен включением не только собственно лексических и фразеологических данных (как, например, в статьях о предлогах **в** и **под**), но также данных гидро- и топонимических (с указанием локализации): *Абрамовский берег*, *Зимний берег*, *Белое озеро*, *Верховское озеро*, *Немое озеро* и т. п. В тех же статьях встречаются отдельные разделы, посвященные топоосновам в роли второй части композитов: *Коштоварака*,

Андозеро, Белозеро, Выг-река и т. п. Есть статьи, посвященные гидронимам и/или топонимам как таковым, вроде **Вързуга** (название села на Терском берегу).

Отражая особенности диалектной речи, представленные в книге тексты дают также обширный материал по истории, этнографии и фольклору Беломорья, собранный у непосредственных участников исторических событий и хозяйственной деятельности в регионе.

**[Review of:] S. A. Myznikov. Russian Dialects of Belomorye
in the Context of Ethno-linguistic interaction: A Comprehensive Study. —
Moscow; St.-Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. — 909 p.**

А. Е. Аникин

Институт филологии
Сибирского отделения РАН,
Институт русского языка
им. В. В. Виноградова РАН
(Новосибирск, Россия)
alexandr_anikin@mail.ru

Получено 16.02.2022

Aleksander E. Anikin

Institute of Philology, Siberian Branch
of the Russian Academy of Sciences,
Vinogradov Russian Language Insti-
tute, Russian Academy of Sciences
(Novosibirsk, Russia)
alexandr_anikin@mail.ru

Received February 16, 2022

Адреса университетов и институтов Addresses of universities and institutes

Варминско-Мазурский университет в Ольштыне
ул. Михаила Очаповского, 2, 10-719 Ольштын, Польша
University of Warmia and Mazury in Olsztyn
Michała Oczapowskiego 2, 10-719 Olsztyn, Poland

Гейдельбергский университет
Грабенгассе, 1, 69117 Гейдельберг, Германия
Heidelberg University
Grabengasse 1, 69117 Heidelberg, Germany

Евразийский технологический университет
Төле би 109, Алматы 050000, Казахстан
Eurasian Technological University
Almaty, Tole bi str., 109B, Kazakhstan

Институт востоковедения РАН
107031, Москва, Рождественка 12
Institute of Oriental Studies, RAS
12 Rozhdestvenka, Moscow, 107031, Russia

Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН
127051, Москва, Большой Каретный переулок, д. 19, стр. 1
Institute for Information Transmission Problems, Russian Academy of Sciences
19 Bolshoy Karetny per., build. 1, Moscow 127051, Russia

Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН
119019, Москва, Волхонка 18/2
Vinogradov Institute of Russian Language, Russian Academy of Sciences
18/2 Volkhonka, Moscow 119019, Russia

Институт славяноведения РАН
Москва, 119991, Ленинский проспект 32-А
Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences
32-A Leninsky Prospekt, Moscow, 119991, Russia

Институт филологии Сибирского отделения РАН
630090, Новосибирск, ул. Николаева 8
Institute of Philology, Siberian Branch of Russian Academy of Sciences
8 Nikolaeva, Novosibirsk, 630090, Russia

Йенский университет имени Фридриха Шиллера
Фюрстенграбен 1, 07743 Йена, Германия
Friedrich Schiller University Jena
Fürstengraben 1, 07743 Jena, Germany

Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова
119991, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51
Lomonosov Moscow State University
1/51 Leninskiye gory, Moscow 119991, Russia

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
101000, Москва, ул. Мясницкая, 20
Higher School of Economics, National Research University
20 Myasnitskaya str., Moscow 101000, Russia

Российский государственный гуманитарный университет
125993, ГСП-3, Москва, Миусская площадь, д. 6
Russian State Humanitarian University
6 Miusskaya area, GSP-3, Moscow 125993, Russia

Университет Тромсё — Арктический Университет Норвегии
Хансине Хансен, 18, 9019 Тромсё, Норвегия
University of Tromsø — The Arctic University of Norway
18 Hansine Hansens veg, 9019 Tromsø, Norway

Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина
620000, Екатеринбург, пр. Ленина, д. 51
Ural Federal University
51 Lenin ave., Ekaterinburg, 620000, Russia

Школа актуальных гуманитарных исследований Института общественных наук РАНХиГС
119571, Москва, пр-т Вернадского, 82, стр. 9
Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
82 Vernadsky av., build. 9, Moscow 119606, Russia

Школа № 1514 г. Москвы
119311, Москва, ул. Крупской, 12
School 1514, Moscow
12 Krupskoy str., Moscow 119311, Russia

ПРАВИЛА ПОДАЧИ СТАТЕЙ

1. Для публикации в журнале принимаются статьи на русском, английском и немецком языках, соответствующие научному профилю журнала и не публиковавшиеся ранее в других изданиях.
2. Материалы для публикации отбираются на основе независимого рецензирования и решения редколлегии журнала. Рецензии направляются авторам для ознакомления и учета замечаний рецензентов.
3. Все публикации для авторов бесплатны.
4. Спустя год после выхода из печати каждого номера журнала он в полном объеме публикуется на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).
5. Рукопись предоставляется автором в электронном виде по адресу russyaz@yandex.ru (и по запросу — в печатном виде). Если в статье используются нестандартные шрифты, их также следует прислать.
6. В сопроводительном письме должны быть указаны сведения об авторе: ФИО полностью, страна, город, телефон, электронный адрес. Редакция журнала рассылает авторские экземпляры оттисков в формате PDF только по электронной почте.
7. Непринятые рукописи не возвращаются.
8. Рецензии должны присылаться в редакцию вместе с экземпляром рецензируемой книги (по просьбе автора рецензии книга ему возвращается).

Основные правила оформления текста статьи

1. Текст статьи должен быть предоставлен в формате Microsoft Word for Windows.
2. Заголовок статьи, инициалы и фамилия автора, место работы, резюме (до 10 строк) и ключевые слова в статьях, принятых к печати, приводятся на русском и английском языках.
3. Все лингвистические примеры внутри текста приводятся курсивом (слово *продажа*; суффикс *-ик* и т. п.). Примеры, выделенные в отдельный абзац, даются прямым шрифтом.
4. В хроникальных заметках о научных конференциях фамилии участников набираются полужирным шрифтом. После фамилий в круглых скобках указывается город для русских участников и город и страна для зарубежных участников конференции: **И. И. Иванов** (Москва), **Дж. Смит** (Лондон, Великобритания).
5. В тексте статьи ссылки на работы заключаются в квадратные скобки, после года выпуска ставится двоеточие и указываются страницы: [Иванов 2012: 45–58] или [Иванов 2012: 45–58; Новикова 1999: 354]. При перечислении нескольких работ одного автора его фамилия не повторяется, годы выпуска указываются через точку с запятой: [Иванов 2000: 34–38; 2012: 78–81]. Если даются ссылки на несколько работ одного автора за один и тот же год, нужно использовать буквенные сокращения: [Иванов 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. Если работа коллективная, указывается первое имя с добавлением «и др.», в иноязычных ссылках — «et al.»: [Иванов и др. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. Если имя автора является частью текста, используется следующая форма: «А. А. Иванов [2012: 45–58] утверждает, что...».

Основные правила оформления библиографии

1. Список цитируемой литературы и источников помещается в конце статьи и упорядочивается по алфавиту.
2. Источники, в частности словари, должны быть внесены в список литературы.
3. Список литературы оформляется по образцу вышедших номеров, доступных на сайте www.ruslang.ru (в разделе «Издания»).

NOTES FOR CONTRIBUTORS

1. Manuscripts submitted to *Russian Language and linguistic theory* should be original contributions in Russian, English or German, relevant to the scope of the journal and should not have previously been published elsewhere.
2. Contributions for publication are screened in the process of peer review by independent referees and the final decision regarding publication lies with the Editorial Board. Referees' comments will be sent to authors, who will be expected to return corrections to the Editor by e-mail.
3. All publications are free of charge to authors.
4. The issues are published in full on the website www.ruslang.ru (see "Publications") one year after the publication.
5. Manuscripts should be submitted by email sent to rusyaz@yandex.ru (and also by post on request). All custom fonts used in the manuscripts should be sent by email.
6. The cover letter must include the following information about the author: full author's name, full postal mailing address, email address. All authors of full-length articles and reviews will receive the offprint in PDF format by email and one copy of the issue in which their contribution appears.
7. Rejected manuscripts will not be returned.
8. Book reviews should be sent to the Editorial Secretary together with the reviewed book (the book will be returned on author's request).

Main format rules for articles and reports

1. Contributions must be submitted in the format of Microsoft Word for Windows.
2. The first page should include the title, author's surname and initials, institutional affiliation, abstract of the article (up to 10 lines) and keywords in both Russian and English.
3. All phrases, words, affixes, letters etc. used as linguistic examples within the body of the text must be italicized (the word *prodazha*; the suffix *-ik* etc.) All examples presented in a separate paragraph must be in regular font.
4. In reports on academic conferences, names of the participants should be in bold, followed by city (for Russian participants), or city and country (for foreign participants), given in parentheses in regular font: **I. I. Ivanov** (Moscow), **J. Smith** (London, Great Britain).
5. References should be given in square brackets, designating the name of the author, year of publication, and, where relevant, after the colon, the page(s) referred to: [Ivanov 2012: 45–58], using semi-colons to separate different authors: [Ivanov 2012: 45–58; Novikova 1999: 354]. In the case of multiple references by the same author(s), the name(s) should not be repeated and the years should be listed, using semi-colons to separate different publications: [Ivanov 2000: 34–38; 2012: 78–81]. When several works by one author for the same year are referred to, lower-case letters ("a", "b", etc.) should be placed immediately after the year: [Ivanov 2012a: 45–58; 2012b: 12–15]. When a work written by two or more authors is referred to, first name should be given followed by «et al.»: [Ivanov et al. 2003: 17; Croft et al. 2012: 57]. If the reference name naturally forms part of a sentence, use the form: "A. A. Ivanov [2012: 45–58] maintained that..."

Main format rules for references

1. All works referred to must be listed at the end of the article in alphabetical order.
2. All sources of citations including dictionaries and lexicons must be added to the reference list.
3. The list of referred works should be formatted according to the published issues of the journal available on the site www.ruslang.ru (see "Publications").

Научный журнал

Русский язык в научном освещении
№ 1. 2022

Основан в январе 2001 года
Выходит два раза в год

Адрес редакции:

119019, Москва, ул. Волхонка 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН,
Редакция журнала «Русский язык в научном освещении».
Тел.: (495) 637-79-92, факс: (495) 695-26-03, e-mail: rusyaz@yandex.ru

Зав. редакцией *М. С. Мушинская*
Редактор номера *Е. И. Державина*
Корректор *М. Л. Максимова*
Оригинал-макет подготовлен *В. Ю. Гусевым*

Подписано в печать 04.07.2022. Формат 70 × 100 ¹/₁₆
Бумага офсетная № 1, печать офсетная
Усл. п. л. 23,4. Заказ № 2793

Отпечатано с готового оригинал-макета
в типографии издательства «Нестор-История»
Тел. (812) 235-15-86

По вопросам приобретения книг издательства «Нестор-История»
звоните по тел. +7 960 243 32 82

